

ФРАНС ДЕ ВААЛЪ НАША ВНУТРЕННЯЯ ОБЕЗЬЯНА

двойственная
природа человека

Книжные проекты
Дмитрия Зимина

АНО

АЛЬПИНА НОН-ФИКШН

Моей любимой Катрин

OUR INNER APE

A Leading Primatologist Explains
Why We Are Who We Are

FRANS DE WAAL

PHOTOGRAPHS BY THE AUTHOR

RIVERHEAD BOOKS
New York

ФРАНС ДЕ ВААЛЬ НАША ВНУТРЕННЯЯ ОБЕЗЬЯНА

двойственная
природа человека

С фотографиями автора

Перевод с английского

Книжные проекты
Дмитрия Зимина

АНО
АЛЬПИНА НОН-ФИКШН

Москва, 2021

УДК 572
ББК 28.71
В12

Переводчик Анна Олефир
Редактор Валентина Бологова, канд. биол. наук

Вааль де Ф.

В12 Наша внутренняя обезьяна: Двойственная природа человека / Франс де Вааль; Пер. с англ. — Альпина нон-фикшн, 2021. — 404 с. + 8 с. вкл.

ISBN 978-5-00139-380-1

Книга одного из известнейших приматологов мира Франса де Вааля посвящена эволюционным истокам человеческой натуры, ее двойственности и биологическим корням. Де Вааль рассматривает четыре ключевые стороны нашей природы — стремление к власти, потребность в сексе, склонность к актам насилия и проявлениям доброты — и на основании многолетних наблюдений за человекообразными обезьянами доказывает, что все это в полной мере характерно и для них. В своей работе он приводит аргументы в пользу представления о человеке как о социальном животном, «биполярной обезьяне», равно похожей на агрессивных, склонных к конкуренции шимпанзе и эмпатичных гедонистов-бонобо. Не игнорируя низменные стороны человеческой природы, де Вааль уделяет особое внимание ее положительным, нравственным проявлениям и тому, как две эти стороны сочетаются и дополняют друг друга, будучи одинаково важными для эволюции нашего вида и для выживания цивилизации в целом.

УДК 572
ББК 28.71

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети интернет и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу mylib@alpina.ru

ISBN 978-5-00139-380-1 (рус.)
ISBN 978-1594481963 (англ.)

© Frans de Waal, 2005
Photographs courtesy of Frans de Waal
© Издание на русском языке, перевод, оформление.
ООО «Альпина нон-фикшн», 2021

Книжные проекты
Дмитрия Зимина

Эта книга издана в рамках программы
«Книжные проекты Дмитрия Зимина»
и продолжает серию «Библиотека «Династия».

Дмитрий Борисович Зимин —
основатель компании «Вымпелком» (Beeline),
фонда некоммерческих программ «Династия»
и фонда «Московское время».

Программа «Книжные проекты Дмитрия Зимина»
объединяет три проекта,
хорошо знакомые читательской аудитории:
издание научно-популярных
переводных книг «Библиотека «Династия»,
издательское направление фонда «Московское время»
и премию в области русскоязычной
научно-популярной литературы «Просветитель».

Подробную информацию
о «Книжных проектах Дмитрия Зимина»
вы найдете на сайте
ziminbookprojects.ru.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Благодарности	9
1	НАШЕ ОБЕЗЬЯНЬЕ СЕМЕЙСТВО	11
2	ВЛАСТЬ Макиавелли в нашей крови	69
3	СЕКС Приматы-камасутристы	133
4	НАСИЛИЕ От войны к миру	195
5	ДОБРОТА Тела с нравственными чувствами	257
6	БИПОЛЯРНАЯ ОБЕЗЬЯНА В поисках баланса	327
	Библиография	363
	Об авторе	385
	Предметно-именной указатель	389

БЛАГОДАРНОСТИ

Своим появлением на свет эта книга обязана такому количеству приматов, как принадлежащих, так и не принадлежащих к роду людскому, что просто невозможно поблагодарить всех. Основная идея родилась из беседы с Дугом Абрамсом. В то время я размышлял над тем, как приложить мой опыт работы с приматами, которыми я занимался всю жизнь, к человеческому поведению, а Дуг полагал, что бонобо заслуживают куда большего внимания, чем получали до сих пор. Вместе взятые, эти две идеи и привели к появлению книги, в которой напрямую сравнивается поведение людей, шимпанзе и бонобо. «Наша внутренняя обезьяна» в значительно большей степени, чем мои предыдущие книги, рассматривает место нашего вида в природе.

Я высоко ценю замечания, комментарии и предложения по поводу этого текста, полученные от редактора издательства Riverhead Джейка Моррисси, а также Дуга Абрамса, Венди Карлтон и моей жены Катрин Марин. Выражаю

благодарность моему агенту Мишель Тесслер за то, что эта книга попала в такие хорошие руки.

В начале моей карьеры в Нидерландах я имел счастье пользоваться поддержкой своего научного руководителя, Яна ван Хоффа, и его брата — директора зоопарка Бюргерса в Арнеме, Антона ван Хоффа. Я благодарен Роберту Гюю, перетянувшему меня на эту сторону Атлантики. В Соединенных Штатах со мной работало так много сотрудников, лаборантов и студентов, что не буду называть их поименно, но я всем им очень обязан за помощь в исследованиях и открытии новых направлений в изысканиях. Наконец, я выражаю благодарность Александру Арриба, Мариетте Диндо, Майклу Хэммонду, Милтону Хэррису, Эрнсту Майру, Тосисаде Нисиде и Эми Пэриш за всевозможную помощь, а также Катрин за ее любовь и поддержку.

Можно вытащить обезьяну из джунглей, но джунгли из обезьяны — никогда.

Это относится и к нам, двуногим обезьянам. С тех пор как наши предки жили на деревьях, перепрыгивая с ветки на ветку, нас непреодолимо тянет к существованию в небольших группах. Нам не приедаются бьющие себя в грудь политики, звезды мыльных опер, заводящие одну любовную интрижку за другой, нам нравятся реалити-шоу, в которых участники или вылетают из проекта, или проходят в следующий тур. Можно было бы просто посмеяться над всем этим обезьяньим поведением, если бы не тот факт, что наши родственники-обезьяны относятся к борьбе за власть и секс так же серьезно, как и мы.

Однако у нас с ними гораздо больше общего, чем стремление к власти и сексу. Чувство общности и способность к сопереживанию, то есть эмпатия, в равной степени важны, но о них редко упоминают как о части нашего биологического наследия. Мы с куда большей готовностью виним

природу за те черты, которые нам в самих себе не нравятся, чем благодарим за те, которые ценим и уважаем. Вспомним известное высказывание Кэтрин Хепбёрн в фильме «Африканская королева»: «Природа, мистер Оллнат, — это то, над чем мы должны в этом мире возвыситься».

Такое представление во многом сохраняется у нас до сих пор. Среди миллионов страниц, написанных о человеческой природе за столетия, нет ничего более унылого — и ошибочного, — чем утверждения последних трех десятилетий. Мы слышим, что наши гены эгоистичны, что человеческая добродетель не более чем притворство и что мы поступаем нравственно только для того, чтобы произвести впечатление на окружающих. Но если люди заботятся лишь о собственном благе, то почему младенец, проживший на свете всего один день, плачет, слыша плач другого ребенка? С этого и начинается эмпатия. Возможно, этот пример не слишком мудреный, зато мы можем быть уверены, что новорожденный уж точно не пытается ни на кого произвести впечатление. Нам от рождения присущи побуждения, влекущие нас к другим существам и впоследствии заставляющие привязываться к ним и заботиться о них.

Свидетельством древности этих побуждений является поведение наших родственников-приматов. Поистине удивительны бонобо, малоизвестный вид обезьян, столь же близкий нам генетически, как и шимпанзе. Когда Куни, самка бонобо из зоопарка Твикросс в Великобритании, увидела, что о стеклянную стену ее вольера ударился скворец, она подошла помочь ему. Подобрав оглушенную птицу, Куни осторожно попыталась поставить ее на ноги. Скворец не пошевелился, и она легонько его подбросила, но бедняга едва трепыхал крыльями. Тогда, с птицей в руке,

Куни залезла на верхушку самого высокого дерева и обхватила ствол ногами, высвобождая руки, чтобы держать скворца. Она осторожно расправила ему крылья, взявшись за их кончики обеими руками, и только потом направила птицу, словно маленький игрушечный самолетик, в сторону стенки вольера. Но бедняге не хватило пространства, и он приземлился на краю рва. Куни спустилась и долго стояла, наблюдая за скворцом и защищая его от любопытного обезьяньего детеныша. К концу дня оправившаяся птица благополучно улетела.

То, как Куни обращалась с этим скворцом, разительно отличалось от того, что она сделала бы, помогая другой обезьяне. Она не следовала какому-либо жестко запрограммированному паттерну поведения, но, оказывая помощь, подстроила свои действия к конкретной ситуации животного, совершенно не похожего на нее саму. Должно быть, птицы, пролетающие мимо вольера, навели ее на мысль, какая помощь нужна в этом случае. О такой разновидности эмпатии у животных практически нет информации, поскольку она основывается на способности представить себе жизненную ситуацию другого существа. Адам Смит, основоположник экономической теории, вероятно, имел в виду поступки, подобные действиям Куни (совершаемые, правда, не обезьяной), когда более двух веков назад предложил нам самое долгоживущее определение сопереживания как «способность переноситься воображением на место страдающего»*.

Возможность того, что эмпатия является частью нашего обезьяньего наследия, должна была бы нас обрадовать, однако не в наших привычках признавать и принимать все

* Смит А. Теория нравственных чувств. — М.: Республика, 1997.

стороны собственной природы. Когда люди совершают геноцид, мы называем их «животными» или «зверями». Но когда кто-то помогает бедным, мы восхваляем его за «гуманность». Нам нравится приписывать второй из этих видов поведения только самим себе. Пока однажды человекообразная обезьяна не спасла представителя нашего вида, общественное сознание не допускало возможности существования гуманности у кого-либо помимо людей. Это произошло 16 августа 1996 г.: восьмилетняя самка гориллы по имени Бинти Джуга помогла трехлетнему мальчику, упавшему с высоты более 5 м в обезьяний вольер в Чикагском зоопарке Брукфилда. Бинти среагировала моментально — подобрала малыша и отнесла его в безопасное место. Она уселась на бревно возле ручья, держа ребенка на коленях, несколько раз ласково погладила его и отдала зрителям зоопарка. Этот простой акт сочувствия, заснятый на видео и разошедшийся по всему миру, тронул сердца многих людей, а Бинти прославили как героиню. Впервые в истории США обезьяна фигурировала в речах ведущих политиков, сделавших из нее образцовый пример сострадания.

Двуликий Янус человеческой природы

Тот факт, что поведение Бинти вызвало такое удивление у людей, многое говорит о том, как животные обычно изображаются в средствах массовой информации. На самом деле она не совершила ничего из ряда вон выходящего — или, по крайней мере, ничего, что человекообразная обезьяна не сделала бы для любого детеныша собственного вида. В то время как в современных документальных фильмах о природе центральное место занимают свирепые и кро-

вожадные твари (или отважные мужчины, повергающие их наземь), я считаю жизненно необходимым рассказать об истинной глубине и многообразии нашей связи с природой. Эта книга исследует восхитительные и пугающие параллели между поведением приматов и нашим собственным, уделяя равное внимание хорошему, плохому и отталкивающему.

Нам выпала счастливая возможность изучать двух близких родственников-приматов, причем различающихся как ночь и день. Одни — угрюмые и грубые на вид амбициозные типы, плохо контролирующие агрессию. Другие — эгалитаристы и любители беззаботной жизни. Все без исключения слышали о шимпанзе, они известны науке с XVII в. Их иерархическое и жестокое, вплоть до убийств, поведение породило распространенное в обществе представление о людях как «обезьянах-убийцах». Некоторые ученые говорят, что таково наше биологическое предназначение: захватывать власть, подавляя других, и вести непрерывные войны. Я был свидетелем достаточного количества кровавых стычек среди шимпанзе, чтобы согласиться с тем, что у них есть склонность к жестокости. Но мы не должны игнорировать других наших ближайших родственников — бонобо, открытых только в прошлом веке. Бонобо — орава беспечных весельчаков со здоровым сексуальным аппетитом. Миротлюбивые по натуре, они опровергают представление о том, что наша эволюционная ветвь сплошь кроваво-жадные убийцы.

Не что иное, как эмпатия, позволяет бонобо понимать нужды и желания других и помогать их удовлетворять. Когда двухлетняя дочь самки бонобо Линды захныкала перед матерью, надув губы, она демонстрировала свое жела-

ние, чтобы ее покормили грудным молоком. Но эта малышка росла в детском отделении зоопарка и была возвращена в группу уже после того, как у Линды закончилось молоко. Однако мать поняла ее и направилась к фонтанчику, чтобы набрать в рот воды. Потом она села перед дочерью и сложила губы трубочкой, чтобы малышка могла из них пить. Линда повторила свой поход к фонтанчику три раза, пока дочь не осталась довольна.

Мы восхищаемся таким поведением — и само по себе оно является примером эмпатии. Но та же самая способность понимать других делает возможным и умышленное причинение им вреда и боли. И сочувствие, и жестокость базируются на способности индивида представлять, как его собственное поведение влияет на других. Животные с небольшим мозгом, такие как акулы, без сомнения, могут вредить и причинять боль другим, но они делают это без малейшего понятия о том, что те могут чувствовать. А мозг человекообразных обезьян по размеру составляет треть от нашего, что делает его достаточно сложным для проявления жестокости со стороны его обладателей. Так же как мальчишки бросают камни в уток в пруду, человекообразные обезьяны иногда причиняют боль ради забавы. В одной игре лабораторные шимпанзе-подростки подманивали хлебными крошками кур, бродящих за забором. Каждый раз, когда доверчивые куры подходили, шимпанзе били их палкой или тыкали острым куском проволоки. Эту танталову игру — а куры оказались настолько глупы, чтобы ее продолжать (хотя для них это уж точно не было игрой), — шимпанзе придумали просто от скуки. Они отточили ее до такого уровня, что один приманивал кур, а другой бил.

Крупные высшие обезьяны (по-английски *apes*) настолько похожи на нас, что их так и называют «человекообразные». У нас, людей, есть два близких нам родственных вида с поразительно разным устройством сообществ, и это чрезвычайно познавательно и поучительно. Жадный до власти, свирепый шимпанзе является полной противоположностью миролюбивому эротоману-бонобо — это своего рода доктор Джекилл и мистер Хайд обезьяньего мира. Наша собственная натура — непростой и шаткий альянс этих двух сторон. К сожалению, темная сторона в нас слишком очевидна. Согласно подсчетам, только в XX в. 160 млн человек погибли в результате войн, геноцида и политических репрессий — и все это из-за человеческой способности к жестокости. Еще более ужасающими, чем эти невероятные числа, являются индивидуальные проявления человеческой жестокости, такие как чудовищное происшествие 1998 г. в небольшом тexasском городке, когда трое белых мужчин предложили 49-летнему чернокожему мужчине подвезти его до дома. Но вместо этого они увезли его на пустырь и избили, а затем привязали к своему грузовику и протащили несколько километров по асфальтовой дороге, оторвав при этом голову и правую руку.

Мы способны на такую дикость вопреки — или, возможно, именно *вследствие* — нашей способности представлять, что чувствуют другие. И в то же время, когда эта способность сочетается с позитивным отношением к людям, она побуждает нас посылать продукты голодающим, героически спасать абсолютно незнакомых людей (например, во время землетрясений и пожаров), плакать, когда кто-то рассказывает печальную историю, или присоединяться к поисковой партии, если пропадает соседский

ребенок. Обладая обеими этими сторонами, жестокой и сострадательной, мы уподобляемся двуликому Янусу: два наших лица смотрят в противоположные стороны. Это может настолько запутывать и обескураживать, что порой мы слишком упрощенно представляем, кто мы такие, объявляя себя «венцом творения» или воображая единственными истинными злодеями.

Почему бы не признать, что мы являемся и теми и другими? Эти два аспекта нашего вида соответствуют качествам наших ближайших ныне живущих родственников-обезьян. Шимпанзе так хорошо демонстрируют жестокую сторону человеческой натуры, что очень немногие ученые вообще пишут об их противоположной стороне. Но при этом мы крайне социальные существа, доверяющие друг другу и действительно нуждающиеся во взаимодействии с другими людьми, чтобы вести здоровую и счастливую жизнь. Самое суровое, после смерти, наказание для нас — одиночное заключение. Наши тела и умы не созданы для жизни в одиночестве. В отсутствие человеческого общества мы становимся безнадежно подавленными, наше здоровье ухудшается. В одном из недавних медицинских исследований здоровые добровольцы, подвергавшиеся воздействию холода и заражению вирусами гриппа, быстрее заболевали, если рядом с ними было меньше друзей и родных.

Эта необходимость во взаимосвязях женщинам понятна от природы. У млекопитающих родительскую заботу невозможно отделить от выкармливания молоком. На протяжении 180 млн лет эволюции млекопитающих самки, удовлетворявшие потребности своих детенышей, производили больше потомства, чем равнодушные и отстраненные. Нас, произошедших от длинной череды матерей, которые нянчи-

ли, кормили, мыли, носили, успокаивали и защищали своих детей, не должны удивлять гендерные различия в человеческой эмпатии. Они появляются задолго до социализации: первый признак эмпатии — когда младенец плачет, услышав плач другого ребенка, — более типичен для девочек, чем для мальчиков. И в дальнейшей жизни эмпатия остается более развитой у женщин, чем у мужчин. Нельзя сказать, что у мужчин эмпатии нет совсем или что они не нуждаются в связях с другими людьми, но они больше обращаются за этим к женщинам, чем к мужчинам. Длительные отношения с женщиной, такие как брак, — это наиболее эффективный способ для мужчины прибавить несколько лет к собственной жизни. Обратную сторону этой картины представляет аутизм — нарушение эмпатии, не дающее устанавливать связи с другими людьми, — и он в четыре раза чаще встречается у мужчин, чем у женщин.

Эмпаты-бонобо регулярно ставят себя на место других. В Центре лингвистических исследований Университета штата Джорджия в Атланте бонобо по имени Канзи научили общаться с людьми. Он стал знаменитостью, прославившись потрясающим пониманием устного английского языка. Осознавая, что некоторые из его собратьев-обезьян не обладают таким же навыком, Канзи при случае выступает в роли учителя. Однажды он сидел рядом со своей младшей сестрой Тамули, минимально знакомой с человеческой речью, когда приматолог Сью Сэвидж-Рамбо пыталась заставить Тамули ответить на простые устные просьбы; необученная бонобо на них не реагировала. Исследовательница обращалась к Тамули, но претворять смысл слов в действия начал Канзи. Когда Тамули попросили почесать Канзи, он взял руку сестры и положил себе на шею, зажав ее

между подбородком и грудью. В этой позе Канзи уставился в глаза Тамули (по интерпретации людей — вопросительно). Когда Канзи повторил этот жест, юная самка продолжала держать пальцы у него на груди, как будто недоумевая, что же ей делать.

Канзи превосходно различает, когда команды адресованы ему, а когда — другим. Он не собирался выполнять команду, предназначенную Тамули, а на самом деле пытался заставить ее понять, чего от нее хотят. Способность Канзи почувствовать, что сестра не понимает команды, и доброжелательность при ее обучении предполагают такой уровень эмпатии, какой можно найти, насколько нам известно, только у людей и человекообразных обезьян.

Что в имени?

В 1978 г. я впервые увидел бонобо вблизи в голландском зоопарке. Табличка на клетке определяла их как «карликовых шимпанзе» — подразумевалось, что они лишь уменьшенная версия своих более известных кузенов. Но ничто не может быть дальше от истины.

По физическим параметрам бонобо отличается от шимпанзе, как «Конкорд» от «Боинга-747». Даже шимпанзе вынуждены были бы признать, что у бонобо в облике больше стиля. Тело бонобо грациозно и элегантно, у него изящные руки пианиста и относительно небольшая голова. Лицо у бонобо более плоское и открытое, лоб выше, чем у шимпанзе. Само лицо черное, губы розовые, уши маленькие, а ноздри широкие. У самок есть груди — не настолько выдающиеся, как у представительниц нашего вида, но определенно первого размера, в отличие от плоскогрудых шим-

панзе. И завершает облик фирменная прическа бонобо: длинные черные волосы, аккуратно разделенные посередине пробором.

Самое значительное отличие между этими двумя видами — в пропорциях тела. У шимпанзе большие головы, толстые шеи и широкие плечи; они выглядят так, словно каждый день качаются в тренажерном зале. У бонобо внешность более интеллигентная: верхняя часть тела изящная, плечи узкие, шеи тонкие. Большая часть веса тела приходится на ноги, которые у них длиннее, чем у шимпанзе. В результате, когда те и другие ходят на четырех конечностях, опираясь на костяшки пальцев рук, у шимпанзе спина от мощных плеч уходит наклонно вниз, а у бонобо располагается практически горизонтально из-за удлинённых бедер. Когда бонобо стоит или идет в вертикальном положении, то, видимо, выпрямляет спину больше, чем шимпанзе, и из-за этого приобретает осанку, жутковато напоминающую человеческую. По этой причине бонобо сравнивают с «Люси» — нашим предком-австралопитеком.

Бонобо — одно из последних крупных млекопитающих, обнаруженных наукой. Открытие произошло в 1929 г., но не в обычной африканской среде обитания с ее буйной растительностью, а в колониальном музее* в городе Тервюрен (Бельгия), после внимательного осмотра небольшого черепа, который, как ранее считалось, принадлежал шимпанзе-подростку. Однако у неполовозрелых животных швы между костями черепа должны быть несросшимися — а у этого черепа они срослись. Придя к выводу, что череп, по-видимому, принадлежал взрослому шимпан-

* Ныне Королевский музей Центральной Африки. — *Прим. ред.*

зе с необычно маленькой головой, немецкий анатом Эрнст Шварц объявил, что нашел новый подвид. Вскоре анатомические различия посчитали достаточно значительными, чтобы повысить статус бонобо до совершенно нового вида: *Pan paniscus*.

Некий биолог, учившийся у Эрнста Шварца в Берлине, рассказал, что коллеги все время подшучивали над его учителем. Шварц не только заявил о существовании двух видов шимпанзе, но также утверждал, что существует три вида слонов, а всем тогда было известно, что первых — всего один вид, а вторых — только два. Обычно про «того самого Шварца» шутили, что он знает «все и еще немного». Как впоследствии оказалось, Шварц был прав. Недавно подтвердилось, что африканский лесной слон является отдельным видом, а Шварц теперь считается официальным первооткрывателем бонобо — за такую честь зоологи умереть готовы.

Родовое название бонобо, *Pan*, происходит от имени древнегреческого лесного бога с человеческим торсом и козлиными ногами, ушами и рогами. Игриво-сладолюбивый, Пан любит резвиться с нимфами, играя на пастушеской флейте (флейте Пана). Шимпанзе принадлежит к тому же роду. Видовое название бонобо *paniscus* означает «карликовый», «миниатюрный», в то время как видовое название шимпанзе — *trogloodytes*, «пещерный житель». То есть бонобо назван мелким козлоногим божком, а шимпанзе — пещерным козлоногим божком. Вот уж поистине курьезные эпитеты.

Слово «бонобо», вероятно, происходит от неправильно написанного на грузовом ящике названия «Болобо» — города на реке Конго (хотя я также слышал, что «бонобо»

значит «предок» на одном из вымерших языков банту). В любом случае слово звучит задорно и радостно, что прекрасно соответствует натуре этого животного. Приматологи в шутку используют его как глагол в высказываниях типа «пойдем сегодня побобоимся», смысл которых скоро станет ясен. Французы называют бообо «шимпанзе с Левого берега» — что вызывает в уме образы божественной жизни, — поскольку они живут на южном берегу текущей на запад реки Конго. Эта могучая, местами до десяти миль шириной, река надежно отделяет бообо от популяций шимпанзе и горилл на севере. Несмотря на предыдущее название «карликовые шимпанзе», бообо ненамного мельче шимпанзе. В среднем взрослый самец бообо весит около 45 кг, а самка — 35 кг.

Что больше всего поразило меня при наблюдении за первыми в моей жизни бообо, так это то, какими они казались чуткими и восприимчивыми. Также я обнаружил у них некоторые привычки, меня шокировавшие. Я стал свидетелем небольшой ссоры из-за картонной коробки, в процессе которой самец и самка бегали вокруг нее и колотили друг друга кулаками, пока внезапно драка не закончилась — и вот они уже занимаются любовью! Я-то изучал шимпанзе, которые никогда так легко не переключались с драки на секс. Тогда я подумал, что такое поведение этих бообо — аномалия или что я пропустил нечто, объясняющее столь внезапную смену настроения. Но оказалось, что подобные повадки абсолютно нормальны для этих «приматов-камасутристов».

Однако об этом я узнал гораздо позже, после того как начал работать с бообо в зоопарке Сан-Диего. Информация о диких бообо в течение многих лет потихоньку

просачивалась из Африки, что расширяло наши знания об этих загадочных родственниках человека. Бонобо — уроженцы относительно небольшой области, величиной примерно с Англию, в Демократической республике Конго (бывшем Заире), где они обитают в густых дождевых, часто заболоченных, лесах бассейна реки Конго. Когда бонобо выходят на прогалину, где полевые исследователи оставляют сахарный тростник, первыми появляются самцы. Они спешат набрать полные горсти стеблей, чтобы захватить свою долю, прежде чем явятся самки. Когда те приходят, их появление сопровождается бурным сексом всех со всеми и неизбежно заканчивается присвоением лучшей пищи старшими матриархами. То же самое верно и для групп бонобо, живущих в зоопарках, которыми я занимался: ими неизменно управляет старшая самка. Это удивительно, учитывая, что самцы и самки бонобо различаются по размерам примерно так же, как люди, и средний вес самки составляет всего 85% от среднего веса самца. Кроме того, у самцов бонобо есть острые клыки, а у самок — нет.

Так как же самкам удастся удерживать власть? Ответ — солидарность. Возьмем, например, Вернона, самца бонобо из зоопарка Сан-Диего: он правил небольшой группой, в которой была всего одна самка, Лоретта, его подружка во всех смыслах. Это был единственный раз, когда я видел, чтобы группой бонобо управлял самец. В то время я считал, что это нормально — в конце концов, доминирование самцов свойственно для большинства млекопитающих. Но Лоретта была относительно юной и притом единственной самкой. Как только к группе добавили вторую, баланс сил сместился.

Первое, что сделали при встрече Лоретта и вторая самка, — занялись сексом. Такой контакт специалисты называют генитально-генитальным (или ГГ-) трением, но я также слышал куда более колоритное название: «хока-хока». Одна самка обхватила другую руками и ногами — так детеныш бонобо цепляется за материнское брюхо. Оставаясь лицом к лицу, они прижались друг к другу вульвами и клиторами и принялись тереться в быстром ритме. На лицах самок расцвели широкие ухмылки, и они громко вскрикивали, оставляя мало возможностей для сомнений, известно ли человекообразным обезьянам сексуальное наслаждение.

Секс между Лореттой и ее новой подружкой становился все более частым, что ознаменовало окончание власти Вернона. Несколько месяцев спустя обычной картиной во время кормления стали самки, занимающиеся сексом, а потом вместе забирающие всю еду. Единственным способом для Вернона получить хоть какую-то пищу стали мольбы с протянутой рукой. Это также типично и для диких бонобо, где самки контролируют пищевые ресурсы.

По сравнению с шимпанзе, ориентированными на доминирование самцов, любвеобильные и мирные бонобо, среди которых главенствуют самки, позволяют взглянуть на предков человека под новым углом. Поведение бонобо едва ли соответствует широко распространенному образу наших прародителей как бородатых пещерных людей, волокущих своих женщин за волосы. Не то чтобы все было обязательно по-другому, но полезно прояснить, что мы на самом деле знаем об их образе жизни, а чего не знаем. Поведение не сохраняется в окаменелостях. Вот почему гипотезы о доисторическом периоде человечества зачастую осно-

вываются на том, что нам известно о других приматах. Их поведение очерчивает спектр возможного для наших предков поведения. И чем больше мы узнаем о бонобо, тем шире становится этот спектр.

Маменькины сынки

Не так давно я провел обычный день в зоопарке Сан-Диего с двумя старыми друзьями, Гейлом Фоландом и Майком Хэммондом: оба они ветераны в деле содержания и воспитания человекообразных обезьян. Эта работа подходит далеко не каждому. Невозможно заниматься высшими обезьянами со всеми их потребностями и реакциями, не задвигая тот же самый эмоциональный источник, каким мы пользуемся при общении с близкими нам представителями человеческого рода. Смотрителям, которые не воспринимают обезьян всерьез, никогда не удастся поладить с ними, а те, кто относится к ним слишком серьезно, попадут в паутину интриг, провокаций и эмоционального шантажа, пронизывающую любую группу человекообразных обезьян.

Выбрав участок подальше от посетителей, мы стояли, облокотившись на перила, над просторным, заросшим травой вольером. В воздухе чувствовался особый едкий запах горилл. С утра пораньше Гейл привел в этот вольер пятилетнюю самку по имени Азизи, которую сам вырастил. Азизи оказалась в группе с новым самцом, Полом Донном, здоровенным типом, который сейчас сидел, прислонившись к стене. Иногда он пробегал по вольеру, колотя себя в грудь, чтобы произвести впечатление на группу самок, которыми правил — или, по крайней мере, хотел бы править. Самки горилл, особенно старшие, с этим были не согласны: иногда

они собирались все вместе и гоняли Пола Донна по вольеру — чтобы «держать в узде», как говорит Гейл. Но в данный момент Пол Донн был спокоен, и мы видели, как Азизи придвигалась к нему все ближе и ближе. Самец делал вид, что не замечает этого, дипломатично рассматривая пальцы на собственных ногах и не глядя прямо на нервничающую девочку-гориллу. Всякий раз, придвигаясь чуть ближе, Азизи поднимала глаза на Гейла — своего приемного родителя. Она встречалась с ним взглядом — Гейл кивал и произносил что-нибудь вроде «давай, не бойся». Легко ему было так говорить! Пол Донн весил, пожалуй, раз в пять больше Азизи — и все это сплошные мускулы. Но Азизи неудержимо тянуло к нему.

Эти гориллы были известны своей смышленостью. Предполагается, что гориллы не используют орудия — в дикой природе они никогда этого не делают. Но три гориллы в зоопарке нашли новый способ добывать вкусные листья инжирных деревьев. Залезать на деревья им не давал провод под током, но они умудрялись обойти преграду: подобрали одну из множества валяющихся вокруг веток, гориллы вставали на задние ноги и засовывали ветку в листву дерева. Обычно ветка возвращалась вместе с некоторым количеством листьев. Как-то раз одна из самок разломала длинную палку на две части и использовала более подходящий кусок — это был важный шаг, поскольку он показал, что гориллы способны модифицировать свои орудия.

В тот день произошел инцидент все с той же проволокой под током. Эта сцена тут же захватила мое внимание. Старшая из местных самок научилась пролезать под проволокой, избегая удара током, и поедать траву, растущую за ограждением. Рядом с ней сидела новая самка, кото-

рую, по словам Гейла, совсем недавно первый раз ударило током. Для нее это был крайне неприятный опыт, она громко вопила и отчаянно трясла рукой. Новая самка подружилась со старшей и теперь сидела и наблюдала, как та совершает именно те действия, которые причинили ей самой такую боль. Едва увидев, что ее подруга лезет под проволоку, юная самка подскочила к ней, обняла, потянула, стараясь оттащить от электрического ограждения. Но старшая подруга и не думала уступать — вместо этого она продолжала протягивать руку под проволоку. Через некоторое время молодая самка отошла, крепко обхватила себя руками и стала пристально наблюдать за происходящим. Она как будто готовилась к удару, который, по ее представлению, непременно должна получить подруга, поистине «переносясь воображением на место страдающего».

Гориллы, как шимпанзе и бонобо, называются большими человекообразными обезьянами. Существует всего четыре вида больших человекообразных обезьян, четвертый — орангутан. Человекообразные обезьяны вообще — это крупные приматы, у которых нет хвоста. Оба признака определяют надсемейство, общее для людей и человекообразных обезьян, больших и малых (гиббоновых), называемое *Hominoidea* — *гоминоиды* — и отличное от *мартышкообразных*. Таким образом, человекообразных обезьян никогда не следует путать с другими обезьянами — мартышкообразными (нет лучшего способа оскорбить специалиста по гоминоидам, чем сказать, что вы обожаете его мартышек*); а «приматы» — это более широкое обозначение,

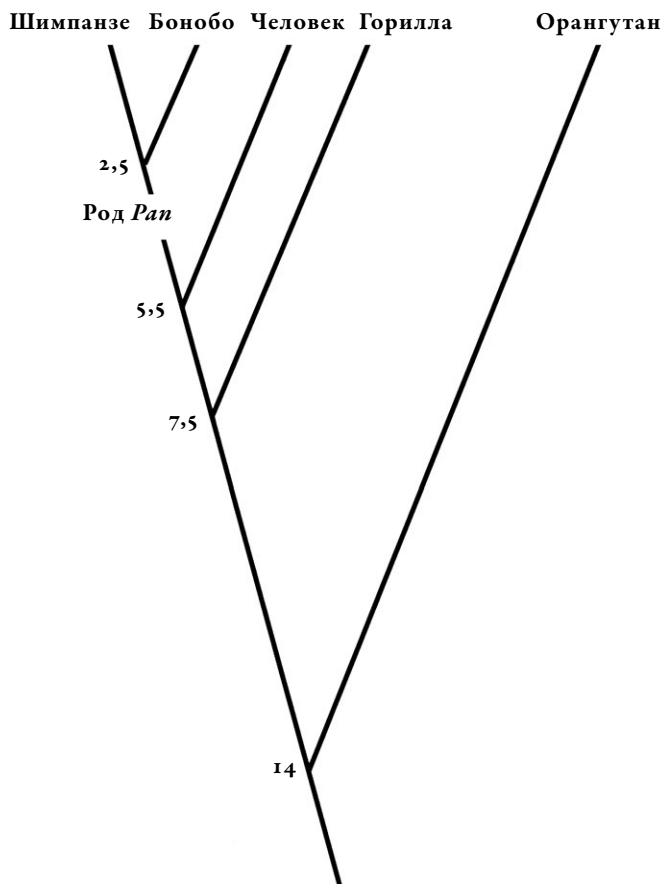
* В английском языке для человекообразных обезьян существует специальное слово — *apes*, а для всех других обезьян (в том числе и мартышковых) используется слово *monkeys* — обезьяны. — Прим. ред.

которое применимо и к нам, людям. Среди человекообразных обезьян нашими ближайшими родственниками являются шимпанзе и бонобо, причем оба вида в равной степени близки к нам. Тем не менее это не мешает приматологам жарко дискутировать о том, какой из видов лучше подходит на роль модели предков человека. Мы все происходим от одного предка, и возможно, один вид сохранил больше его признаков, чем другой, что делает его более подходящим для изучения человеческой эволюции. Однако прямо сейчас невозможно определить, какой это вид. Неудивительно, что специалисты как по шимпанзе, так и по бонобо обычно голосуют каждый за своих подопечных.

Поскольку гориллы отделились от нашей эволюционной ветви чуть раньше шимпанзе и бонобо, утверждается, что тот вид, который больше похож на горилл, заслуживает названия исходного. Но кто сказал, что сами гориллы похожи на нашего последнего общего предка? У них ведь тоже было предостаточно времени, чтобы измениться, — фактически, больше 7 млн лет. Мы вместо этого ищем человекообразную обезьяну, меньше всего изменившуюся с течением времени. Такаёси Кано, крупнейший эксперт по диким бонобо, заявлял, что, поскольку бонобо никогда не покидали влажных джунглей (в то время как шимпанзе сделали это частично, а наши предки — полностью), они, вероятно, сталкивались с меньшим давлением, побуждающим к изменениям, и потому могут оказаться больше прочих похожими на лесную человекообразную обезьяну, от которой мы все произошли. Американский анатом Гарольд Кулидж высказал известное предположение, что бонобо, «пожалуй, больше приближены к общему предку шимпанзе и человека, чем любой из ныне живущих шимпанзе».

Об их адаптации к жизни на деревьях свидетельствует то, как бонобо пользуются своим телом — по человеческим стандартам, весьма необычно. Ступни служат им руками: ими они хватают предметы, указывают во время общения и хлопают, чтобы привлечь внимание. Человекообразных обезьян иногда называют «четвероногими», но бонобо скорее следует назвать «четверорукими». Они лучшие гимнасты, чем любые другие человекообразные обезьяны: прыгают по деревьям, передвигаются по ветвям, раскачиваясь на руках (такой способ передвижения называется *брахиация*) с невероятной ловкостью и проворством. Бонобо легко проходят по канату на двух ногах, словно по твердой земле. Эти акробатические таланты весьма полезны для обезьян, которых никогда не выдавливали, пусть даже частично, из леса и поэтому им никогда не приходилось изменять своей привычке к жизни на деревьях. То, что бонобо более древесный вид, чем шимпанзе, становится ясно из сравнения реакций на первую встречу с учеными в дикой природе: шимпанзе тут же спрыгивают с дерева, на котором сидят, и удирают по земле. Бонобо же убегают по древесным кронам и на землю спускаются, только когда окажутся совсем далеко.

Я ожидаю, что чаша весов в дискуссии о том, какие из человекообразных обезьян больше похожи на последнего нашего общего предка, некоторое время будет склоняться то в одну, то в другую сторону, но на данный момент давайте просто скажем, что шимпанзе и бонобо в равной степени значимы для человеческой эволюции. Гориллы стоят особняком как от них обоих, так и от нас, из-за существенного полового диморфизма — различия в размерах между самцами и самками — и социального устрой-

Эволюционное древо человека и четырех видов больших человекообразных обезьян, построенное на основе сравнительного анализа ДНК. Точки разветвлений показывают, сколько миллионов лет назад разделились виды. Шимпанзе и бонобо образуют один род: *Pan*. Человеческая линия отделилась от предка *Pan* около 5,5 млн лет назад. Некоторые ученые даже полагают, что люди, шимпанзе и бонобо достаточно близки, чтобы их можно было считать одним родом: *Homo*. Поскольку ветви, ведущие к бонобо и шимпанзе, разделились примерно 2,5 млн лет назад, уже после того, как ответвились от нашей, они одинаково к нам близки. Гориллы отделились раньше и, следовательно, более далеки от нас, как и единственная азиатская большая человекообразная обезьяна — орангутан.

ства, которое выглядит так: один самец монопольно владеет гаремом самок. Для простоты я буду упоминать горилл только изредка, а мы в основном будем исследовать сходство и различия между бонобо, шимпанзе и людьми.

Мы не стали ждать развития отношений между Азизи и Полом Донном. Несомненно, они рано или поздно вступят в контакт, но это может занять часы или даже дни. Смотрители понимали, что эти отношения навсегда изменят привычки Азизи: она уже больше никогда не будет той несамостоятельной малюткой-гориллой, которую Гейл кормил из бутылочки и носил на спине, пока она не стала слишком тяжелой. Ее новая судьба — жить в группе, вместе с крупным самцом ее вида и, возможно, выращивать потомство.

Мы прошли мимо бонобо, где Лоретта приветствовала меня пронзительным улюлюканьем. Хотя моя исследовательская работа в этом зоопарке закончилась почти 20 лет назад, Лоретта меня по-прежнему помнит и всегда узнает. Я не могу представить, как сумел бы забыть лицо, которое долгое время видел каждый день, — так почему у Лоретты должно быть иначе? И ее улюлюканье отличается от других. Крики бонобо узнаются безошибочно: самый простой способ различить шимпанзе и бонобо — это послушать их. Низкое «хуу-хуу», характерное для шимпанзе, у бонобо отсутствует. Голоса у бонобо настолько высокие (больше похожие на «хии-хии»), что, когда зоопарк Хеллабрунн в Мюнхене получил первых бонобо, директор чуть не отправил их обратно. Он еще не успел заглянуть под ткань, накрывавшую ящики, прибывшие из Болобо, и не мог поверить, что доносящиеся оттуда звуки производят человекообразные обезьяны.

Лоретта, повернувшись спиной и наклонившись, продемонстрировала мне свои раздувшиеся, как воздушные шары, гениталии и призывно махнула рукой. Я помахал ей в ответ и спросил Майка об одном из самцов, которого нигде не было видно. Майк повел меня к ночным клеткам. Самец сидел внутри вместе с молодой самкой, составлявшей ему компанию. Самка явно раздражалась всякий раз, как Майк поворачивался ко мне во время разговора. Что этот незнакомец здесь делает и почему Майк не посвящает ей все свое внимание? Она попыталась вцепиться в меня через прутья клетки. Самец держался поодаль, но подставил Майку спину, а потом живот, чтобы тот мог его погладить, и при этом, как и многие самцы бонобо в таких случаях, демонстрируя впечатляющую эрекцию. Для бонобо, как самцов, так и самок, нет границы, отделяющей симпатию от сексуального интереса.

Майк объяснил, что этого самца приходится держать отдельно от группы из-за его низкого ранга. Хотя он уже совсем взрослый, от целой группы самок ему не защититься. Враждебность самок по отношению к самцам — это растущая проблема среди бонобо, содержащихся в зоопарках. В прошлом сотрудники зоопарков совершали грубейшую ошибку, перемещая самцов бонобо из одного места в другое. Если нужно было послать обезьян в другой зоопарк для размножения, выбирали всегда самцов. Хотя для большинства животных это вполне обычная практика, для самцов бонобо она оказалась катастрофой. В природе мигрируют как раз самки бонобо, покидая свою родную группу в период полового созревания. Самцы остаются, наслаждаясь компанией и защитой матерей. Самцы с влиятельными матерями поднимаются в иерархии, к ним относятся терпи-

мей, подпуская к пище. Зоопарки на горьком опыте узнали, что нужно придерживаться именно такой системы. Самцы бонобо — настоящие маменькины сынки и лучше всего живут в группах, в которых родились. К сожалению, этого самца привезли в зоопарк из другого места.

Так что агрессия среди бонобо все же существует. Когда самки нападают, дело, как правило, кончается плохо. Из визжащего клубка мохнатых тел израненным вылезает неизменно самец. И хотя бонобо можно считать великими миротворцами, это умение далось им не просто так: они вовсе не избегают драки. Бонобо являются наглядным примером общественной гармонии именно потому, что внутренняя напряженность у них всегда на виду. Этот парадокс применим и к нам. Окончательной проверкой для корабля считается то, как он выдержит шторм, так же и мы полностью доверяем только тем отношениям, которые смогли пережить временный конфликт.

Понаблюдав за еще несколькими сексуальными сношениями между бонобо, Майк не смог удержаться, чтобы не рассказать о недавнем заявлении местного исследователя, что бонобо в зоопарке редко занимаются сексом — пожалуй, не чаще пары-тройки раз в год. Неужели бонобо не заслуживают своей репутации по части секса? Снова оказавшись среди посетителей, мы шутили, что сегодня насчитали уже шесть половых контактов всего за два часа, а значит, получили данные примерно как за два года наблюдений. На секунду я забыл, что на Майке и Гейле служебная униформа, и поэтому все вокруг к нам прислушивались. Чуть повысив голос, я похвастался своей предыдущей работой: «Когда я был здесь, у меня было 700 совокуплений за одну зиму». Стоящий рядом человек схватил маленькую дочь за руку и поспешил прочь.

Иногда секс у бонобо не так очевиден. Одна юная самка попыталась пробраться мимо еще более юного самца, который загоразживал ей проход по ветке. Самцу не удалось отодвинуться с дороги, — возможно, он боялся упасть — и тогда самка запустила зубы в руку, которой тот держался за ветку, из-за чего ситуация только ухудшилась. Но вместо того, чтобы ломиться силой, она повернулась задом и начала тереться клитором о его руку. Оба они неполовозрелые, но таков способ бонобо решать конфликты — тактика, появляющаяся в довольно ранний период жизни. После такого контакта самка спокойно перелезла через самца и продолжила свой путь по ветке.

По возвращении домой из Сан-Диего меня сразу же поразили контраст бонобо с шимпанзе. Я работаю примерно с четырьмя десятками шимпанзе в открытом вольере на полевой станции Национального центра изучения приматов имени Роберта Йеркса, неподалеку от Атланты. Я знаком с этими обезьянами уже долгое время и воспринимаю их как отдельных личностей. Они точно так же хорошо знают меня и выражают это признание единственным способом, желанным для любого исследователя: относятся ко мне как к мебели. Я подошел к ограде поздороваться с Тарой, маленькой трехлетней дочерью Риты, — мать сидела высоко на специальной конструкции для лазанья. Рита бросила на нас короткий взгляд, а затем возвратилась к вычесыванию собственной матери, Тариной бабушки. Если бы мимо прошел какой-нибудь незнакомец, Рита, всегда старательно опекающая свою дочь, тут же соскочила бы, чтобы ее подхватить. Я почитаю за честь такое отсутствие интереса к моей особе.

Я заметил глубокую свежую рану на верхней губе Соко, второго по рангу самца. Только один шимпанзе смог бы сде-

лать это: альфа-самец Бьорн. Бьорн мельче Соко, но чрезвычайно умен, легко возбудим и коварен. Он держит других обезьян под контролем при помощи грязных приемов во время драки. К такому выводу мы пришли, много лет наблюдая за техникой боя этого самца и видя шрамы, которые он оставляет на телах своих жертв в необычных местах: например, на животе или мошонке. Соко — здоровенный неуклюжий «шкаф» — не может с ним состязаться и потому вынужден жить под пятой у этого мелкого диктатора. Но, к счастью для Соко, его подрастающий младший брат, у которого как раз наблюдался последний скачок роста, всегда с удовольствием околачивается неподалеку. Бьорну это сулит большие проблемы в самом скором времени.

Здесь, на полевой станции Центра Йеркса, мы живем в самой гуще политической борьбы самцов — нескончаемой саги сообщества шимпанзе. В конечном итоге все эти битвы ведутся за самок — то есть фундаментальное различие между двумя нашими ближайшими родственниками заключается в том, что одни решают проблемы секса с помощью власти, другие — проблемы власти через секс.

Тонкий налет цивилизации

Когда я открыл газету в самолете, летящем из Чикаго в Чарльстон (Южная Кэролина), мой взгляд первым делом привлек заголовок «“Лили” вот-вот обрушится на Чарльстон». Это меня расстроило, поскольку «Лили» — мощный ураган, а у всех в памяти были еще свежи разрушения, оставшиеся после «Хьюго» в прошлом году. Однако «Лили», к счастью, обошла Чарльстон стороной, но в итоге я все же попал в бурю, но чисто академическую.

Конференция, на которую я прилетел, была посвящена проблемам мира и мирным человеческим отношениям. Я ехал туда, чтобы представить свою работу о разрешении конфликтов у приматов. Всегда интересно размышлять, почему определенных людей тянет к той или иной конкретной теме, но отчего-то мирные отношения как область исследований обычно привлекают немало горячих и вспыльчивых участников. На заседании двое выдающихся борцов за мир принялись перекрикивать друг друга — первый выступавший сослался на исследования об эскимосах, а второй обвинил его в колониалистском, если не расистском подходе, поскольку этих людей следует называть инуитами. Судя по книге американского антрополога Джин Бриггс «Никогда не злись» (*Never in Anger*), инуиты идут на все, чтобы избежать взаимодействий, хотя бы отдаленно напоминающих враждебные. Любой, кто повышает голос, рискует быть изгнанным, что в их условиях жизни является смертельно опасным наказанием.

Некоторых из присутствовавших на той конференции уж точно выставили бы на мороз. Мы — западные люди, и в нашем культурном коде не прошито избегание конфронтации. Я уже мысленно представлял газетные заголовки примерно такого содержания: «Конференция, посвященная миру на Земле, закончилась потасовкой». Это единственное научное мероприятие, на котором я видел взрослых мужчин, которые покидали зал, хлопнув дверью, словно маленькие дети. И посреди всей этой пафосной перепалки, сопровождаемой демонстративными выходками, некоторые участники, нахмутив высокоученые лбы, еще могли сомневаться, можно ли, на самом деле, сравнивать поведение людей и человекообразных обезьян.

С другой стороны, я посещал много встреч участников клуба «Агрессия» — группы ученых в Нидерландах, и они всегда проходили цивилизованно и спокойно. Я в то время был еще студентом-магистрантом, но мне позволили присоединиться к психиатрам, криминологам, психологам и этологам, регулярно собиравшимся вместе и обсуждавшим агрессию и насилие. В те дни эволюционные представления неизбежно вращались вокруг агрессивности, как будто у нашего вида нет других наклонностей, о которых можно поговорить. Это походило на дискуссии о питбулях, где основной темой всегда является опасность, которую представляют эти собаки. Однако человека все же кое-что отличает от питбуля: нас не выводили специально для того, чтобы сражаться. Сила сжатия челюстей у нас ничтожна, и наш мозг, конечно, не нуждался бы в таких размерах, если бы единственной отличительной чертой, которая имела значение, была способность убивать других. Но в послевоенный период человеческая агрессивность занимала центральное место во всех дебатах.

Вторая мировая война с ее газовыми камерами, массовыми расстрелами и намеренным уничтожением населения была худшим проявлением человеческого поведения. Более того, когда западный мир подвел итоги после того, как осела пыль, стало невозможно игнорировать жестокости, которые творили в сердце Европы цивилизованные во всех прочих отношениях люди. Сравнения с животными звучали повсюду. Утверждалось, что у животных нет внутренних ограничений. У них отсутствует культура, так что наверняка все дело в том, что некое звериное начало, заложенное в нас генетически, прорвалось сквозь тонкий налет цивилизации и отбросило в сторону всю человеческую порядочность и нравственность.

«Теория тонкого налета цивилизации», как я ее называю, стала доминирующей темой в послевоенных дискуссиях. Утверждалось, что глубоко внутри мы, люди, аморальны и жестоки; появился целый ряд популярных книг, в которых рассматривался этот вопрос и высказывалось предположение, что в нас есть неудержимое стремление к агрессии — «агрессивный драйв», который ищет выхода в войне, насилии и даже спорте. Другая теория гласила, что наша агрессивность — нечто новое, что мы единственные приматы, убивающие сородичей. У нашего вида не было времени развить соответствующие механизмы сдерживания. В результате мы не способны контролировать свой бойцовский инстинкт, как «профессиональные хищники» вроде волков или львов. Мы ничего не можем сделать с нашей склонностью к насилию, так как плохо приспособлены, чтобы ее обуздать.

Несложно увидеть здесь зарождение рационального оправдания человеческой жестокости в целом и холокоста в частности — и ситуацию уж точно не улучшало то, что голос передовой науки того времени говорил на немецком языке. Конрад Лоренц, всемирно известный австрийский специалист по рыбам и гусям, был страстным защитником идеи, что агрессия заложена в наших генах. Убийство стало каиновой печатью человечества.

По другую сторону Атлантики похожие взгляды продвигал Роберт Ардри, американский журналист, вдохновленный предположениями, что *австралопитек* наверняка был хищником, который пожирал свою добычу живьем, расчленял ее кусок за куском и утолял жажду теплой кровью. Основанный на анализе нескольких костей черепа, этот вывод был ложным, однако Ардри выстроил на нем миф

об обезьяне-убийце. В своем труде «Африканское происхождение» (African Genesis) он изобразил нашего предка психически неуравновешенным хищником, нарушающим хрупкое равновесие природы. Как говорится в демагогическом творении Ардри, «мы родились от возвысившихся обезьян, а не от падших ангелов, причем эти обезьяны были хорошо вооруженными убийцами. Так чему же удивляться? Чинимым нами убийствам и массовым побоищам, ракетам и войнам, которые ведут непримиримые противники?».

Трудно поверить, но следующей волне поп-биологии удалось превзойти даже это. В то же самое время, когда Рональд Рейган и Маргарет Тэтчер проповедовали, что жадность хороша для общества, хороша для экономики и уж точно хороша для тех, кто жаждет что-либо заполучить, биологи публиковали книги, поддерживающие эти взгляды. Книга Ричарда Докинза «Эгоистичный ген» (The Selfish Gene)* учила нас, что, поскольку эволюция помогает тем, кто помогает себе сам, эгоизм следует воспринимать как движущую силу изменений, а не разрушительный для нас самих порок. Может быть, мы и злобные обезьяны, но это целесообразно и весь мир от этого только выигрывает.

Однако оставалась небольшая проблема — на нее тщетно указывали зануды-критиканы, — а именно некорректный и вводящий в заблуждение язык книг подобного жанра. Гены, приводящие к формированию успешных признаков, распространяются в популяции и таким образом сами себя продвигают и наращивают свое количество. Но называть это «эгоистичным» не более чем метафора. Снежный

* Докинз Р. Эгоистичный ген. — М.: АСТ: CORPUS, 2013. 512 с.

ком, катящийся с горы, тоже сам себя наращивает и продвигает, но мы обычно не называем его эгоистичным. Доведенная до абсурда позиция «все есть эгоизм» ведет нас в кошмарный мир. Обладая превосходным чутьем на эпатаж, эти авторы затаскивают нас на гоббсовскую арену, где каждый человек существует сам по себе и для себя, где люди проявляют благородство только для того, чтобы обмануть других. О любви никто и слыхом не слыхивал, сочувствие отсутствует, а добродетель всего лишь иллюзия. Все это отражено в самой известной цитате того времени, принадлежащей биологу Майклу Гизелину: «Поскребите альтруиста — и увидите кровь лицемера».

Стоит только порадоваться, что такое мрачное и неприглядное место — чистая выдумка, что оно радикально отличается от реального мира, где мы смеемся, плачем, занимаемся любовью и обожаем малышей. Авторы сей выдумки понимают это и иногда по секрету признаются, что человеческая натура не так плоха, как выглядит в их описаниях. Хороший пример тому — «Эгоистичный ген». На протяжении всей книги утверждая, что наши гены знают, как лучше для нас, что они программируют каждое колесико человеческой машины выживания, Докинз выжидает до самого последнего предложения, чтобы нас обнадежить, утверждая, что на самом деле мы можем с легкостью выбросить все эти гены в окно: «Мы — единственные существа на планете, способные восстать против тирании эгоистичных репликаторов».

Таким образом, в конце XX в. подчеркивалась необходимость для нас возвыситься над природой. Эта позиция подается как дарвиновская, хотя сам Дарвин не имеет к ней никакого отношения. Дарвин, как и я, считал, что наша человече-

ность коренится в общественных инстинктах, общих у нас с другими животными. Это явно более оптимистичный подход, чем утверждение, что мы «единственные существа на планете», кто может превозмочь свои базовые инстинкты. Согласно этому последнему представлению человеческая порядочность и мораль не более чем тонкая корочка: то, что мы создали, а не унаследовали. И всякий раз, как мы делаем что-нибудь не слишком достойное, сторонники «теории тонкого налета цивилизации» напоминают нам об отвратительной внутренней сущности, скрытой под этим налетом: «Видите, такова человеческая натура!»

Наш дьявольский лик

В сцене, с которой начинается фильм Стэнли Кубрика «Космическая одиссея 2001 года», в одном блестящем образе заключается идея, что насилие — это хорошо. После того как между гоминидами вспыхивает драка, во время которой один колотит другого бедренной костью зебры, оружие триумфально взлетает в воздух, где спустя тысячи лет превращается в орбитальный космический корабль.

Приравнивание агрессии к прогрессу лежит в основе так называемой гипотезы «африканского происхождения человека», постулирующей, что мы достигли нашего нынешнего положения посредством геноцида. Когда группы *Homo sapiens* мигрировали из Африки, то продвигались вглубь Евразии, убивая всех прочих двуногих обезьян, с которыми сталкивались, включая вид, наиболее похожий на них самих, — неандертальцев. Наша кровожадность — центральный элемент книг с названиями вроде «Мужчина-охотник» (Man the Hunter), «Демонические

самцы» (Demonic Males), «Царственное животное» (The Imperial Animal), «Темная сторона мужчины» (The Dark Side of Man), большинство из которых в качестве модели нашего предка берут шимпанзе, точнее — *самца* шимпанзе. Подобно сногшибательным красоткам в ранних фильмах о Джеймсе Бонде, самки — это то, за что сражаются самцы, однако они не играют почти никакой роли в истории, выполняя лишь функции подружки или матери. Принятием решений и борьбой занимаются только самцы — и подразумевается, что они же движут эволюцию.

Но хотя шимпанзе стали воплощением дьявольского лика нашей головы Януса, так было не всегда. В то же время, когда Лоренц и Ардри заостряли внимание на нашей каиновой печати, дикие шимпанзе, по всей видимости, занимались в основном тем, что лениво перемещались от дерева к дереву и собирали плоды. Противники представления об «обезьянах-убийцах» — а их было предостаточно — использовали эту информацию в выгодном для себя свете. Они вольно цитировали Джейн Гудолл, которая в 1960 г. начала работу в местности Гомбе-Стрим в Танзании*. В тот период Гудолл еще представляла шимпанзе такими благородными дикарями в стиле французского философа Жан-Жака Руссо: самостоятельными одиночками, не испытывающими нужды в общении или конкуренции с другими. Шимпанзе бродили в джунглях поодиночке или небольшими «партиями», все время менявшими состав. Единственными постоянными связями были отношения между матерью и зависящим от нее детенышем. Неудивительно, что люди считали, будто шимпанзе живут в раю.

* Позже там был образован Национальный парк Гомбе-Стрим. — *Прим. ред.*

Первые коррективы в эти представления внесли в 1970-е японские ученые, изучавшие шимпанзе чуть южнее Гомбе, в Махали-Маунтинс. У них появились серьезные сомнения по поводу «индивидуалистического крена» американских и европейских исследователей. Как могут столь близкие к нам животные не иметь общества, достойного упоминания? Японские ученые обнаружили, что хотя шимпанзе каждый день «тусуются» с разными сородичами, все они являются членами одного сообщества, отдельного от других групп.

Затем была пересмотрена репутация диких шимпанзе как мирных животных, которую некоторые антропологи использовали в качестве аргумента против утверждения о врожденной агрессивности человеческой природы. Появились две группы реальных фактов. Во-первых, мы узнали о том, что шимпанзе охотятся на мартышек, пробивают им черепа и поедают заживо. В результате шимпанзе перевели в ранг хищников. Затем, в 1979 г., на роскошных страницах *National Geographic* нам поведали, что эти обезьяны также убивают друг друга, иногда пожирая своих жертв. Это превратило шимпанзе сразу и в убийц, и в каннибалов. В репортаже описывалось, как самцы шимпанзе крадутся к ничего не подозревающим врагам через границу их территории и жестоко избивают несчастных до смерти. Поначалу такие новости исходили только из пары-тройки источников, но вскоре тонкая струйка данных превратилась в постоянный поток, игнорировать который уже было невозможно.

Складывающаяся картина стала неотличима от «обезьяны-убийцы» по Роберту Ардри. Теперь мы знали, что шимпанзе охотятся, чтобы убивать, и живут в груп-

пах, воюющих друг с другом. В более поздней книге Джейн Гудолл рассказывает, как она сообщила эти новости группе ученых, часть которых питала надежды на изживание человеческой агрессивности посредством образования и улучшения качества телепередач. Ее заявление о том, что мы не единственные агрессивные приматы, никого не обрадовало: шокированные коллеги умоляли ее не заострять внимание на этих данных или даже вовсе не публиковать их. Другие решили, что лагерь в Гомбе-Стрим, где исследователи раздавали обезьянам бананы — непривычную для них, высокопитательную пищу, — сам стал причиной патологического уровня агрессии. Конкуренция действительно была обнаружена вблизи лагеря и тщательно задокументирована, но наиболее серьезные драки происходили далеко от него. Гудолл не пошла на поводу у критиков, заявив следующее: «Разумеется, я была убеждена, что лучше принять факты, пусть непривычные и неприятные, чем жить в состоянии отрицания».

Критика «бананового клуба» Джейн Гудолл была абсолютно необоснованной: теперь известно, что войны шимпанзе происходят и в тех местах Африки, где не раздавали дополнительную пищу. Простая истина заключается в том, что жестокость и насилие — часть природного характера шимпанзе. Они *необязательно* демонстрируют эти качества — некоторые сообщества шимпанзе на самом деле выглядят вполне мирными, — но могут делать это и зачастую делают. С одной стороны, это подкрепляет теорию «обезьян-убийц», но также и подрывает ее. По утверждениям Лоренца и Ардри, людей выделяют среди прочих животных насильственные действия со смертельным исходом. Тем не менее с тех пор наблюдения не только за шим-

панзе, но и за гиенами, львами, лангурами и еще многими другими животными наглядно показали, что убийства сородичей, пусть и нечастые, в действительности широко распространены. Социобиолог Эд Уилсон пришел к выводу, что если ученые понаблюдадут за каким-либо животным дольше тысячи часов, то непременно увидят смертельную битву. Он утверждал это как специалист по муравьям — группе насекомых, нападающих и убивающих в огромных масштабах. По словам Уилсона, «в сравнении с муравьями, для которых убийства, стычки и настоящие войны — обычное дело, люди выглядят едва ли не абсолютными пацифистами»*.

С открытием темной стороны шимпанзе — прощай, «потерянный рай» естественного состояния — Руссо вышел за дверь, и в нее вошел Гоббс. Насилие среди обезьян уж точно означало, что мы запрограммированы быть жестокими. Вкупе с заявлениями эволюционных биологов о том, что мы эгоистичны на генетическом уровне, все встало на свои места. Теперь сложилось последовательное и неопровержимое представление о человечестве. Посмотрите на шимпанзе, аргументировали сторонники этой гипотезы, и вы увидите, какие мы на самом деле чудовища.

Шимпанзе, таким образом, укрепили идею порочности человеческой природы, хотя они же без особых трудностей могли ее и опровергнуть. В конце концов, насилие среди шимпанзе случается вовсе не каждый день: ученым потребовались десятилетия, чтобы его обнаружить. Сама Гудолл, огорченная однобокой трактовкой своих открытий, принимала героические усилия, чтобы осветить более доб-

* Цит. по: Уилсон Э. О природе человека. — М.: Кучково поле, 2015.

рую сторону шимпанзе, даже свойственное им сопереживание — но все без толку. Наука твердо решила: один раз убийца — всегда убийца.

Возможно, шимпанзе и жестоки, но в то же время в их группах существуют мощные регуляторы насилия. Мне это стало ясно в один прекрасный день в зоопарке Бюргерса в Арнеме (Нидерланды), когда мы стояли, чуть не кусая ногти от дурных предчувствий, на краю рва, окружающего лесистый остров. Мы беспокоились за крошечную новорожденную шимпанзе, названную Розье — в переводе с нидерландского это значит «маленькая розочка». Ее удочерила самка по имени Кёйф. Собственного молока у нее не было, поэтому ее научили кормить Розье из бутылочки. План сработал, как мы и мечтать не могли. То, что человекообразная обезьяна справилась с этой несложной задачей, стало для нас гигантским успехом — по крайней мере в нашем представлении. Но теперь мы возвращали мать с маленькой дочерью в крупнейшую в мире колонию шимпанзе, включавшую четверых опасных взрослых самцов. Чтобы припугнуть своих соперников, самцы обычно носят-ся, вздыбив шерсть, и таким образом выглядят более крупными и грозными. К несчастью, именно в этом состоянии сейчас пребывал Никки — бесстрашный лидер колонии.

У самцов шимпанзе буйный нрав, и они настолько сильны, что легко могут побороть человека — когда они злятся, контролировать их невозможно. Итак, судьба Розье теперь была в обезьяньих руках. Утром мы провели Кёйф мимо всех ночных клеток, чтобы проверить реакцию группы. Все обезьяны знали Кёйф, но Розье была новенькой. Когда Кёйф проходила мимо клетки самцов, кое-что привлекло мое внимание. Никки попытался ухватить ее снизу

сквозь прутья за ноги, заставив отпрыгнуть и резко вскрикнуть. Мне показалось, он целился туда, где за живот Кёйф цеплялась Розье. Поскольку так себя повел только Никки, я решил выводить группу постепенно, поставив Никки в невыгодное положение и выпустив его последним. Главное, чего следовало избегать, — чтобы Кёйф не оказалась с ним наедине. Я рассчитывал на ее защитников из группы.

В дикой природе шимпанзе иногда убивают детенышей собственного вида. Некоторые биологи предполагают, что такие случаи инфантицида происходят из-за конкуренции самцов за оплодотворение самок, что объясняло бы и их постоянную борьбу за положение в группе, и убийство детенышей, отцами которых они не являются. Никки, скорее всего, воспринял Розье как такого чужого ребенка. Это нас едва ли могло обнадежить, поскольку означало, что мы можем стать свидетелями одной из жутких сцен детоубийства, известных по полевым исследованиям: Розье могли разорвать на кусочки. Поскольку я неделями таскал малыша на руках, помогал Кёйф ее кормить и кормил сам, то мне с трудом давалась роль бесстрастного наблюдателя, которым я обычно стремлюсь быть.

Оказавшись на острове, большинство членов группы приветствовали Кёйф объятиями, украдкой поглядывая на детеныша. Казалось, при этом все бросают нервные взгляды на дверь, за которой сидел в ожидании Никки. Несколько подростков крутились около двери, пиная ее, чтобы посмотреть, что получится. Все это время двое старших самцов оставались рядом с Кёйф и вели себя с ней чрезвычайно дружелюбно.

Примерно через час мы выпустили на остров Никки. Двое самцов отошли от Кёйф и заняли позицию между нею и при-

ближающимся альфой, приобняв друг друга за плечи. Это было впечатляющее зрелище, учитывая, что они много лет оставались злейшими врагами. И вот они стоят, объединившись против молодого лидера и, возможно, опасаясь того же, чего и мы. Никки со вздыбленной шерстью приближался к ним в самой грозной своей манере, но сломался, увидев, что двое других не намерены уступать. Судя по всему, команда защитников Кёйф показала Никки совершенно непреклонной — самцы так решительно глядели на вожака, что тот сбежал. Я не видел лиц, но обезьяны читают по глазам друг друга не хуже нас. Никки позже подошел к Кёйф под бдительными взглядами двух других самцов, но был сама мягкость и доброта. Его намерения навсегда останутся тайной, но мы вздохнули с огромным облегчением, и я обнял служителя, вместе с которым занимался обучением Кёйф.

Шимпанзе живут под постоянной угрозой насилия, и инфантицид — основная причина смерти как в зоопарках, так и в дикой природе. Но все-таки, если обсуждать, насколько *мы* агрессивны как вид, поведение шимпанзе дает нам лишь один кусочек головоломки. Было бы более целесообразно рассмотреть поведение наших непосредственных предков. К сожалению, в наших знаниях о них существуют огромные пробелы, особенно если мы пытаемся заглянуть в прошлое дальше чем на 10 000 лет. Нет надежных свидетельств того, что мы всегда были столь же склонны к насилию, как в последние пару-тройку тысячелетий. С точки зрения эволюции несколько тысяч лет — это пустяки.

Возможно, за миллионы лет до нас предки вели безмятежное существование в небольших группах охотников-собирателей, которым было особенно не за что сражаться друг с другом, учитывая, насколько малолюдн был в то

время мир. Это бы никак не помешало им покорить всю планету. Часто считается, что выживание самых приспособленных означает стирание не столь приспособленных с лица земли. Но можно выиграть эволюционную гонку за счет обладания превосходной иммунной системой или лучшего умения находить пищу. Непосредственные боевые действия редко становятся тем способом, которым один вид замещает другой. Таким образом, не исключено, что мы не истребляли неандертальцев, а просто оказались более устойчивы к холоду или лучше охотились.

Вполне возможно, что успешные гоминиды «поглотили» менее успешных посредством скрещивания, и потому вопрос, сохранились ли во мне и в вас неандертальские гены, остается открытым*. Людям стоило бы хорошенько подумать, прежде чем шутить, что кто-то похож на неандертальца. Я однажды видел в московской лаборатории замечательную реконструкцию лица неандертальца, сделанную на основе ископаемого черепа. Ученые признались, что не осмеливались представить этот бюст широкой публике из-за поразительного сходства с одним из ведущих политиков их страны, который вряд ли оценил бы такое сравнение.

Обезьяна в шкафу

А если поскрести бонобо, обнаружится ли в нем лицемер?

Мы можем быть вполне уверены, что пресловутые тезисы «теории тонкого налета цивилизации» относятся толь-

* В настоящее время ученым удалось точно доказать, что неандертальские гены присутствуют в геномах современных людей, в частности европейцев. См., например: https://elementy.ru/novosti_nauki/431316/Genom_neandertaltsev_prochten_neandertaltsy_ostavili_sled_v_genakh_sovremennykh_lyudey. — *Прим. ред.*

ко к людям. Сложно предположить, что животные морочат друг другу голову. Вот почему результаты исследования человекообразных обезьян настолько важны в дискуссиях о природе человека. Если оказывается, что эти существа, пусть изредка, но все же бывают не такими жестокими тварями, как их изображают, представление о доброте и дружелюбии как о чисто человеческом изобретении начинает разрушаться. А если основы основ нравственности, такие как сопереживание и намеренный альтруизм, можно обнаружить и у других животных, то нам придется окончательно отвергнуть «теорию тонкого налета цивилизации». Дарвин осознавал возможные последствия такого взгляда, замечая, что «многие животные положительно принимают участие в страданиях или опасностях товарищей»*.

Разумеется, они это делают. Нет ничего необычного для человекообразной обезьяны в том, чтобы позаботиться о раненом товарище, сбавить шаг, когда кто-то отстает, прочистить кому-либо раны или принести плод с дерева старику, уже неспособному лазать. В одном полевом отчете рассказывается о взрослом самце шимпанзе, который стал заботиться об осиротевшем детеныше, нося хилого малютку на себе во время переходов, ограждая от опасности и спасая ему жизнь, притом эти двое, как предполагалось, не были кровными родственниками. В 1920-е гг. американский специалист по человекообразным обезьянам Роберт Йеркс был так глубоко поражен внимательностью и заботой, которые выказывал один юный шимпанзе, Принц Шим, своему смертельно больному приятелю

* Цит. по: Дарвин Ч. Сочинения. Т. 5. Происхождение человека и половой отбор. — М.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 219.

Панзи, что признался: «Если бы мне пришлось рассказать о его альтруистическом и явно сочувственном поведении по отношению к Панзи, меня бы заподозрили в идеализации обезьяны». Восхищение ученого чуткостью Принца Шима о многом говорит, если учесть, что Йеркс, пожалуй, был знаком с бóльшим числом человекообразных индивидуальностей, чем кто-либо другой в истории приматологии. Он воздал должное этому добросердечному маленькому антропоиду в своей книге «Почти человек» (*Almost Human*), в которой выразил сомнение в том, что Принц Шим — обычный шимпанзе. Позже посмертное вскрытие показало, что он и правда был не шимпанзе, а бонобо. Йеркс этого не знал — бонобо выделили как отдельный вид много лет спустя.

Первое исследование, в котором сравнивалось поведение бонобо и шимпанзе, проводилось в 1930-е гг. в зоопарке Хеллабрунн в Мюнхене. Эдуард Трац и Хайнц Хек опубликовали результаты своих наблюдений в 1954 г. Как-то ночью во время войны трое бонобо были так напуганы бомбардировкой города, что умерли от сердечной недостаточности. Тот факт, что все бонобо в зоопарке умерли от страха, но никого из шимпанзе не постигла та же участь, свидетельствует об особенной восприимчивости бонобо. Трац и Хек составили длинный список различий между бонобо и шимпанзе, в который входят упоминания об относительной миролюбивости бонобо, сексуальном поведении и эротизме. Агрессия у бонобо, разумеется, не отсутствует вовсе, но обращение, которому шимпанзе то и дело подвергают друг друга, в том числе укусы и удары в полную силу, у бонобо встречается редко. У самца шимпанзе шерсть встает дыбом по любому самому мельчайшему поводу. Он

может схватить ветку и бросить вызов всякому, кто кажется ему слабее. Шимпанзе сильно озабочены своим статусом. По сравнению с бонобо шимпанзе — дикие и необузданные зверюги, или, как сказали Трац и Хек, «бонобо — чрезвычайно чувствительные и благодушные создания, далеко отошедшие от демонической *Urkraft* [примитивной силы] взрослых шимпанзе».

Если об этом было известно еще в 1954 г., то возникает вопрос, почему бонобо не упоминались в дискуссиях о человеческой агрессивности и почему эти сведения до сих пор не получили широкого распространения. Впрочем, это исследование было опубликовано на немецком языке, а времена, когда англоязычные ученые читали на каких-либо других языках, кроме английского, давно прошли. Также в этой работе приводились сведения лишь о нескольких молодых человекообразных обезьянах, живущих в неволе (по меркам науки — крошечная выборка, так что, возможно, результаты звучали не слишком убедительно). Полевые исследования бонобо, стартовавшие относительно поздно, по-прежнему на десятки лет отстают от изучения других человекообразных обезьян. Другая причина культурная: эротизм бонобо был темой, касаться которой мало кто хотел. Так продолжается и в наши дни. В 1990-е гг. британская съемочная группа, путешествовавшая по отдаленным джунглям Африки, чтобы снимать бонобо, останавливала камеры всякий раз, как в окошке видеоискателя появлялась «непристойная» сцена. Когда японский ученый, помогавший команде, спросил, почему они совсем не фиксируют на камеру секс, ему ответили: «Нашим зрителям это будет неинтересно».

Но значительно более важным, чем все вышеперечисленное, является тот факт, что бонобо никак не удастся

вписаться в установившиеся представления о человеческой природе. Уж поверьте, если бы в ходе исследования выяснили, что они зверски убивают друг друга, о бонобо знали бы все. В действительности вся проблема заключается в их миролюбивом нраве. Я иногда пытаюсь вообразить, что бы случилось, если бы мы сначала познакомились с бонобо, а с шимпанзе — позже или не познакомились вообще. Дискуссии о человеческой натуре не заикливались бы в такой степени на насилии, войнах и мужском доминировании, а сосредоточивались на сексуальности, эмпатии, заботе и сотрудничестве. Насколько иным стал бы наш интеллектуальный ландшафт!

Только с появлением других наших родственников удущающая хватка теории «обезьян-убийц» стала ослабевать. Бонобо ведут себя так, будто и слыхом не слыхивали о подобной идее. У бонобо нет смертельных схваток, они мало охотятся, у них отсутствует мужское доминирование, зато есть огромное количество секса. Если шимпанзе — наш дьявольский лик, то бонобо, по-видимому, ангельский. Бонобо занимаются любовью, а не войной; они хиппи животного мира. У науки с ними больше проблем, чем было у семей в 1960-е гг. с собственными длинноволосыми, курящими марихуану «паршивыми овцами», пожелавшими вернуться домой. Родственники выключали свет и прятались под столом, надеясь, что незваный гость вскоре уберется восвояси.

Бонобо — это явно обезьяны нашего времени. Взгляды кардинально изменились с тех пор, как Маргарет Тэтчер постулировала свой ярый индивидуализм: «Такой вещи, как общество, не существует, — провозгласила она. — Есть отдельные мужчины, отдельные женщины, и есть семьи».

Комментарий Тэтчер, вероятно, был вдохновлен эволюционными представлениями тех дней, но возможно, и наоборот. В любом случае через 20 лет, когда гигантские корпоративные скандалы нанесли последний булавочный укол раздутому пузырю фондового рынка, чистый индивидуализм перестал казаться столь притягательным. В эпоху после банкротства корпорации «Энрон» широкая публика снова начала осознавать — как будто не знала этого раньше, — что ничем не сдерживаемый капитализм редко пробуждает в людях лучшие качества. «Доктрина жадности» Рейгана и Тэтчер рассыпалась в прах. Даже председатель Совета управляющих Федеральной резервной системы США Алан Гринспен, проповедник капитализма, давая объяснения комитету Сената США в 2002 г., намекнул, что, возможно, неплохо бы притормозить: «Дело не в том, что люди стали более жадными, чем прошлые поколения. Дело в том, что способы проявления жадности неимоверно расширились».

Всякий, кто следит за развитием эволюционной биологии, наверняка заметил соответствующие изменения в убеждениях. Внезапно появились книги с названиями «С другими» (Unto Others)*, «Эволюционные истоки морали» (Evolutionary Origins of Morality), «Инстинкт заботы» (The Tending Instinct), «Сотрудничающий ген» (The Cooperative Gene) и моя собственная — «Добродушные» (Good Natured). Стало меньше разговоров об агрессии и конкуренции, а больше — о взаимосвязях, о том, что скрепляет сообщество, о происхождении заботы и при-

* Имеется в виду выражение: «Поступай с другими так, как хочешь, чтобы поступили с тобой». — *Прим. ред.*

вязанности. Подчеркивался *разумный* эгоизм индивида в рамках большего целого. Когда интересы пересекаются, конкуренция сдерживается стремлением к общему благу.

Вместе с другими экономическими гуру этой эпохи Клаус Шваб объявил, что пришло время для бизнеса, «которым управляют не только законы, но и ценности», а эволюционные биологи стали настаивать, что «рациональное стремление к собственной выгоде иногда является худшей стратегией». Вероятно, эти выводы были обусловлены более масштабным переворотом во взглядах общества. Отстроив заново экономику, разрушенную войной, и достигнув уровня благосостояния, не так давно невообразимого, промышленно развитый мир, возможно, наконец-то готов сосредоточиться на социальной сфере. Нам нужно решить, кто мы: Робинзоны Крузо, сидящие на отдельных маленьких островах, как, по-видимому, представляла себе это Тэтчер, или члены замысловато переплетенных сообществ, в которых мы заботимся друг о друге, черпая в этом смысл жизни.

Дарвин, более склонный соглашаться со вторым вариантом, чем с первым, полагал, что люди рождаются, чтобы стать нравственными, и что поведение животных поддерживает это представление. Он рассказывает, как одна его знакомая собака никогда не проходила мимо корзинки, где лежала ее больная подруга — кошка, не лизнув ее несколько раз. Это, как считал Дарвин, вернейший признак нежности в собаке. Также Дарвин приводит историю о стороже в зоологическом саду, у которого была рана на затылке. Эту рану нанес разозлившийся павиан, когда сторож чистил его клетку. Павиан жил вместе с маленькой южноамериканской обезьянкой. Та до смерти боялась своего соседа, но была в большой дружбе со сторожем и фактически спасла ему жизнь

тем, что отвлекла павиана во время нападения, кусая его и крича. Таким образом, маленькая обезьяна рисковала своей жизнью, доказав, что дружба выражается в альтруизме. Дарвин считал, что все это верно так же и для людей*.

Это было до того, как мы узнали о бонобо, а также до недавних открытий в нейробиологии. Ученые помещали людей в томограф для сканирования мозга и просили решать моральные дилеммы. В результате они обнаружили, что такие задачи активируют древние центры эмоций, расположенные в глубине мозга. Оказалось, принятие решений морального характера — не поверхностный феномен нашей разросшейся новой коры, но явно связано с миллионами лет социальной эволюции.

Возможно, это кажется очевидным, однако такой взгляд радикально расходится с представлением о морали и нравственности как культурном или религиозном «тонком налете». Я часто гадал, как столь явно неверную позицию могли отстаивать так долго. Почему альтруисты воспринимались как лицемеры, почему эмоции выносились за скобки обсуждений и почему в книге с громким названием «Моральное животное» (The Moral Animal, 1995)** отрицается, что мораль — наше естественное свойство, доставшееся нам от природы? Ответ заключается в том, что писавшие об эволюции подпадали под влияние «ошибки Бетховена». Под этим я имею в виду неверное предположение, что процесс и результат непременно должны быть похожи.

* Дарвин Ч. Происхождение человека и половой отбор. Сочинения. Т. 5. — М.: Изд-во АН СССР, 1953.

** Райт Р. Моральное животное. — М.: АСТ, 2020.

Слушая идеально выстроенную музыку Людвига ван Бетховена, ни за что не догадаешься, как выглядела его плохо отапливаемая квартира. Посетители сетовали, что композитор живет в самом грязном, вонючем и захламленном месте, какое только можно вообразить: там повсюду валялась гниющая еда и грязная одежда, стояли неопорожненные ночные горшки, а два пианино были погребены под слоем пыли и грудami бумаг. Сам маэстро выглядел настолько неряшливо, что однажды его даже арестовали как бродягу. Никто не спрашивает, как Бетховен мог создавать свои филигранные сонаты и величественные фортепианные концерты в таком свинарнике. Все мы знаем, что прекрасное может появляться при ужасных обстоятельствах, что процесс и результат — разные вещи; вот почему удовольствие от обеда в хорошем ресторане вряд ли возрастет от посещения его кухни.

Однако смешение этих двух вещей привело некоторых людей к уверенности, что раз естественный отбор — это жестокий и безжалостный процесс отсеивания менее приспособленных, то он обязательно порождает жестоких и безжалостных существ. Гнусный процесс должен порождать гнусное поведение — ход мыслей был примерно такой. Но давление изобретательной природы создало и рыбу, бросающуюся на все, что движется (в том числе на собственное потомство), и дельфинов гринд, так привязанных друг к другу, что они вдвоем выбрасываются на берег, если один потеряет ориентацию в пространстве. Естественный отбор благоприятствует организмам, которые выживают и размножаются — только и всего. Как они это будут делать — вопрос открытый. Любая особь, которая может лучше выживать, став более или менее агрес-

сивной, чем прочие, более или менее склонной к сотрудничеству, более или менее заботливой, передаст свои гены дальше. Сам процесс определяет путь к успеху не больше, чем обстановка некой венской квартиры — то, какая музыка будет доноситься из ее окон.

Анализируя человекообразных

Каждый день ближе к вечеру в зоопарке Бюргерса в Арнемме мы со служителями отзывали Кёйф от остальной группы для ежедневного кормления Розье из бутылочки. Однако, прежде чем она подходила к нам, неся своего приемного детеныша, всегда происходил некий странный ритуал.

Мы привыкли к тому, что человекообразные обезьяны приветствуют друг друга, после того как долго не виделись с сородичами, или объятиями и поцелуями (как шимпанзе), или какими-то сексуальными ласками (как бонобо). Кёйф была первой встреченной мною обезьяной, которая «делала до свидания» (мы называем это «говорить до свидания», но очевидно, что обезьяна может попрощаться, только что-то сделав). Прежде чем войти в здание, Кёйф направлялась к Маме, уважаемой альфа-самке группы и своей лучшей подруге, чтобы ее поцеловать. После этого она искала Йеруна, старшего самца, чтобы проделать то же самое. Даже если Йерун спал где-нибудь в дальнем конце острова или был занят грумингом с одним из приятелей, Кёйф делала гигантский крюк, чтобы с ним встретиться. Мне это напоминало то, как мы обычно уходим с вечеринки, обязательно попрощавшись с хозяевами.

Для приветствия требуется лишь выразить радость при виде знакомого индивидуума. Многие социальные

животные демонстрируют такую реакцию. С прощанием сложнее, поскольку для этого необходимо заглянуть в будущее: понять, что вы некоторое время кого-то не увидите. Однажды я заметил еще один случай такого заглядывания в будущее: когда самка шимпанзе сгребла солому в своей ночной клетке, старательно подбирая все до последней травинки, пока не получилась полная охапка, и унесла ее наружу, на остров. Обычно шимпанзе никогда не разгуливают с соломой в руках, так что это привлекло наше внимание. Был ноябрь, и дни становились все холоднее. По-видимому, эта самка решила, что снаружи лучше утеплиться. В тот момент, когда она собирала солому, находясь при этом в отапливаемом помещении, ей не могло быть холодно, так что, вероятно, она сделала вывод о наступающем холодном дне на основании вчерашнего опыта. Весь день она провела в своем соломенном гнезде, которое не могла покинуть, поскольку все остальные только и ждали, чтобы растащить его.

Это именно та разновидность умственных способностей, которая привлекает многих из нас при изучении человекообразных обезьян. Исследователей интересует не только их агрессивное или сексуальное поведение, во многом совпадающее с поведением других животных, но также удивительная проницательность и ловкость, с которой они все делают. Поскольку многие из этих способностей трудно выявить и зафиксировать в природе, изучение человекообразных обезьян в неволе абсолютно необходимо. Точно так же как никто не станет пытаться измерять интеллект ребенка, наблюдая за его бегом по школьному двору, изучение познавательной функции обезьян требует непосредственного участия исследователя. У него должна быть

возможность ставить перед обезьянами задачу и смотреть, как они пробуют ее решить. Другим преимуществом изучения обезьян в неволе (разумеется, при грамотном содержании, что означает просторную территорию на открытом воздухе и размер группы, приближенный к естественному) является то, что за их поведением можно наблюдать с гораздо более близкого расстояния и более детально, чем это возможно в полевых условиях, где в ключевые моменты объекты изучения обычно исчезают в лесу.

В моем любимом кабинете (у меня их несколько) на полевой станции Центра Йеркса есть большое окно, выходящее на вольер шимпанзе, что позволяет мне видеть все, что там происходит. Они не могут скрыться от меня (а я от них, что становится очевидно всякий раз, когда я пытаюсь незаметно для них позавтракать). Благодаря простому наблюдению политическая борьба, примирение после драк и использование орудий были впервые обнаружены у обезьян в неволе и лишь позже подтвердились в дикой природе. Обычно мы ведем наблюдения при помощи бинокля и вносим в компьютер всякое событие в колонии шимпанзе, свидетелями которого становимся. У нас есть длинные списки специальных кодов для игры, секса, агрессии, груминга, заботы о детенышах и несметное число детальных характеристик внутри каждой категории; мы постоянно фиксируем данные в формате «кто что сделал, с кем». Если события оказываются слишком сложными, например в случае, когда возникает массовая драка, мы снимаем это на видео или пересказываем происходящее под запись на диктофон, словно спортивные комментаторы. Таким образом накапливаются буквально сотни тысяч наблюдений, а потом компьютер программируется на сор-

тировку этих данных. Помимо удовольствия от работы в исследовании приматов есть и весьма скучная сторона.

Когда мы хотим поставить перед нашими подопечными какую-либо задачу, то отзываем их от группы в небольшое здание. Поскольку обезьян невозможно заставить участвовать в эксперименте, мы зависим от их желания сотрудничать. Все обезьяны знают не только свои имена, но также имена друг друга, так что можно попросить обезьяну А привести Б. Главная хитрость в том, чтобы сделать процесс приятным для испытуемых. Компьютеры с джойстиком очень привлекают обезьян. Моему ассистенту достаточно показать им тележку с оборудованием, и моментально выстраивается целая очередь желающих. Как и у детей, при работе с компьютером мгновенная обратная связь вызывает у обезьян восторженное возбуждение.

В одном из экспериментов в Центре Йеркса Лиза Парр показывала шимпанзе сотни фотографий, сделанных мною в зоопарке Бюргерса. Наших шимпанзе разделял океан, так что мы могли быть уверены, что они никогда раньше не видели этих лиц. На экране компьютера появлялось сначала одно лицо, потом два, одно из которых соответствовало первому. Шимпанзе давали глоточек сока за то, что они перемещали курсор к повторяющемуся лицу. Способность к распознаванию лиц проверяли и раньше, но обезьяны оказались в этом не особенно сильны. Однако в предыдущих экспериментах использовали фотографии человеческих лиц — предполагалось, что их легче различать. Но не для шимпанзе, которые куда лучше справлялись с лицами других шимпанзе. Лиза показала, что они видят сходство не только между разными фотографиями одного и того же лица, но и между фотографиями матери и ее дете-

ныша. Так же, как я, листая ваш семейный альбом, вероятно, смог бы отличить ваших кровных родственников от некровных, шимпанзе распознают приметы родства. По-видимому, они так же хорошо различают обезьяньи лица, как мы — человеческие.

Еще в одном исследовании ставился вопрос, могут ли шимпанзе намеренно указывать кому-либо на какие-то предметы. Рассказанная выше история о Канзи и Тамули уже предполагает, что могут, но это утверждение остается спорным. Некоторые ученые обращают внимание только на жест указательным пальцем или рукой, как указываем мы. Однако я не вижу причин для такого ограниченного подхода. Никки однажды пообщался со мной посредством куда более изощренного приема. Он привык к тому, что я бросаю ему через ров дикie ягоды. Как-то раз, внося данные, я совершенно позабыл о ягодах, висевших на высоких кустах, растущих рядом позади меня. А вот Никки не забыл. Он уселся прямо передо мной, пристально уставился на меня своими красновато-коричневыми глазами и, как только привлек мое внимание, резко перевел взгляд на точку над моим левым плечом. Затем он снова посмотрел на меня и повторил движение глазами. Может, я и туповат по сравнению с шимпанзе, но во второй раз я проследил за его взглядом и заметил ягоды. Никки показал мне, чего он хочет, без единого звука или жеста рук. Очевидно, такое «указывание» имеет смысл только в том случае, если ты понимаешь: другой не видит того, что видишь ты, а следовательно, осознаешь, что не все обладают одинаковой информацией.

Убедительный эксперимент по указывающему поведению у человекообразных обезьян провел Чарльз Мензель

в том же Центре лингвистических исследований, где живет Канзи. Чарли устроил так, чтобы самка шимпанзе по имени Панзи наблюдала за ним, пока он прятал пищу в лесу неподалеку от обезьянней клетки. Панзи следила за ним сквозь прутья клетки. Поскольку она не могла отправиться туда, где находился Чарли, ей требовалась человеческая помощь, чтобы достать еду. Чарли выкапывал в земле ямку и зарывал пакетик с конфетами M&M's или прятал в кустах шоколадный батончик. Иногда он делал это, когда все люди вечером уходили домой. Это означало, что Панзи не могла никому сообщить о том, что знала, до следующего дня. Когда утром приходили зрители, они не знали об эксперименте. Панзи сначала нужно было привлечь их внимание, а затем передать информацию кому-нибудь, кто не знал того, что знает она, и кто понятия не имел, о чем она «говорит».

Во время демонстрации умений Панзи Чарли мимоходом заметил, что зрители обычно придерживаются куда более высокого мнения об умственных способностях обезьян, чем пишущие на эту тему философы и психологи, немногие из которых ежедневно взаимодействуют с животными. Для эксперимента было чрезвычайно важно, чтобы Панзи имела дело с людьми, которые относятся к ней серьезно. Все, кого Панзи удалось привлечь, рассказывали, что сначала удивлялись ее поведению, но вскоре понимали, что она пытается заставить их сделать. Следуя ее указующим жестам, кивкам, пыхтению и крикам, они без труда находили спрятанное в лесу лакомство. Без ее руководства они бы не знали, где его искать. Панзи никогда не указывала неверное направление или место, использовавшееся в предыдущие разы. В результате получалось, что обезьяна пере-

дает информацию о прошлом событии, сохраняющемся в ее памяти, людям, которые ничего об этом не знали и не могли дать ей никаких подсказок.

Я привожу эти примеры, чтобы подчеркнуть: есть превосходные исследования человекообразных обезьян, на которые можно опираться, делая утверждения об их чувстве прошлого и будущего, способности распознавания лиц и социальном поведении в целом. Пусть даже в этой книге я отдаю предпочтение примерам из жизни, стараясь нагляднее преподнести то, что мы знаем о наших ближайших родственниках, однако существует целый корпус научной литературы, подтверждающей большинство моих заявлений. Но не все, заметьте, и это объясняет, почему разногласия сохраняются и конца научной работы по моему направлению не видно. Конференция по человекообразным обезьянам, возможно, привлечет сотню-другую специалистов, но это сущая мелочь по сравнению с обычными конгрессами психологов или социологов, на которые частенько съезжаются до 10 000 участников. И в результате мы все так же далеки от того уровня понимания обезьян, которого многие из нас хотели бы достичь.

Большинство моих коллег — полевые исследователи. При всех своих достоинствах исследования обезьян в неволе никогда не смогут заменить изучение их поведения в природе. Мы хотим знать, что именно каждая примечательная способность, продемонстрированная в лаборатории, означает для диких шимпанзе и бонобо и какую пользу они от нее получают? Это также связано с вопросом, почему та или иная способность вообще появилась в процессе эволюции этих видов. Выгоды от умения распознавать лица вполне очевидны, но как насчет предвидения и пла-

нирования будущего? Полевые исследователи обнаружили, что бродящие в поисках пищи шимпанзе иногда собирают стебли травы и небольшие прутики за несколько часов до того, как начнут выуживать ими муравьев или термитов. Они подбирают нужные орудия по пути, в тех местах, где их много. Вполне возможно, что шимпанзе учитывают это при планировании маршрутов своих передвижений.

Пожалуй, самое важное в подобных исследованиях вовсе не то, что человекообразные обезьяны могут рассказать нам о наших инстинктах. При медленном развитии (они становятся взрослыми годам к шестнадцати) и широких возможностях обучения обезьяны на самом деле не намного больше подчинены инстинктам, чем мы. Они принимают в жизни множество решений, например: стоит напасть на новорожденного детеныша или защитить его, спасти птицу или причинить ей вред? Следовательно, мы сравниваем, какими способами люди и человекообразные обезьяны справляются с задачами, пользуясь сочетанием врожденных наклонностей, интеллекта и опыта. В этой мешанине невозможно разобрать, что врожденное, а что нет.

Тем не менее это сравнение поучительно, даже если всего лишь заставляет нас отступить чуть назад и заглянуть в зеркало, показывающее иную сторону нас самих, отличную от той, что мы привыкли видеть. Вы кладете ладонь на ладонь бонобо и видите, что ваш большой палец длиннее, берете его за плечо и понимаете, что никогда не трогали таких крепких мускулов, оттягиваете нижнюю губу и ощущаете, насколько его губа больше вашей, заглядываете ему в глаза и получаете в ответ взгляд, столь же испытующий, как и ваш. Все это открывает нам что-то новое. Моя цель — провести такие же сравнения и в отношении

их социальной жизни, показать, что нет ни единой нашей склонности, которая не была бы общей для нас и этих мохнатых типов, над которыми мы так любим посмеяться.

Подозреваю, когда люди смеются над приматами в зоопарках, они делают это именно потому, что их нервирует поставленное перед ними зеркало. Иначе почему всякие странные на вид животные типа жирафа или кенгуру не вызывают подобного бурного веселья? Приматы пробуждают определенное беспокойство и смущение, потому что показывают нас самих в безжалостно правдивом свете, напоминая, что мы, по меткому выражению Десмонда Морриса, всего лишь «голые обезьяны». Именно такой правдивый образ самих себя мы ищем — или должны искать, — и прекрасно, что теперь, больше зная о бонобо, мы можем видеть собственное отражение в двух взаимодополняющих зеркалах.

ВЛАСТЬ

Макиавелли в нашей крови

И вот на первое место я ставлю как общую склонность всего человеческого рода вечное и беспрестанное желание все большей и большей власти, желание, которое прекращается лишь со смертью.

ТОМАС ГОББС. ЛЕВИАФАН*

Эгалитаризм — это не просто отсутствие вождя или правителя, но активное отстаивание принципиального равенства всех людей и отказ преклоняться перед авторитетом других.

Ричард Боршей Ли

Крутя педали велосипеда, я поднимался по одному из редких в моей родной Голландии холмов и мысленно готовился к ужасному зрелищу, ожидавшему меня в зоопарке Бюргерса в Арнеме. Рано утром мне позвонили

* Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского (пер. А. Гутермана). — М.: Соцэкгиз («Образцовая» тип.), 1936. С. 97.

и сказали, что мой любимец, самец шимпанзе Лёйт, безжалостно изувечен собственными соплеменниками. Обезьяны могут нанести страшные раны своими мощными клыками. Чаще всего они стараются только напугать друг друга так называемыми «демонстрациями угрозы», но иногда угроза подкрепляется действиями. Накануне я уехал из зоопарка, тревожась за Лёйта, но оказался абсолютно не готов к тому, что обнаружил.

Лёйт, обычно гордый и не питающий особой симпатии к людям, теперь хотел, чтобы к нему прикасались. Он сидел в луже крови, припав головой к прутьям ночной клетки. Когда я осторожно погладил его, Лёйт испустил глубочайший вздох. Я наконец-то обрел его доверие, но в самый печальный момент моей карьеры приматолога. Сразу же стало ясно, что Лёйт находится в критическом состоянии. Он еще шевелился, но потерял очень много крови. По всему его телу зияли глубокие раны от клыков, на руках и ногах недоставало пальцев. Вскоре мы обнаружили, что он лишился и еще более важных органов.

Со временем это мгновение — когда Лёйт посмотрел на меня, ища утешения, — стало представляться мне аллегорией современного человечества: словно свирепые обезьяны, покрытые собственной кровью, мы жаждем успокоения и ободрения. Несмотря на нашу склонность драться и убивать, мы хотим услышать, что все будет хорошо. Однако в тот момент я был полностью сосредоточен на попытках спасти жизнь Лёйту. Как только приехал ветеринар, мы усыпили шимпанзе с помощью транквилизатора и унесли в операционную, где наложили буквально сотни швов. Во время этой отчаянной операции мы и обнаружили, что у Лёйта отсутствуют семенники. Они исчезли из мошонки, хотя

отверстия в коже казались меньше, чем сами яички, найденные зрителями на полу клетки в соломе.

«Выдавили», — бесстрастно констатировал ветеринар.

Двое против одного

Лейт так и не очнулся после наркоза. Он дорого заплатил за противостояние двум другим самцам, не смирившимся с его стремительным восхождением. Эти двое плели против него интриги, стремясь вернуть утраченную власть. Шокирующая жестокость, с которой они осуществили свои намерения, открыла мне глаза на то, насколько серьезно шимпанзе относятся к своей политике.

Интриги по принципу «двое против одного» — это то, что придает борьбе за власть между шимпанзе как остроту и яркость, так и смертельную опасность. Ключевой момент здесь — коалиции. Ни один самец не может править единолично, по крайней мере долго, потому что группа, объединившись, способна свергнуть любого. Шимпанзе настолько хитроумны по части образования альянсов, что лидеру требуются союзники для укрепления своих позиций, а также расположение всей группы. Оставаться на вершине — значит постоянно балансировать между силовым утверждением своего доминирования, ублажением сторонников и избеганием массовых бунтов. Если вам что-то кажется знакомым, то это потому, что у людей политика работает точно так же.

До гибели Лейта колонией шимпанзе в Арнеме вместе правили молодой выскочка Никки и стареющий интриган Йерун. Едва достигший зрелости 17-летний Никки был мускулистым крепышом с вечно полусонным взгля-

дом. Он отличался решительностью, но никак не острым умом. Его поддерживал Йерун, который физически больше уже не годился на роль вожака, однако обладал огромным закулисным влиянием. Йерун имел привычку наблюдать за разворачивающимися конфликтами издалека, вмешиваясь только тогда, когда эмоции уже накалялись, чтобы спокойно поддержать ту или другую сторону, таким образом заставляя всех прислушиваться к его решениям. Йерун мастерски извлекал выгоду из соперничества между более молодыми и сильными самцами.

Даже если не углубляться в сложную историю этой группы, становится очевидно, что Йерун ненавидел Лёйта, отвоевавшего у него власть несколько лет назад. Лёйт одержал верх в этой борьбе после трех жарких летних месяцев ежедневных напряженных конфликтов, в которые была втянута вся группа. На следующий год Йерун взял реванш и помог Никки сбросить Лёйта с трона. С тех пор Никки стал альфа-самцом, а Йерун — его правой рукой. Эти двое сделали неразлучны. Лёйт не боялся каждого из них поодиночке. В стычках один на один в ночных клетках он побеждал любого самца из группы, преследуя его или отбирая пищу. Никто из них не мог ему противостоять.

Это означало, что Йерун и Никки правили исключительно как команда. Они властвовали долгие четыре года. Но их альянс в конце концов начал разваливаться — и, как это нередко случается и среди людей, яблоком раздора стал секс. Будучи серым кардиналом, Йерун пользовался невероятными сексуальными привилегиями. Никки не позволил бы никакому другому самцу и близко подойти к самым привлекательным самкам, но для Йеруна всегда делал исключение. Это было частью сделки: Никки полу-

чал власть, а Йерун — лакомый кусок сексуального пирога. Столь удачное соглашение действовало до тех пор, пока Никки не попытался пересмотреть его условия. На протяжении четырех лет своего правления он становился все более самоуверенным. Неужели он забыл, кто помог ему подняться на вершину иерархии? Когда молодой лидер начал заноситься, вмешиваясь в сексуальные дела не только других самцов, но и самого Йеруна, все пошло наперекосяк.

Внутренняя борьба в правящей верхушке продолжалась несколько месяцев, и наступил момент, когда Никки не удалось помириться с Йеруном после ссоры. Никки бегал за ним повсюду, визжа и умоляя о том, чтобы тот обнял его, как обычно, но старый хитрец в конце концов ушел не оглядываясь. Он был сыт всем этим по горло. В эту ночь вакуум власти заполнил собой Лёйт. Самый великолепный, и телом и духом, самец шимпанзе, какого я когда-либо знал, — он быстро закрепился в статусе альфы. Могушественный арбитр в конфликтах, защитник обездоленных, Лёйт был популярен у самок — и эффективно расстраивал союзы между соперниками по принципу «разделяй и властвуй», столь характерному и для шимпанзе, и для людей. Как только Лёйт видел других самцов вместе, он или присоединялся к ним, или делал вид, что вот-вот атакует, устраивая демонстрацию угрозы, чтобы их разогнать.

Никки и Йерун выглядели страшно подавленными из-за внезапной утраты высокого положения, даже будто уменьшились в размерах. Но временами казалось, что они готовы воскресить прежний альянс. То, что это случилось в ночной клетке, где Лёйту было некуда бежать, вероятно, произошло не случайно. Чудовищная картина, обнаруженная зрителями, поведала нам, что Никки и Йерун

не только уладили свои разногласия, но и действовали вместе, причем чрезвычайно согласованно. Сами они практически не получили травм. У Никки обнаружилось несколько поверхностных царапин и укусов, но Йерун оказался совершенно невредим — вероятно, он придавливал и удерживал Лёйта, пока более молодой самец наносил все эти повреждения.

Мы никогда не узнаем в точности, что произошло, и, к несчастью, рядом не было самок, которые могли бы остановить драку. Для них вполне обычно сообща прерывать вышедшие из-под контроля стычки самцов. Однако в ночь нападения самки находились в отдельных клетках в том же здании. Они наверняка слышали весь этот ужасный переполох, но никак не могли вмешаться.

Вся группа шимпанзе была странно молчалива в то утро, пока Лёйт сидел в луже собственной крови. Впервые за историю зоопарка ни одна обезьяна не съела свой завтрак. Первое, что случилось после того, как Лёйта унесли, а остальных выпустили наружу, на заросший травой и деревьями остров площадью около гектара, — это необыкновенно яростное нападение самки по имени Пёйст на Никки. Она проявляла такую упорную агрессию, что молодой самец, обычно весьма солидный и важный, сбежал от нее на дерево. Пёйст одна удерживала его там по меньшей мере десять минут, вопя и бросаясь на него всякий раз, когда тот пытался спуститься. Она всегда была главной союзницей Лёйта среди самок. Из своей ночной клетки она могла видеть, что творилось у самцов, и теперь, казалось, выражала свое мнение по поводу этого убийственного нападения.

Вот таким образом наши шимпанзе продемонстрировали все составные части политики «двое против одного»:

от необходимости союза до участи слишком много о себе возомнившего вожака. Власть — самая главная побудительная сила для самцов шимпанзе. Это постоянное всепоглощающее стремление к тому, что дает огромные преимущества, но в случае потери сулит глубочайшие страдания.

Самцы на пьедестале

Политические убийства не столь редки и у нашего собственного вида: Джон Кеннеди, Мартин Лютер Кинг, Сальвадор Альенде, Ицхак Рабин, Ганди. И это далеко не полный список. Даже такая страна, как Нидерланды, — обычно политически умеренная (или «цивилизованная», как скажи бы сами нидерландцы) — несколько лет назад пережила шок из-за убийства политика и кандидата в парламент Пима Фортейна. Еще раньше, в XVII в., моя страна стала свидетельницей одного из самых жутких политических убийств. Толпа, доведенная до неистовства противниками государственного деятеля Яна де Витта, схватила его самого и его брата Корнелиса. Обоих прикончили шпагами и мушкетами, тела повесили вверх ногами, выпотрошив, словно свиней на скотобойне. Сердца и внутренности торжествующая толпа поджарила на костре и съела! Это чудовищное событие, произошедшее в 1672 г., стало следствием глубочайшего отчаяния народа в те времена, когда страна проиграла ряд войн. Убийство увековечили в стихах и картинах, а в Историческом музее Гааги до сих пор выставляется палец ноги и вырванный язык одной из жертв.

Для человека и животного смерть — самая высокая цена за попытки достичь вершины власти. Возьмем шимпанзе по имени Гоблин из Национального парка Гомбе в Тан-

зании. Он много лет терроризировал собственную группу, и в итоге на него напала толпа разъяренных сородичей. Сначала он проиграл бой против бросившего ему вызов соперника, которого поддержали четверо молодых самцов. И как это часто случается в полевых условиях, саму битву люди практически не видели, потому что она происходила в густом подлеске. Но Гоблин вырвался оттуда, вопя, и побежал, весь истерзанный: у него были раны на запястье, ногах, руках и, что хуже всего, на мошонке. Нанесенные ему повреждения поразительно походили на раны Лёйта. Гоблин чуть не умер, потому что мошонка воспалилась и стала распухать, у него начался жар. Несколько дней он передвигался медленно, часто отдыхал и мало ел. Но ветеринар усыпил его дротиком с транквилизатором и накачал антибиотиками. После периода восстановления, на протяжении которого Гоблин держался в стороне от собственной группы, он предпринял попытку вернуться на трон, устраивая демонстрации угрозы новому альфа-самцу. Это было грубейшим просчетом и вызвало преследования со стороны других самцов группы. Его, вновь сильно израненного, еще раз спас полевой ветеринар. Впоследствии Гоблина снова приняли в группу, но уже на положении низкорангового самца.

Печальная судьба, которая может постигнуть забравшихся на вершину, — неизбежная составляющая борьбы за власть. Помимо риска получить увечья или погибнуть пребывание у власти вызывает огромный стресс. В этом можно убедиться, измеряя уровень кортизола — гормона стресса — в крови. С дикими животными это сделать нелегко, но Роберт Сапольски на протяжении многих лет с этой целью метал дротики в павианов в африканских саваннах.

У этих высококонкурентных приматов уровень кортизола зависит от того, насколько хорошо та или иная особь справляется с социальными напряжениями. Выясняется, что, как и у людей, это зависит от индивидуальных особенностей. У некоторых доминантных самцов уровень стресса высок просто потому, что они не могут различить серьезную угрозу, исходящую от другого самца, и его же нейтральное поведение, из-за которого не стоит тревожиться. Такие самцы нервозны и склонны к паранойе. В конце концов, соперник может проходить мимо просто потому, что ему надо попасть из точки А в точку Б, а не потому, что он хочет кого-то подразнить. Когда иерархия перестраивается, такие недопонимания накапливаются, действуя на нервы самцам, стоящим близко к верхушке. Поскольку стресс ослабляет иммунную систему, для высокоранговых приматов вполне обычное дело — заработать себе язву или сердечный приступ, что также не редкость и среди руководителей человеческих корпораций.

Преимущества высокого ранга должны быть поистине гигантскими, иначе эволюция ни в коем случае не способствовала бы столь рискованным амбициям, которые повсеместно распространены в животном мире, от лягушек и крыс до кур и слонов. В общем и целом высокий ранг обеспечивает самкам пищу, а самцам — партнерш. Я говорю «в общем и целом» потому, что самцы тоже конкурируют за пищу, а самки — за партнеров, хотя последнее по большей части ограничивается такими видами, как наш, где самцы помогают выращивать детенышей. Все в эволюции сводится к репродуктивной успешности, и это означает, что различия в установках самцов и самок абсолютно оправданны. Самец может умножить свое потомство, спа-

риваясь со многими самками и не подпуская к ним соперников. Для самки в такой стратегии нет смысла: спаривание со многими самцами обычно не приносит ей никакой пользы.

Самка стремится к качеству, а не к количеству. Большинство самок животных не живут вместе со своими половыми партнерами, следовательно, все, что им нужно сделать, — это выбрать наиболее здорового и жизнеспособного партнера. Но самки тех видов, у которых самцы держатся рядом с ними, находятся в другой ситуации, побуждающей их отдавать предпочтение самцам добрым, склонным их защищать и хорошо обеспечивать пищей. Далее успешное размножение обеспечивается за счет того, что самки лучше питаются, особенно когда они беременны или кормят детенышей молоком, — тогда потребление калорий увеличивается в пять раз. Поскольку доминантные самки могут получать лучшую пищу, они выращивают самое здоровое потомство. У некоторых видов, таких как макаки-резусы, иерархия настолько строгая, что доминантная самка просто останавливает низкоранговую, если та проходит мимо с набитыми защечными мешками. Эти мешки помогают макакам переносить пищу в безопасное место. Доминирующая самка просто берет подчиненную за голову, открывает ей рот и, по сути, обчищает карманы. Ее посягательства не встречают никакого сопротивления, поскольку для низкоранговой самки возможно только согласиться или быть искусанной.

Объясняют ли выгоды пребывания на вершине власти это стремление к доминированию? Если посмотреть на здоровенные клыки самца павиана или размеры и мускулы самца гориллы, то можно увидеть боевую машину, эво-

люционировавшую, чтобы побеждать соперников в гонке за единственной валютой, которую признает естественный отбор, и такой валютой является произведенное потомство. Для самцов это игра по принципу «все или ничего» — ранг определяет, кто будет сеять свое семя налево и направо, а кто не будет сеять вообще. Вследствие этого самцы созданы для драк и склонны выискивать у соперников слабые места, они также отличаются и определенным пренебрежением к опасности. Самцам свойственно как рисковать, так и скрывать свою уязвимость. В мире самцов приматов вы не захотите выглядеть слабым. Поэтому неудивительно, что в современном обществе мужчины ходят к врачу реже, чем женщины, и испытывают трудности с проявлением эмоций, даже когда их побуждает к этому целая поддерживающая группа. В обществе широко распространено представление, что мужчины должны скрывать эмоции, но, скорее всего, такая привычка обусловлена тем, что они окружены другими самцами, готовыми ухватиться за любую возможность, чтобы низвергнуть соперника. Наши предки наверняка замечали у других малейшее прихрамывание или потерю жизненных сил. Высокоранговому самцу следует скрывать слабость и болезни — эта тенденция вполне могла укорениться очень глубоко. У шимпанзе раненый лидер нередко удваивает энергичность своих угрожающих демонстраций, создавая таким образом иллюзию пребывания в превосходной форме.

Генетические признаки, помогающие самцам заполучить фертильных, то есть способных к размножению, самок, передаются следующим поколениям. Животные не мыслят в категориях продолжения рода, но в реальности действуют таким образом, чтобы распространять свои гены. Челю-

веческие самцы унаследовали эту тенденцию. Существует множество свидетельств, напоминающих нам о связи между властью и сексом. Иногда, как во время скандала с Моникой Левински, эта связь изобличается и выставляется на всеобщее обозрение с пафосом и лицемерием, но большинство людей, будучи реалистами, осознают сексуальную притягательность лидеров и игнорируют их похождения. Однако это относится только к лидерам мужского пола. Поскольку мужчины не особенно стремятся иметь могущественных партнерш, высокий статус не приносит женщинам выгоды в области секса. Известный политик, француженка, однажды сравнила власть с плюшками: она ее обожает, но знает, что для нее это бесполезно.

Эти различия между полами возникают довольно рано. В канадском исследовании девяти-десятилетним мальчикам и девочкам предлагали игры, позволяющие измерить склонность к конкуренции. Девочки не хотели отбирать друг у друга игрушки — если только это не был единственный способ выиграть, а вот мальчики отбирали игрушки вне зависимости от того, как это влияло на результат игры. Девочки конкурировали только при необходимости, тогда как мальчики, по-видимому, делали это ради самого процесса.

Аналогичным образом мужчины при первом знакомстве проверяют друг друга, выбирая какую-либо тему — совершенно неважно какую, — по поводу которой можно поспорить, часто заходясь из-за того, до чего обычно им вовсе нет дела. Они принимают угрожающие позы — расставляют ноги и выпячивают грудь, бурно жестикулируют, говорят более громко и напористо, чем обычно, пускают в ход скрытые оскорбления, рискованные шутки и тому подобное.

Они отчаянно хотят выяснить, какое положение занимают относительно друг друга, и надеются произвести на других достаточно сильное впечатление, чтобы в итоге выиграть.

Весьма предсказуемая ситуация для первого дня какой-нибудь научной конференции, когда множество эго из разных уголков земного шара встречаются в конференц-зале или даже в баре. В отличие от женщин, склонных держаться в стороне и наблюдать, мужчины так вовлекаются в неизменно возникающую интеллектуальную борьбу, что даже иногда краснеют или бледнеют. То, чего самцы шимпанзе добиваются угрожающими демонстрациями, вздыбив шерсть, колотя по всему, что усиливает звук, на ходу вырывая с корнем мелкие деревья, самцы человека проделывают в более цивилизованной манере: разнося в клочья чужие аргументы или попросту не давая другим даже рта раскрыть. Прояснение места в иерархии — дело первостепенной важности. Как правило, следующая встреча тех же мужчин проходит гораздо спокойнее: это означает, что все уже урегулировано, хотя трудно понять, что именно.

Для самцов власть — сильнейший афродизиак, причем вызывающий привыкание. Бурная реакция Никки и Йеруна на утрату власти точь-в-точь соответствует гипотезе «фрустрации-агрессии»: чем глубже обида, тем сильнее злость. Самцы ревностно охраняют свою власть и теряют всякие тормоза, когда кто-то пытается ее оспаривать. А для Йеруна это было не в первый раз. Жестокость нападения на Лёйта могла быть связана с тем, что ему пришлось повторно подниматься на вершину власти.

Когда Лёйт впервые вырвался в лидеры, что означало конец прежнего, йеруновского порядка, меня

очень озадачило то, как теперь на все реагировал бывший признанный вожак. Йерун, который обычно держался с достоинством, стал неузнаваем. Во время конфликта он плюхался с дерева, словно гнилое яблоко, извивался на земле, жалобно вопя, и ждал, чтобы его принялась успокаивать вся группа. Он вел себя скорее как детеныш, которого мать отталкивает от груди. И словно ребенок, который во время истерической вспышки гнева все время поглядывает на мать, ища признаки ее смягчения, Йерун всегда замечал, кто к нему подходит. Если толпа вокруг него собиралась большая и достаточно влиятельная и особенно если там присутствовала альфа-самка, он тут же вновь набирался отваги. Вместе со свитой он возобновлял конфликт с соперником. Истерики Йеруна явно были еще одним примером искусной манипуляции. Однако больше всего меня завораживали параллели с инфантильной привязанностью, что удачно выражено фразами «*цепляться за власть*» и «*отлучать от власти*». Сбрасывание самца с пьедестала вызывает ту же реакцию, что и отбирание у младенца привычного предмета.

Утратив главенствующее положение, Йерун часто сидел после драки, глядя куда-то вдаль, с опустошенным выражением лица. Он не обращал внимания на деятельность группы вокруг и неделями отказывался от пищи. Мы думали, что он болен, но ветеринар не нашел никаких недугов. Старый самец выглядел как призрак того впечатляющего босса, каким недавно был. Я никогда не забуду этот образ побежденного и впавшего в уныние Йеруна. Когда ушла власть, весь огонь в нем иссяк.

Я видел еще только одно столь же разительное преобразование — на этот раз у представителя собственного

вида. Старший преподаватель, мой коллега по университетскому факультету, обладавший колоссальным престижем и самолюбием, не разглядел зарождающегося заговора. Некоторые молодые сотрудники факультета разошлись с ним во мнениях по щекотливому политическому вопросу и успешно сплотились против него на голосовании. Кажется, до тех пор ни у кого не хватало смелости вступить с ним в борьбу. Поддержку другому кандидату организовали у него за спиной некоторые из его собственных протеже. После рокового голосования, которое, судя по выражению крайнего недоумения и неверия, похоже, стало для профессора громом среди ясного неба, с лица проигравшего сбежала вся краска. Он словно постарел на десять лет и приобрел столь же опустошенный, отсутствующий вид, что и Йерун после утраты трона. Для профессора это был более чем насущный вопрос: речь шла о том, кто будет руководить факультетом. В течение нескольких недель и месяцев после того собрания вся его манера переменилась. Он бродил по коридорам, и теперь вместо «Я здесь главный» язык его тела говорил: «Оставьте меня в покое».

В своей книге «Последние дни» (The Final Days) Боб Вудворд и Карл Бернштейн описывают нервный срыв президента Ричарда Никсона в 1974 г., после того как стало очевидно, что ему придется уйти в отставку: «Между рыданиями Никсон горько жаловался. Как мог простой взлом... привести ко всему этому?.. Никсон встал на колени... [Он] согнулся пополам и ударил кулаком по ковру, крича: „Что я сделал? Что произошло?“». Рассказывают, что его госсекретарь Генри Киссинджер утешал низложенного лидера, как ребенка. Он успокаивал Никсо-

на, буквально держа в объятиях, снова и снова перечисляя все его великие свершения, пока президент, наконец, не утих.

Архаическая тенденция

Учитывая очевидную «волю к власти» (как это называл Фридрих Ницше) рода человеческого, огромную энергию, вкладываемую в ее выражение, раннее возникновение иерархий среди детей и совершенно детскую опустошенность взрослых людей, падающих с вершины власти, я испытываю недоумение в отношении табу, которым наше общество окружает этот вопрос. Большинство учебников по психологии даже не упоминают о власти и доминировании, разве что в связи с невротическими проявлениями жестокости и насилия. Все как будто отказываются это видеть. В одном исследовании мотиваций руководителей корпораций спрашивали об их отношении к власти. Они признавали существование жажды власти, но никогда не относили это к себе, утверждая, что скорее получали удовольствие от ответственности, престижа и авторитета. За властью всегда охотились только *другие* люди.

Кандидаты на политические посты столь же неохотно говорят о власти. Они представляют себя как слуг народа, идущих в политику, только чтобы поправить экономику или улучшить образование. Слышали ли вы когда-нибудь, чтобы кандидат признавался, что желает власти? Слово «слуга» явно искажает факты: кто-нибудь верит, что только ради нас эти кандидаты присоединяются к «боям в грязи» при современной демократии? Интересно, а сами они в это верят? Право, это было бы весьма необычное самопо-

жертвование. Работа с шимпанзе очень отрезвляет: они — те честные политики, которых мы все жаждем. Когда один из основателей политической философии Томас Гоббс постулировал неодолимую тягу к власти, он попал точно в цель в отношении как людей, так и обезьян. Наблюдая, насколько открыто и беззастенчиво шимпанзе всеми силами борются за положение в группе, исследователь едва ли обнаружит в их поведении некие скрытые мотивы или обещания каких-либо благ.

Я не был готов к этому, когда совсем еще юным студентом начал следить за драмами, разыгрывавшимися между шимпанзе в арнемской колонии, со своего наблюдательного поста над их островом. В те дни само собой подразумевалось, что студенты настроены против властей и правящего класса, и мои волосы до плеч это подтверждали. Мы считали власть злом, а честолюбие — чем-то нелепым и смехотворным. Однако наблюдения за человекообразными обезьянами заставили меня открыть глаза и увидеть отношения, завязанные на власти, не как что-то дурное, но как нечто свойственное нам от природы. Возможно, от неравенства нельзя просто отмахнуться и воспринимать его только как порождение капитализма. Все выглядело так, будто оно коренится гораздо глубже. В наши дни это может показаться банальным, но в 1970-е гг. человеческое поведение представлялось абсолютно гибким: не природным, врожденным, а культурным, приобретенным. Люди полагали, что, если по-настоящему захотеть, можно избавиться от архаических тенденций вроде сексуальной ревности, гендерных ролей, материальной собственности и — да — желания доминировать.

Не подозревая об этом революционном призыве, мои шимпанзе демонстрировали те же архаические тенденции,

только без всяких признаков когнитивного диссонанса. Они были ревнивцами, сексистами и собственниками — откровенно и недвусмысленно. Тогда я не знал, что продолжу работать с ними всю оставшуюся жизнь и что никогда больше у меня не будет такой роскоши: сидеть на деревянном табурете и наблюдать за ними тысячи часов. То время, как никакое другое в моей жизни, было полно открытий. Я с головой погрузился в эти наблюдения и даже пытался представлять, что побуждало моих обезьян совершать то или иное действие. Они стали мне сниться, и, что еще более важно, я начал видеть в ином свете окружающих меня людей.

Я прирожденный наблюдатель. Моя жена, которая не всегда рассказывает мне о своих покупках, давно смирилась с тем фактом, что я могу зайти в комнату и за считанные секунды обнаружить что-либо новое или изменившееся, каким бы незначительным это изменение ни было. Это может быть просто новая книга, поставленная между другими, или еще одна банка в холодильнике. Я замечаю все это совершенно непреднамеренно. Точно так же мне нравится наблюдать за поведением людей. Выбирая место в ресторане, я всегда сажусь так, чтобы видеть как можно больше столиков. Мне доставляет удовольствие следить за социальной динамикой вокруг меня — проявлениями любви, напряжения, скуки, антипатии, — разгадывая язык тела, который я считаю более информативным, чем произносимые слова. Поскольку отслеживание других — это то, что я делаю автоматически и незаметно, роль мухи на стене вольтера шимпанзе далась мне легко и естественно.

Все эти наблюдения помогли мне увидеть человеческое поведение в эволюционном свете. Под этим я под-

разумеваю не только идеи Дарвина, о которых мы столько слышим, но также и нашу привычку, подобно обезьянам, чесать голову, когда нас раздражают противоречивые чувства, или приобретать удрученный вид, если наш друг уделяет слишком много внимания кому-то другому. В то же время я начал сомневаться в том, чему меня учили относительно поведения животных, например что они всего лишь следуют инстинкту, что у них нет ни малейшего представления о будущем и все, что они делают, эгоистично. Я не мог состыковать это с тем, что видел. Я потерял способность говорить о «шимпанзе вообще» точно так же, как никто не говорит о «человеке вообще». Чем дольше я наблюдал, тем более мои суждения начинали походить на те, что мы выносим о людях: например, этот добрый и дружелюбный, а этот заиклен на себе. Нет двух одинаковых шимпанзе.

Невозможно следить за тем, что происходит в группе шимпанзе, не различая действующих лиц и не пытаясь понять их цели. Политика шимпанзе, как и человеческая политика, — это дело индивидуальных стратегий, сталкивающихся, чтобы выяснить, кто пройдет в дамки. Существующая биологическая литература оказалась бесполезна для постижения социального маневрирования, поскольку игнорировала язык мотивов. Биологи не говорят о намерениях и эмоциях, так что мне пришлось обратиться к Никколо Макиавелли. В спокойные моменты наблюдений я читал книгу, изданную четыре века назад. «Государь» задал мне верные рамки для интерпретации того, что происходило на острове, хотя сам философ, несомненно, никогда не предполагал столь специфического приложения его труда.

В мире шимпанзе все пронизано иерархией. Когда мы приводим двух самок в здание — как мы часто делаем во

время исследований — и предлагаем поработать над одним и тем же заданием, одна будет готова приступить сразу же, а другая станет колебаться и робеть. Вторая самка едва отваживается брать награду и даже не прикоснется к коробке с головоломками, компьютеру и всему тому, что мы используем в экспериментах. Ей может этого хотеться так же, как и первой, но она уступает «вышестоящей». Никакого напряжения или враждебности нет, и в группе они могут быть лучшими подружками. Просто одна самка — доминант по отношению к другой.

В арнемской колонии шимпанзе альфа-самка Мама иногда подчеркивала свое положение яростными атаками на других самок, но ее уважали и так, без подобных эксцессов. Лучшая подруга Мамы, Кёйф, разделяла с ней власть, однако это было совершенно не похоже на коалицию самцов. Самки поднимаются на вершину иерархии, потому что все признают их как лидеров, а это означает, что драться здесь не из-за чего. Поскольку статус — это в основном вопрос личностных качеств и возраста, Мама по сути не нуждалась в Кёйф. А та разделяла власть с Мамой, ничего к ней не добавляя.

Среди самцов, напротив, власть всегда принадлежит тому, кто смог ее захватить. Она не даруется на основании возраста или любого другого качества, но за нее нужно сражаться и ревниво охранять от посягательств соперников. Если самцы вступают в коалицию, то только потому, что нуждаются друг в друге. Статус определяется способностью одолеть других, причем не один на один, а в группе в целом. Самцу не будет никакой пользы от того, что он может физически победить своего соперника, если всякий раз, когда он пытается это сделать, на него набрасывается

вся группа. Чтобы властвовать, самцу необходимы и физическая сила, и друзья, которые помогут ему, если схватка станет уж слишком жаркой. Когда Никки завоевывал место альфа-самца, помощь Йеруна была решающей. Никки нуждался в поддержке старого самца не только чтобы контролировать Лёйта, а также потому, что был непопулярен среди самок, которые нередко объединялись против него. Йерун, пользующийся большим уважением у противоположного пола, мог остановить подобное массовое выступление, встав между Никки и вопящими самками. Такая зависимость делает еще более удивительным тот факт, что Никки в конце концов укусил руку, кормившую его.

Но при сложных стратегиях всегда случаются просчеты. Вот почему мы говорим об искусстве политики: важно не столько, кто ты, сколько то, что ты делаешь. Мы чрезвычайно чутко воспринимаем все, что связано с властью, быстро откликаясь на любую новую расстановку сил. Если бизнесмен стремится заключить контракт с большой корпорацией, он будет участвовать в одном собрании за другим, встречаясь со множеством разных людей, и из этого у него складывается сложная картина соперничества, лояльности, ревности и зависти внутри этой корпорации: кто метит на чье место, кто чувствует, что его выдавливает другой, кто катится вниз по карьерной лестнице, а кому грозит увольнение. Эта картина по меньшей мере так же ценна, как и организационная структура компании. Мы просто не могли бы выжить, не будучи столь чувствительны к динамике власти.

Власть пронизывает всю нашу жизнь, ее постоянно утверждают и оспаривают, воспринимая при этом чрезвычайно тонко. Однако социологи, политики и даже обычные

люди считают тему власти весьма щекотливой. Мы предпочитаем скрывать свои глубинные мотивы. Каждый, кто, подобно Макиавелли, разрушает чары, называя все своими именами, рискует собственной репутацией. Никто не хочет называться «макиавеллианцем», хотя в большинстве своем мы именно таковыми и являемся.

Пресмыкающиеся в пыли

Нелегко назвать хотя бы одно открытие в области поведения животных, которое получило бы более широкую известность, чем «порядок клевания». Даже притом что клевание не совсем человеческое поведение, этот термин широко распространился в современном обществе. Мы говорим о «корпоративном порядке клевания», или «порядке клевания в Ватикане» (где на верхней ступеньке стоят «примасы»*, что звучит почти как «приматы»), признавая неравенство и его древние корни. Мы при этом еще и подшучиваем над самими собой, намекая, что мы — такие сложные и утонченные человеческие существа — имеем нечто общее с домашней птицей.

Это может заметить даже ребенок, причем в прямом смысле слова. Эпохальное открытие порядка клевания было сделано в начале XX в. норвежским мальчиком Торлейфом Шельдеруп-Эббе, который страстно увлекся курами в нежном возрасте шести лет. Мать купила ему собственных кур, и вскоре каждая птица получила имя. К десяти годам Торлейф уже вел подробные записи и продолжал это

* Примас (лат. *primas* — первенствующий, *primus* — первый) в Римско-католической церкви — почетный титул главнейших епископов в той или иной стране. — *Прим. ред.*

делать много лет. Кроме отслеживания, сколько яиц отложили куры и кто кого поклевал, его особенно завораживали случающиеся иногда исключения в иерархии — «треугольники», в которых курица А главенствовала над курицей В, В над С, а С — над А. Таким образом, с самого начала мальчик, как настоящий ученый, интересовался не только закономерностями рангового порядка, но и их нарушениями. Теперь социальная лестница, которую юный Торлейф открыл — и позже описал в своей диссертации, — кажется нам настолько очевидной, что сложно вообразить, как кто-то мог этого не замечать.

Точно так же, наблюдая за группами людей, быстро отмечаешь, кто из них действует с наибольшей уверенностью, притягивает больше взглядов и одобрительных кивков, охотнее вмешивается в споры, говорит более тихим голосом, рассчитанным, однако, на то, что все будут его слушать (и смеяться над шутками!), высказывает безапелляционные суждения и т. п. Но есть и куда более тонкие признаки статуса. Ученые обычно считают частоты от 500 Гц и ниже в человеческом голосе бессмысленным шумом, потому что, когда при записи голоса отфильтровывают все более высокие частоты, наши уши слышат только низкий гул: все слова теряются. Но потом обнаружили, что этот низкий гул является подсознательным инструментом социального воздействия. У каждого человека эти частоты разные, но в ходе разговора люди склонны их уравнивать до однородного гула, причем подстраивается всегда тот, у кого статус ниже. Это было продемонстрировано при анализе телешоу Ларри Кинга (Larry King Live). Ведущий шоу Ларри Кинг подстраивал свой тембр к голосу высокоранговых гостей, таких как Майк Уоллес или Элизабет Тейлор. Не столь высокие

гости, наоборот, подстраивались к голосу Кинга. Самым ярким примером подстройки к его голосу, указывающим на недостаток уверенности, стал бывший вице-президент Дэн Куэйл.

Тот же спектральный анализ звука был применен к записи теледебатов между кандидатами в президенты США. Во время всех восьми выборов, с 1960 по 2000 г., предпочтения избирателей соответствовали результатам анализа тембров голосов: большинство избирателей голосовали за кандидата, который сохранял собственный тембр, а не за того, кто подстраивался. В некоторых случаях, таких как встреча Рональда Рейгана и Уолтера Мондейла, разрыв оказывался огромным, и только в 2000 г. был избран кандидат со слегка подчиненным голосовым паттерном — Джордж Буш-младший. Но по-видимому, это все же не было исключением из правил, потому что, как любят указывать демократы, избиратели проголосовали за кандидата с доминантным голосовым паттерном — Эла Гора.

Таким образом, на частотах ниже тех, что распознаются радаром сознания, мы сообщаем о своем статусе всякий раз, когда с кем-нибудь говорим, лично или по телефону. Кроме того, у нас есть всевозможные способы сделать человеческую иерархию очевидной: от размера наших офисов до стоимости одежды, которую мы носим. В африканской деревне у вождя самая большая хижина и золотое одеяние, а во время университетской церемонии вручения дипломов перед студентами и их родителями горделиво шествуют профессора в академическом облачении. В Японии глубина поклона сигнализирует о четких различиях в рангах не только между мужчинами и женщинами (женщины кла-

няются ниже), но также и между старшими и младшими членами семьи. Иерархия в наибольшей степени организационно закреплена в таких мужских оплотах, как армия, со всеми ее звездами и полосками, и Римско-католическая церковь, где папы носят белое облачение, кардиналы — пурпурное, епископы — фиолетовое, а простые священники — черное.

Шимпанзе ничуть не менее формальны в приветственных церемониях, чем японцы. Альфа-самец устраивает внушительную демонстрацию: расхаживает, вздыбив шерсть, и бьет любого, кто вовремя не отходит с его пути. Такая демонстрация и привлекает внимание к самцу, и производит впечатление на его группу. Один альфа-самец в Национальном парке Махали-Маунтинс в Танзании завел привычку сталкивать с места огромные валуны и скатывать их по сухому речному руслу, производя оглушительный грохот. Можно себе вообразить, с каким восхищением его сородичи взирали на представление, которое не могли повторить. Потом исполнитель трюка садился, ожидая, пока публика сама к нему приблизится. И они это делали — поначалу неохотно, а потом толпой, кланяясь с приседанием (у людей это называется «книксен»), и пресмыкались перед ним, шумно выражая почтение прерывистым криком. Доминантные самцы, по-видимому, стараются следить за этими приветствиями, потому что во время следующего раунда демонстраций они иногда выделяют группки, не оказавшие должного внимания, для «особой обработки», чтобы в следующий раз те уж точно не забыли поздороваться как надо.

Однажды я посетил Запретный город в Пекине (в четыре раза превосходящий размерами Версаль и в десять раз —

Букингемский дворец) с его богато украшенными зданиями, окруженными садами и обширными площадями. Было несложно вообразить китайских императоров, отдающих приказы с причудливого трона, сделанного так, чтобы они могли взирать сверху на огромные толпы людей, лежащих ниц, потрясая их своим величием. Европейские монархи до сих пор проезжают по улицам Лондона и Амстердама в золоченых каретах с целью демонстрации власти, пусть уже и почти символической, но все еще лежащей в основе общественного устройства. Египетские фараоны производили глубочайшее впечатление на подданных во время роскошной церемонии, которая проводилась в самый длинный день в году. Фараон стоял на специальном месте в Храме Солнца, Амон-Ра, так, чтобы солнечные лучи проходили через узкий проем позади и заливали его таким сиянием, что оно слепило собравшихся, утверждая божественность правителя. На более скромном уровне прелат в цветном облачении протягивает руку нижестоящим священнослужителям, чтобы те целовали кольцо, а королеву дамы приветствуют особым реверансом. Но приз за самый странный ритуал подтверждения статуса (правда, по непроверенным данным) принадлежит Саддаму Хусейну, свергнутому иракскому тирану, которого подданные должны были приветствовать поцелуем в подмышку. Заключался ли смысл этого действия в том, чтобы дать им почувствовать запах власти?

Люди и сейчас остаются чувствительными к физическим маркерам статуса. Низкорослые политики, такие как кандидат в президенты США Майкл Дукакис или итальянский премьер-министр Сильвио Берлускони, обычно просят принести им ящик, на котором можно стоять во время дебатов и официальных групповых фотосъемок. Есть фотогра-

фия, где Берлускони улыбается прямо в лицо лидеру одной из стран, которому в обычной обстановке достал бы только до груди. Мы можем шутить, что у них комплекс Наполеона, но низкорослым мужчинам действительно приходится прилагать больше усилий, чтобы заработать авторитет. Те же самые предубеждения, связанные с физическими особенностями, какими руководствуются человекообразные обезьяны и дети, разбираясь в своих отношениях, действуют и в мире взрослых людей.

Немногие люди осознают невербальную коммуникацию, но один инновационный бизнес-курс уделяет ей особое внимание, используя собак в качестве «зеркал» для менеджеров. Менеджеры отдают приказы собакам, реакции которых показывают им, насколько убедительно они говорят. Перфекционист, старающийся спланировать каждый шаг и огорчающийся, если что-то идет не так, быстро теряет внимание собаки, а когда люди отдают приказы, в то время как язык их тела сигнализирует о неуверенности, собака окончательно запутывается или начинает сомневаться. Неудивительно, что оптимальной комбинацией является теплота плюс твердость. Любой, кто работает с животными, привык к их поразительной чувствительности к языку тела. Мои шимпанзе иногда понимают мое настроение лучше, чем я сам, одурачить их нелегко, и одна из причин этой проницательности заключается в том, что они не отвлекаются на устную речь. Мы придаем огромную важность вербальной коммуникации, при этом упуская из виду то, что говорит о нас язык нашего тела.

Невролог Оливер Сакс описывал, как в одной палате группа пациентов с речевыми нарушениями до упаду хохотала над телевизионной трансляцией речи президента

Рональда Рейгана. Не способные понимать речь как таковую, пациенты с афазией следили за тем, что говорится, по выражениям лица и движениям тела. Они настолько внимательны к невербальной информации, что им невозможно солгать. Сакс пришел к выводу, что президент, чья речь казалась абсолютно нормальной людям без речевых нарушений, так ловко сочетал вводящие в заблуждение слова и тон голоса, что только люди с поврежденным мозгом могли это разглядеть.

Мы не только чувствительны к иерархиям и связанному с ними языку тела — мы просто жить без них не можем. Некоторые люди, возможно, желают, чтобы иерархий не было вовсе, но гармония требует стабильности, а стабильность в конечном итоге зависит от общепризнанного социального устройства. Мы легко можем увидеть, что происходит, когда в группе шимпанзе нет стабильности. Проблемы начинаются, когда один самец, привыкший ранее старательно приседать и выказывать уважение вожаку, превращается в открыто неповивающегося ему зачинщика скандалов и беспорядка. Он будто увеличивается в размерах, с каждым днем устраивает устрашающие демонстрации все ближе к лидеру и требует внимания, швыряя в его сторону ветками и тяжелыми камнями.

Поначалу исход такого противостояния остается открытым. Все будет зависеть от того, какую поддержку каждый из соперников получит от других членов группы. Если окажется, что лидера постоянно поддерживает меньше сторонников, чем его конкурента, это станет для него приговором. Причем критической точкой для него будет не первая победа претендента, а первый раз, когда тот добьется от него подчинения. Бывший альфа может проиграть мно-

жество схваток, убегать в панике и вопить на верхушке дерева, однако, пока он отказывается «поднимать белый флаг», что выражается в виде низкого прерывистого кряхтения, сопровождаемого поклонами сопернику, ничего еще не определено.

Бросивший вызов, со своей стороны, не станет расслабляться, пока бывший лидер ему не подчинится. По сути, претендент говорит свергнутому вожаку, что единственный способ снова стать друзьями — покряхтеть и поклониться, то есть признать поражение. Это чистой воды шантаж: претендент ждет, чтобы альфа сдался. Во многих случаях я видел, как самец, не издавший заветного кряхтения при приближении к новому альфе, вдруг оказывается в одиночестве. Альфа просто уходит — зачем тратить внимание на того, кто не признает твой статус? Ситуация примерно такая же, как если бы солдат приветствовал старшего по званию, не отдав честь. Должное уважение — ключ к спокойным и непринужденным отношениям. Только когда вопросы ранга решены, соперники смогут примириться и покой будет восстановлен.

Чем четче иерархия, тем меньше нужды в ее укреплении. У шимпанзе стабильная иерархия устраняет напряжение, так что конфронтации становятся редки: подчиненные конфликтов избегают, а у вышестоящих нет причин их устраивать. И всем от этого только лучше. Члены группы могут проводить время вместе, вычесывать друг друга, играть и не тревожиться, поскольку все чувствуют себя в безопасности. Если я вижу самцов шимпанзе, скачущих и резвящихся с так называемыми «игровыми гримасами» (широко открытая пасть и звуки, похожие на смех), буквально дергающих друг друга за ноги или шутливо подталкивающих,

я понимаю, что они очень хорошо знают, кто над кем доминирует. Поскольку все отношения выстроены и понятны, шимпанзе могут расслабиться. Но как только один из них решит оспорить существующий порядок, первый вид поведения, который исчезает, — это игра. Внезапно оказывается, что у них есть более серьезные дела, требующие внимания.

Статусные ритуалы среди шимпанзе имеют отношение не только к власти — как мы видим, они связаны с гармонией. Альфа-самец будет важно стоять, вздыбив шерсть после впечатляющей демонстрации, едва обращая внимание на подчиненных, простирающихся перед ним с уважительными вокализациями, целующих его лицо, грудь или руки. Наклонив туловище и глядя на альфу снизу вверх, кричащий наглядно показывает, кто выше по рангу, и это является залогом мирных и дружеских отношений. И не только: прояснение иерархических позиций совершенно необходимо для эффективного сотрудничества. Вот почему человеческие предприятия, в наибольшей степени требующие слаженного взаимодействия, такие как крупные корпорации или армия, имеют самую четкую иерархию. Субординация побеждает демократию всякий раз, когда требуются решительные действия. Мы спонтанно переключаемся в более иерархический режим в зависимости от обстоятельств. В одном исследовании десятилетних мальчиков в летнем лагере разделили на две группы, которые соревновались друг с другом. Унижение не принадлежащих к собственной группе (например, брезгливое зажимание носа при встрече с членами второй группы) быстро стало обычной практикой. С другой стороны, сплоченность групп возрастала вместе с укреплением социальных правил и поведения по принципу «лидер — подчиненный». Этот экс-

перимент продемонстрировал сплавляющие свойства статусных иерархий, которые укреплялись, как только требовались согласованные действия.

Эти наблюдения привели меня к величайшему парадоксу: хотя положение внутри иерархии определяется в результате конкуренции, сама иерархическая структура, однажды установившись, устраняет необходимость в дальнейших конфликтах. Очевидно, низшие по рангу предпочли бы занимать более высокое положение, но они довольствуются не самым плохим вариантом, а именно — чтобы их оставили в покое. Частые обмены статусными сигналами убеждают лидеров, что у них нет необходимости подчеркивать свое высокое положение с помощью силы. Даже те, кто верит, что люди более склонны к равенству, чем шимпанзе, будут вынуждены признать, что наши общества не смогли бы функционировать, не будь в них общепризнанного иерархического порядка. Мы жаждем прозрачности иерархии. Вообразите, сколько непонимания сразу бы возникло, если бы люди не давали нам ни малейшего намека на то, какое положение они занимают по отношению к нам, с помощью внешнего вида или манеры держаться. Так, при посещении школы своего ребенка родители могли бы поговорить с уборщиком вместо директора. Нам пришлось бы постоянно выяснять статус других людей, надеясь, что при этом мы никого не обидим.

Похожая ситуация могла бы возникнуть, если бы священников пригласили на собрание, на котором должно быть принято крайне важное решение, но попросили их всех одеться одинаково. Никто из святых отцов рангом от простого священника до папы римского не смог бы отличить, кто есть кто. Результатом, скорее всего, стала бы

некрасивая свара, в ходе которой примасам (вышестоящим «приматам») пришлось бы устраивать наглядные запугивающие демонстрации — возможно, качаться на люстре, — чтобы компенсировать отсутствие цветового кода.

Женская власть

Всякий мальчик-школьник знает, что представителей другого «вида», с которыми он никогда не играет, можно дразнить и доводить, только если их вокруг не слишком много. Они склонны защищаться группой.

Сплоченность представительниц женского пола перед лицом невзгод — это древняя особенность. Я уже описывал, как самки горилл обуздывают нового самца, сопротивляясь его выпадам и ходя за ним повсюду толпой. Самки шимпанзе тоже группой атакуют самцов, особенно склонных к проявлению жестокости. Объединившись в коалиции, они способны задать такую взбучку, что любой самец с понятной поспешностью убегает с их пути. Поскольку ни одна самка не может тягаться с самцом в скорости и силе, женская солидарность здесь решает все. В арнемской колонии такая солидарность усиливала авторитет Мамы, поскольку она была здесь главным дирижером. Не только все самки признавали ее своим лидером, но и она сама была не прочь об этом напомнить. Если во время борьбы самцов за власть какая-нибудь самка поддержала бы не того соперника, которого выбрала Мама, последствия для ослушницы могли быть самые печальные. Ей пришлось бы о многом подумать, зализывая раны.

В дикой природе среди шимпанзе власть самок менее очевидна. Самки обычно бродят поодиночке вместе с зави-

симыми от них детенышами: они вынуждены расходиться в разные стороны в поисках еды — плодов и листьев, которыми в основном питаются. Ресурсы слишком разбросаны по местности, чтобы вся группа могла кормиться вместе. Подобная рассредоточенность не позволяет самкам образовывать такие же союзы, как в неволе, где вопли одной самки мобилизуют всех остальных. Существование поблизости друг от друга уменьшает неравенство между полами. Возьмем, например, то, как самки шимпанзе в зоопарках «конфискуют» оружие самцов, что в дикой природе никогда не наблюдалось. Самка приближается к готовящемуся к схватке самцу, который сидит со вздыбленной шерстью, раскачивается из стороны в сторону и ухает. Самцы могут так разогреваться минут десять, прежде чем предпринять атаку. Это дает самке возможность разжать ему руки и забрать оружие — какую-нибудь тяжелую палку или камень. И у самок есть все основания так делать: самцы зачастую вымещают на них свою фрустрацию.

Относительное равенство полов у обезьян в зоопарках, может, возникло и искусственно, но является чрезвычайно показательным. Оно свидетельствует о том, что существует потенциальная солидарность самок, которую мало кто мог бы предсказать, наблюдая за шимпанзе в дикой природе. И именно этот потенциал был реализован у «сестринского вида» шимпанзе. Самки бонобо действуют как команда не только в неволе, но и в лесу, где живут в местообитаниях, более богатых пищевыми ресурсами, чем у шимпанзе, что позволяет им бродить всем вместе. Бонобо собираются более крупными группами, чем шимпанзе, и в итоге самки гораздо больше общаются между собой. Долгая история взаимосвязей и привязанностей между самками, выража-

ющихся в большом количестве груминга и секса, не просто подорвала господство самцов, а полностью поменяла расстановку сил. В результате появился совершенно иной уклад жизни. Однако в то же время я вижу здесь определенную тенденцию: самки бонобо довели до совершенства женскую солидарность, скрыто присутствующую у всех африканских человекообразных обезьян.

Коллективное правление самок бонобо широко известно в зоопарках, а полевые исследователи наверняка уже давно заподозрили нечто подобное. Но никто не хотел первым делать столь эпатажное заявление, учитывая, что доминирование самцов считалось само собой разумеющимся в эволюции человека. Так продолжалось вплоть до 1992 г., когда ученые опубликовали результаты наблюдений, практически не оставлявшие сомнений по поводу женской власти у бонобо. В одном отчете рассматривалась конкуренция за пищу в зоопарках и описывалось, что самец шимпанзе, живущий с двумя самками, с большей вероятностью заберет все себе, а у самца бонобо в таких же обстоятельствах, скорее всего, даже не получится подойти к пище. Он может устраивать сколько угодно угрожающих демонстраций, но самки игнорируют всю эту суматоху и спокойно делят пищу между собой.

В дикой природе альфа-самка бонобо может выйти на поляну, таща за собой ветку — устраивая демонстрацию, за которой с почтительного расстояния будут наблюдать все остальные. Для самок бонобо вполне обычно гоняться за самцами и отбирать крупные плоды, деля их между собой. Плоды анонидиума (*Anonidium mannii*) весят до 10 кг, а африканского хлебного дерева (*Treculia africana*) — до 30 кг, почти как взрослый бонобо. Когда эти

исполинские фрукты падают на землю, их тут же забирают самки, которые лишь иногда считают нужным делиться с выпрашивающими подачку самцами. Хотя самцы бонобо нередко грабят одиночных самок, особенно молодых, коллективно самки всегда доминируют над самцами.

При нашей собственной увлеченности гендерными вопросами нет ничего удивительного, что бонобо мгновенно стали сенсацией. Элис Уокер посвятила этим нашим ближайшим родственникам книгу «При свете отцовской улыбки» (*By the Light of My Father's Smile*), а Морин Дауд, ведущая колонку в *The New York Times*, как-то раз вставила в политический репортаж дифирамбы равенству полов у бонобо. Многим другим, однако, сложно поверить в существование столь совершенных созданий. Может, это всего лишь политкорректная фантазия — обезьяна, выдуманная на радость либералам? Некоторые ученые настаивают, что самцы бонобо вовсе не находятся в подчинении у самок, а просто «благородны» по натуре. Говорят также о «стратегической почтительности», объясняя, таким образом, авторитет слабого пола добродушием сильного. В конце концов, отмечают они, доминирование самок, по-видимому, проявляется лишь при распределении пищи. Другие исследователи пытаются вообще исключить бонобо из картины происхождения человека. Один известный антрополог даже дошел до того, что предложил вообще игнорировать бонобо, поскольку в дикой природе они живут под угрозой исчезновения (видимо, подразумевая, что учитывать стоит лишь успешные виды).

Так, может, самцы бонобо и правда просто милые ребята? Если и есть единый критерий, применимый ко всем животным на планете, то он таков: если особь А может отогнать

особь В от пищи, то, несомненно, А — доминант. Как отмечал Такаёси Кано, японский ученый, 25 лет изучавший бонобо в Африке, именно пища — то, ради чего и существует женское доминирование. Если это для них важнее всего, то оно должно быть важно и для человека-наблюдателя. Далее Кано указывал, что, даже если вокруг нет пищи, взрослые самцы бонобо демонстрируют реакцию подчинения и страха при одном только приближении главной самки.

У тех, кто работает с бонобо давно, возникшие было вначале шок и недоверие уже выветрились. Мы так привыкли к обратному порядку отношений между полами, что не способны даже вообразить, как может быть иначе. Это кажется абсолютно естественным. Скептики, по-видимому, не в состоянии выйти за рамки того, как все устроено у нашего вида. Во время лекционного тура с моей книгой «Бонобо: Забытая обезьяна» (Bonobo: The Forgotten Ape) самым успешным моментом — или же самым провальным, не знаю, — стал вопрос, заданный чрезвычайно уважаемым немецким профессором биологии. После моей лекции он встал и рявкнул чуть ли не обвинительным тоном: «Да что не так с этими самцами?!» Доминирование самок его шокировало. Я же всегда полагал, что при столь высоком уровне сексуальной активности и низком уровне агрессии самцам особо не на что пожаловаться. Можно предположить, что бонобо испытывают меньше стрессов, чем их собратья-люди и шимпанзе. Однако мой ответ, что самцам бонобо прекрасно живется, явно не удовлетворил профессора. Эти человекообразные в корне подрывают представления о предках и поведении людей.

Что же такого хорошего в жизни самца бонобо? Начнем с того, что в дикой природе в группах бонобо равное коли-

чество самцов и самок, а в группах шимпанзе зачастую самок вдвое больше, чем самцов. Поскольку у обоих видов соотношение рождающихся детенышей один к одному, а одиноких самцов, бродящих без группы, не бывает, очевидно, что смертность среди самцов шимпанзе очень высока. Это не удивительно, учитывая межгрупповые конфликты у этого вида, а также травмы и стресс, сопряженные с постоянной борьбой за власть. Получается, что самцы бонобо живут дольше, причем более здоровой жизнью, чем их сверстники-шимпанзе.

Было время, когда считалось, что у бонобо такая же структура семьи, как и у нас: обнаружилось, что у взрослых самцов есть прочные связи с конкретными самками. «Ну наконец-то нашлись человекообразные обезьяны, которые просветят нас насчет происхождения моногамии», — думали мы. Но потом из полевых исследований Кано и других мы узнали, что на самом деле это связи между матерями и сыновьями. Взрослый самец следует за своей матерью по лесу, получая выгоды от ее внимания и защиты, особенно если у нее высокий ранг. Фактически иерархия самцов определяется тем, кто их мать. Вместо вступления в постоянно меняющиеся союзы среди представителей своего пола самцы бонобо борются за то, чтобы быть поближе к материнской юбке.

Типичный пример — дикая альфа-самка Каме, имевшая не менее трех взрослых сыновей, старший из которых был альфа-самцом. Когда Каме начала слабеть от старости, она стала менее решительно защищать своих детей. Сын бета-самки, видимо, почувствовал это, потому что начал вызывающе вести себя с сыновьями Каме. Его собственная мать поддерживала сына и не боялась ради него нападать на альфа-

самца. Трения усилились до того, что две матери принялись колотить друг друга, катаясь по земле, и бета-самка оказалась сверху. Каме так никогда уже не восстановилась после этого унижения, и вскоре ее сыновья опустились до среднего ранга. После смерти Каме они и вовсе оказались на периферии, а сын новой альфа-самки занял главенствующую позицию в группе.

Если бы сыновья Каме были шимпанзе, они бы сплотились, чтобы защитить свое положение. Однако у бонобо мужские союзы складываются плохо, и именно это позволяет самкам добиваться такого влияния. Даже редкие наблюдения битв за власть опровергают идею, что общество бонобо полностью эгалитарно. Напряжение, несомненно, присутствует, так как самцы весьма склонны к конкуренции (да и самки, бывает, тоже). Высокий ранг, судя по всему, окупается сторицей. Самки проявляют большую терпимость по отношению к высокоранговым самцам в плане приближения к пище, и такие самцы имеют больше половых партнеров. Это означает, что мать, сумевшая продвинуть сына в высшие эшелоны власти, способствует умножению собственного потомства через его детенышей. Не то чтобы бонобо понимали эту связь, но естественный отбор наверняка благоприятствовал матерям, активно помогавшим сыновьям в их стремлении к высокому статусу.

Означает ли это, что, по сути, общество бонобо — это общество шимпанзе наоборот? Едва ли. На мой взгляд, шимпанзе намного более *zoon politikon* — «политические животные»*. Это связано с тем, как образуются союзы,

* Понятие *zoon politikon* было впервые введено Аристотелем в трактате «Политика» (335–322 до н. э.). — Прим. ред.

а также с иным устройством иерархии самок. И у людей, и у человекообразных обезьян в женской иерархии меньше конкуренции, и потому она меньше нуждается в утверждении и укреплении. Женщины редко думают о себе в терминах иерархий, и их отношения никогда не бывают так формализованы, как отношения мужчин. Но несомненно, существуют женщины, внушающие больше уважения, чем другие. Внутри одной социальной страты, по-видимому, правят старшие женщины. Традиционно женщины пользуются наибольшим влиянием в семье, где им не нужно бороться, хвастаться или запугивать на пути к вершине: они просто-напросто попадают туда с возрастом. Личность, образование и размер семьи бесспорно важны, и существует множество тонких способов конкуренции между женщинами, но при прочих равных условиях старшинство — по меньшей мере половина дела, когда речь идет о положении женщин среди других женщин.

То же самое относится к человекообразным обезьянам. В дикой природе старшие самки имеют преимущество перед младшими, только что пришедшими в группу извне. Самки покидают родную группу и присоединяются к другой по достижении половой зрелости. Самкам шимпанзе необходимо найти себе участок на территории своей новой группы, часто конкурируя за него с местными самками. Молодые самки бонобо, при их более тесных связях с представительницами своего пола, ищут покровительства местной самки, вычесывая ее и занимаясь с ней сексом, после чего старшая самка выступает как защитница младшей, берет ее, так сказать, под свое крыло. Со временем и сама новая самка может стать покровительницей для вновь прибывших, повторяя этот цикл. В такой системе старшинство

также важно. Даже при том, что женские иерархии никогда не бывают абсолютно четко выстроены по возрасту, этот фактор во многом объясняет существующий порядок.

Битвы за доминирование среди самок человекообразных обезьян гораздо менее распространены, чем среди самцов. И если они все же случаются, то всегда между самками одной возрастной категории. В группе, где есть самки старше 30 лет, 22-летняя самка никогда не окажется на вершине иерархии. Это не вопрос физической крепости — 22-летние как раз на пике формы, — но в молодых самках как будто отсутствует всякое желание соперничать с этими опытными и твердыми, как камень, дамами постарше. Я знаю альфа-самок, чье положение не оспаривалось десятилетиями. Очевидно, какой-то предел пребывания у власти для верховной самки, зависящий и от физического, и от психического здоровья, все же существует, но самки достигают этой точки на десятки лет позже самцов.

То, как старшие самки ставят на место младших, совершенно удивительно, поскольку чаще всего это происходит безо всякой агрессии. Старшим самкам, которых младшие воспринимают как материнские фигуры, поскольку их собственных матерей рядом нет, чтобы донести свое послание, нужно лишь отвергнуть ласки, отказаться делиться пищей или отвернуться и уйти при попытке груминга. Старшая самка воздействует главным образом на эмоции. Младшая может закатить истерику, на которую старшая будет взирать без всякого волнения: она такого уже навидалась. Причины для подобного осаживания обычно тоже неочевидны. Это может произойти через несколько часов после того, как младшая самка ущипнула детеныша старшей, схватила кусок пищи, к которому направлялась стар-

шая, или не ушла от альфа-самца, когда старшая подошла к нему, чтобы его вычесывать. Так или иначе для наблюдателя-человека проследить взаимодействия между самками несомненно труднее, чем непосредственные конфронтации между самцами.

Притом что иерархии самцов основываются на бойцовских способностях и поддержке друзей, влияние возраста на мужскую иерархию совершенно иное. Прожитые годы не идут самцу на пользу. Альфа-самцы редко остаются у власти дольше четырех-пяти лет. В системе, где правят самцы, как у шимпанзе, высшие позиции регулярно оказываются вакантными, в то время как в системе, где правят самки, как у бонобо, социальные изменения происходят и реже, и постепенней. Смена возможна, только если альфа-самка ослабеет или умрет, и коснется лишь верхушки власти. Для амбициозных особей это оставляет значительно меньше возможностей улучшить свое положение.

Есть и другая причина, почему среди бонобо меньше политических интриг: их коалиции зависят от родственных связей. Как и возраст, родство определено заранее: сыновья не могут выбирать себе матерей. Самцу бонобо следует внимательно отслеживать возможности вскарабкаться по социальной лестнице, и в этом отношении он ничуть не менее склонен к конкуренции, чем самец шимпанзе. Но, поскольку все зависит от его матери и ее положения среди самок, самец бонобо также должен быть терпеливым. У него меньше возможностей повлиять на собственное будущее, чем у самца шимпанзе, который свободно вступает в разнообразные союзы с другими представителями своего пола. Среди них могут быть как его братья, так и неродственные самцы. Благодаря такой куда более гибкой ситуации самцы

шимпанзе эволюционировали в предприимчивых и прагматичных стратегов, которых природа наделила столь же агрессивным нравом, сколь и внушительными физическими данными. Они обзавелись мощными мускулами и выглядят брутально и грозно рядом с самцами бонобо с их более легкими телами и яркими проявлениями чувств.

Таким образом, жизнь в обществе, где главная роль принадлежит матери, создала другой тип самца. С самцами бонобо все в порядке, пусть даже большинство мужчин не хотели бы быть на них похожими. У них нет того контроля над собственной судьбой, который самцы близкородственных видов — человека и шимпанзе — считают неотъемлемым по праву рождения.

Сила есть слабость

Когда напряжение в группе растет, самцы шимпанзе начинают держаться ближе друг к другу. Вот почему Йерун, Лейт и Никки оказались той роковой ночью в одной клетке. Мы со зрителями хотели, чтобы каждый самец спал в своей клетке, но нелегко контролировать таких сильных животных, как шимпанзе. Как только двое из них вошли в ночную клетку вместе, третий, само собой разумеется, пожелал присоединиться к ним. Он просто не мог позволить себе остаться в стороне. Как бы смог Лейт предотвратить создание вражеской коалиции, если бы его не было рядом с противниками, чтобы помешать им вычесывать друг друга? Вечером накануне его гибели мы несколько часов старались разлучить этих троих самцов, но безрезультатно. Они словно приклеились друг к другу, гурьбой просачиваясь в открытые двери, цепляясь за ляжки, чтобы не оставаться

позади. Мы смирились с тем, что придется оставить их на ночь вместе.

Принцип «двое против одного» — известная проблема в человеческих семьях с тройняшками: одного из детей двое других часто не пускают в игру. Мудрость охотничьих народов гласит, что никогда не следует уходить на охоту втроем, потому что могут вернуться только двое (то есть эти двое набросятся на третьего). Мы легко ориентируемся в тройственных отношениях. В шахматах слон и ладья могут вести игру против ферзя, а в реальной жизни мы просим друга замолвить за нас словечко, чтобы не действовать в одиночку.

Самцы шимпанзе досконально знакомы с такой моделью отношений и, по-видимому, осознают важность собственных союзов. Распри внутри коалиций бывают настолько опасными, что повздорившие союзники отчаянно пытаются примириться, особенно тот, кто может потерять больше, — зачастую это альфа. Йерун и Никки всегда торопились помириться после ссоры: им требовалось сохранять единый фронт. Только что они бегали кругами, вопя друг на друга — обычно соперничая за самку, — и вот уже обнимаются, скрепляя мировую поцелуем. Это служило всем остальным сигналом, что эти два самца намерены оставаться у власти. Тот день, когда они не сумели примириться, стал днем, когда оба потеряли свое положение в группе.

То же явление наблюдается между борющимися кандидатами внутри политической партии. После того как один из них стал кандидатом от партии, проигравший бросается его поддерживать. Никому не хочется, чтобы оппозиция посчитала, будто их партия трещит по швам. Кандидаты — два бывших соперника — теперь похлопывают друг друга

по спине, вместе улыбаясь в камеру. Когда Джордж Буш-младший победил в жестокой борьбе 2000 г. и стал кандидатом в президенты, его соперник, Джон Маккейн, выступил перед журналистами с натянутой улыбкой, и те выразили сомнение в том, что он готов все забыть и простить. Маккейн вызвал всеобщий хохот, раз за разом повторяя: «Я поддерживаю губернатора Буша, я поддерживаю губернатора Буша, я поддерживаю губернатора Буша».

Коалиционная политика также имеет место и на международном уровне. Меня однажды пригласили в аналитический центр в Вашингтоне. Наша группа представляла собой любопытную смесь политиков, антропологов, психологов, людей из Пентагона, политологов и одного приматолога (меня!). Это было вскоре после падения Берлинской стены; данное историческое событие много значило для меня. Когда я жил в Нидерландах, советские войска, дислоцировавшиеся в Восточной Германии, могли оказаться у моего порога за два часа — я вспоминал об этом всякий раз, как бронемшины НАТО с рычанием проезжали по близлежащему шоссе.

Основная идея этой конференции заключалась в том, что мы будем жить в более безопасном мире — теперь, когда одна из двух крупнейших мировых военных держав уходит в прошлое. Нам предстояло обсудить, чего ожидать: как будет устроен новый мировой порядок и какую пользу могут извлечь Соединенные Штаты из новообретенного статуса единственной сверхдержавы. Однако у меня были претензии к исходной предпосылке, поскольку угасание одной из двух сил вовсе не означает, что брады правления непременно переходят к другой. Так может быть в менее сложном мире, но американцы иногда забыва-

ют, что в их стране проживает всего 4% населения планеты. Мою оценку международной ситуации было бы легко проигнорировать, поскольку она базировалась на поведении животных, если бы один из политологов не высказал ровно те же идеи, только на основании военной истории. Суть наших докладов можно выразить в обманчиво простом тезисе теории коалиций: сила есть слабость. Эту теорию прекрасно иллюстрирует выбор Йеруном партнера после того, как сам он утратил верховное положение. На короткое время альфой стал Лёйт. Поскольку физически он являлся самым сильным самцом, то с большинством ситуаций мог справиться самостоятельно. Более того, вскоре после взлета Лёйта на его сторону перешли одна за другой все самки, и самое главное — Мама. Она в то время была беременна, и естественно, что в таких обстоятельствах самки делают все, чтобы стабилизировать иерархию. Несмотря на свое выгодное положение, Лёйт изо всех сил старался препятствовать всякому дружескому общению между другими самцами, особенно между Йеруном и единственным, кто мог представлять угрозу, — Никки. Иногда такие сцены перерастали в стычки. Заметив, что оба других самца хотят с ним дружить, Йерун с каждым днем все больше ощущал свою важность.

В этот момент у Йеруна было два варианта на выбор: он мог примкнуть к самому сильному игроку — Лёйту и получить от этого некоторые выгоды; какие именно — решал бы Лёйт. Или мог помочь Никки бросить вызов Лёйту и в итоге создать нового альфа-самца, который будет обязан ему своим положением. Мы видели, что Йерун избрал второй путь. Это соответствует парадоксу «сила есть слабость», согласно которому самый могущественный игрок зачастую

является наименее привлекательным политическим союзником. Лейт, на свою беду, был слишком силен. Присоединившись к нему, Йерун получил бы ничтожно мало. Будучи «сверхдержавой» в своей группе, Лейт на самом деле нуждался лишь в нейтралитете старого самца. Для Йеруна логичным выбором было поддержать своей силой и авторитетом Никки. Он становился кукловодом, серым кардиналом, имеющим куда больше рычагов воздействия, чем мог бы когда-либо мечтать под властью Лейта. Его выбор также приводил к возрастанию собственного престижа и доступа к самкам. Таким образом, если Лейт воплощал собой принцип «сила есть слабость», то Йерун служил иллюстрацией сопряженного принципа «слабость есть сила», в соответствии с которым мелкие игроки могут занять позицию в той точке пересечения интересов, которая сулит им большую выгоду.

Те же самые парадоксы действуют на международной политической арене. Еще со времен, когда Фукидид писал о Пелопонесской войне более 2000 лет назад, известно, что государства ищут союзников против тех государств, которые воспринимаются как всеобщая угроза. Страх и недовольство ведут более слабые партии в объятия друг друга, побуждая их утяжелить более легкую чашу весов. Результатом является баланс сил, в котором все государства занимают важное положение. Иногда одна страна становится единственным «балансиром» — таковой была в Европе Британия перед Первой мировой войной. Имея мощный флот и будучи практически неуязвима к вторжению, Британия занимала идеальное положение, чтобы помешать любой из континентальных сил получить значительный перевес.

Контринтуитивные выводы — дело вполне обычное. Представьте парламентскую систему, в которой для принятия решения большинством голосов нужен перевес в один голос из 100 и где есть три партии: у двух по 49 мест, а у одной крошечной партии всего два голоса. Как вы думаете, какая партия самая могущественная? При таких обстоятельствах (фактически существовавших в Германии в 1980-е) у руля будет партия с двумя местами. Коалиции редко бывают большими, чем это необходимо для победы, и потому две крупнейшие партии не имеют никакого желания править вместе. Обе будут обхаживать меньшую партию, отдавая ей несоразмерно большую власть.

Теория коалиций также рассматривает «минимально выигрышные коалиции», в которых игроки предпочитают быть частью коалиции — достаточно большой, чтобы победить, но достаточно маленькой, чтобы они сами могли что-то изменить внутри нее. Поскольку присоединение к сильнейшей партии уменьшает приобретенные выгоды, ее редко считают лучшим выбором. Даже если в обозримом будущем Соединенные Штаты станут сильнейшим игроком на мировой арене и с экономической, и с военной точки зрения, это никак не гарантирует включения их в коалицию победителей. Наоборот, автоматически будет нарастать неприятие, ведущее к формированию уравнивающих коалиций среди остальных сил. Я говорил о теории коалиций на конференции в аналитическом центре, полагая, что это общепринятая идея, но мои комментарии были встречены с явным недовольством. В планы Пентагона определенно не входили сценарии типа «сила есть слабость».

Однако прошло совсем немного времени, и развитие получил именно такой сценарий. Однажды утром в 2003 г.

я проснулся и обнаружил в своей утренней газете неожиданную картину: три улыбающихся министра иностранных дел шли бок о бок к залу Совета Безопасности ООН. Министры Франции, России и Германии заявили о своем несогласии с планируемым Соединенными Штатами вторжением в Ирак, отметив, что Китай также на их стороне. Между французами и немцами не было никакой особенной любви, так же как и между русскими и китайцами, но эти странные партнеры объединились после того, как правительство США отказалось от достижения консенсуса, который до тех пор позволял Штатам действовать как самому могущественному мировому игроку, не нарушая международные договоренности. Начиналась изоляция. Прекращение дипломатических переговоров со стороны США породило контрсоюз, который еще десять лет назад был бы немыслим.

Великая хартия вольностей человекообразных обезьян

Вероятно, это прозвучит довольно странно, но привычку к равенству у нидерландцев можно объяснить жизнью ниже уровня моря. Огромное количество штормовых наводнений в XV–XVI вв. привили всем понимание общей цели. Мальчик, затыкавший пальцем дыру в плотине*, никогда не существовал. Каждый горожанин должен был вкладывать свои усилия в то, чтобы страна не подверглась затоплению, и таскать посреди ночи тяжелые мешки с глиной, если

* Речь идет о Хансе Бринкере, герое романа американской писательницы Мэри Мэйпс Додж «Серебряные коньки» (Hans Brinker, or the Silver Skates, 1896). — *Прим. ред.*

дамбу могло вот-вот прорвать. Целый город мог оказаться под водой за самое короткое время. На тех, для кого статус был превыше долга, смотрели косо. Даже сейчас нидерландская монархия неоднозначно относится к помпезным официальным церемониям. Раз в год королева развозит на велосипеде горячий шоколад и угощает прислугу, чтобы показать, что она принадлежит к народу.

Характер иерархий различается в разных культурах. Он охватывает диапазон от армейского формализма у немцев и резких классовых различий у англичан до американской привычки к непринужденному общению и любви к равенству. Но какими бы неформальными ни были некоторые культуры, все они меркнут перед теми, кого антропологи называют истинными эгалитаристами. Эти люди далеко превзошли королеву, развозящую шоколад на велосипеде, или президента по имени Билл. Сама идея существования монарха для них оскорбительна. Я говорю об индейцах навахо, готтентотах, пигмеях мбути, племенах кунг-сан, инуитах и т. п. Считается, что эти ограниченные по размеру общества, живущие за счет различных занятий, от охоты и собирательства до садоводства, полностью устранили различия — кроме различий между полами и между родителями и детьми — в материальном положении, власти и статусе. Основное внимание в них уделяется равенству и распределению ресурсов. Считается, что наши непосредственные предки жили так миллионы лет. Но тогда, возможно, иерархии не так глубоко укоренились в нас, как мы думаем?

Было время, когда антропологи представляли себе эгалитаризм как пассивный мирный уклад, при котором люди всегда ведут себя самым благородным образом: любят и ценят друг друга. В их понимании это было утопическое

царство, где, образно говоря, лев и ягненок возлежат рядом. Я не говорю, что такие ситуации абсолютно невозможны (на самом деле, недавно поступали сообщения, что львица в кенийской саванне выказывает материнскую привязанность к детенышу антилопы), но с точки зрения биологии они неустойчивы. В какой-то момент корыстные интересы возобладают и проявится уродливая сторона жизни: хищники ощутят пустоту в желудке, а люди схлестнутся из-за ресурсов. Эгалитаризм *не* строится на взаимной любви и тем более на пассивности. Это активно поддерживаемое положение дел, при котором признается универсальное человеческое стремление контролировать и доминировать. Вместо того чтобы отрицать стремление к власти, эгалитаристы понимают его, как никто. Они сталкиваются с его проявлениями каждый день.

В эгалитарных обществах мужчин, пытающихся доминировать над другими, систематически одергивают, а на проявления мужской гордости смотрят неодобрительно. Пресловутые «охотничьи (или рыбацкие) байки» считаются недостойными. По возвращении в деревню удачливый охотник просто усаживается перед своей хижинкой, не произнося ни слова и предоставляя крови на дротике говорить самой за себя. Любой намек на похвальбу будет наказан шутками и оскорблениями по поводу его жалкой добычи. Точно так же всякому вообразившему себя вождем и вбившему себе в голову, будто он может указывать другим, что делать, прямо объясняют, насколько смешны его потуги. Антрополог Кристофер Боэм изучал эти уравнилельные механизмы. Он обнаружил, что лидеры, которые задирают других, склонны к самовосхвалению, не распределяют ресурсы поровну и общаются с посторонними, извле-

кая выгоду только для себя, быстро теряют уважение и поддержку своего сообщества. Если обычная тактика высмеивания, сплетен и неподчинения не срабатывает, эгалитаристы не гнушаются применять радикальные меры. Так, вождь племени баруйя, который отбирал скот у других мужчин и принуждал их жен к сексуальным сношениям, был убит — как и лидер племени каупаку, перешедший все границы. Разумеется, лучшая альтернатива в этом случае — просто уйти от плохого лидера, и тому останется только командовать самим собой.

Поскольку трудно выжить без какого-либо руководства вообще, эгалитаристы часто позволяют некоторым мужчинам вести себя как первым среди равных. Ключевое слово здесь «позволяют», поскольку вся группа будет на чеку, следя за злоупотреблениями. При этом они задействуют социальные инструменты, типичные для нашей эволюционной ветви, общие у нас и наших родственников-обезьян. За многие годы моя команда зафиксировала тысячи ситуаций, в которых третья сторона вмешивается в драку, чтобы поддержать одного или другого участника. Это замечено и у мартышкообразных обезьян, и у человекообразных.

Мартышкообразные склонны поддерживать победителей, и это означает, что у них доминантные особи редко сталкиваются с противодействием. Наоборот, группа протягивает им руку помощи. Нет ничего удивительного в том, что у мартышек очень строгие и стабильные иерархии. Шимпанзе радикально отличаются от них тем, что, вмешиваясь в схватку, поддерживают проигравших столь же часто, сколь и выигравших. Поэтому агрессор никогда не может быть уверен, помогут ему или окажут сопротивление. Это принципиальное отличие от общества мартышкообразных

обезьян. Тенденция шимпанзе поддерживать проигравшую сторону создает изначально нестабильную иерархию, в которой верховная власть оказывается менее устойчивой, чем в любой группе мартышкообразных.

Возьмем типичный пример, когда Джимо, альфа-самец группы шимпанзе, живущей на полевой станции Центра Йеркса, заподозрил в тайных сношениях одну из своих любимых самок и самца-подростка. Младший самец и самка благоразумно скрылись из виду, но Джимо продолжал их искать и нашел самца. Обычно старший самец просто немного погонял бы провинившегося, но по какой-то причине (возможно, потому, что его самка в тот день отказалась с ним спариться) он носился за юнцом на полной скорости и не собирался успокаиваться. Гонка продолжалась по всему вольеру, молодой самец вопил, буквально обделавшись от страха, а Джимо был твердо намерен его поймать.

Однако, прежде чем альфа успел достичь своей цели, самки, находившиеся неподалеку, начали издавать тьявкующие звуки «воау». Этот негодующий вопль используется как сигнал протеста против агрессоров и вторгающихся на территорию чужаков. Сначала кричащие самки оглядывались по сторонам, чтобы видеть, как отреагирует остальная группа, но, когда к ним присоединились другие, особенно альфа-самка, крики стали громче, пока все голоса не слились в оглушительный хор. Не очень дружное начало создавало впечатление, будто группа устроила голосование. Но как только протест перешел в крещендо, Джимо с нервной ухмылкой прервал гонку: он уловил смысл послания. Если бы он не остановился, несомненно, последовали бы согласованные действия, направленные на прекращение беспорядков.

Наказание склонных к насилию самцов бывает порой весьма суровым. Встречались сообщения об остракизме у диких шимпанзе, когда самцов принуждали держаться в опасной зоне, на границе территории: в одном отчете даже говорилось о самцах, «уходящих в изгнание». Остракизму обычно предшествует массовое нападение, как на Гоблина из Гомбе-Стрим, атакованного большой коалицией и, наверное, не выжившего бы без вмешательства ветеринара. Гоблина дважды чуть не убили, и это заставило полевых исследователей предположить, что та жестокость, с какой его ниспровергли, была связана с характером его правления, который они описывали как «необузданный».

Когда те, кто находится внизу социальной лестницы, сообща обозначают границу, угрожая серьезными последствиями, если «верхи» ее преступят, мы получаем зачатки того, что в законодательстве называется конституцией. Разумеется, современные конституции полны утонченных и отшлифованных концепций, слишком сложных для применения к двум противоборствующим группам людей, не говоря уж о сообществах обезьян. Однако не стоит забывать, что Конституция США, например, была порождена революцией, направленной против английского владычества. Ее замечательный текст («Мы, народ...») произносится от имени народных масс. Предшественником Конституции была Великая хартия вольностей 1215 г., в которой подданные короля Иоанна Безземельного угрожали начать войну против него и убить своего притеснителя, если тот не прекратит чрезмерные поборы. И снова сработал принцип коллективного противодействия самонадеянному альфа-самцу.

Если высокоранговые особи могут причинять столько проблем, то зачем они нужны вообще? Ну, во-первых, что-

бы разрешать споры. Вместо того чтобы заставлять всех примкнуть к какой-либо стороне, можно ли придумать лучший способ уладить ситуацию, чем наделить одного индивида, совет старейшин или правительство полномочиями служить всеобщему благу, поддерживая порядок и находя решения при разногласиях? В эгалитарных обществах по определению отсутствует социальная иерархия, которая может навязывать свое мнение в спорах, и вследствие этого они зависят от третьей стороны. Ключом здесь является непредвзятость и справедливость. Перенятый судебной системой современного общества третейский суд — арбитраж — защищает общество от его главного врага: тлеющих убоиц.

Доминантные шимпанзе обычно прекращают драки, либо поддерживая слабого против сильного, либо посредством вмешательства незаинтересованных сородичей. Они могут влезть, вздыбив шерсть, между дерущимися, пока те не перестанут вопить, разогнать их с помощью угрожающей демонстрации или буквально растолкать сцепившихся противников руками. Причем похоже, что главной их целью является прекращение враждебных действий, а не поддержка одной партии против другой. Например, за считанные недели после достижения ранга альфа-самца Лёйт, самый справедливый лидер, какого я когда-либо знал, принял на себя, что называется, роль «регулирущика». Ссора между двумя самками вышла из-под контроля, полетела шерсть. Множество обезьян бросились в схватку. Огромный клубок дерущихся, вопящих шимпанзе катался по песку, пока Лёйт не подскочил и буквально не разбил его на части. Он не выбирал сторону, как все остальные, — вместо этого *любой*, кто продолжал драку, получал от него затрещину.

Можно было бы подумать, что обезьяны станут поддерживать своих родственников, друзей и союзников. Это действительно так для большинства членов обезьяньего сообщества, но самец-регулирующий действует по другим правилам. Став альфой, Лейт как будто поставил себя *над* конфликтующими партиями, его вмешательство было нацелено на восстановление мира, а не на помощь своим друзьям. Вступление Лейта в конфликт на стороне каких-либо конкретных индивидов никак не было связано с тем, сколько времени он проводил с ними за грумингом. Лейт был единственным беспристрастным шимпанзе, то есть отделял свою деятельность как арбитра от социальных предпочтений. Я узнал, что так поступают и другие самцы, и, когда Кристофер Боэм перешел из антропологии в приматологию, он также наблюдал в дикой природе высококоранговых шимпанзе, которые эффективно предотвращали и прекращали конфликты или уменьшали их частоту.

Группа признает авторитет не любого претендующего на роль арбитра. Когда Никки и Йерун сообща правили арнемской колонией шимпанзе, Никки пытался вмешиваться, если начинались ссоры, однако чаще сам становился объектом агрессии. Старшие самки особенно сопротивлялись, когда он вступал в разборки и начинал бить их по голове. Одной из причин могла быть та, что Никки вовсе не проявлял беспристрастие: он присоединялся к своим друзьям вне зависимости от того, кто начал драку. А вот попытки Йеруна умиротворить сородичей всегда принимались с готовностью. С течением времени старый самец перетянул на себя роль регулировщика от молодого партнера. Если вспыхивала ссора, Никки даже не утруждался встать с места, предоставляя Йеруну ее улаживать.

Это подтверждает наблюдения, что роль регулировщика может исполнять второй по рангу и что именно группа решает, кто будет это делать. Если эта роль — нечто вроде зонтика, прикрывающего слабых от сильных, то его держит все сообщество, члены которого оказывают доверие самому эффективному арбитру, наделяя того широкими полномочиями, необходимыми для обеспечения мира и порядка. Это важно, потому что даже мельчайшая размолвка между двумя детенышами может перерасти в нечто худшее. Детские драки вызывают напряженность между матерями, и каждая стремится защитить собственных отпрысков. Как это нередко случается и в человеческих детских садах, появление на сцене одной из матерей приводит в ярость другую. Если кто-нибудь более авторитетный берет на себя разрешение этих проблем, — причем точно известно, что он сделает это справедливо и с минимальным применением силы, — это приносит облегчение всем.

Таким образом, то, что мы видим у шимпанзе, — точка на полпути между жесткими иерархиями в сообществах мартишкообразных, с одной стороны, и человеческим стремлением к справедливости — с другой. Конечно же, люди никогда не достигают полного равенства даже в небольших сообществах. И сглаживание различий в человеческой иерархии — это непрестанная борьба по той простой причине, что у нас есть врожденное стремление к высокому статусу. Эгалитаризм — в той степени, в какой он достижим, — требует, чтобы подчиненные объединялись и следили за соблюдением собственных интересов. Сами политики, возможно, занимаются всем этим ради власти, но электорат заинтересован в том, чтобы они служили

общему благу. Неудивительно, что политики предпочитают говорить о втором мотиве, а не о первом.

Когда мы избираем лидеров, то, по сути, заявляем им: «Ты можешь пребывать в высших кругах там, в столице, но только пока мы считаем тебя полезным». Так демократия весьма элегантно удовлетворяет два человеческих стремления сразу: волю к власти и желание держать ее под контролем.

Старейшина

Я дал Маме такое имя из-за ее положения матриарха в колонии шимпанзе зоопарка Бюргерса в Арнеме. Все самки слушались ее, а все самцы считали главным посредником в политических спорах, чей голос был решающим. Если напряжение нарастало до точки, в которой настоящая схватка становилась неизбежной, ссорящиеся самцы бросались к ней и сидели в ее объятиях, каждый со своей стороны, вопя друг на друга. Величайшая уверенность в себе в сочетании с материнским отношением сделали Маму абсолютным центром власти.

Одна до сих пор жива*. Всякий раз, как я навещаю зоопарк, она узнает меня среди толп посетителей и тащит свои изъеденные артритом кости поближе, чтобы поздороваться со мной через ров. Могу вас заверить, что в схватке с Мамой у меня не было бы ни единого шанса. Она, без сомнения, тоже это понимает. Но, не позволяя этому сбить нас с тол-

* Когда писалась эта книга, Мама была еще жива. Она умерла в мае 2016 г. в возрасте 59 лет. Об этом Франс де Вааль рассказал в своей книге *Mama's Last Hug: Animal Emotions and What They Tell Us about Ourselves* (Вааль де Ф. Последнее объятие Мамы: Чему нас учат эмоции животных. — М.: Альпина нон-фикшн, 2020). — *Прим. ред.*

ку, мы оба знаем: общественное устройство — это одно, а кто и что реально может с кем-то сделать — совсем другое.

Эта двухслойная природа общества чрезвычайно любопытна. Его формальная структура должна быть прозрачной, чтобы оно выполняло свои функции, однако под поверхностным слоем мы обнаруживаем более скрытые влияния. Индивидуум может обладать властью, не будучи на самом верху иерархии, или, наоборот, быть на вершине и не иметь большого влияния. Так, например, в арнемской колонии крикание и приседания с поклоном формально ставили Никки выше Йеруна, Йеруна выше Лёйта, Лёйта выше Мама, Маму выше прочих самок и так далее. Тем не менее за этим видимым порядком существовала теневая структура, в которой Йерун дергал за веревочки, управляя Никки, сила Лёйта в большой степени нейтрализовывалась, а Мама пользовалась, пожалуй, большим влиянием, чем Йерун.

Мы умело вычисляем закулисные связи на нашей работе и понимаем, что неукоснительное соблюдение социальной иерархии мало чем нам поможет. Всегда есть высокопоставленные люди, не играющие значимой роли, и низкоранговые (вроде секретарши начальника), с которыми лучше жить дружно. Формальная структура укрепляется в моменты кризисов, но в общем и целом мы, люди, склонны устанавливать нежесткий порядок взаимопересекающихся влияний. У нас есть такие выражения, как «серый кардинал» и «свадебный генерал», отражающие те же сложные отношения, что присутствуют и в группе шимпанзе.

В Махали-Маунтинс полевые исследователи встречали пожилого самца шимпанзе, действовавшего так же, как Йерун. Когда такой самец стареет и сдает физически, он начинает политические игры, примыкая то к одному,

то к другому из молодых самцов и становясь, таким образом, для каждого из них ключевой фигурой на пути к успеху. Он превращает свою слабость в силу. На ум приходят политики почтенного возраста — седовласые мужи типа Дика Чейни или Теда Кеннеди, отказавшиеся от всех амбиций занять высший пост, но к которым все прочие гурьбой бегут за советом. Более молодые люди, слишком сосредоточенные на собственной карьере, являются значительно менее полезными советчиками.

Исследовательница приматов Джессика Флэк провела сотни часов, сидя на вышке под жарким солнцем Джорджии и полностью сосредоточившись на кряхтении, которым шимпанзе сообщают, что признают более высокий ранг. Она обнаружила, что самый высокоранговый самец необязательно получает наибольшее количество кряхтений. Он принимает их от своих непосредственных соперников, что и делает его формальным альфой, но остальная группа может регулярно проходить мимо альфы, адресуя поклоны, кряхтения и поцелуи другому самцу. Когда альфа на это смотрит, ситуация получается неловкая, но что интересно: эти другие самцы всегда оказываются теми, кто исполняет роль арбитра в конфликтах. В зоопарке Бюргерса в Арнеме мы тоже наблюдали больше кряхтений в адрес Йеруна — главного арбитра группы, чем в адрес Никки, реального вожака. Выглядит это практически так, будто группа «голосует» за популярных посредников, выказывая им уважение, что несомненно устраивает лидера, который, после того как его несколько раз проигнорируют, может устроить эффектную демонстрацию угрозы, чтобы показать, что он здесь тоже не пустое место.

Приведя Никки к власти, Йерун обеспечил себе влиятельное положение. Однако с гибелью Лейта его рыча-

ги воздействия исчезли. Старый самец внезапно перестал быть нужен Никки: тот наконец стал сам себе господином — или так он, вероятно, думал. Между тем вскоре после того, как я уехал в США, Йерун начал налаживать дружеские связи с Денди, младшим самцом. Это заняло несколько лет, но в конце концов привело к тому, что Денди оспорил лидерство Никки. Последующие конфликты толкнули Никки на отчаянную попытку побега. В итоге он утонул, пытаясь перебраться через ров вокруг острова. Местная газета назвала это самоубийством, но, на мой взгляд, случившееся с Никки было больше похоже на паническую атаку с летальным исходом. Поскольку это была уже вторая смерть на совести Йеруна, мне, признаться, трудно было не видеть в старом интригане убийцу.

Через год после трагического происшествия мой приемник решил показать шимпанзе документальный фильм «Семейство шимпанзе» (The Family of Chimps), снятый в этом же зоопарке, когда Никки еще был жив. Обезьяны уютно устроились в своем зимнем помещении, а фильм проецировали на белую стену. Узнают ли они своего погибшего вожака? Как только Никки в натуральный рост появился на стене, Денди, визжа, бросился к Йеруну, запрыгнув старому самцу прямо на колени! Йерун нервно ухмылялся. Чудесное «воскресение» Никки временно восстановило былой союз.

Обезьяний зад

Сознаем мы это или нет, социальное доминирование всегда присутствует в наших мыслях. Мы демонстрируем выражение лица, типичное для приматов, такое, как, например,

оттягивание губ, чтобы обнажить зубы и десны, когда нужно прояснить наше социальное положение. Человеческая улыбка произошла от умиротворяющего сигнала — вот почему женщины обычно улыбаются чаще мужчин. Миллионами способов наше поведение, даже самое что ни на есть дружелюбное, намекает на возможность агрессии. Мы приносим цветы или бутылку вина, когда вторгаемся на территорию других людей, и, приветствуя друг друга, машем раскрытой ладонью — считается, что этот жест возник как демонстрация отсутствия в руке оружия. Мы до такой степени формализуем свои иерархии с помощью поз и тона голоса, что опытный наблюдатель может всего за пару минут определить, кто здесь выше или ниже в табели о рангах. Мы говорим о человеческом поведении, используя такие выражения, как «целовать задницу», «пресмыкаться» и «бить себя в грудь», представляющие собой официальные поведенческие категории в моей области исследований, подразумевая, что когда-то в прошлом иерархии проявлялись на более телесном уровне.

Однако в то же самое время люди по сути своей непочтительны. Это было сказано еще святым Бонавентурой, теологом XIII в.: «Чем выше лезет обезьяна, тем яснее виден ее зад». Мы любим высмеивать вышестоящих. Мы всегда готовы их низвергнуть. И власть имущие прекрасно это знают. Как написал Шекспир: «Да, нелегка ты, доля венценосца»*. Первый всемогущий император Китая, Цинь Шихуанди, был настолько обеспокоен собственной безопасностью, что замаскировал все дороги, ведущие к своим дворцам, чтобы иметь возможность приезжать и уез-

* Цит. по: Шекспир У. Генрих IV (пер. П. А. Кашина, 1893).

жать незамеченным. У Николае Чаушеску, расстрелянного румынского диктатора, было три уровня запутанных туннелей, подземных ходов и набитых провиантом бункеров, построенных под зданием ЦК РКП на бульваре Победы Социализма в Бухаресте.

Конечно, страх сильнее всего у непопулярных лидеров. Макиавелли справедливо заметил, что лучше стать государем при помощи народа, чем знати, потому что ее представители чувствуют себя столь близкими к положению правителя, что будут стараться его подорвать. И чем шире основание власти, тем лучше. Этот совет хорош и для шимпанзе: самцы, которые вступаются за обиженных, наиболее любимы и уважаемы. Поддержка снизу стабилизирует верхушку.

Но действительно ли демократия родилась из нашего иерархического прошлого? Существует целое научное направление, согласно которому мы начали свой путь из первобытного состояния, сурового и хаотичного, управляемого лишь «законом джунглей». Мы ушли от этого, договорившись о законах и делегировав принудительное обеспечение этих законов высшему авторитету. Это обычное оправдание «вертикали власти». Но что, если все было ровно наоборот? Что, если первой появилась высшая власть, а попытки установить равноправие начались позже? Судя по всему, эволюция приматов предполагает именно это. Никакого хаоса никогда не было: мы начали с кристально ясного иерархического порядка и лишь потом нашли способы его сгладить. У нашего вида всегда была склонность к бунтарству.

Есть множество пассивно-миролюбивых и терпеливых животных. Некоторые виды мартишкообразных редко кусают друг друга, легко примиряются после драк, под-

пускают друг друга к своей пище, воде и так далее. Паукообразные обезьяны рода *мирикí* (брахителесы) вообще почти не дерутся. Приматологи говорят о разных «стилях доминирования», имея в виду, что у одних видов главенствующие особи беззаботны и толерантны, а у других — деспотичны и склонны к карательным мерам. Но даже если некоторые мартышкообразные могут быть покладистыми и добродушными, они никогда не бывают эгалитаристами. Для этого нужно, чтобы подчиненные особи устраивали бунты и определяли границы, на что мартышкообразные способны лишь в ограниченной степени.

Бонобо тоже беззаботны — и относительно миролюбивы. Используя те же самые уравнилельные механизмы, что и шимпанзе, они довели их до предела, поистине перевернув иерархию с ног на голову. Вместо того чтобы расшевеливать группу снизу, слабый пол действует сверху, отчего де-факто становится сильным. Физически самки бонобо не сильнее самцов, и потому, подобно бобрам, вечно ремонтирующим свои плотины, они должны постоянно прилагать усилия, чтобы оставаться у власти. Но помимо этого поистине замечательного достижения, политическая система бонобо значительно менее подвижна, чем у шимпанзе. Это опять же связано с тем, что важнейшие коалиции — матери и сына — незыблемы. У бонобо отсутствуют постоянно меняющиеся в зависимости от обстоятельств союзы, способные опрокинуть систему. Их скорее можно назвать толерантными, но никак не эгалитаристами.

Демократия подразумевает *активные* действия: требуются усилия, чтобы нивелировать неравенство. То, что более ориентированные на доминирование, более агрессивные из наших ближайших родственников наилучшим образом

демонстрируют наклонности, на которые в основном опирается демократия, вовсе не удивительно, если мы будем считать, что демократия родилась из насилия, как это, несомненно, происходило в человеческой истории. Это то, за что мы боремся: *Liberté, Égalité* и *Fraternité* — свобода, равенство и братство. Их никогда не вручали нам просто так: их всегда нужно было вырывать у власть имущих. Ирония заключается в том, что мы, возможно, никогда не достигли бы этого уровня, никогда бы вообще не развили необходимую для этого солидарность, если бы с самого начала не были такими иерархическими животными.

Приматы-камасутристы

Этот своеобразный и весьма процветающий вид тратит уйму времени на изучение высших мотивов своего поведения и столько же на то, чтобы упорно пренебрегать основными из них. Он гордится тем, что наделен мозгом, который больше, чем у других приматов, но пытается скрыть тот факт, что у него также самый большой пенис...

Десмонд Моррис*

С чувством братства к нашим беззаботным, любящим повеселиться, не читающим родственникам, восхитительным кузенам — бонобо.

Элис Уокер

Как-то раз служителя зоопарка, привыкшего работать с шимпанзе, познакомили с бонобо, и он принял поцелуй от одного из своих новых друзей-приматов. У шимпанзе поцелуй больше дружеский, чем сексуальный, — и как же удивился добрый малый, ощутив язык бонобо у себя во рту!

* Моррис Д. Голая обезьяна. — СПб.: Амфора, 2004.

Поцелуй с языком (который принято называть французским) — это акт полного доверия: язык — один из самых чувствительных наших органов, а рот является той телесной полостью, которая может причинить ему вред легче всего. Это действие помогает нам ощутить другого человека на вкус. Но в то же время мы обмениваемся слюной, бактериями, вирусами и пищей. Да, пищей. В современной жизни мы можем вспомнить о подростках, передающих так друг другу жевательную резинку, однако считается, что поцелуй в губы произошел от кормления родителями малышей. Матери-обезьяны действительно передают кусочки пережеванной пищи с вытянутой нижней губы в открытый ротик младенца. И конечно, в тот момент в дело вступает язык.

Французский поцелуй — самое узнаваемое и человекоподобное эротическое действие у бонобо. Всякий раз, когда я показываю студентам фильм о своих бонобо, они мгновенно умолкают. Они внимательно следят за всевозможными соитиями, но неизменно самое глубокое впечатление производит видеоролик, где два самца-подростка целуются с языком. И хотя никогда нельзя быть точно уверенным, что именно происходит, когда обезьянки прижимаются друг к другу широко раскрытыми ртами, это действо выглядит настолько страстным и выразительным, что совершенно ошеломляет моих студентов. Никакая игра голливудских актеров не сможет сравниться с тем пылом, который вкладывают в поцелуй эти молодые бонобо. Забавно то, что он тут же незаметно переходит в шуточную потасовку или дружеские догонялки. У бонобо эротический контакт запросто переплетается со всеми остальными занятиями. Обезьяны могут быстро перехо-

доть от еды к сексу, от секса к игре, от груминга к поцелуям и так далее. На самом деле, я даже видел, как самка продолжала собирать пищу, в то время как с ней пытался совокупляться самец. Бонобо относятся к сексу довольно серьезно, но далеко не так, как студенты колледжа, заполняющие лекционный зал.

Мы, люди, отделяем секс от остальной социальной жизни или, по крайней мере, пытаемся это делать, а в обществе бонобо они полностью переплетены. Вся ирония заключается в том, что наши фиговые листочки лишь порождают неумное сексуальное любопытство.

Зависть к пенису

У меня иногда складывается впечатление, что половина спама, который сыплется мне в компьютер, — это реклама, связанная с увеличением определенного органа, который мужчины большую часть времени прячут. Мужская озабоченность размером и твердостью их достоинства — стародавний источник дохода для продавцов всевозможных панацей, а также предмет бесконечных шуток. От объектов почитания в Древней Греции и Риме до фаллических символов, которые Зигмунд Фрейд, пожевывая длинную толстую сигару, видел повсюду, пенис, как издавна говорится, живет своей жизнью.

Вряд ли стоит удивляться, что Десмонд Моррис, потрясший нас в 1960-е гг. излишне вольными параллелями между голыми и волосатыми обезьянами, решил привлечь внимание к величине человеческого пениса, описав человека как самого сексуального примата, когда-либо бродившего по земле. Это был блестящий ход, предназначенный для смягчения удара,

который Моррис наносил по нашему эго. Мужчины ничего так не хотят, как услышать, что они первые в исключительно важной для них области. Про бонобо в те годы было известно так мало, что Морриса можно простить за то, что он представил нас как сексуальных чемпионов. Но даже здесь мы все же не первые. Было бы нелегкой задачей измерить эрекцию у бодрствующего и возбужденного самца человекообразной обезьяны, но член бонобо определенно заставляет большинство мужчин выглядеть недомерками — особенно если сделать поправку на относительно скромные размеры тела у бонобо.

Однако половой член бонобо тоньше и может полностью втягиваться, отчего их эрекция еще больше привлекает внимание, особенно если самец то выпускает, то убирает пенис, как они это частенько делают. Возможно, еще более примечательным, чем способность «махать» пенисом, является то, что семенники у бонобо гораздо больше человеческих. То же верно и для шимпанзе, и считается, что это связано с количеством спермы, необходимым для успешного оплодотворения самок, спаривающихся с несколькими самцами. Если гениталии самцов бонобо поражают нас своей развитостью, то еще большее впечатление производят гениталии самок, поскольку и у шимпанзе, и у бонобо имеются огромные вздутия. Это не слегка набухшие половые губы у самок горилл и орангутанов, видимые, только если хорошо приглядеться. Нет, это пузыри размером с футбольный мяч на заду самки, позволяющие ей подавать всем самцам в округе ярко-розовый сигнал о том, что она полностью готова к спариванию.

Эти набухания включают половые губы и клитор. У бонобо клитор выступает сильнее, чем у человека и шим-

панзе. У молодых самок он торчит спереди, словно мизинец, в более старшем возрасте клитор будет погружен в окружающую раздувшуюся ткань. При таком строении неудивительно, что самки бонобо предпочитают спариваться лицом к лицу. К несчастью для них, самцы склонны предпочитать более древний способ совокупления сзади. Самки бонобо часто приглашают самцов, лежа на спине и расставив ноги, или быстро переворачиваются в эту позу, если самец пытается начать иначе.

Как можно заключить по комментариям посетителей зоопарков, их шокируют бросающиеся в глаза гениталии человекообразных обезьян. Самая запоминающаяся реакция была у женщины, воскликнувшей: «О господи, то, что я вижу, — это голова?» Впрочем, обезьяньих самцов это нисколько не смущает: для них нет ничего более соблазнительного и будоражающего, чем самка с объемистым розовым задом. Лично я так привык к этим впечатляющим особенностям их внешности, что они не кажутся мне ни странными, ни уродливыми, хотя слово «неуклюжие» все же приходит на ум. Самки с полностью набухшими гениталиями не могут нормально сидеть: они неловко переваливаются с одного бедра на другое. Они учатся обращаться с этими вздутиями в подростковом возрасте, когда те набухают все больше с каждым менструальным циклом. Набухшая ткань непрочна и кровоточит при малейшем повреждении (но и быстро заживает). Наравне с изобретениями человеческой культуры, такими как бинтование ног и каблуки-шпильки, это кажется непомерно высокой ценой за привлекательность.

Клитор бонобо требует внимания, поскольку вокруг его меньшего человеческого эквивалента кипят весьма жаркие

дебаты. Какой прок от клитора? Действительно ли он нам нужен? На этот счет существуют разные гипотезы, начиная с того, что этот маленький орган абсолютно бесполезен, как соски у мужчин, и до того, что это источник удовольствия, вероятно служащий укреплению связи между партнерами. Первый подход предполагает, что женщинам не нужно искать секс, поскольку они лишь принимают его, когда он сам стучится в дверь. Здесь клитор называется «восхитительной случайностью» эволюции. С точки зрения второго подхода клитор развился, чтобы способствовать оргазмическим переживаниям, делая секс приятным и затягивающим занятием. Такой взгляд предполагает, что женская сексуальность активна: она побуждает женщин искать то, что им нравится. Эти полярные представления также соответствуют противоборствующим взглядам на место женщины в обществе.

Размножение слишком важно, чтобы оставлять его на волю случая. Любой биолог предполагает, что оба пола, а не только самцы, должны быть активны в выборе партнеров. Мы знаем, что животные исследуют и используют все возможные варианты. Вспоминается любопытный случай, когда ученые рассчитывали поставить под контроль популяцию красноплечих черных трупалов, стерилизуя самцов. Они думали, что гнездящиеся пары со стерильными самцами будут производить стерильные кладки. К их разочарованию, большинство кладок оказались оплодотворенными, и это означало, что самки, по-видимому, «встречались» с полноценными самцами на стороне. В животном царстве полным-полно сексуально предприимчивых самок, подыскивающих лучшую партию, и человеческое общество, без сомнения, не исключение. Это обычно не выявляется

с помощью опросов, которые, как известно, представляют собой весьма ненадежный способ получения достоверных данных для количественного анализа поведения.

Опросы изрядно недооценивают сексуальную жизнь женщин: все, и особенно сами женщины, очень неохотно рассказывают о себе правду. Мы это знаем, потому что все-таки *есть* способ заставить женщин признаться. Проведите опрос студентов колледжа с помощью бутафорского детектора лжи, и вы обнаружите, что молодые женщины будут сообщать о почти вдвое большем числе сексуальных партнеров, чем женщины, не испытывающие такого давления. Фактически они сообщают о таком же числе партнеров, как и их коллеги-мужчины. Так что мужчины и женщины могут оказаться намного более похожими, чем мы считали, руководствуясь результатами опросов на тему секса.

Поскольку у самцов участие в размножении занимает гораздо меньше времени, чем у самок, часто утверждается, что два пола должны значительно различаться и в сексуальных склонностях. Но секс нужен не только для того, чтобы делать детей, — это верно и для нашего собственного вида, и для многих других. Как насчет удовольствия и расслабления, как насчет единения и привязанности? И как насчет того, чтобы использовать секс как средство для налаживания испорченных отношений, чем мои бонобо, собственно, и занимаются каждый день? Учитывая все это, можно утверждать, что викторианский аргумент, согласно которому к сексу стремятся лишь мужчины, а для женщин это всего лишь малоприятная обязанность, основывается на весьма ограниченных представлениях. Если секс обычно является выражением любви, доверия и близости, то можно ожидать, что сексуальная сфера будет, по крайней мере, не менее важ-

на и для женщин тоже. У французов, мудро державшихся так далеко от викторианской Англии, как только позволял пролив Ла-Манш, существует восхитительное разнообразие выражений для передачи этих оттенков смысла. Примирительный секс там называют *la réconciliation sur l'oreiller* («примирение на подушке»), а на способность секса успокаивать ум довольно грубо намекают при описании сварливой женщины как сексуально неудовлетворенной: *mal baisée* (мягко говоря, «недоцелованная»).

Предполагается, что с началом рабочего дня секс и сексуальное желание должны прятаться поглубже. У людей принято четко разграничивать работу и секс. Однако нельзя сказать, чтобы этот принцип так уж строго соблюдался. В прежние времена служанкам обычно предлагали оказывать и другие услуги, кроме готовки и уборки, а в современном обществе романы частенько расцветают в офисах, где в изобилии присутствуют сексуальные намеки и домогательства. Известно, что брокеры с Уолл-стрит празднуют дни рождения со стриптизершами. Но, несмотря на исключения, как правило, социальную и сексуальную сферы люди стараются не смешивать.

Мы отчаянно нуждаемся в этом разграничении, поскольку наши общества строятся вокруг семейных ячеек, в которых наряду с материнской заботой о детях присутствует и отцовская. В каждом человеческом обществе есть нуклеарные семьи, а у человекообразных обезьян их нет. У шимпанзе секс выводится из публичной сферы в единственном случае, когда самец и самка беспокоятся по поводу ревности высокоранговых обезьян. Они назначают свидание за кустами или отходят от остальной группы, и, возможно, такое поведение лежит у истоков нашего стремления к уединению и личному про-

странству. Если сексуальные отношения становятся источником напряжений, то один из способов сохранить мир — спрятать секс от чужих глаз. Люди заходят в этом еще дальше, пряча не только сам акт, но также прикрывая любые вызывающие возбуждение, или его демонстрирующие, части тела.

Ничего из этого бонобо не свойственно — или свойственно в очень малой степени. Вот почему их часто описывают как сексуально раскрепощенных созданий. На самом деле, если в уединении и подавлении сексуального возбуждения нет нужды, то причем тут раскрепощенность? У них попросту нет никакого стыда, скромности и каких-либо сдерживающих мотивов, кроме желания избежать проблем с соперниками. Когда двое взрослых бонобо занимаются сексом, детеныши иногда запрыгивают прямо на них, чтобы рассмотреть все в подробностях. Или другая взрослая самка может подойти и прижаться своими набухшими органами к одному из партнеров, чтобы поучаствовать в этом приятном занятии. Сексуальной жизнью чаще делятся, чем соперничают за нее. Самка может лежать на спине, спокойно мастурбируя на всеобщем обозрении, и никто из ее соплеменников даже глазом не моргнет. Она быстро водит пальцами вверх-вниз по своей вульве, но также может воспользоваться и ногой, освобождая руки, чтобы вычесывать детеныша. Бонобо — величайшие «многостаночники».

Помимо заявления, что размер пениса выделяет нас среди приматов, Десмонд Моррис утверждал, что оргазм — исключительно человеческое переживание. Однако любой, кто увидит, как самки бонобо погружаются в интенсивный сексуальный контакт, а именно взаимное трение гениталиями, вряд ли сможет поверить этому утверждению. Самки оскаливаются в ухмылке, издают восторженные вскрики,

неистово потираясь клиторами друг о друга. Также самки регулярно мастурбируют, а такое занятие не имеет никакого смысла, если они ничего от этого не получают. Из лабораторных экспериментов мы знаем, что не являемся единственным видом, у которого самки испытывают ускоренное сердцебиение и быстрые сокращения матки на пике сексуального акта. Макаки соответствуют критерию Мастерса и Джонсон* для человеческого оргазма. Никто не пытался проводить такие же исследования на бонобо, но не приходится сомневаться, что они бы тоже прошли этот тест.

Тем не менее не все умы открыты такой возможности. Одним из самых курьезных научных мероприятий, которое я когда-либо посещал, стала конференция на тему секса. Ее организовали антропологи-постмодернисты, полагающие, что реальность складывается из слов и не может быть отделена от нарративов — историй, рассказываемых нами о самих себе. Я на этой конференции был одним из горстки ученых-естественников, а уж они-то по определению доверяют фактам больше, чем словам. Несложно догадаться, что может пойти не так на подобном мероприятии. Апогеем стал момент, когда один из постмодернистов заявил, что если в каком-либо человеческом языке отсутствует слово «оргазм», то люди, говорящие на этом языке, не могут испытывать сексуальную кульминацию. Естественники опешили. У людей по всему миру одинаковые гениталии и физиология, так как же могут столь радикально различаться их переживания? И что это могло бы говорить о других

* Первые практические исследования секса проводились в США в 1960-е гг. Уильям Мастерс и его ассистентка Вирджиния Джонсон проанализировали более 10 000 половых актов 382 женщин и 312 мужчин в лаборатории, в результате чего появился доклад «Человеческая сексуальная реакция». — *Прим. ред.*

животных? Разве это в таком случае не подразумевало бы, что они ничего не чувствуют? Возмущенные идеей сексуального удовольствия как заслуги лингвистики, мы начали слать записки с коварными вопросами вроде «могут ли люди дышать, если у них нет слова „кислород“?».

Последний довод Морриса в пользу уникальности человека утверждает, что характерная для нас поза сексуального сношения свидетельствует о тонкой душевной организации цивилизованных людей. «Миссионерская» позиция не только считалась присущей лишь нашему виду, но и рассматривалась как культурное достижение. Но с учетом миллионов лет сексуальной эволюции за нашими плечами я считаю попытки отделить человеческую сексуальность от сексуальности других животных совершенно бессмысленными. Гормоны, побуждающие нас заниматься сексом, и анатомические особенности, делающие эту специфическую акробатику осуществимой и приятной, диктуются биологией. Они далеко не уникальны: то, как это делаем мы, не слишком отличается от того, как это делают лошади или даже рыбки гуппи. По нашим расположенным спереди гениталиям очевидно, что естественный отбор благоприятствовал миссионерской позиции: мы анатомически устроены так, чтобы совокупляться в этой позе.

Те же ученые, которые дали бонобо такое необычное имя, хотели прояснить и их способ спаривания, но эта тема в то время считалась запретной и неприличной. Эдуарду Тратцу и Хайнцу Хеку приходилось прибегать к латыни, говоря, что шимпанзе спариваются *more canum* (как собаки), а бонобо — *more hominum* (как люди). Бонобо используют миссионерскую позу весьма охотно, как и множество других. Они знают все позы «Камасутры» и даже некоторые, для нас невооб-

разимые (например, когда оба партнера висят головой вниз, уцепившись ногами за ветку). Однако поза лицом к лицу — особая, потому что она привычна и проста, но при этом дает возможность делиться эмоциями. Детальный видеоанализ показывает, что бонобо следят за лицом партнера и издаваемыми им звуками, регулируя скорость фрикций или потираний в соответствии с вызываемым откликом. Если партнер не вступает в зрительный контакт или иным образом кажется незаинтересованным, пара расходится. По-видимому, бонобо тонко настроены на переживания партнера.

Бонобо занимаются сексом не только в разнообразных позах, но также практически при любых комбинациях партнеров. Они доказывают ошибочность идеи, что секс предназначен исключительно для размножения. По моим подсчетам, три четверти их сексуальной активности не имеет ничего общего с воспроизводством, по крайней мере напрямую: зачастую в этих действиях участвуют представители одного пола или они происходят в неподходящий для зачатия период менструального цикла самки. И к тому же у бонобо есть много эротических паттернов поведения, никак не связанных с размножением, включая не только французский поцелуй, но также минет и массаж гениталий друг у друга, часто замечаемый у самцов. Один самец, выпрямив спину и расставив ноги, предоставляет свой эрегированный пенис в распоряжение другого самца, который слегка сжимает его основание и ласкает, водя ладонью вверх-вниз.

Мужской эквивалент генитального трения называют по-английски «gumpr-gumpr», то есть буквально «задом к зад»: при этом контакте двое самцов, стоя на четвереньках, недолго трутся друг о друга задом и мошонками. Это не очень интенсивное приветственное взаимодействие,

во время которого партнеры смотрят в противоположные стороны. Взаимное трение пенисами, наоборот, напоминает позу гетеросексуального спаривания, когда один самец лежит на спине, а другой совершает на нем толчки тазом. Поскольку в этот момент у обоих самцов наблюдается эрекция, их пенисы трутся друг о друга. Я никогда не видел эякуляции во время секса самцов или попыток анального сношения. Все эти виды поведения фиксировали и у диких бонобо, и у живущих в неволе — кроме так называемого «фехтования на пенисах», известного только по исследованиям в естественной среде: двое самцов свисают с ветки лицом к лицу и трутся пенисами, как будто скрещивают мечи.

Это многообразие сексуального поведения бонобо поистине поразительно, однако оно не лучшим образом сказалось на их репутации в нашем обществе. Некоторые авторы и исследователи чувствуют себя настолько неловко, что начинают говорить загадками. Я слышал лекторов, называвших бонобо «весьма любвеобильными», описывая поведение, которому в любом кинотеатре поставили бы порнографическую категорию X. Американцы, в частности, избегают говорить про секс прямо. Как будто слушаешь конференцию пекарей, решивших исключить из своего лексикона слово «хлеб» и изобретающих для него самые невероятные иносказания. Сексуальная активность бонобо зачастую принижается до простого подсчета совокуплений между взрослыми особями противоположного пола. Но в действительности это оставляет за кадром большую часть того, что происходит в их повседневной жизни. То, что об этом умалчивается, весьма любопытно, учитывая, что обычно под «сексом» понимается любой намеренный контакт, в котором задействуются гениталии, включая

петтинг и оральную стимуляцию, вне зависимости от того, кто и с кем этим занимается (когда президент Билл Клинтон попытался определить секс более узко, его поправили в суде). В более широком смысле к области секса также относятся поцелуи или выставление тела напоказ в соблазняющей манере. Именно поэтому Элвиса Пресли, которого прозвали Элвис-Пелвис*, так ненавидели родители 1950-х. Лично я целиком и полностью за то, чтобы называть все своими именами — эвфемизмам, порожденным излишней стыдливостью, не место в научном дискурсе.

Если я создал впечатление, что бонобо — патологически гиперсексуальные животные, то должен добавить, что их сексуальная активность в высшей степени нерегулярна, куда больше, чем наша собственная. Как и люди, они занимаются сексом только время от времени, а не постоянно. Многие контакты не доводятся до кульминации — партнеры просто ласкают друг друга. Даже среднестатистическое совокупление невероятно коротко по человеческим стандартам — всего 14 секунд. То есть вместо бесконечной оргии мы видим социальную жизнь, приправленную краткими моментами сексуальной близости. Однако наличие столь сладострастных близких родственников позволяет нам лучше понять собственную сексуальность.

Би-бонобо

Действительно ли бонобо нужен весь этот секс? А нам, людям? Зачем вообще тратить на него время и силы? Вопрос

* *Pelvis* — (англ.) область таза. Прозвище Элвис-Пелвис дали певцу за характерные движения бедрами. — *Прим. ред.*

может показаться странным — как будто у нас есть выбор! Но вместо того, чтобы считать секс чем-то само собой разумеющимся, биологи задумываются: откуда он возник, для чего нужен и нет ли способов размножения получше: Почему бы нам просто не клонировать себя? Преимущество клонирования заключается в возможности копировать генетические шаблоны, которые хорошо работали в прошлом, такие как вы и я (прожить столько лет — серьезное достижение), не смешивая их с недостатками, которые могут нести в себе чьи-то посторонние гены.

Вообразите новый дивный мир, в котором мы бы тогда обитали, — мир, полный бесполой, идентично выглядящих индивидуумов. Больше никаких сплетен о том, кто кого любит, кто с кем развелся или кто кому изменяет. Никаких нежеланных беременностей, дурацких журнальных статей о том, как произвести впечатление на свидании, и никаких плотских грехов — но также никаких страстных влюбленностей, романтических фильмов, секс-символов в лице поп-звезд. Возможно, этот мир был бы более эффективным, но он также стал бы и самым скучным местом, какое только можно себе представить.

К счастью, недостатки полового размножения с лихвой компенсируются преимуществами. Это наглядно демонстрируют животные, использующие оба способа воспроизводства. Возьмем, например, какую-нибудь тлю, из тех, что живут на комнатных растениях, и поместим ее под микроскоп. Большую часть времени тли просто клонируют* себя. Но когда наступают трудные времена, такие

* Имеется в виду, что самки тли размножаются партеногенезом (от др.-греч. *παρθένω* — дева и *γένεσις* — возникновение). Потомство (клоны) развивается из неоплодотворенных женских гамет (яйцеклеток). Процесс широко распространен среди насекомых (пчелы, муравьи, тли и др.). — *Прим. ред.*

как осень или зима, этот метод оказывается недостаточно хорошим. Клонирование не позволяет избавляться от случайных генетических мутаций, большинство из которых порождают проблемы. Ошибки будут накапливаться, пока вся популяция не погрязнет в них. Так что тли переключаются на полноценное половое размножение, которое приносит перемешивание генов. Потомство, произведенное половым путем, более крепкое и устойчивое (так же, как, например, непородистая собака или кошка в целом обычно более здоровая, чем чистокровная). Через много поколений близкородственное скрещивание становится похожим на клонирование, приводя ко все большим генетическим дефектам.

Жизнестойкость так называемого «дикого типа» — продукт половой перетасовки генетической колоды — хорошо известна. Такие «дикие типы», например, лучше справляются с болезнями, поскольку способны идти в ногу с непрерывной эволюцией паразитов. Бактериям нужно всего девять лет, чтобы сменилось около 250 000 поколений, которые отделяют нас от бонобо и шимпанзе. Быстрая смена поколений у паразитов вынуждает животных-хозяев совершенствовать способы защиты. Только для того, чтобы отбивать атаки паразитов, нашей иммунной системе нужно постоянно развиваться. Биологи называют это «гипотезой Красной Королевы» в честь Красной Королевы из «Алисы в Стране чудес», сказавшей Алисе: «Чтобы остаться на месте, нужно бежать изо всех сил!» Для человека и животных этот «бег» осуществляется путем полового размножения.

Но это объясняет лишь то, почему секс существует, а не то, почему мы им так часто занимаемся. Разве мы не могли бы прекрасно размножаться при значительно

меньшем его количестве? Несомненно, именно это имеет в виду католическая церковь, заявляя, что секс предназначен только для размножения. Но разве приятная часть секса не бросает вызов этому представлению? Если бы единственной целью секса являлось размножение, он вовсе не обязательно доставлял бы такое удовольствие. Скорее, мы бы относились к нему так же, как дети к овощам: полезно, но неинтересно. Это, конечно же, не совсем то, что уготовила для нас мать-природа. Обеспечиваемые миллионами нервных окончаний в местах, которые называются эрогенными зонами (8000 приходится только на один небольшой клитор), напрямую соединенных с центрами удовольствия в мозгу, сексуальное желание и удовлетворение заложены в самую конструкцию наших тел. Стремление к наслаждениям — вот причина номер один, по которой люди занимаются сексом больше, чем это необходимо для размножения.

Открытие, что у наших ближайших родственников гениалии выглядят по меньшей мере настолько же развитыми, как у нас, а «излишнего» секса у них даже больше, делает сексуальность преобладающим признаком у троицы рассматриваемых близких родственников. Шимпанзе здесь исключение. Их сексуальная жизнь бедна по сравнению с людьми и бонобо, причем не только в дикой природе, но и в зоопарках. Если сравнить шимпанзе и бонобо, живущих в неволе на такой же по величине территории, получающих одинаковую пищу и имеющих доступ к такому же числу партнеров, то бонобо иницируют секс в среднем раз в полтора часа и с куда большим разнообразием партнеров, чем шимпанзе, которые занимаются сексом только раз в семь часов. Таким образом, даже в одинаковой среде бонобо намного более сексуально активны.

Но ничто из этого не отвечает на рассматриваемый вопрос: почему люди и бонобо оказались такими сексуальными гедонистами? Почему мы наделены сексуальным аппетитом, выходящим далеко за пределы потребности оплодотворения подвернувшейся яйцеклетки и побуждающим нас расширять круг партнеров, не ограничиваясь только теми, с которыми оно возможно? Читатели могут возразить, что их вкус в области сексуальных партнеров значительно менее разнообразен, но я здесь думаю о нас *как о виде*. Одни люди гетеросексуальны, другие — гомосексуальны, а кому-то нравятся всякие партнеры. Более того, даже эти классификации, судя по всему, условны. Американский пионер сексологических исследований Альфред Кинси представил человеческие сексуальные предпочтения в виде непрерывного континуума (от исключительной гетеросексуальности до исключительной гомосексуальности), выдвигая предположение, что мир не делится на агнцев и козлищ и наши привычные разграничения идут не от природы, а являются порождением общества.

Взгляды Кинси подтверждаются кросс-культурными исследованиями, демонстрирующими невероятное разнообразие отношений к сексу. В некоторых культурах гомосексуальность выражается открыто, даже поощряется. Первыми на ум приходят древние греки, но есть еще и австралийское племя аранда, где старший мужчина вступает в длительные сексуальные отношения с мальчиком, пока тот не станет готов к женитбе на женщине, а женщины там потирают друг другу клиторы для удовольствия. В новогвинейском племени кераки совокупление с мужчиной является частью обряда перехода во взрослую жизнь для каждого мальчика; существуют и другие культуры, в которых мальчики ораль-

но улаживают старших мужчин, чтобы проглотить сперму (предположительно, чтобы приобрести таким образом мужскую силу). Сравните это с культурами, где гомосексуальность окружена страхами и табу, особенно у мужчин, которые подчеркивают свою мужественность путем выпячивания гетеросексуальности. Ни один гетеросексуальный мужчина не хочет, чтобы его принимали за гомосексуала. Нетолерантное отношение заставляет всех разделять свою сексуальность и выбирать какую-либо одну ее часть, создавая впечатление, что типы сексуальности дискретны, хотя в скрытом виде может существовать широкий спектр предпочтений, в том числе и их полное отсутствие.

Я подчеркиваю, что это именно культурное наслоение, чтобы объяснить, почему типичный вопрос к эволюционистам, каким образом возникла гомосексуальность, может быть неуместен. Приводится следующий аргумент: поскольку гомосексуальные особи не размножаются, они должны были давным-давно вымереть. Но это вызывает недоумение, только если мы идем на поводу у современных практик навешивания ярлыков. Что, если заявляемые сексуальные предпочтения весьма условны? Что, если нам промыли мозги, заставив думать в категориях «или — или»? И как насчет исходного постулата, что гомосексуалы не размножаются? Действительно ли это так? Они, несомненно, способны к размножению, и в современном обществе многие женятся в определенный период жизни. В нашем мире множество гомосексуальных пар воспитывают детей. Аргумент насчет вымирания предполагает некую генетическую пропасть между гомо- и гетеросексуалами. Это правда, что сексуальные предпочтения, по-видимому, конституционально обусловлены, то есть мы рождаемся с ними или они

возникают в очень ранний период жизни, но, несмотря на слухи о «гейских генах», пока нет никаких свидетельств в пользу системных генетических различий между гетеро- и гомосексуалами.

Давайте отойдем от области секса и просто поговорим о влечении к собственному полу, предполагая, что это влечение присутствует, до некоторой степени, во всех нас. Мы легко сходимся с теми, кто похож на нас, так что эту часть понять несложно. Поскольку влечение к собственному полу не отменяет притяжения к противоположному, в ходе эволюции оно не должно было сталкиваться с какими-либо препятствиями. Теперь добавим к этому идею, что существует серая область между социальным притяжением, с одной стороны, и сексуальным влечением — с другой. То есть притяжение к собственному полу может иметь сексуальный подтекст, который выходит на поверхность только при определенных обстоятельствах. Например, если противоположный пол отсутствует в поле зрения долгое время, как в школах-интернатах, тюрьмах, монастырях или на кораблях, однополые дружеские связи часто превращаются в сексуальные, чего в иных обстоятельствах могло и не случиться. То же иногда происходит, когда отказывают тормоза: например, если мужчины выпивают слишком много, они внезапно начинают вешаться друг другу на шею. Идея, что влечения, в которых нет осознанного сексуального подтекста, могут все же иметь сексуальную сторону, разумеется, весьма не нова: Фрейд внушил нам это давным-давно. Мы так боимся секса, что стараемся запереть его в маленькую коробочку с крышкой, но он все время ускользает, смешиваясь со множеством других склонностей и стремлений.

Влечение к собственному полу не является эволюционной проблемой, поскольку не конфликтует с размножением. Давайте пойдем дальше и предположим, что это влечение очень разнообразно и его социальная сторона побеждает у большинства людей, а сексуальная сторона — у меньшинства. Это меньшинство невелико. По оценке Кинси, число гомосексуалов среди населения составляет около 10%, что, несомненно, является большим преувеличением. В недавних исследованиях говорится о менее чем 5%. Внутри этого меньшинства существует еще меньшая группа с настолько сильным влечением к своему полу, что оно полностью исключает секс с противоположным полом и, таким образом, размножение. По результатам крупнейшего рандомизированного исследования сексуального поведения, проведенного в 1990-е гг. в США и Великобритании, число исключительных, то есть строгих гомосексуалов составляет менее 1%. Если мы предположим, что это ничтожное меньшинство является обладателями генов, которых ни у кого другого нет, то встал бы вопрос: как эти гены могут передаваться? По-видимому, 99% населения, имеющих способность размножаться, без всяких проблем передают наследникам влечение к собственному полу, и дальнейшим развитием этого влечения оказывается гомосексуальность.

Такое развитие, которое консерваторы необоснованно полагают «личным выбором образа жизни», на самом деле происходит у некоторых людей само собой. Это часть того, кем они являются. В некоторых культурах они могут свободно следовать ему, в то время как в других им приходится это скрывать. Поскольку не существует людей вне культуры, невозможно узнать, как наша сексуальность выглядела бы без этого влияния. Истинная человеческая

натура подобна святому Граалю: его вечно ищут и никогда не находят.

Но у нас ведь есть бонобо. Поведение этих обезьян очень показательно, поскольку они не ведают сексуальных запретов и имеют очень мало ограничений. Бонобо демонстрируют активную и разнообразную сексуальность при отсутствии культурных наслоений, которые создаем мы. Нельзя сказать, что бонобо — «просто люди, покрытые шерстью»: это совершенно самостоятельный, отличный от нас вид. По шкале сексуальной ориентации Кинси (от 0 — исключительно гетеросексуальная ориентация до 6 — исключительно гомосексуальная ориентация) людей можно преимущественно отнести к гетеросексуальному концу шкалы, но бонобо, по-видимому, абсолютно «бисексуальны», или твердая 3 по Кинси. Они буквально пансексуальны — удачный термин, учитывая их родовое название (*Pan*). Насколько нам известно, нет исключительно гетеро- или гомосексуальных бонобо: все они занимаются сексом практически с любыми партнерами. Когда появились эти новости о наших ближайших родственниках, меня вовлекли в дискуссию на интернет-сайте для геев, где одни утверждали, что гомосексуальность естественна, а другие жаловались, что из-за этого все выглядит слишком примитивным. Если слово «естественный» звучит хорошо, а «примитивный» — плохо, то вопрос стоял так: должно ли гей-сообщество радоваться существованию бонобо или нет? У меня на это не было ответа: бонобо существуют, нравится людям это или нет. Но я-то предполагал, что они используют слово «примитивный» в его биологическом значении: то есть подразумевая более древнюю, предковую форму. В этом смысле гетеросексуальность очевидно более примитив-

на, чем гомосексуальность: сначала возникло половое размножение, ведущее к появлению двух полов и сексуальному влечению. Дополнительные варианты применения этого влечения, скорее всего, возникли позже, в том числе и однополые отношения.

Однополый секс уж точно не ограничивается только людьми и бонобо. Мартышки седлают представителей своего пола, чтобы продемонстрировать доминирование, и также известно, что они подставляют зад для примирения. У макак самки образуют друг с другом пары, подобные гетеросексуальным, причем одна самка регулярно забирается на другую. Время от времени появляются документально подтвержденные примеры однополого секса в животном царстве: от забирающихся друг на друга самцов слонов и сплетающихся шеями самцов жирафов до приветственных ритуалов лебедей и взаимных ласк у китов. Но даже если у некоторых животных есть периоды, когда такое поведение обычно, я воздерживаюсь от слова «гомосексуальный», подразумевающего определенную ориентацию. Сексуальная ориентация исключительно на представителей своего пола редка или вовсе отсутствует в животном царстве. Бонобо иногда представляют как животных-гомосексуалов, что приводит к появлению «Бонобо-баров» почти в каждом космополитичном городе. Это правда, что бонобо часто вступают в гомосексуальные сношения, если использовать это слово исключительно для обозначения самого действия. Самки постоянно занимаются этим друг с другом, фактически генитальные трения являются способом политического сплочения их сообществ и поддержания прочных связей между самками. Самцы тоже регулярно демонстрируют сексуальное поведение по отношению друг к другу, хоть и не так активно, как самки.

Но всего этого недостаточно, чтобы считать бонобо гомосексуалами. Я не знаю ни одного бонобо, который ограничивал бы свои сексуальные аппетиты представителями собственного пола. Напротив, они абсолютно бисексуальны и промискуитетны.

Самый значимый аспект секса у бонобо — это его абсолютная непринужденность и прекрасная интегрированность в социальную жизнь. Мы используем для приветствия руки, пожимая их или похлопывая друг друга по плечу, а бонобо обмениваются генитальными «рукопожатиями». Я опишу одну сцену, произошедшую в Парке диких животных, расположенном к северо-востоку от Сан-Диего, когда мы со зрителями принесли бонобо пищу, чтобы они ею делились, а съемочная группа в это время фиксировала на видео их застольные манеры для научно-популярной программы. Мы снимали обезьян на обширной поляне, окаймленной пальмами. Хотя там присутствовал взрослый самец по имени Акили, группой управляла Лоретта, тогда ей был 21 год. Обезьяны делали именно то, что от них и ожидалось: при помощи секса снимали напряженность, возникшую из-за еды.

Когда перед группой бросили большой пучок листьев имбиря — любимое лакомство бонобо, Лоретта тут же его схватила. Через некоторое время она позволила Акили съесть немного листьев, но младшая взрослая самка, Ленора, все не решалась к ним присоединиться. Причем не из-за Лоретты, а из-за того, что Ленора с Акили по каким-то причинам не очень-то ладили. Служитель сказал мне, что теперь это постоянная проблема. Ленора все время поглядывала на Акили, уклоняясь от каждого его движения. Несколько раз она принимала призывные позы,

оставаясь на некотором расстоянии. Когда Акили никак на нее не отреагировал, она подошла и потерлась разбухшими гениталиями о его плечо, и это он принял. В результате Леноре было позволено присоединиться к группе и все они мирно поели, хотя Лоретта по-прежнему строго контролировала раздачу пищу.

В группу также входила самка-подросток Мерилин, у которой на уме было кое-что другое. Она была влюблена в Акили и повсюду ходила за ним, много раз приглашая его к сексу. Мерилин немного поиграла в пруду, руками стимулируя свои гениталии и окуная губы в воду. Приведя себя таким образом в возбуждение, она подергала Акили за руку и отвела его к воде для совокупления. Акили подчинился, но явно разрывался между Мерилин и пищевыми сокровищами. Почему надо было непременно заниматься сексом по колено в воде, осталось для меня загадкой: возможно, у Мерилин развился такой фетиш. Сексуальные предпочтения у бонобо встречаются нередко.

Тем временем Лоретта проявила большой интерес к детенышу Леноры. Каждый раз, как он подходил к ней, старшая самка недолго стимулировала его гениталии пальцем, после одного такого раза произошло объятие животом к животу, во время которого Лоретта сделала несколько движений тазом к детенышу, словно самец. В какой-то момент мать стала руками стимулировать гениталии Лоретты, после чего подтолкнула детеныша к ней, как будто предлагая взять его на руки.

За этот короткий промежуток времени мы видели, как бонобо использовали секс для секса (Акили и Мерилин), для примирения (Ленора и Акили) и как знак расположения (Лоретта и детеныш). У нас секс обычно ассо-

цируется с размножением и страстью, но у бонобо он удовлетворяет множество других потребностей. Целью, без сомнения, всегда является удовольствие, а размножение служит лишь одной из функций.

О леди и бродягах

Самки бонобо щеголяют генитальными набуханиями, даже когда не готовы к зачатию: например, во время беременности и кормления грудью. У шимпанзе все иначе. Было подсчитано, что самки шимпанзе ходят с набухшими гениталиями менее 5% взрослой жизни, а самки бонобо проводят в этом состоянии около 50% времени. Более того, кроме паузы, когда у самок идут менструации, секс у бонобо происходит в течение всего цикла. Для приматов, у самок которых имеется выраженное набухание гениталий, это удивительно. Для чего же нужны эти гротескные пузыри, если не для сигнала о готовности к зачатию?

Притом что секс и набухание наружных половых органов в основном не связаны со способностью к зачатию, самцу бонобо пришлось бы стать Эйнштейном, чтобы понять, кому из детенышей он является отцом. Не то чтобы человекообразные обезьяны осознавали связь между сексом и размножением, — это можем только мы, люди, — но для самцов животных вполне обычно покровительствовать потомству тех самок, с которыми они занимались сексом, таким образом, по сути, заботясь о своем потомстве и защищая его. Однако у бонобо слишком много секса со слишком большим числом партнеров, чтобы проводить такие различия. Если бы потребовалось создать социальную систему, в которой отцовство оставалось неизвестным, то вряд ли получилось бы пре-

взойти мать-природу в том, что она изобрела для бонобо. Теперь мы предполагаем, что в действительности это могло быть основной целью: самки выигрывают от вовлечения самцов в сексуальные отношения. Опять же, во всем этом нет никакого осознанного намерения, только обманчивый сигнал о моменте готовности к зачатию. Поначалу эта идея обескураживает. Хотя отцовство никогда не бывает так же достоверно, как материнство, разве наш вид не живет достаточно хорошо, имея высокую степень уверенности в отцовстве? Человеческие мужчины гораздо более уверены в этом, чем самцы животных с неограниченным промискуитетом. Какие проблемы могут возникнуть, если самцы будут знать, кто их отпрыски? Оказывается, все дело в инфантициде, убийстве детенышей самцами.

Мне довелось присутствовать на исторической конференции в Бангалоре, в Южной Индии, на которой Юкимару Сугияма, известный японский приматолог, впервые сделал доклад о том, как самцы лангуров присваивают гарем самок, изгоняя старого вожака, а потом чаще всего убивают всех детенышей. Они отрывают малышей от материнского брюха и пронзают клыками. Эта конференция проходила в 1979 г., и тогда никто не осознавал, что на наших глазах творится история: рождалась самая провокационная эволюционная гипотеза нашего века.

Доклад Сугиямы был встречен гробовой тишиной, за которой последовал сомнительный отзыв председателя, поблагодарившего за эти интереснейшие примеры того, что он назвал «поведенческой патологией». Это были его слова, а не докладчика. Идея, что животные убивают своих сородичей, причем не только случайно, была непостижимой и отвратительной.

Открытие Сугиямы и его предположение, что инфантицид, вероятно, способствует воспроизводству конкретных самцов, игнорировались целых десять лет. Но затем на поверхность выплыли новые отчеты, сначала о других приматах, а в конце концов и о многих других видах, от медведей и сусликов до дельфинов и птиц. Например, когда самцы львов захватывают прайд, львицы изо всех сил стараются не дать им причинить вред детенышам, но обычно безрезультатно. Царь зверей бросается на беспомощных детенышей, встряхивает их, схватив за шею, и мгновенно убивает, но не ест. Это действие выглядит абсолютно намеренным. В научном сообществе никак не могли поверить, что те же самые теории, в которых говорится о выживании и размножении, могут применяться для объяснения уничтожения невинных новорожденных детенышей.

Но именно это предположение и было высказано. Когда самец становится главой группы, он не только изгоняет предыдущего вожака, но также уничтожает результаты последних репродуктивных усилий проигравшего самца. В этом случае у самок вскоре восстановится цикл, что будет способствовать появлению потомства нового вожака. Американский антрополог Сара Блаффер Хрди стала разрабатывать эту идею, а также привлекла внимание к примерам инфантицида у людей. Например, достоверно установлено, что дети больше рискуют подвергнуться насилию со стороны отчимов, чем биологических отцов, что, по-видимому, также связано с мужским воспроизводством. В Библии говорится о фараоне, приказавшем убивать детей при рождении, и всем известном царе Ироде, который «послал избить всех младенцев в Вифлееме и во всех пределах его, от двух лет и ниже» (Мф. 2:16). Антропологические

данные показывают, что после войн вполне обычным было убийство детей женщин, попавших в плен. Так что есть все основания включать наш собственный вид в обсуждения, касающиеся мужского инфантицида.

Инфантицид считается ключевым фактором социальной эволюции, настраивающим самцов против самцов и самцов против самок. Самки не выигрывают ничего: потеря детеныша всегда катастрофа. Хрди высказала теоретическое предположение о женских способах защиты. Конечно, самки делают, что могут, чтобы защитить себя и свое потомство, но, учитывая большие размеры самцов и отличающее их оружие (такое как внушительные клыки), их усилия часто оказываются тщетными. Следующая, более перспективная возможность — запутать вопрос отцовства. Когда чужие самцы, например у львов и лангуров, захватывают власть, вновь пришедший может быть абсолютно уверен, что он не отец ни одному из детенышей, которых видит вокруг. Но если самец уже живет вместе с группой, где встречает знакомую самку с детенышем, ситуация возникает иная. Детеныш может оказаться его, а это значит, что убийство малыша уменьшит возможности самца передать свои гены следующим поколениям. С эволюционной точки зрения для самца нет ничего хуже, чем уничтожить собственное потомство, поэтому предполагается, что природа дала самцам универсальное правило: нападать на детенышей только тех матерей, с которыми у него в недавнем времени не было секса. Это может показаться эффективной стратегией для самцов, однако открывает путь для блестящей контрстратегии самок. Принимая ухаживания многих самцов, самка может обезопасить себя от инфантицида, поскольку ни один из ее партнеров не может игнорировать

вероятность своего отцовства. Иными словами, беспорядочная половая жизнь имеет свои преимущества.

Это и есть возможная причина того, что у бонобо много секса и нет инфантицида. Последний у них не наблюдался никогда — ни в дикой природе, ни в неволе. Самцы были замечены в нападениях на самок с маленькими детенышами, однако масштабная защита от такого поведения предполагает внушительное противодействие инфантициду. Бонобо поистине исключение среди приматов, потому что убийство детенышей зафиксировано у горилл и шимпанзе, не говоря уже о людях. Крупного самца шимпанзе в заповеднике Будонго-Форест в Уганде застали держащим в руках частично съеденного мертвого детеныша своего вида. Неподалеку были другие самцы, и труп они, вероятно, передавали друг другу. Дайан Фосси, прославившаяся своей книгой «Гориллы в тумане»*, видела, как одинокий серебристоспинный самец гориллы ворвался в группу с угрожающим оскалом. Самка, родившая накануне ночью детеныша, встретила атаку, поднявшись на ноги и колотя себя в грудь. Самец тут же ударил новорожденного, висящего на ее открывшемся животе, тот вскрикнул и умер.

Естественно, нам инфантицид кажется отвратительным. Одна полевая исследовательница не смогла удержаться, когда самцы шимпанзе окружили самку, ползавшую по земле и пытавшуюся прикрыть своего детеныша, истоково кряхтя, чтобы смягчить нападающих. Исследовательница забыла о профессиональном обязательстве не вмешиваться и вышла против самцов с большой палкой. Возможно, это было не самое умное решение, потому что самцы шимпан-

* Фосси Д. Гориллы в тумане. — М.: Прогресс, 1990.

зе иногда убивают людей, но женщине в тот раз повезло: ей удалось их отогнать.

Ничего удивительного, что самки шимпанзе несколько лет после рождения детеныша держатся подальше от больших сборищ своих сородичей. Изоляция, вероятно, является их главной стратегией предотвращения инфантицида. Набухание гениталий возобновляется у них только ближе к концу периода кормления грудью, через три или четыре года. До этого им нечего предложить самцам, желающим секса, и у них нет никакого эффективного способа переубедить агрессивно настроенного самца. Самки шимпанзе проводят значительную часть жизни, бродя в одиночестве, с зависимым от них детенышем. Самки бонобо, наоборот, возвращаются в группу сразу после рождения детеныша и начинают совокупляться через несколько месяцев. Им почти нечего бояться. Самцы бонобо никоим образом не могут быть уверенными в том, кто из детей в группе — их отпрыски. И поскольку самки у бонобо обычно доминируют, нападать на их детенышей — дело рискованное.

Получается, свободная любовь родилась из самозащиты? «Вот почему эта леди — бродяга, — сказал бы нам Фрэнк Синатра. — Она любит вольный свежий ветер в волосах, жизнь без забот». И действительно, беззаботная жизнь самок бонобо контрастирует с темной грозовой тучей, нависающей над жизнью самок многих других животных. Трудно переоценить награду, которую эволюция назначила за прекращение инфантицида. Самки бонобо сражаются за свое дело — самое важное, какое только можно представить для их пола, — всеми доступными видами оружия, как сексуального, так и связанного с агрессией. И судя по всему, побеждают.

Однако этим теориям не удастся объяснить широкую сексуальную ориентацию бонобо. Я вижу истоки их поведения в том, что, когда эволюция сделала бонобо склонными к промискуитету гетеросексуалами, секс попросту вылился в другие сферы жизни, такие как однополые отношения и разрешение конфликтов. Вся жизнь бонобо пропитана сексом, что, вероятно, отразилось на физиологии этого вида. Нейробиологи обнаружили кое-что интересное о гормоне окситоцине, широко распространенном у млекопитающих. Окситоцин стимулирует сокращения матки (его часто дают женщинам во время родовых схваток) и лактацию, но менее известно, что он уменьшает агрессию. Введите этот гормон самцу крысы, и он с куда меньшей вероятностью будет нападать на детенышей. Еще более любопытно то, что синтез этого гормона в мозгу самцов резко повышается после сексуальной активности. Иными словами, от секса вырабатывается гормон нежности и привязанности, который, в свою очередь, приводит к мирному настрою*. С биологической точки зрения это может служить объяснением, почему человеческие общества, в которых физическая любовь — дело обыденное и распространенное, а сексуальная толерантность высока, обычно демонстрируют более низкий уровень насилия по сравнению с обществами с другими установками. Возможно, у людей в этих обществах более высокий уровень окситоцина. Никто не мерил окситоцин у бонобо, но могу поспорить, у них он просто хлещет через край.

* По данным последних исследований, полученных в том числе и для шимпанзе, окситоцин усиливает любовь только по отношению к «своим» и может стимулировать агрессию к «чужакам». См., напр.: https://elementy.ru/novosti_nauki/432907/Mezhgrupповые_konflikty_u_shimpanze_svyazany_s_povyshennym_urovнем_oksitosina. — *Прим. пер.*

Джон Леннон и Йоко Оно, возможно, были правы, устроив постельный протест против войны во Вьетнаме в амстердамском «Хилтоне»: любовь приносит мир.

Пояса целомудрия

Если бонобо одним из немногих удалось достичь успеха в борьбе, которую ведет МПИ — воображаемая организация «Матери против инфантицида», то встает вопрос о нас, людях. Активно ли женщины участвуют в этой борьбе?

Вместо того чтобы последовать модели бонобо, наш вид избрал собственный путь. Два свойства объединяют женщин с самками бонобо: овуляция у них внешне никак не проявляется, и они занимаются сексом на протяжении всего менструального цикла. Но на этом подобие заканчивается. Почему мы не видим набухания гениталий и где секс в любой момент?

Начнем с набуханий: ученые гадали, почему мы их утратили, и даже высказывали предположения, что наши мясистые ягодицы заняли их место. И не только потому, что ягодицы расположены на теле точно так же, но и потому, что они тоже увеличивают сексуальную привлекательность. Однако идея весьма странная: разве это не должно было привести к отличию женских ягодиц от мужских? Мы все ценители и знатоки и без проблем отличим мужской зад от женского, даже под слоями одежды, но нельзя отрицать, что в них больше сходства, чем различий. Ягодицы никоим образом не служат нам сигналом готовности к сексу. Куда более правдоподобным кажется предположение, что у людей с самого начала не было никаких генитальных набуханий. Вероятно, они возникли уже после разде-

ления ветвей человека и обезьян и только в роде *Ran*, потому что ни у каких других видов человекообразных обезьян их нет.

Когда женщины начали растягивать период готовности к сексу, превзойдя в этом плане даже бонобо, у которых он в десять раз больше, чем у шимпанзе, им не было нужды в долгой фазе набухания. Вместо ложного рекламирования нашим методом стало полное отсутствие рекламы. Но почему тогда у бонобо не развился такой же, более удобный, метод? По моему предположению, раз уж набухания появились и стали объектом вожделения для самцов, повернуть вспять стало невозможно. Самки с небольшими вздутиями наверняка проигрывали соперницам, более щедро одаренным природой. Это известный сюжет при развитии признаков, по которым идет половой отбор, таким, например, как все увеличивающийся павлиний хвост. Состязание по типу «кто самый сексуально привлекательный» зачастую ведет к преувеличенным, избыточным сигналам.

Второе, в чем мы отличаемся от бонобо, — это то, что секс у людей более скован ограничениями. Это не всегда очевидно, потому что в некоторых обществах существует поразительная свобода. Тихоокеанские народы были такими до прибытия европейцев, которые привезли с собой как викторианские ценности, так и венерические болезни. В своей книге «Сексуальная жизнь дикарей Северо-Западной Меланезии» (*The Sexual Life of Savages in North-Western Melanesia*, 1929) антрополог Бронислав Малиновский описал культуры этого региона как почти не имеющие табу и ограничений. Там говорится, что раньше у гавайцев «секс был бальзамом и клеем для всего общества», что вполне в духе бонобо. Гавайцы почитали и прославляли гениталии в песнях и тан-

цах, холя и лелея эти части тела у своих детей. Грудное молоко впрыскивалось в детскую вагину, и половые губы слеплялись так, чтобы их было не разлепить. Клитор маленькой девочки вытягивали и удлинляли посредством оральной стимуляции. Пенису полагался такой же уход, чтобы увеличить его красоту и подготовить к сексуальным наслаждениям в дальнейшей жизни.

Однако неограниченный гедонизм вряд ли существовал в какой-либо человеческой культуре. Некоторые антропологи, такие как Маргарет Мид, полагавшиеся на чужие рассказы, а не на непосредственное наблюдение, создали романтический миф, который жив до сих пор. Но даже самые сексуально раскрепощенные культуры не свободны от ревности и насилия в ответ на неверность. Как правило, совокупление происходит уединенно, а область гениталий зачастую прикрывается. То, что коренным гавайцам было ведомо целомудрие, видно из названия набедренной повязки — «*мало*», вероятнее всего произошедшего от малайского «*малу*», что значит «стыд».

К тому же в большинстве обществ секс ограничивается небольшим числом партнеров. Полигамия может практиковаться и приниматься как должное, но в реальности огромное большинство семей в мире включают только одного мужчину и одну женщину. Нуклеарная семья — фирменный знак человеческой социальной эволюции. Судя по тому, что наши сексуальные контакты весьма ограничены, мы выбрали путь, противоположный бонобо, фактически дав самцу больше шансов отличить свое потомство от чужого. До появления современной науки мужчины никогда не могли быть уверены в своем отцовстве, но имели все же намного больше шансов догадаться, чем бонобо.

Естественный отбор формировал поведение людей под воздействием среды, весьма отличным от того, с которым имели дело человекообразные обезьяны. Нашим предкам пришлось адаптироваться к невероятно суровым условиям жизни. Они ушли из-под защиты джунглей в равнинную сухую саванну. Не верьте сказкам Роберта Ардри и других об обезьянах-убийцах, в которых рассказывается, как наши прародители правили саваннами в роли высших хищников. Наши предки были *добычей*. Они наверняка жили в постоянном страхе, боясь охотящихся стаями гиен, различных видов крупных кошачьих и других опасных животных. В таком страшном месте самыми уязвимыми были самки с малышами. Неспособные убежать от хищников, они бы ни за что не отважились уходить далеко от леса без защиты самцов. Возможно, ватаги более подвижных самцов защищали группу и помогали переносить детенышей в безопасное место в чрезвычайных ситуациях. Однако это бы не сработало, если бы мы придерживались социальной системы шимпанзе или бонобо. Промискуитетные самцы попросту не способны к прочным связям. Поскольку у них нет надежды различить свое потомство, то и нет причин вкладываться в заботу о детях. Чтобы вовлечь самцов в это дело, обществу пришлось измениться.

Для человеческого социального устройства характерно уникальное сочетание: (1) связей между мужчинами, (2) связей между женщинами и (3) нуклеарной семьи. Первое у нас общее с шимпанзе, второе — с бонобо, а третье — только наше. Неслучайно люди повсеместно влюбляются, ревнуют на сексуальной почве, испытывают стыд, стремятся к уединению, ищут отцовскую фигуру в придачу к материнской и ценят постоянные партнерские связи. Подразуме-

вающиеся во всем этом близкие отношения между мужчинами и женщинами, которые зоологи окрестили «моногамией», вросли в нашу плоть и кровь. Я считаю, что именно это отличает нас от человекообразных обезьян больше, чем что-либо другое. Даже гедонистические «дикари» Малиновского не были лишены склонности образовывать эксклюзивные хозяйства, в которых и мужчины, и женщины заботились о детях. Социальное устройство нашего вида вращается вокруг этой модели, что дало нашим предкам основу для построения обществ, основанных на сотрудничестве, в которое представители обоих полов вносили свой вклад и при этом чувствовали себя в безопасности.

Высказывались предположения, что нуклеарная семья изначально произошла от стремления самцов сопровождать самок, с которыми они спаривались, чтобы не подпустить соперников, намеревающихся убить их детенышей. Такая форма взаимоотношений могла включать и отцовскую заботу. Например, отец мог помогать своей спутнице находить деревья со спелыми плодами, ловить добычу и делиться ею, носить малышей. Сам он мог извлекать пользу из ее таланта к использованию и изготовлению орудий (самки человекообразных обезьян более искусны и ловки, чем самцы), а самки, в свою очередь, могли начать предлагать секс, чтобы не дать защитнику сбежать с первой встречной красоткой. Чем больше обе стороны вкладывали в эти отношения, тем выше оказывались ставки. Таким образом, самцу становилось все важнее, чтобы детеныши партнерши были его, и только его.

В природе за все приходится платить. Если самки бонобо заплатили за свое положение почти постоянно набухшими гениталиями, то женщины — уменьшением сексу-

альной свободы. И мотивация контроля у самцов только усилилась, когда наши предки перешли от кочевого образа жизни к оседлому и начали накапливать материальные ценности. Теперь следующему поколению передавались не только гены — оно еще и наследовало нажитое богатство. Гендерные различия в размерах в сочетании с превосходной кооперацией между самцами с большой вероятностью свидетельствуют о том, что мужское доминирование всегда было характерно для нашей эволюционной ветви и, возможно, поэтому наследование шло по отцовской линии. Поскольку каждый самец старался сделать так, чтобы накопленное за всю его жизнь оказалось в правильных руках — руках его собственного потомства, — одержимость идеей девственности и верности становилась неизбежной. Патриархат в том виде, в каком он нам известен, можно считать просто расширением мужской помощи в выращивании потомства.

Многие из привычных нам моральных ограничений — в том числе те, в соответствии с которыми бонобо отправили бы в тюрьму, если бы они жили среди нас, — созданы для поддержания именно такого социального устройства. Нашим предкам нужны были самцы, способные к сотрудничеству, не представляющие угрозы для самок и их детенышей и готовые помочь своим партнершам. Это означало разделение публичной и частной сфер и исключительно парные отношения. Требовалось обуздать древние промискуитетные тенденции, которые, судя по всему, сохранялись у нас еще некоторое время и остаются до сих пор. Результатом стало не только выживание, но и ускоренный по сравнению с человекообразными обезьянами рост популяции. Самки шимпанзе рожают только раз в шесть лет, в то вре-

мя как бонобо, живущие в более благоприятных условиях, — раз в пять лет. Такие темпы размножения, вероятно, являются пределом возможностей человекообразных обезьян, учитывая, что они кормят детенышей грудью на протяжении четырех-пяти лет и примерно столько же носят их на себе. У самок бонобо роды иногда так быстро следуют друг за другом, что в итоге им приходится заботиться о двух детенышах одновременно. Самка бонобо, у которой нет ни колясок, ни тротуаров для прогулок, может лазать по лесу с малышом, висящим на брюхе, и детенышем постарше, сидящим верхом на ее спине. Это кажется непосильной ношей. У бонобо система выращивания потомства при одном родителе нагружена до предела.

Отцовская помощь позволяет раньше отлучать ребенка от груди, что объясняет, почему мы, а не человекообразные обезьяны, заселили всю планету. Но поскольку самцы готовы помогать, только если считают себя отцами детенышей, обуздание женской сексуальности стало их постоянным стремлением. В последнее время мы видели проявление крайней степени мужского контроля при «Талибане» в Афганистане. Их Комиссия по пропаганде добродетели и предотвращению порока назначает наказание в виде публичного бичевания женщинам, которые позволили себе выставить напоказ лицо или лодыжки. На Западе также нет недостатка в правилах, регулирующих секс, причем они всегда жестче применяются к женщинам, чем к мужчинам. Это наши привычные двойные стандарты, приводящие, например, к тому, что медицинские страховые компании покрывают расходы на «Виагру», но не на противозачаточные средства, принимаемые на следующий день после полового акта. В любом языке прозвище для женщины, изменяющей

мужу, намного хуже, чем для мужчины — любителя подобных же приключений. Если женщину назовут «шлюхой», то мужчина будет только «ходоком» или «бабником».

Однако эволюция человека странным образом не склонна поддерживать репродуктивную чистоту семьи. Вообразите инопланетян, выкапывающих пояс целомудрия и пытающихся определить, для чего эта штука предназначалась. Железное или кожаное приспособление, охватывающее бедра женщины и заходящее на анус и вульву, оставляя отверстия, слишком маленькие для секса, но достаточные для отправления других надобностей. Ключи хранились у отцов или мужей. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять, почему такие пояса скорее успокаивали умы мужчин, чем способствовали соблюдению нравственных норм. Женщины нашего вида едва ли строго соблюдают верность. Если бы их верность была целью природы, то женский сексуальный аппетит ограничивался бы периодом возможного зачатия и эта фаза имела бы внешние признаки. Вместо этого природа создала женскую сексуальность, которую почти невозможно контролировать. В широко распространенном аргументе, что мужчины от природы полигамны, а женщины моногамны, дыр не меньше, чем в швейцарском сыре. В реальности мы видим несоответствие между нашим социальным устройством, вращающимся вокруг нуклеарной семьи, и нашей сексуальностью.

Анализы по группе крови и ДНК, проводимые в западных больницах, показывают, что примерно один из 50 детей не является сыном отца, записанного в документах. В некоторых исследованиях этот процент значительно выше. При всех этих «мама знает, папа верит» неудивительно, что люди чаще всего подчеркивают именно сходство

с отцом. Примечательно, что иногда и сами матери говорят «вылитый отец». Мы все понимаем, кому из родителей нужны такие заверения.

Немногие общества открыто толерантны к внебрачным интрижкам, хотя есть и такие, например индейцы бари из Венесуэлы, общественный уклад которых чем-то напоминает взаимоотношения у бонобо. Например, женщины у них занимаются сексом со многими партнерами, и потому установить отцовство сложно. Человеческая же сторона проявляется в том, что это помогает женщинам заручиться заботой мужчин. Индейцы бари полагают, что, когда формируется плод, обычно зачатый мужем и женой, его нужно напитать семенем, так что муж и другие партнеры женщины вносят свой вклад в его развитие и рост. (Для уха современного человека это звучит странно, но научное подтверждение того, что яйцеклетку оплодотворяет только один сперматозоид, появилось не ранее XIX в.) Родившийся ребенок считается потомком не одного, а нескольких биологических родителей. Совместное отцовство имеет явные преимущества в культурах с высокой детской смертностью. Одному отцу трудно полностью обеспечить семью. Если несколько мужчин ощущают свою ответственность, это дает детям больше шансов на выживание. Женщины, по сути, покупают поддержку для ребенка, занимаясь сексом с несколькими мужчинами.

Если нуклеарная семья не всегда соответствует тому, как ее представляют себе западные биологи, — мужчина помогает своей партнерше в обмен на ее верность, — то ее основной смысл остается тем же: женщины стремятся получить столько защиты и заботы, сколько возможно, а мужчины вовлекаются в это посредством сексуальных отноше-

ний. Иногда женщины считают более надежными защитниками братьев, а не партнеров, но намного более типичной для человека схемой является обмен «секс на еду» между мужчиной и женщиной с детьми.

Великий осеменитель

В своей книге «Тотем и табу» (Totem and Taboo) Зигмунд Фрейд предположил, что наша история начинается с того, что он назвал дарвиновской «первобытной ордой». Ревнивый и склонный к насилию отец держал всех женщин для себя одного, выгоняя сыновей, как только те подрастали. Это вызывало бунт против его власти. Сыновья объединялись, чтобы убить отца, после чего пожирали его. Они поглощали его и буквально, и метафорически, присваивая его силу и личность. Во времена правления отца сыновья ненавидели его, но после смерти могли наконец признать и принять любовь, которую к нему питали. Таким образом, сначала приходило раскаяние, потом преклонение, и в итоге появилась концепция Бога. «По сути, Бог — не что иное, как идеализированный отец», — заключил Фрейд.

Религии стремятся представить сексуальные моральные нормы как данные Богом и, делая это, возвращаются к образу альфа-самца — прародителя, который, согласно Фрейду, всегда оказывал сильнейшее влияние на нашу психику. Поразительно то, что древние модели сексуального соперничества увековечиваются и поддерживаются религиями, причем мы этого не осознаем. Но все эти модели проявляются и в обычной жизни. Антропологи предоставили нам множество свидетельств того, что могущественные мужчины контролируют больше женщин и производят больше

потомков. Поразительный пример пришел к нам из недавнего генетического исследования, проведенного в странах Центральной Азии. В работе изучалась Y-хромосома, которая есть только у мужчин. Оказалось, что не менее 8% азиатских мужчин имеют практически идентичную Y-хромосому, а это предполагает их происхождение от одного общего предка. У этого мужчины было столько детей, что по подсчетам теперь у него 16 млн потомков мужского пола. Определив, что этот великий осеменитель жил около тысячи лет назад, ученые остановились на Чингисхане как на наиболее вероятном кандидате. Сам хан, его сыновья и внуки контролировали крупнейшую империю в мировой истории. Их армии вырезали целые народы. Прекрасные молодые женщины, однако, предназначались не для простых воинов — их отправляли к самому правителю монголов.

Тенденция могущественных мужчин претендовать на непропорционально большой кусок репродуктивного пирога сохраняется и по сей день. Но откровенно примитивное соперничество мужчин заменилось системой, в которой потенциально у каждого мужчины есть собственная семья и все сообщество одобряет и уважает его связь с партнершей. То, что такой уклад, вероятно, сохраняется у нас длительное время, подтверждают и разница в размерах между мужчинами и женщинами, и, как ни странно, размеры семенников. Существует примерно 200 видов приматов, и у тех из них, у кого один самец монополизирует множество самок, самцы всегда заметно крупнее самок. Фрейдовская «первобытная орда» кажется очень похожей на гарем у горилл, где отец, которого все боятся, вдвое крупнее своих многочисленных партнерш. Ирония, однако, заключается в том, что чем больше у какого-либо вида

доминируют самцы, тем мельче у них яички. У горилл они весят чрезвычайно мало по сравнению с общим размером тела. Это имеет смысл, потому что ни один другой самец не подберется к самкам правящего самца. Поскольку оплодотворением гарантированно занимается он один, спермы требуется немного.

Совсем другая ситуация у промискуитетных шимпанзе и бонобо, у которых много самцов конкурируют за одних и тех же самок. Если самка спаривается с несколькими самцами в один день, сперматозоиды всех ее партнеров начинают гонку к яйцеклетке. Это называют спермовой конкуренцией, или спермовыми войнами. Побеждает самец, передавший самке максимальное количество наиболее здоровых сперматозоидов. В таком случае самцам не требуется быть столь же крупными и хорошо вооруженными, как великие хозяева гаремов животного царства, такие как моржи, гориллы, олени и львы. У животных, у которых воспроизведение связано со спермовыми войнами, самки не намного мельче самцов. Вес самок шимпанзе составляет около 80% веса их партнеров, а у бонобо и человека оба пола еще немного ближе друг к другу по размерам. Все три вида, и особенно два последних, демонстрируют признаки сниженной конкуренции между самцами. Однако есть одно главное отличие: и шимпанзе, и бонобо намного более промискуитетны, чем мы. И это отражается на наших семенниках: они выглядят как арахис по сравнению с «кокосами» наших ближайших родственников. С поправкой на размер тела яички шимпанзе примерно в десять раз крупнее, чем у человека. Семенники бонобо не измеряли столь тщательно, но на вид они еще крупнее, чем у шимпанзе, хотя размер тела у бонобо

меньше. То есть бонобо, судя по всему, чемпионы и в этом отношении.

Наука потратила значительно больше чернил на размеры мозга человека, чем на размеры его семенников. Однако при более широком взгляде на поведение животных сравнение гениталий оказывается чрезвычайно показательным. Его результаты говорят о том, что у людей сочетаются два признака, которые вместе не встречаются ни у одного из наших близких родственников: многосамцовое общество с низкой спермовой конкуренцией. Если оставить за скобками историю Чингисхана, которая в основном связана с конкуренцией за женщин из чужой для мужчины группы, то маленькие семенники являются свидетельством того, что по большей части наши предки-мужчины не все бегали за одними и теми же женщинами. Что-то, по-видимому, удерживало их от совсем уж полного промискуитета. И оно же, скорее всего, заставило их радикально отойти от прямой конкуренции, как у самцов шимпанзе и бонобо. Этим «чем-то», несомненно, стала нуклеарная семья, или, по крайней мере, существование стабильных гетеросексуальных пар, то есть моногамии. Анатомия человека рассказывает историю любви и привязанности между представителями разных полов, уходящую в далекие времена, возможно к самому началу его эволюционной ветви. Это подтверждается окаменелыми остатками австралопитеков: у них разница в размерах между самцами и самками минимальна, и это указывает на моногамное общество.

Несмотря на такое наследство, мужское доминирование и привилегированность по-прежнему оказывают влияние на наши общества. Это проявляется не только в том, что одним мужчинам достается больше партнерш

для секса, чем другим, но также и в отношении к женщинам. Когда доминируют мужчины, у них есть способы получать недобровольный секс — у людей это называется «изнасилование», а у животных — «принудительное совокупление». Однако сразу добавлю: сам факт такого поведения не означает, что оно диктуется биологией. Недавно вышедшая книга, утверждавшая, что насилие обусловлено самой природой, вызвала невообразимый скандал в основном потому, что ее восприняли как попытку оправдания такого поведения. Идея изначально исходила из исследования насекомых, у которых определенные виды имеют анатомические особенности — своего рода зажимы, позволяющие самцам принуждать самок к сексу. Совершенно очевидно, что у мужчин подобные приспособления отсутствуют, и, хотя психологическая основа изнасилований (например, склонность к насилию в целом и недостаток эмпатии) вполне может включать генетический аспект, думать, что сексуальное насилие само по себе заложено в нас, — все равно что предполагать, будто некоторые люди рождаются, чтобы жечь дома или писать книги. Человеческий вид не так строго запрограммирован, чтобы столь высокоспецифичное поведение было целиком обусловлено генетикой.

Имеем ли мы в виду людей или человекообразных обезьян, недобровольное совокупление лучше воспринимать как *возможность*, доступную любому самцу, желающему самку и способному ее контролировать. У самцов бонобо такой возможности нет, поскольку в сообществе доминируют самки, и поэтому они никогда не прибегают ни к чему даже отдаленно подобному. Самцы шимпанзе, однако, ведут себя совсем по-другому и не гнушаются принуждать самок к сексу.

В неволе это редкость благодаря эффективности женских союзов. Я видел, как самцы устраивают демонстрации угрозы и запугивают самок, отказывающихся совокупляться с ними, но почти всегда в определенный момент другие самки приходят ей на помощь и общими усилиями пресекают нежелательные ухаживания. И в человеческих обществах насилие и сексуальные домогательства менее распространены, когда женщины окружены сетью поддерживающих отношений с другими женщинами.

Дикие самки шимпанзе, напротив, уязвимы, потому что часто бродят поодиночке. Самцы могут избежать напряженных отношений с другими самцами, взяв самку в период набухания на «сафари». Они уводят ее на периферию групповой территории на несколько дней, иногда на месяцы. Это опасно, поскольку, находясь так близко к соседям, они рискуют подвергнуться жестокому нападению. Самка может пойти охотно, но чаще это свидание по принуждению. Для самцов вполне обычно нападать на самок, силой заставляя их оставаться рядом. Самой красноречивой иллюстрацией этого являются обнаруженные в одной из групп шимпанзе орудия для «битья жен».

В Национальном парке Кибале в Уганде некоторые самцы повадились бить самок большими деревянными дубинками. Первый раз исследователи заметили, как альфа-самец Имозо напал на самку с набухшими гениталиями по имени Оутамба. Держа палку в правой руке, Имозо ударил Оутамбу около пяти раз, причем очень сильно. Это утомило Имозо, и он на минуту прервался, после чего продолжил избиение. Теперь Имозо держал в каждой руке по палке, а в какой-то момент повис на ветке над своей жертвой, пиная ее ногами. Наконец маленькая дочь Оутамбы реши-

ла, что с нее хватит, и пришла на помощь матери, колотя Имозо по спине кулачками, пока тот не остановился.

Хотя было известно, что шимпанзе используют ветки и палки, чтобы отбиваться от хищников, таких как леопарды, вооруженное нападение на представителей собственного вида до недавнего времени считались сугубо человеческим поведением. А привычка бить самок, по-видимому, стала распространяться, потому что в этом были замечены и несколько других самцов в Кибале. Большинство нападений нацелено на самок в период набухания половых органов, при этом часто используется деревянное оружие, и это представляется исследователям признаком того, что самцы себя сдерживают. Ведь они могли бы воспользоваться и камнями, но это причинило бы серьезный вред или даже убило их партнерш, в чем самцы вовсе не заинтересованы. Они хотят лишь принудить самку к повиновению и обычно в итоге спариваются с самками, которых бьют.

Распространение этой неприглядной привычки путем подражания демонстрирует степень влияния сообщества на человекообразных обезьян. Они часто следуют примеру других. Поэтому нужно быть предельно осторожными и не делать поспешных выводов о «естественности» такого поведения. Самцы шимпанзе не запрограммированы бить самок. Это то, что они способны делать при определенных обстоятельствах. Врожденное поведение — большая редкость у наших ближайших родственников, а тем более у нас самих. Существует крайне мало примеров человеческого поведения, которое было бы и универсально для всех, и возникало в самом начале жизни — это два лучших критерия врожденности. Каждый нормальный ребенок смеется и плачет, так что смех и плач, по-видимому, соответ-

ствуют таким критериям. Но подавляющее большинство видов человеческого поведения им не отвечают. Сексуальное принуждение было бы, разумеется, совершенно ненужным, если бы самки охотно спаривались с любым самцом. Но это не так: у самок шимпанзе есть четкие предпочтения в выборе партнера. Самка может предпочесть спариваться с низкоранговым самцом, несмотря на присутствие альфа-самца, пытающегося ее контролировать. Целыми днями альфа-самец старается держаться поближе к ней, не ест, не пьет, ревниво охраняя объект своей страсти. Как только он, устав, попытается задремать среди бела дня, самка оживляется и ускользает к своему любовнику, который предусмотрительно держится в поле ее зрения, куда бы она ни шла. Я видел, как альфы в таких случаях сдавались, понимая, насколько тщетна их затея.

Напряжение между самцами может приводить к комичным сценам. Однажды я видел, как молодой самец по имени Денди начал ухаживать за самкой, при этом постоянно оглядываясь, не смотрят ли другие самцы. Ровно в тот момент, когда он продемонстрировал сексуальное желание, расставив ноги и показав самке свою эрекцию, неожиданно появился один из доминантных самцов. Денди немедленно прикрыл пенис обеими руками, спрятав его, словно смущенный школьник.

И еще существуют «сексуальные сделки», как я в итоге стал это называть, когда самцы шимпанзе, вместо того чтобы сражаться за самку, долго занимаются грумингом. В этом случае самец продолжительное время вычесывает альфу, прежде чем приблизиться к самке с набухшими гениталиями, которая терпеливо ждет неподалеку. Если самка захочет спариться, ее партнер, приступая к совокуплению с ней,

будет все время поглядывать на альфу. Иногда альфа встает, раскачиваясь всем туловищем из стороны в сторону и вздыбив шерсть, и тогда это означает возможные неприятности. Самец прерывает спаривание, чтобы продолжить вычесывать альфу. Но еще минут через десять будет предпринята новая попытка, самец снова пригласит самку, зорко наблюдая за альфой. Я также видел, как самцам надоедает платить грумингом. Держась поближе к самке, они поворачиваются к альфе, протягивая руку в типичном для людей и обезьян просительном жесте: сложенной чашечкой ладонью вверх, умоляя не мешать свиданию.

Самому альфе тоже приходится вычесывать других, особенно когда атмосфера между самцами накаляется. Довольно необычно, чтобы другие самцы объединялись против высокорангового самца, но эту возможность никогда не стоит сбрасывать со счетов. Чем больше другие самцы раздражаются из-за собственнических замашек альфы, тем более вероятно, что его попытка спариться спровоцирует демонстрации угрозы с их стороны так близко к парочке, что даже альфе не удастся сосредоточиться на сексе. Так что грумингом платят все. Каким странным бы это ни показалось, больше всего самцы шимпанзе вычесывают друг друга, когда сексуальное напряжение зашкаливает.

В самом расцвете юности

Однажды я сфотографировал самку-подростка бонобо, которая ухмылялась и повизгивала в процессе совокупления с самцом, державшим в каждой руке по апельсину. Самка приняла призывную позу, как только увидела лакомую пищу, и действительно после спаривания ушла

с одним из апельсинов. Насколько знакомым кажется нам этот сценарий, становится ясно из реакции профессиональной аудитории, которой я показал этот снимок. Сразу после моей лекции ученые отправились в ресторан обедать. Дюжий австралийский зоолог вскочил на стол и поднял над головой два апельсина. Он вызвал бурю смеха — наш вид быстро ориентируется на сексуальном рынке.

Самоуверенность юной самки колеблется в зависимости от размеров ее генитального набухания. В этот период она не раздумывая приблизится к самцу, у которого есть еда. Она спарится с ним, забрав целую охапку ветвей и листьев из его рук, и вряд ли даст ему шанс утащить хоть веточку для себя самого — иногда самка выхватывает пищу прямо посреди совокупления. Такое поведение заметно контрастирует с периодами, когда у нее нет набухания, — тогда она будет терпеливо ждать, пока самец с ней поделится.

Подобные сцены были зафиксированы и в лесу. Когда японские исследователи выманивали бонобо на поляну стеблями сахарного тростника, самки-подростки вертелись вокруг завладевших едой самцов, выставляя напоказ свои гениталии. Иногда самцы уходили, стараясь избежать их приставаний. Но юные самки всегда настаивали на своем, пока не добивались спаривания, которое неизменно вело к разделу пищи. Наблюдатели отметили, что молодые самки как будто знают, что должны получать «плату» за секс. Выглядело так, будто они принуждали самцов к этим сделкам, поскольку самцов далеко не всегда привлекают настолько юные самки.

Обмен секса на пищу известен и у шимпанзе. Роберт Йеркс, один из пионеров приматологии, проводил эксперименты, изучая, как он это называл, «брачные отношения».

Бросая орешек арахиса между самцом и самкой, он отмечал, что привилегии у самок с набуханиями больше, чем у тех, у кого не было такого инструмента торговли. Самки шимпанзе с набуханиями неизменно получали приз. В дикой природе после эпизодов охоты самцы часто делятся мясом именно с ними. На самом деле, когда вокруг есть такие самки, самцы обычно охотятся более активно — из-за открывающихся перед ними сексуальных возможностей. Низкоранговый самец, поймавший колобуса, автоматически становится магнитом для представительниц противоположного пола, предлагающих ему шанс спариться в обмен на мясо — пока их не обнаружил кто-нибудь рангом повыше.

Это сильно отличается от взаимовыгодного обмена в группах у бонобо. Там такие возможности ищут не самцы, а самки, причем только молоденькие. Это оправданно, учитывая высокий статус взрослых самок, что делает для них обмен секса на пищу неактуальным. Самая интригующая часть во всем этом — то, что взрослые самцы соглашаются на секс с самками-подростками довольно неохотно. Неужели им не нравятся самки в самом расцвете юности? И если так, то как это соотносится с тем, что эволюционные психологи рассказывают нам о человеческих предпочтениях? Влечение мужчин к юным девушкам считается универсальным. Целая отрасль доморощенных исследований выросла вокруг идей, что каждый мужчина ищет юную женщину с гладкой кожей и дерзко торчащими грудями, оптимального для размножения возраста и что каждая женщина — охотница за деньгами, которой мужчины интересны только как добычки и кормильцы. Эти представления подтверждаются реакциями на фотографии и ответами на опросники, в то время как единственный выбор, имеющий зна-

чение, — это, разумеется, тот, который делается в реальной жизни, а точнее, ведет к появлению детей.

Эволюционные психологи заявляют, что у мужчин при поисках партнерши в голове есть точный стандарт физического облика. Туфелька, в которую должна влезать каждая Золушка, — это окружность талии, составляющая 70% окружности бедер. Известный как «индекс талия — бедра», или ИТБ, этот показатель (70%), как считается, запрограммирован в генах самцов человека. Однако это предполагает неизменность вкуса у мужчин, а между тем сильной стороной нашего вида, несомненно, является способность адаптироваться. Я нахожу утверждение о том, что у всех мужчин одинаковый сексуальный вкус, настолько же правдоподобным, как и предположение, что машины одной модели, выкрашенные в одинаковый цвет, подойдут всем без исключения.

Красота в глазах смотрящего. То, что кажется нам красивым сегодня, вероятно, не всегда было таковым, поэтому Питер Пауль Рубенс никогда не изображал каких-нибудь тростинок типа Твигги. Недавний анализ красоток из «Плейбоя» и с конкурса «Мисс Америка» (да, наука уже и до этого докатилась!) ставит под сомнение заявление, что индекс талия — бедра высечен в камне. Там показан широкий разброс этого индекса у современных кумиров красоты, от 50 до 80%. Если предпочитаемый ИТБ столь кардинально изменился за один только прошлый век, то можно себе представить, сколько еще колебаний он испытал за куда более долгий срок.

Тем не менее для вида с долгосрочными брачными отношениями, такого как наш, есть некоторый смысл в том, чтобы мужчины предпочитали молодых партнерш. Юные женщи-

ны и более доступны, и более ценны, поскольку вся репродуктивная жизнь у них впереди. Такие предпочтения могут помочь объяснить вечное стремление женщин выглядеть моложе: ботокс, грудные имплантаты, подтяжка лица, окрашивание волос и так далее. В то же время нужно понимать, насколько уникальны эти предпочтения. У бонобо и шимпанзе самцы обычно стремятся заполучить зрелую партнершу. Если период набухания у нескольких самок совпадает, самцы шимпанзе неизменно выются вокруг тех, кто постарше. Они совершенно игнорируют самок-подростков, даже достаточно созревших для спаривания и зачатия. У бонобо юным самкам также приходится выпрашивать секс, в то время как старшие самки просто ждут, пока самцы сами придут к ним. У самцов человекообразных обезьян противоположная людям возрастная дискриминация существует, возможно, потому, что они предпочитают партнерш с опытом, у которых уже есть пара здоровых детенышей. Для них в такой стратегии явно больше смысла.

Однако есть одно ограничение, которое никакое животное не может обойти. Чтобы размножение приносило пользу, необходимо избегать близкородственного скрещивания. У обезьян природа решает этот вопрос с помощью миграции самок: юные самки уходят, оставляя в родной группе всех родственных самцов: братьев как по матери, так и по отцу. Никто не предполагает, что у человекообразных обезьян или, в принципе, у любых других животных есть представление о вредных эффектах инбридинга. Миграционные тенденции являются результатом естественного отбора: на протяжении эволюционной истории самки, переходившие в другую группу, производили на свет более здоровое потомство, чем остававшиеся в родной.

Самок бонобо не изгоняет их группа и не похищают самцы из соседних групп. Они просто становятся бродягами, все больше времени держась на периферии группы, разрывая связи с матерями. Они входят в состояние сексуальной апатии — несомненно, странное для бонобо. Так они избегают секса с близкородственными самцами. Молодые самки уходят из родной группы в возрасте примерно семи лет — тогда у них впервые происходит набухание гениталий. С таким паспортом они начинают странствовать, заходя в соседние группы, прежде чем обосноваться в какой-нибудь из них. И тогда внезапно их сексуальность расцветает. Они занимаются генитальным трением со старшими самками и спариваются с новыми самцами, встреченными в чуждадных лесах. Теперь у них появляются регулярные, почти постоянные набухания, которые увеличиваются в объемах с каждым циклом, пока не достигнут взрослого размера — приблизительно к десяти годам. Первого детеныша юные самки обычно рожают в 13–14 лет.

У самцов ситуация кардинально иная. Вклад в потомство, выражаясь на ужасном научном жаргоне, «асимметричен» у двух полов. Самец тратит небольшой сгусток спермы, которой у него много. Самка же, наоборот, отдает одну-единственную яйцеклетку, которая, будучи оплодотворенной, приводит к восьмимесячной беременности, требующей огромного количества дополнительной пищи. За этим следует около пяти лет кормления грудью, требующего еще больше пищи. Если бы все эти усилия были потрачены на детенышей болезненных или увечных, получившихся от близкородственного скрещивания, цена была бы непомерной. Самец теряет гораздо меньше. Поскольку сестры самца и другие самки, с которыми он может быть

в родстве, уже ушли или уходят, риск инбридинга минимален. Он может случиться только с собственной матерью, и нет ничего удивительного в том, что это единственная комбинация партнеров, отсутствующая в обществе бонобо. Когда сын мал, младше двух лет, мать может иногда тереться о него при сексуальном возбуждении, но вскоре она прекращает это делать. Раз уж с матерью не везет, самцы ищут секса с другими самками. Самки с набуханиями зачастую удовлетворяют желание этих маленьких донжуанов, соблазняющих их раскинутыми ногами и поигрыванием пенисом. Но когда юнцы достигают пубертатного периода, взрослые самцы начинают смотреть на них как на соперников и оттеснять на периферию бродящей в поисках пищи группы. Лишь много лет спустя молодежь будет готова занять свое место в иерархии. К тому времени их старшие сестры уже уйдут, и это гарантирует, что выросшие самцы оплодотворят только неродственных им самок.

Соблазны плоти

Меня всегда привлекали птицы и рыбы, поэтому даже сейчас в моих офисах и лабораториях есть аквариумы, приглядывать за которыми я иногда прошу своих студентов. Они приходят ко мне, желая изучать приматов, а я сваливаю на них рыб! Это часть их образования. Поднаторевшие в антропоцентрических дисциплинах, таких как психология и антропология, они смеются над идеей, что скользкие животные, находящиеся внизу эволюционной лестницы, могут представлять какой бы то ни было интерес. Но рыбы могут многому нас научить. Как и у любого существа на земле, стремление к размножению лежит в самой основе их существования.

Одна маленькая рыбка из огромного тропического аквариума, встроенного в стену моего дома, произвела на меня глубочайшее впечатление. Живя вместе с другими рыбами, большими и маленькими, самец и самка крибенсисов начали ухаживания. Крибенсисы — один из образующих постоянные пары видов цихлид — семейства рыб, известного родительской заботой о потомстве. В период ухаживания брюхо самки стало темно-бордовым, словно спелая вишня, и у обоих партнеров на хвостах и боковых плавниках отросла яркая оранжево-золотистая бахрома. Они трепетали и плясали целыми днями и вместе гоняли остальных крибенсисов. Как обычно, самец преследовал самцов, а самка — самок. Парочка облюбовала уголок аквариума с густой растительностью. Брюхо самки начало раздуваться. Я не обращал на них особого внимания, потому что рыбы, пытающиеся размножаться в аквариуме с огромным количеством других рыб, обычно теряют потомство из-за всех этих прожорливых едоков вокруг. Так что я удивился, в один прекрасный день обнаружив, что самец охраняет мальков.

Не знаю, что случилось с его спутницей. Возможно, в своем рвении содержать уголок в порядке он ее прогнал. Отцовская забота широко распространена у цихлид, а этот самец был истинным Давидом, сражающимся против нескольких Голиафов, не подпуская к малькам рыб в шесть раз длинней его самого и в сотни раз тяжелее. Он компенсировал свои размеры, теребя, бодая и в конце концов прогоняя любую рыбу, подплывавшую слишком близко. После изгнания нарушителя границ самец возвращался к сборищу плавающих крошек и принимал особую позу ближе ко дну, побуждающую всех его детей собираться плотной

группкой прямо под ним. Однако со временем мальки стали более предприимчивыми, отчего согнать их в кучу становилось все труднее и труднее. Другие рыбы пытались поглядеть поближе на эти плавающие закуски, а отец трудился без отдыха. Не думаю, чтобы он что-то ел в этот период, и, вероятно, был совершенно изможден. Через четыре недели доблестных усилий бедняга умер. Из здорового ярко-окрашенного самца он превратился в бледный плавающий трупик, который я вытащил из аквариума. Тем не менее его потомство выросло достаточно сильным, чтобы выжить, и в итоге у меня оказалось около 25 крибенсисов, многих из которых я потом раздал.

Хотя жизнь этого самца окончилась преждевременно, она была успешной: он размножился. С биологической точки зрения производство потомства стоит всех этих невероятных трудов. Его отпрыски унаследуют такую же склонность прилагать усилия к сохранению потомства, что в итоге приведет к целому циклу успешных размножений. Естественный отбор отсеивает тех, кто относится к этой задаче слишком легко или же избегает риска: такие индивиды не внесут в следующее поколение много генов. Мой самец крибенсиса явно получил свои гены от длинной линии героических отцов и дедов и добросовестно продолжил эту традицию.

Я рассказал эту историю о рыбах, чтобы подчеркнуть: то, что делаем мы или бонобо в своих сообществах, по своей глубинной сути не отличается от того, что делают все животные. В наше время, конечно, люди ограничивают размер семьи — у многих вообще нет детей, но 6 млрд человеческих существ в этом мире не стали бы тем, кем они являются, если бы размножение не занимало централь-

ное место в нашей эволюции. Все до единого человеческие качества унаследованы от предков, которым удалось передать свои гены. Единственное, в чем наша эволюционная картина отличается от таковой у рыб, — мы размножаемся гораздо более сложным образом. Мы живем группами, мы растим и кормим своих детей многие годы, даем им образование, стремимся получить статус и привилегии ради них, сражаемся в войнах, противостоям инбридингу, передаем по наследству собственность и так далее. Для рыб, возможно, выживание после окончания репродуктивного периода не имеет особенного смысла, но это важная часть наших социальных взаимоотношений и это объясняет такой любопытный феномен, как менопауза — особый способ природы освободить старших женщин, чтобы те помогали заботиться о детях своих детей. Человеческое общество устроено гораздо сложнее, чем у рыб, и несколько более сложно, чем у других приматов, поэтому людям пришлось развить мощный разум, чтобы переиграть тех, кто нас окружает. Но в своей глубинной основе мы остаемся индивидами, стремящимися максимально полно быть представленными генетически в последующих поколениях.

Главная задача, лейтмотив природы позволяет нам объяснить поведение и людей, и бонобо и признать, что оба вида добиваются одной и той же цели разными средствами. В ходе успешной попытки пресечь инфантицид у бонобо сформировалось сексуализованное общество с доминированием самок, в котором отцовство остается тайной. Описывая это общество, трудно удержаться от терминов, созданных для нашей собственной сексуальной жизни, таких как «промискуитетное», «свободное», «гедонистическое», отчего создается впечатление, будто обезья-

ны делают что-то нехорошее или же достигли неслыханного уровня эмансипации. Ни то ни другое не верно. Бонобо делают то, что делают, просто потому, что это обеспечивает оптимальное выживание и размножение в тех условиях, в которых они живут.

Наша собственная эволюция пошла другим путем. Повышая уверенность мужчин в своем отцовстве, мы создали основу для все большего их вовлечения в заботу о детях. В процессе нам пришлось ограничить секс нуклеарной семьей: даже наши крошечные семенники могут рассказать о возросшей привязанности в отношениях и уменьшении свободы. Свободная смена партнеров при такой системе размножения становится недопустимой. В результате обуздание женской сексуальности превращается для человека в навязчивую идею до такой степени, что в некоторых культурах и религиях обычай предписывает удалять некоторые части женских гениталий, а секс приравнивается к греху. На протяжении большей части истории западной цивилизации самыми чистыми, достойными человеческими существами считались соблюдающие обет воздержания монахи и девственная монахиня. Однако подчинить плоть окончательно никогда не удастся. Я нахожу весьма показательным, что сны отшельников, живших на черстве хлеба и воде, вращались в большей степени вокруг соблазнительных дев, чем вкусной еды. Для самцов секс всегда был на первом месте, что мои шимпанзе демонстрируют всякий раз, как у самки проявляется набухание гениталий. Самцы так рвутся по утрам выбежать из здания в ожидании целого дня активной деятельности и удовольствий, что можно показать обожаемый ими фрукт — и они его проигнорируют. Ум, затуманенный тестостероном, нацелен только на одно.

Возможно, для самцов одержимость сексом универсальна, но в остальном мы радикально отличаемся от наших ближайших родственников. Мы перенесли секс из публичной сферы в свои хижины и спальни, чтобы заниматься им только внутри семьи. Разумеется, нельзя сказать, что мы абсолютно строго следуем этим ограничениям, но они являются общечеловеческим идеалом. Общества, которые мы строим и ценим, несовместимы с образом жизни бонобо или шимпанзе. Наши общества настроены на то, что биологи называют «совместным выращиванием потомства», когда множество индивидуумов вместе выполняют задачи, приносящие пользу всем. Зачастую женщины сообщают за детьми, пока мужчины занимаются коллективными делами, такими как охота и защита группы. Таким образом, сообщество реализует больше, чем каждый индивидуум мог бы когда-либо надеяться сделать в одиночку: например, люди сообщают загоняют стадо бизонов на скалу, чтобы те упали в пропасть, или вытаскивают тяжелые сети с рыбой. И такая кооперация держится на том, что обеспечивает каждому мужчине возможность оставить потомство. Каждый должен быть лично заинтересован в итоге совместных усилий, благодаря которым он может принести добычу в свою семью. Такая деятельность зачастую разлучает их с партнершами на много дней или недель. Только если есть гарантии, что женщины не станут им изменять, мужчины будут готовы выйти вместе на тропу войны или на долгую охоту.

Сложная задача — обеспечить сотрудничество среди конкурентов в сексе, была решена одним махом благодаря появлению и становлению нуклеарной семьи. Такая форма взаимоотношений дала почти каждому мужчине шанс

на размножение, а следовательно, и стимул вносить свой вклад в общее дело. Таким образом, нам следует воспринимать человеческую моногамию как ключевой фактор в достижении невероятной степени кооперации, отличающей наш вид. Семья и общественные нормы, сложившиеся вокруг нее, позволяют нам поднять взаимодействие между мужчинами на уровень, не отмеченный ни у каких других приматов. Это подготовило нас к осуществлению смелых масштабных предприятий, требующих широкого сотрудничества, которые сделали возможным покорение целого мира: от прокладывания железных дорог через континент до формирования армий, правительств и глобальных корпораций. В повседневной жизни мы можем разделять общественную и сексуальную сферы, но в эволюции нашего вида они тесно переплетены.

Бонобо столь привлекательны для нас, потому что у них нет необходимости в каком-либо разделении этих сфер: они радостно смешивают социальное с сексуальным. Мы можем завидовать «свободе» этих приматов, но наш успех как вида прочно связан с отказом от образа жизни бонобо и переходом к более строгому контролю проявления сексуальности.

НАСИЛИЕ

От войны к миру

Если бы у шимпанзе были ружья и они знали, как с ними обращаться, они бы использовали их так же, как люди.

Джейн Гудолл

Не знаю, каким оружием будут сражаться в третьей мировой войне, но в четвертой — палками и камнями.

АЛЬБЕРТ ЭЙНШТЕЙН*

Из моего дома в Джорджии открывается вид на гору Стоун-Маунтин, известную циклопическим барельефом, изображающим трех мужчин верхом на лошадях. Центральная фигура генерала Роберта Ли настолько огромна, что на одном из фестивалей много лет назад 40 гостей завтракали за столом, поставленным на его гранитном плече.

* Из интервью А. Эйнштейна Альфреду Вернеру для журнала *Liberal Judaism* 16 (апрель-май 1949), Einstein Archive.

У меня есть сомнения насчет защитников Юга, однако я прожил здесь достаточно долго, чтобы появились вопросы и к их оппонентам. Идентификация с местной командой легко возникает у групповых животных, таких как мы. Любой невежливый водитель на шоссе в Атланте уж точно воспринимается как один из «этих янки».

Напоминания о прошлом насилии, такие как барельеф «Мемориал Конфедерации», существуют по всему миру. Теперь мы, листая справочник туриста, посещаем эти места с чувством любопытства, а вовсе не ужаса. В лондонском Тауэре нам рассказывают, что великого философа Томаса Мора казнили и его голова месяц была выставлена на всеобщее обозрение на Лондонском мосту. В доме Анны Франк в Амстердаме мы слышим рассказ о девочке, которая не вернулась домой из концентрационного лагеря. В римском Колизее мы стоим на той же арене, где львы разрывали пленников на куски. В Московском Кремле мы восхищаемся колокольной с золоченым куполом, построенной царем Иваном Грозным*, который расправлялся со своими врагами, сажая их на кол и сжигая живьем. Люди всегда убивали друг друга. И мы до сих пор это делаем. Линии безопасности в аэропортах, пуленепробиваемые стекла в такси и телефоны экстренных служб в университетских кампусах — все это рассказывает об истории цивилизации, которая испытывает серьезные трудности с соблюдением принципа «живи и давай жить другим».

* Здесь автор допустил историческую ошибку: колокольная Ивана Великого, в том виде, в котором мы ее знаем, была построена еще при Иване III, в начале XVI в. — *Прим. ред.*

Планета обезьян

У любой хоть чего-то стоящей цивилизации есть армия. Мы так сильно и глубоко в этом убеждены, что применяем такое правило даже к нечеловеческим цивилизациям, таким, как та, что изображена в фильме «Планета обезьян». Приматолог смотрит этот фильм, вышедший в 2001 г., с ужасом: жестокий лидер обезьян выглядит как ходящий на двух ногах шимпанзе (однако принимается, как кролик), гориллы изображены тупыми и послушными, орангутан играет роль работоторговца, а бонобо как бы случайно обойдены вниманием. Голливуду всегда проще давалось насилие, чем секс.

Насилие правит бал в этом фильме. Однако самое абсурдное в нем — это огромные армии обезьян, облаченных в униформу. У обезьян нет идеологической обработки, командных структур и согласованных действий, используемых в человеческих войсках для победы над противником. Поскольку такая четкая координация подразумевает абсолютную дисциплину, нет ничего столь же страшного, как хорошо вымуштрованная армия. Единственные существа, тоже имеющие армии, — это муравьи, но у них отсутствует командная структура. Если муравьи такой армии заблудятся, — например, когда фуражиры отделяются от основного отряда, — то иногда натываются на хвост своей колонны. Они начинают идти по собственному феромонному следу, образуя замкнутую траекторию, по которой тысячи муравьев ходят и ходят плотными кругами, пока все не умрут от истощения. Благодаря командно-административной организации с человеческой армией такого случиться не может.

Поскольку споры о человеческой агрессивности неизменно вращаются вокруг войн, то, учитывая наличие командной структуры в человеческой армии, стоит хорошенько подумать, прежде чем проводить параллели с агрессивностью животных. Хотя жертвы войны по понятным причинам воспринимают военные вторжения как агрессию, можно ли утверждать, что захватчики пребывают в агрессивном состоянии? Рождаются ли войны из гнева? У лидеров зачастую есть экономические мотивы, внутриполитические причины, или же они воюют для самозащиты. С величайшим цинизмом Наполеон заметил: «Солдат будет сражаться долго и тяжело за кусок цветной ленты». Не думаю, что будет преувеличением сказать, что большинство людей в большинстве войн руководствовались чем-то *иным*, нежели агрессия. Человеческие войны ведутся вполне рационально и хладнокровно, что делает их почти новым явлением.

Ключевое слово здесь «почти». Склонность к идентификации с группой, ксенофобии и конфликтам со смертельным исходом — а все это случается в природе — в сочетании с нашими хорошо развитыми способностями к планированию «возвысили» человеческое насилие до его нынешнего нечеловеческого уровня. Изучение поведения животных может оказаться бесполезным, когда речь заходит о таких вещах, как геноцид, но если мы переключимся с уровня наций и государств на человеческое поведение в небольших сообществах, различия перестают быть такими уж огромными. Как и шимпанзе, люди весьма территориальны и ценят жизнь тех, кто не входит в их группу, гораздо меньше, чем жизнь соплеменников. Высказывались предположения, что шимпанзе без колебаний исполь-

зовали бы ножи и ружья, если бы они у них были, и точно так же люди из дописьменных культур, вероятно, не колеблясь обостряли бы свои конфликты, будь у них соответствующие технологии.

Один антрополог как-то раз рассказал мне о двух вождях деревни папуасов и народа эйпо в Новой Гвинее, которые впервые полетели на самолете. Они не боялись садиться в самолет, но высказали странную просьбу: вожди хотели, чтобы боковая дверь оставалась открытой. Их предупредили, что в небе холодно и что, поскольку на них только традиционные футляры для пениса, они могут замерзнуть. Вождей это не заботило. Они хотели прихватить с собой тяжелые камни, которые — если пилот будет столь любезен и сделает круг над соседней деревней — собирались сбросить через открытую дверь на своих врагов.

Вечером тот антрополог записал в своем дневнике, что стал свидетелем изобретения бомбы неолитическим человеком.

Невзлюби врага своего

Чтобы узнать, как шимпанзе взаимодействуют с незнакомцами, нужно отправиться в дикую природу. Команда японских ученых под руководством Тосисады Нисида работала в Танзанийском национальном парке Махали-Маунтинс четыре десятилетия. Когда Нисида перед своим уходом на пенсию пригласил меня приехать, я не стал долго раздумывать. Он один из крупнейших в мире экспертов по шимпанзе, и ходить вслед за ним по лесу было огромным удовольствием.

Не буду вдаваться в подробности жизни полевого лагеря близ озера Танганьика — который я в шутку окрестил Маха-

ли-Шератоном — без электричества, проточной воды, туалета и телефона. Каждый день нашей задачей было встать пораньше, быстро позавтракать и отправиться в путь с восходом солнца. Шимпанзе надо было еще найти, и в лагере работали несколько следопытов, помогающих в этом деле. По счастью, эти обезьяны невероятно шумные, и потому их легко обнаружить. В условиях низкой видимости они полагаются на голос. Например, когда идешь за взрослым самцом, то постоянно замечаешь, как он останавливается, склоняет голову набок и прислушивается к членам своей группы вдалеке. Он, видимо, решает, нужно ли ответить, и отзывается, продвигаясь к источнику звука (иногда чрезвычайно поспешно, вынуждая нас продираться сквозь переплетенные лианы), или беззаботно продолжает свой путь, как будто то, что он услышал, не имеет к нему никакого отношения. Хорошо известно, что шимпанзе различают голоса друг друга. Лес наполнен ими, иногда близкими, иногда едва слышимыми в отдалении, и общественная жизнь этих лесных обитателей по большей части проходит в мире вокализаций.

Шимпанзе могут быть буйной и вздорной оравой, и вдобавок к этому они охотятся. Один раз я получил боевое крещение, стоя под деревом, на котором несколько взрослых самцов и самок с набухшими гениталиями делили мясо еще живого колобуса. Мы узнали об охоте из внезапного взрыва уханий и воплей шимпанзе, смешанного с пронзительными криками мелких обезьянок. Я забыл, что от сильного волнения у шимпанзе обычно начинается понос. К несчастью, я оказался на линии огня.

На следующий день я увидел самку, идущую мимо с детенышем, сидящим верхом на ее спине. Дочь радостно маха-

ла в воздухе чем-то пушистым, что, как выяснилось, принадлежало несчастной обезьянке. Хвост одного примата — игрушка для другого. Хотя шимпанзе питаются в основном фруктами и листьями, они в гораздо большей степени хищники, чем когда-то считалось. Эти обезьяны используют в пищу более 35 различных видов позвоночных. Ежедневное потребление мяса взрослым шимпанзе в хорошие времена приближается к рациону человеческих охотников-собираателей в плохие времена. На самом деле шимпанзе так любят мясо, что нашему повару было непросто донести живую утку от деревни до лагеря, чтобы хоть немного разнообразить нашу диету, состоящую из бобов и риса. На пути он встретил самку шимпанзе, намеренную завладеть драгоценной птицей, которую держал подмышкой. Храбрый повар выстоял против ее угроз, но с большим трудом. Если бы он встретил самца шимпанзе, нам бы ни за что не удалось отвезти ту утку.

Дело принимает более серьезный оборот, если потенциальной пищей оказывается человек. Фродо, шимпанзе из соседнего Национального парка Гомбе, выросший в золотую пору исследований, потерял всякий страх перед людьми. Он иногда нападает на исследователей, бьет их или стаскивает вниз по склону. Но куда более трагичный инцидент произошел с местной женщиной, ее младенцем и племянницей. Племянница несла 14-месячного ребенка женщины. Они переходили через небольшой овраг и наткнулись на Фродо, который лакомился листьями масличной пальмы. Когда обезьяна обернулась, бежать уже было поздно. Фродо просто сорвал ребенка со спины племянницы и исчез. Позже его обнаружили поедающим ребенка, к этому времени уже мертвого. Похищение детей — один из вариан-

тов хищнического поведения, и до этого случая сообщения подобного рода поступали только с территорий за пределами парка. В соседней Уганде это превратилось в эпидемию, причем человеческих детей похищали прямо из домов. Без оружия люди бессильны: дикие шимпанзе могут убить и иногда убивают даже взрослых представителей нашего вида. Нападения на людей со смертельным исходом случались также и в зоопарках.

Шимпанзе меньше нас по размерам. Стоя на всех четырех конечностях, они достают нам только до колена, и потому люди неправильно оценивают их силу. Можно увидеть, насколько шимпанзе сильны, когда они без усилий взбираются на дерево с голым стволом. Такой силовой подвиг не повторить ни одному человеку. Было установлено, что тянущее усилие руки у самца шимпанзе в пять раз больше, чем у молодого атлета-человека, а поскольку шимпанзе дерутся всеми четырьмя «руками», их невозможно победить. И это действительно так, даже если не давать им кусаться, как делал как-то встреченный мною человек, который выступал вместе с шимпанзе на карнавалах. Каждый мачо был готов побороться с обезьяной, думая, что это будет детской забавой. Но даже здоровяки со сложением профессионального борца обнаруживали, что невозможно справиться с такой обезьяной.

Неудивительно, что я старался уважительно держаться подальше от шимпанзе, проносящихся мимо меня по лесу, вздыбив шерсть и сотрясая мелкие деревца на бегу. Они делали это не для того, чтобы произвести на меня впечатление, а просто ссорясь между собой. Ничего особенно неприятного со мной не случилось — по сравнению со стычками, наблюдавшимися между разными группа-

ми. Самцы регулярно ходят патрулировать границу. Они идут группой, иногда вместе с самками, на периферию своей территории — идут тихо, цепочкой, прислушиваясь к каждому звуку, доносящемуся с той стороны. Они могут залезть на дерево и час или дольше озирать оттуда окрестности и прислушиваться. При этом они старательно соблюдают тишину. Если детеныш, идущий вместе с матерью, вдруг начнет хныкать, его могут приструнить. Во время патрулирования все на взводе. Сломавшийся прутик или внезапный топот бегущей кустарниковой свиньи заставляет всех нервно ухмыляться и искать успокоения в прикосновениях и объятиях друг у друга. Патрулирующие шимпанзе расслабляются только после возвращения туда, где безопасно, в глубь своих территорий, перекрикиваясь и барабана по всему, что подвернется, чтобы сбросить напряжение.

Учитывая то, как шимпанзе из разных групп обходятся друг с другом, я бы на их месте тоже нервничал. Самцы убивают других самцов из чужой группы, нападая на отдельных особей и действуя при этом весьма скоординированно: они подкрадываются, загоняют и быстро одолевают жертву, которую так яростно бьют и кусают, что бедняга обычно умирает на месте — в любом случае у него не остается никаких шансов выжить. Исследователям довелось непосредственно наблюдать несколько таких внезапных атак, но по большей части свидетельства этих событий представляют собой страшные находки в лесу. На некоторых территориях, где проводились исследования, трупы не были обнаружены, однако из группы один за другим исчезали здоровые самцы, пока не оставалось ни одного.

В Махали-Маунтинс Нисида наблюдал за такими пограничными патрулями и жестокими нападениями на самцов из чужих групп. Он полагает, что все самцы одной из групп были постепенно уничтожены соседними самцами в течение 12 лет. Затем победители захватили освободившуюся территорию и самок на ней. Нет сомнений в том, что шимпанзе — ксенофобы. В одной из попыток переселить шимпанзе из неволи обратно в лес местные шимпанзе повели себя настолько агрессивно и злобно, что проект пришлось свернуть.

Поскольку территории у каждой из групп шимпанзе огромные, увидеть агрессивные столкновения между соседями получается редко. Однако те несколько раз, когда их наблюдали, не позволяют усомниться в том, что мы имеем дело с намеренным, целенаправленным убийством, иными словами, «умышленным убийством». Понимая, насколько неоднозначно будет звучать такое заявление, Джейн Гудолл задавала себе вопрос, откуда берется ощущение преднамеренности. Разве убийство не может быть всего лишь побочным эффектом агрессии? И сама же ответила: нападающие демонстрировали уровень координации и жестокости, не наблюдавшийся при агрессивных проявлениях внутри группы. Шимпанзе обращались с врагом, словно с добычей, будто он принадлежал к другому виду. Один из нападающих мог удерживать жертву (сидя на ее голове и держа за ноги), а другие изо всех сил били. Они выкручивали конечности, вырывали трахею и ногти, буквально пили льющуюся из ран кровь и обычно не останавливались, пока жертва не переставала шевелиться. Есть отчеты о том, как нападавшие возвращались на то же место несколько недель спустя, словно желая посмотреть на результаты своих усилий.

Как ни прискорбно, это ужасающее поведение не слишком отличается от поведения людей. Как и шимпанзе, мы привычно *дегуманизируем* наших врагов, относясь к ним как к низшим, по сравнению с представителями нашего вида, существам. В первые недели войны в Ираке меня поразило интервью с американским летчиком, который с энтузиазмом рассказывал, что, будучи ребенком, он следил за войной в Персидском заливе и был совершенно заворожен точечными бомбардировками. Он не мог поверить, что сам теперь использует еще более сложные и умные бомбы. Для него вся война заключалась в технологиях — она была как компьютерная игра, в которую ему наконец-то позволили поиграть. Мысль о том, что происходило с людьми на другой стороне, кажется, даже не приходила ему в голову; вероятно, именно этого и добиваются военные. Ведь, как только вы начинаете видеть в своем враге человека, все начинает распадаться.

Мышление в стиле «мы-против-них» дается нам исключительно легко. В одном психологическом эксперименте людей случайным образом разделили на две группы — «синие» и «зеленые», распределив между ними разноцветные нагрудные значки, ручки и блокноты. Все, что им нужно было сделать, — это оценить презентации друг друга. Им больше всего понравились презентации людей, относящихся к тому же «цвету», что и они сами. В более сложном эксперименте по конструированию групповой идентичности студентам назначили роли охранников и заключенных, предложив поиграть в тюрьму. Им нужно было провести вместе две недели в подвале Стэнфордского университета. Однако через шесть дней эксперимент пришлось прекратить, потому что «охранники» становились все более наг-

лыми, агрессивными и жестокими, а «заключенные» начали бунтовать. Неужели студенты забыли, что это всего лишь эксперимент и их роли назначались по броску монетки?

Стэнфордский тюремный эксперимент получил широкую известность, когда выплыла на свет история о пытках американскими офицерами заключенных в тюрьме города Абу-Грейб, расположенного недалеко от Багдада. Американские охранники применяли разнообразные пытки, в том числе надевали глухой мешок на голову или подключали электрические провода к гениталиям узников. Некоторые средства массовой информации США пытались представить эти действия как «розыгрыши», но в Абу-Грейб погибли десятки заключенных. Помимо того что там наблюдалось поразительное сходство в жестокости и сексуальном подтексте со Стэнфордским тюремным экспериментом, охранники и заключенные в Абу-Грейб еще и принадлежали к разным расам, религиям и говорили на разных языках. Из-за этого охранникам было еще проще дегуманизировать врагов. Дженис Карпински, генерал, командовавшая бригадой военной полиции в этой тюрьме, сказала, что ей было приказано обращаться с заключенными «как с собаками». На одной из ужасающих фотографий из этой тюрьмы офицер-женщина действительно тащит раздетого узника по полу за поводок, прицепленный к ошейнику на его шее.

Группа «своих» всегда находит повод считать себя лучше других. Самым вопиющим историческим примером является, разумеется, создание Адольфом Гитлером образа «чужих». Существование группы «чужих», изображаемой как низшая по отношению к людям, повышает солидарность и самооценку группы «своих». Этот фокус

стар как само человечество, но его психология, вероятно, даже старше, чем наш вид. Кроме простой идентификации с группой, широко распространенной среди животных, у нас с шимпанзе есть еще две другие особенности. Первая, как мы уже видели, — это презрение к «чужим» до степени дегуманизации (или «дешимпанизации»). Пропасть между «своими» и «чужими» настолько огромна, что агрессия распадается на две категории: одна, сдерживаемая и ритуализированная, — внутри группы, а другая, всепоглощающая, безосновательная и беспощадная, — между группами.

Другой, еще более шокирующий феномен отношений с группой «чужих», возникший в Гомбе-Стрим, происходил с участием шимпанзе, знакомых друг с другом. За несколько лет одна группа разделилась на северную и южную части, которые в итоге стали отдельными группами. Эти шимпанзе когда-то вместе играли и занимались грумингом, мирились после ссор, делили мясо и жили в гармонии. И тем не менее части группы начали сражаться между собой. Исследователи в шоке наблюдали, как бывшие друзья теперь буквально пили кровь друг друга. Даже самых старых членов группы не оставили в покое. Чрезвычайно тщедушного самца Голиафа колотили минут двадцать и таскали туда-сюда. Любая связь с врагом служила основанием для нападения. Если патрулирующие самцы находили свежие спальные гнезда на дереве в пограничной области, они демонстративно растаскивали вражеское гнездо по веткам, пока не уничтожали его полностью.

Итак, принцип «мы-против-них» у шимпанзе является социально обусловленным разграничением, при котором даже хорошо знакомые особи могут стать врагами, если

им случится проводить время не в той компании или жить не на той территории. У людей этнические группы, привыкшие неплохо ладить, могут внезапно ополчиться друг на друга, как хуту и тутси в Руанде или сербы, хорваты и мусульмане в Боснии. Что это за переключатель щелкает в их головах, меняя отношение людей? И что за переключатель превращает членов одной группы шимпанзе в смертельных врагов? Я подозреваю, эти переключатели действуют у людей и человекообразных обезьян похожим образом и контролируются осознанием общих интересов, которым противостоят чужие интересы. Пока у индивидов есть общая цель, они подавляют негативные чувства. Но как только общая цель исчезает, напряжения выходят на поверхность.

И люди, и шимпанзе ведут себя великодушно — или по крайней мере сдерживают себя — по отношению к членам собственной группы, однако и те и другие могут быть сущими чудовищами для чужаков. Разумеется, я упрощаю, потому что шимпанзе способны, так же как и люди, убивать членов своей группы. Но разделение на «своих» и «чужих» непременно существует, когда речь идет о любви и ненависти. Это верно и для обезьян в неволе. В зоопарке Бюргерса в Арнеме шимпанзе приобрели привычку патрулировать границы, хотя там и не было никаких враждебных групп. Ближе к вечеру несколько самцов принимались обходить большой остров, и в итоге за ними начинали следовать все самцы и некоторые детеныши. Конечно, они не демонстрировали такого напряжения, какое заметно при патрулировании в дикой природе, но подобное поведение указывает на то, что границы территории имеют значение даже в искусственно созданных условиях.

Шимпанзе в неволе точно такие же ксенофобы, как и в природе. Практически невозможно ввести новых самок в уже существующую в зоопарке группу, а с новыми самцами это можно проделать, только если убрать всех прежних самцов, потому что иначе в результате может получиться кровавая баня. В последний раз, когда мы пробовали провести обмен самцов в Национальном центре изучения приматов имени Роберта Йеркса, самки выгнали взашедшей первых нескольких самцов (то есть самки нападали на них, и нам пришлось удалить этих самцов, чтобы спасти им жизнь).

Через несколько месяцев мы попробовали подселить к ним двух других самцов. Один из них получил такой же нерадушный прием, как и предыдущие, но другому самцу, по имени Джимо, позволили остаться. Через несколько минут после появления на площадке Джимо две старшие самки пошли с ним на контакт и стали его вычесывать, а потом яростно защищали от всех прочих самок. Через много лет, проверяя историю наших шимпанзе, я обнаружил, что Джимо был не таким новичком здесь, как мы считали. За 14 лет до появления в этой группе он жил в другом учреждении вместе с теми самками, которые теперь его защищали. Все это время они ни разу не виделись друг с другом, но прежний контакт из далеких времен определил исход дела.

Смешение на границе

Можно ли на основании того факта, что одни из наших ближайших родственников убивают своих соседей, сделать вывод, что «война заложена у нас в ДНК», как было сказа-

но в недавнем документальном фильме? Это звучит так, будто мы обречены вечно воевать друг с другом. Но даже муравьи, у которых воинственность уж точно записана в ДНК, не агрессивны, пока у них вдоволь места и пищи. Какой тогда смысл быть агрессивными? В подобном поведении есть смысл, только когда интересы колонии сталкиваются с интересами другой колонии. Война не является неудержимым стремлением. Это всего лишь один из вариантов поведения.

И все же не может быть совпадением то, что единственными животными, у которых банды самцов расширяют свою территорию, намеренно уничтожая соседних самцов, оказываются люди и шимпанзе. Какова вероятность, что такие тенденции могли развиваться независимо в двух близкородственных группах? Человеческая модель поведения, наиболее похожая на тактику шимпанзе, известна как «набег», который бывает весьма кровавым. Набег обычно осуществляется группой мужчин, нападающих внезапно, когда у них есть численное преимущество и мала вероятность пострадать самим. Цель таких нападений — убить чужих мужчин и похитить женщин и девочек. Как и кровопролитие из-за территории у шимпанзе, человеческие набег — это вовсе не акты храбрости и героизма. Излюбленной тактикой здесь являются внезапность, обман, засада и действия под покровом темноты. Большинство охотничье-собираТЕЛЬСКИХ обществ следуют этой тактике, устраивая войны каждые пару лет.

Но подразумевает ли повсеместное распространение кровавых набегов, как утверждает Ричард Рэнгем, что «насилие, подобное наблюдаемому у шимпанзе, предшествовало человеческим войнам и подготовило для них почву, а современные люди — это те, кто уцелел в продол-

жающейся вот уже 5 млн лет бесконечной кровавой распри и еще не оправился от потрясений?»* Сомнительные слова здесь не «еще не оправился от потрясений» (это просто преувеличение), а «бесконечная кровавая распря». Если бы это было так, наши первые предки должны были быть похожи на шимпанзе и мы бы с тех пор так и шли по тропе войны. Ни для того ни для другого предположения подтверждений нет. Во-первых, с тех времен, когда разошлись пути человека и человекообразных обезьян, у последних шла своя эволюция. Никто не знает, что произошло за эти 5–6 млн лет. Из-за плохой фоссилизации** в дождевых лесах палеонтологическая летопись происхождения обезьян весьма отрывочна. Последний общий предок людей и обезьян мог быть похож на гориллу, шимпанзе, бонобо — или отличаться от любого ныне существующего вида. Конечно, не слишком сильно отличаться, но у нас совершенно точно нет никаких доказательств, что этот предок был воинственным шимпанзе. К тому же полезно помнить, что изучалась лишь малая часть популяций шимпанзе и не все они одинаково агрессивны.

Во-вторых, кто сказал, что наши предки были так же безжалостно жестоки, как мы сейчас. Археологические свидетельства военных действий (защитные стены вокруг поселений, захоронения с застрывшим в скелетах оружием, изображения воинов) относятся к периоду, начинающемуся

* Цитата взята из книги Ричарда Рэнгема «Демонические самцы: Человекообразные обезьяны и происхождение насилия у человека» (Demonic Males: Apes and the Origins of Human Violence, 1996). — *Прим. пер.*

** Фоссилизация (от лат. *fossilis* — ископаемый) — длительный процесс превращения органических остатков в окаменелости путем замещения тканей живых организмов минералами. — *Прим. ред.*

не ранее 15 000 лет назад. На взгляд эволюционного биолога, это совсем недавняя история. С другой стороны, трудно поверить, что война возникла ниоткуда без предшествующих враждебных действий между группами людей. Какая-то предрасположенность должна была существовать. Вероятнее всего, территориальная агрессия всегда присутствовала в нас как потенциальная возможность, осуществлявшаяся лишь в небольших масштабах (по-видимому, до того, как человек стал оседлым и начал накапливать имущество). Это означает, что вместо военных действий на протяжении миллионов лет у людей происходили нерегулярные межгрупповые конфликты, которые лишь недавно приобрели характер настоящей войны.

Но вряд ли стоит удивляться, что ученые, делающие акцент на склонной к насилию стороне человека, сосредоточились на шимпанзе как на самом наглядном примере. Эти параллели невозможно отрицать, и они вызывают беспокойство. Однако одним из аспектов человеческого поведения, на который изучение поведения шимпанзе не может пролить свет, является то, чем мы занимаемся даже больше, чем войнами, — сохранение мира. Мир обычен для человеческих сообществ, как и обмен товарами, общее пользование водой в реке и межгрупповые браки. Здесь шимпанзе нечего нам рассказать, поскольку у них нет сколько-нибудь дружественных связей между группами. Им знакомы только разные степени враждебности. Значит, чтобы понять человеческие межгрупповые отношения на первобытном уровне, нам нужно искать модель поведения наших предков не только у шимпанзе.

Есть одно интригующее замечание, сделанное известными энтомологами Бертом Хёлльдоблером и Эдом Уил-

соном в книге «Путешествие к муравьям» (Journey to the Ants), о том, что существует два типа ученых. Теоретика интересует конкретная проблема, и он ищет самый подходящий объект, чтобы ее решить. Генетики выбрали плодovou мушку, а психологи — крысу. На самом деле им интересны не сами мушки и крысы, а только загадки, которые с их помощью они хотят разгадать. Натуралист, напротив, интересуется конкретным видом животных как таковых, понимая, что у каждого из них есть своя история, которая может оказаться интересной с теоретической точки зрения, если изучать ее достаточно усердно. Хёллдоблер и Уилсон относят себя ко второй категории, и я тоже. Вместо того чтобы сосредотачиваться *исключительно* на человеческой агрессии, изучая ее *исключительно* на примере шимпанзе, как это делалось с момента появления теории обезьяны-убийцы, я решил обратить свое внимание на менее свирепых обезьян, которых подобные дебаты обходят стороной. И поведение этих обезьян проливает свет на другую особенность, а именно способность жить в мире.

Мирное смешение групп бонобо было впервые отмечено в 1980-е гг. в заповеднике Уамба-Форест в Заире (ныне Демократическая Республика Конго), когда соседние группы сошлись и оставались вместе целую неделю, а потом снова мирно разошлись. Это событие едва ли может показаться чем-то удивительным, и тем не менее оно стало таким же шокирующим, как и жестокое насилие между бывшими друзьями-шимпанзе в Гомбе-Стрим. Оно противоречило устойчивому представлению о том, что наша эволюционная ветвь агрессивна от природы. Я как-то раз посмотрел видеоролик, запечатлевший смешение групп, и там бонобо яростно гонялись друг за другом, визжа и лая, однако

не вступая в физический контакт. Затем постепенно самки из разных групп занялись взаимным генитальным трением и даже начали вычесывать друг друга. В это время их детеныши играли и боролись со сверстниками. Даже самцы противоположных лагерей в итоге дошли до краткого трения мошонками.

Было зафиксировано более 30 взаимодействий отдельных групп в Уамба, когда разнополые особи дружелюбно встречали друг друга и занимались сексом. Совокупления между самцами и самками из разных групп были обычным делом в первые 15 минут встречи. Самцы же обычно держались с самцами другой группы враждебно и отчужденно.

В другом месте обитания бонобо, в Ломако-Форест, были сделаны похожие наблюдения. Самцы из разных групп иногда свирепо преследовали друг друга в подлеске, пока самки висели на деревьях, истошно крича и визжа. Столкновения выглядели настолько яростными, что наблюдавшие за ними исследователи буквально покрывались мурашками от страха. Но в результате бонобо оставались целыми и невредимыми и происходило слияние групп. Обстановка сначала была напряженной, но потом обезьяны успокаивались и принимались заниматься межгрупповым сексом и грумингом. Только у самцов из разных групп не получалось наладить дружеский контакт.

Также бывали дни, когда бонобо не хотели близко общаться с соседями и держали их на расстоянии. Полевых исследователей то и дело пугали внезапные барабанные дробы и бонобо, сыплющиеся с деревьев. Потом обезьяны с криками бросались к членам другой группы, демонстрируя крайнее возбуждение. На границе своих террито-

рий обезьяны из разных групп сидели на ветвях деревьев и перекрикивались. Однако следует подчеркнуть, что, если не считать случайных травм, после стычек между группами не было отмечено серьезных ранений, а тем более смертельных случаев.

У бонобо имеются перекрывающиеся территории, и их группы могут временно смешиваться на границах, что резко контрастирует с тем, как взаимодействуют группы шимпанзе. Когда приподнимется туманная завеса над давлением эволюционных факторов, сформировавших сообщество бонобо, возможно, мы поймем, как им удалось избежать того, что многие люди считают страшнейшим бичом человечества: нашей ксенофобии и склонности обесценивать жизнь наших врагов. Может ли это быть следствием того, что бонобо сражаются, если вообще сражаются, не за отчизну, а за землю своих матерей? Самцы любого вида в природе стараются монополизировать самок, но, когда самки бонобо добились главенства, самцы, вероятно, потеряли контроль над ними до такой степени, что их самки теперь свободно спариваются, с кем захотят, включая и соседей. Это сделало конкуренцию самцов за территорию бессмысленной. Во-первых, сексуальное общение, разумеется, отражается на размножении, а это означает, что в соседних группах, возможно, есть ваши родственники: вражеские самцы могут оказаться братьями, отцами и сыновьями. А во-вторых, самцам нет никакого смысла рисковать своей шкурой, чтобы завоевать самок, которые и так охотно занимаются с ними сексом.

Бонобо демонстрируют нам условия, при которых могли возникать и развиваться мирные отношения между группами. Подобные условия характерны и для нас. Во всех

человеческих обществах есть межгрупповые браки и, следовательно, циркуляция генов между группами, что делает летальную агрессию контрпродуктивной. Хотя одна группа может выиграть, победив другую в борьбе за территорию, существуют издержки, такие как потерянные жизни с вашей собственной стороны, убитые родственники — с другой, и ухудшение торговых перспектив. Последнее, пожалуй, неприменимо к обезьянам, но является важным фактором для людей. Поэтому наши отношения между группами по сути своей амбивалентны: враждебные тенденции часто сочетаются со стремлением к гармонии. Бонобо служат прекрасной иллюстрацией той же амбивалентности. Их соседские отношения далеко не идиллические: судя по всему, они используют любую возможность четче обозначить границы своей территории, однако оставляют дверь открытой для разрядки конфликта и дружеского взаимодействия.

Даже при том, что миграция самок у шимпанзе создает циркуляцию генов, враждебность между их группами исключает свободные сексуальные отношения, наблюдаемые у бонобо. Никому не известно, что появилось первым — отсутствие общего потомства у разных групп или свирепая враждебность, но эти два фактора, очевидно, усиливают друг друга, порождая, таким образом, бесконечный круговорот насилия среди шимпанзе.

Основной вывод заключается в том, что межгрупповое поведение людей имеет много общего с поведением как бонобо, так и шимпанзе. Когда отношения между сообществами людей плохи, они хуже, чем у шимпанзе, но когда хороши, то лучше, чем у бонобо. Наши военные действия превосходят «звериную» жестокость шимпанзе самым

пугающим образом. Но в то же время выигрыш от добрососедских отношений значительно больше, чем у бонобо. Человеческие группы делают намного больше, чем просто общаются и занимаются сексом. Они обмениваются товарами и услугами, устраивают церемониальные пиры, позволяют друг другу проезжать через свою территорию и организуют совместную защиту от общих врагов. Когда дело касается межгрупповых взаимодействий, мы превосходим наших ближайших родственников и на положительном, и на отрицательном концах шкалы.

Дайте миру шанс

Приехав из Европы больше двух десятилетий назад, я был ошеломлен количеством насилия в американских средствах массовой информации. Я имею в виду не только ежедневные новости, но вообще все: от ситкомов, комедий и драматических сериалов до фильмов. Совет не смотреть кинофильмы со Шварценеггером и Сталлоне не помогает: почти в каждом американском фильме представлено насилие. Неизбежно возникает снижение чувствительности к нему. Если вы скажете, например, что фильм с Кевином Костнером «Танцы с волками» (*Dances with Wolves*, 1990) полон насилия, люди посмотрят на вас как на сумасшедшего. Им помнится только идиллическое, сентиментальное кино с красивыми пейзажами, повествующее о белом человеке, с уважением относившемся к американским индейцам, что само по себе большая редкость. Кровь и увечья едва замечаются.

То же самое можно сказать и о комедиях. Я люблю шоу «Субботним вечером в прямом эфире» (*Saturday Night Live*) за инсайдерские комментарии в отношении типично

американских феноменов, таких как девушки-чирлидеры, телепроповедники и адвокаты знаменитостей. Но полного выпуска этого шоу не бывает без хотя бы одного эпизода, когда взрывается чья-то машина или кому-то отрывают голову. Такие персонажи, как Ганс и Франц, располагают меня к себе уже одними именами (да, у меня действительно есть брат по имени Ганс), но, когда штанги у этих «силачей» оказываются настолько тяжелыми, что им отрывает руки, я теряюсь. Брызжащая кровь вызывает хохот у публики, но мне никак не удастся понять, что тут смешного.

Может быть, я вырос в стране излишне чувствительных людей? Возможно, и так, но здесь важнее то, что существует большая разница между тем, как в разных обществах изображается насилие. А также что мы ценим больше: гармонию или конкуренцию. В этом проблема человеческого вида. Где-то здесь кроется разгадка истинной человеческой натуры, но она имеет столько разных проявлений, порой совершенно противоположных, что трудно сказать, конкуренция или стремление к построению сообществ заложены в нас природой. В действительности всегда есть и то и другое, но каждое общество достигает равновесия собственным путем. В Америке действует принцип «кто смел, тот и съел», а в Японии — «торчащий гвоздь забивают».

Означает ли такое разнообразие подходов, что мы не можем ничему научиться у других приматов? Во-первых, у каждого вида свои способы урегулирования конфликтов. Шимпанзе более склонны к конфронтации, чем бонобо. Но, как и у людей, у каждого вида мы обнаруживаем различия между группами. Мы видим «культуры» насилия и агрессивности и «культуры» мира. И последние становятся воз-

можными благодаря нашей универсальной для приматов способности сглаживать разногласия.

Никогда не забуду один зимний день в арнемском зоопарке Бюргерса. Вся группа шимпанзе оставалась взаперти в здании, подальше от холода. Я наблюдал, как в процессе демонстрации устрашения альфа-самец атаковал самку, что вызвало большой переполох, когда другие обезьяны встали на ее защиту. Вскоре группа успокоилась, но при этом наступила непривычная тишина, как будто все чего-то ждали. Так продолжалось пару минут. Затем, совершенно неожиданно, вся группа начала ухать, а один самец принялся ритмично топтать по металлическим барабанам, сложенным в углу. Посреди всего этого бедлама, в центре внимания, двое шимпанзе обнимались и целовались.

Я несколько часов размышлял о том, как развивались события, и только потом осознал, что две обнимающиеся обезьяны были теми самыми ссорившимися самцом и самкой. Знаю, я медленно соображаю, но никто до этого никогда не упоминал о возможности *примирения* у животных. По крайней мере, именно это слово пришло мне на ум. С того самого дня я изучаю установление и поддержание мира — или, как мы теперь это называем, способы разрешения конфликтов — у шимпанзе и других приматов. Некоторые ученые исследуют то же самое у разных других видов, в том числе дельфинов и гиен. По-видимому, многие общественные животные умеют мириться, и это не случайно. Конфликты неизбежны, но в то же время животные зависят друг от друга. Они вместе добывают пищу, предупреждают друг друга о приближении хищников и сообща противостоят врагам. Им нужно сохранять хорошие отношения несмо-

тря на эпизодические ссоры — точно так же, как и любой семейной паре.

Золотистые курносые обезьяны (рокселлановы ринопитеки) делают это, держась за руки, шимпанзе — целуясь в губы, бонобо — занимаясь сексом, а тонкские макаки — обнимаясь и причмокивая. У каждого вида есть своя процедура примирения. Возьмем то, что я постоянно вижу у человекообразных обезьян, но никогда — у мартышкообразных: после того как одна особь напала на другую и укусила ее, он или она возвращаются, чтобы осмотреть воспаленную ранку. Агрессор точно знает, куда глядеть. Если укус пришелся в левую ногу, агрессор без колебаний потянется именно к левой, а не к правой ноге или руке пострадавшей обезьяны, поднимет ее и осмотрит, а потом начнет очищать ранку. Это предполагает понимание причины и следствия в смысле «я тебя укусил, теперь у тебя здесь должна быть ранка». Это говорит о том, что человекообразная обезьяна может поставить себя на место другой, понять, как ее действия отражаются на ком-то еще. Мы даже можем предположить, что обезьяны сожалеют о своих поступках, как это часто делаем мы. Немецкий натуралист Бернгард Гржимек испытал такое на собственном опыте, когда ему посчастливилось выжить после нападения самца шимпанзе. После того как ярость нападавшего утихла, он выглядел чрезвычайно озабоченным состоянием ученого. Шимпанзе подошел к профессору и попытался пальцами свести края самых больших ран и зажать их. Не утративший присутствия духа профессор позволил ему это сделать.

Определение примирения (дружественное воссоединение противников вскоре после драки) однозначно и исчерпывающе, однако эмоции, испытываемые при этом, труд-

но определить точно. Самое меньшее, что происходит, — но и это уже поистине замечательно — преодоление отрицательных эмоций, таких как агрессия и страх, для того чтобы перейти к положительным взаимодействиям, например поцелуям. Дурные чувства приглушаются или остаются в прошлом. Мы ощущаем этот переход от враждебности к нормальным отношениям как «прощение». Иногда умение прощать превозносят как исключительно человеческую черту, скорее даже христианскую, но это вполне может быть естественной склонностью животных, способных к сотрудничеству друг с другом.

Пожалуй, только животные, не обладающие памятью, могут игнорировать конфликт. С того момента, как социальные события начинают сохраняться в долгосрочной памяти, что характерно для большинства животных и человека, появляется необходимость преодолевать прошлое ради будущего. У приматов образуются дружеские связи, выражающиеся в груминге, хождении вместе и защите друг друга. О том, что драки могут вызывать тревогу за существующие отношения, позволяет говорить неожиданный индикатор. Как студенты колледжа чешут в затылке во время трудного экзамена, так и у других приматов почесывание себя свидетельствует о беспокойстве. Обратив внимание на такие почесывания, исследователи обнаружили, что, оказывается, обе стороны, участвующие в конфликте, много чешутся, но перестают это делать после того, как их начинает вычесывать оппонент. Мы можем предположить, что они тревожились за свою дружбу, но успокоились после примирения и воссоединения.

Люди, растящие человекообразных обезьян дома, говорят, что после выговора за буйное поведение (а молодые

обезьяны, видимо, по-другому вести себя не умеют) у них возникает всепоглощающее желание помириться. Обезьяна дуется и хнычет до тех пор, пока уже больше не может это переносить. Тогда она запрыгивает на колени к своей приемной матери, обхватывает ее обеими руками и сжимает так, что той не вздохнуть. За этим часто следует хорошо слышимый вздох облегчения, когда человек ее утешает.

Приматы учатся налаживать мир в раннем детстве. Как и все относящееся к привязанности, это умение начинается с отношений мать — детеныш. Во время отлучения от груди мать отталкивает детеныша от своих сосков, но позволяет вернуться сразу, как только тот начинает протестующе верещать. Интервал между отталкиванием и принятием удлиняется по мере роста детеныша, и конфликты перерастают в бурные скандалы. Мать и детеныш выходят на арену этой борьбы с разным оружием. Мать превосходит детеныша в силе, зато у него весьма развитая глотка (детеныш шимпанзе запросто перекричит нескольких человеческих младенцев) и столь же хорошо освоенная тактика шантажа. Детеныш будет уламывать мать, демонстрируя признаки стресса, такие как надутые губы и хныканье, и если больше ничего не помогает, то разражается бурной истерикой, на пике которой он может почти задыхаться от крика или захлебываться рвотой у ее ног. Это крайняя степень угрозы — он буквально отвергает то, что мать в него вкладывает. Одна мать-обезьяна, живущая в лесу, ответила на подобный спектакль следующим образом: она залезла повыше на дерево и сбросила сына вниз — по крайней мере, так казалось, но на самом деле она в последний момент удержала его за щиколотку. Юный скандалист повисел секунд 15 вниз головой, истош-

но вопя, пока мать не вернула его на ветку. В тот день истерик больше не было.

Мне приходилось наблюдать интереснейшие компромиссы: например, подростка, сосавшего нижнюю губу матери. Пристрастившийся к нижней губе самец, уже пяти лет от роду, привык к такому замещению. Другая малышка засовывала свою голову под мышку матери, довольно близко к соску, и сосала кожную складку. Такие компромиссы продолжают всего пару месяцев, после чего детеныш переходит на твердую пищу. Конфликт при отлучении от груди — первый в жизни опыт социальных отношений, абсолютно необходимый для выживания. В нем присутствуют все нужные составляющие: конфликт интересов, перекрывание интересов и цикл положительных и негативных взаимодействий, приводящих в итоге к какому-либо компромиссу. Сохранение жизненно важной связи с матерью несмотря на разногласия закладывает основу для дальнейших разрешений конфликтов.

Следующее по важности — умение примиряться со сверстниками, и этому тоже учатся довольно рано. Наблюдая за большой группой макак-резусов, живущих на открытом воздухе, я увидел такую картину: Оутли и Нэпкин, две четырехмесячные малышки, шутливо боролись, и тут к ним присоединилась взрослая тетя Нэпкин. Она «помогла» племяннице, удерживая ее противницу. Нэпкин воспользовалась неравным положением, внезапно напрыгнув на Оутли и укусив ее. После короткой борьбы они поссорились. Инцидент был не слишком серьезный, но его последствия оказались весьма примечательны. Оутли подошла прямо к Нэпкин, сидевшей вместе с той же тетушкой, и почесала ей спину. Нэпкин развернулась, и двое дете-

нышей обнялись. Дополняя умилительную картину, тетя обхватила руками их обеих.

Этот счастливый финал привлек мое внимание не только потому, что детеныши были такими маленькими по возрасту и размеру (по сравнению с человеческими детьми), но также и потому, что макаки-резусы, пожалуй, хуже всех умеют мириться. У них вредный характер и строгая иерархия, где вышестоящие редко сомневаются, наказывать ли тех, кто ниже по положению. Этот вид в обозримом времени вряд ли будет номинирован на премию мира для приматов. Но возможно, не все еще потеряно, учитывая плоды безумной идеи, возникшей у меня после лекции, которую я прочитал для полного зала детских психологов. Я упрекнул своих слушателей в том, что нам больше известно о примирении у других приматов, чем у нашего собственного вида. Это остается верным и по сей день. Психологи упорно сосредотачиваются на ненормальном или проблемном поведении, таком как травля и издевательства, и в итоге мы поразительно мало знаем о спонтанных и нормальных способах уменьшения или преодоления конфликтов. В оправдание этой прискорбной ситуации один из присутствующих в зале ученых заявил, что примирение у людей намного сложнее, чем у обезьян, поскольку на него влияют образование и культура. У других приматов это просто инстинкт, сказал он.

С тех пор слово «инстинкт» засело у меня в голове. Впрочем, я уже плохо понимаю, что оно означает, потому что полностью врожденное поведение найти невозможно. Как и люди, другие приматы развиваются медленно, годами на них оказывают влияние условия, в которых они растут, в том числе и структура сообщества. В принципе, мы зна-

ем, что приматы перенимают все виды поведения и навыков друг у друга, и потому группы представителей одного вида могут вести себя очень по-разному. Неудивительно, что приматологи все больше говорят о многообразии «культур». Большая часть этого многообразия связана с использованием орудий и пищевыми привычками, такими как раскалывание орехов камнями у шимпанзе или мытье батата в океане у японских макак. Но также вполне возможна и *социальная* культура сообществ.

Та дискуссия с психологами подала мне одну идею. Я посадил детенышей двух разных видов макак в одно помещение на пять месяцев. Обычно сварливые и склонные к ссорам резусы оказались вместе с намного более терпеливыми и покладистыми медвежьими, или бурыми, макаками. После драки бурые макаки часто мирятся, держа друг друга за бедра, так называемое «ритуальное фиксирование таза партнера». Как ни странно, макаки-резусы поначалу их боялись. Бурые макаки немного крупнее, к тому же резусы, по-видимому, еще и инстинктивно чувствовали в них некоторую твердость, скрывавшуюся за их кротким нравом. И пока перепуганные резусы сидели под потолком, сбившись в кучку, бурые макаки спокойно изучали свое новое окружение. Через пару минут несколько резусов, оставаясь в том же положении, рискнули угрожать бурым резким ворчанием. Если это была проверка, то результат оказался для них сюрпризом. В то время как доминантные резусы совершенно недвусмысленно ответили бы на такой вызов, бурые макаки его просто проигнорировали. Они даже головы не подняли. Для макак-резусов это был, пожалуй, первый опыт взаимодействия с доминантными соседями, которые не считали нужным утверждать свое положение.

За время исследования резусы получили этот урок тысячу раз подряд и также стали часто примиряться со своими незлобивыми диктаторами. Случаи физической агрессии наблюдались крайне редко, и в вольере царил спокойная атмосфера. К концу этих пяти месяцев детеныши играли вместе, занимались грумингом и спали большими смешанными группами. Еще более важно то, что резусы развили у себя навыки примирения не хуже, чем у своих терпеливых соседей по группе. В конце эксперимента, после того как мы разделили детенышей по видам, макаки-резусы продолжали демонстрировать втрое больше дружественных воссоединений и груминга после драк, чем это было характерно для их вида. Мы в шутку называли их «новой улучшенной версией» резусов.

Этот эксперимент показал, что установление и поддержание мира — это приобретаемый социальный навык, а не инстинкт. Это часть социальной культуры. Каждая группа приходит к собственному балансу между конкуренцией и кооперацией. Это так же верно для обезьян, как и для людей. Я выходец из культуры, для которой характерно стремление к консенсусу, возможно, потому, что голландцы живут очень скученно на земле, отвоевываемой у огромного и страшного общего врага — Северного моря. В других странах, таких как США, больше поощряют индивидуализм и уверенность в себе, чем лояльность группе. Возможно, это связано с мобильностью и огромными пустыми пространствами. В прежние времена, если люди не ладили с кем-либо, они всегда могли уйти и поселиться где-то в другом месте. Вероятно, разрешению конфликтов не придавали значения в такой степени, как это желательно сейчас, когда Соединенные Штаты стали куда более

многолюдным местом. Науке следует изучать навыки, которые обычно предотвращают усиление конфликта и держат агрессию в узде. Чему мы учим своих детей: не давать себя в обиду или находить взаимно приемлемое решение? Правам или обязанностям? Человеческие культуры демонстрируют самые противоречивые подходы к подобным проблемам, и недавнее открытие показало не меньшее разнообразие в этом отношении и у диких приматов.

Как и макаки-резусы, павианы анубисы заслужили репутацию свирепых животных. Это вовсе не те приматы, от которых можно ожидать следования принципам хиппи, «детей цветов», однако именно это произошло с одной стаей в Масаи-Мара — заповеднике в Кении. Каждый день самцы стаи, изучаемой американским приматологом Робертом Сапольски, с боем прокладывали себе путь через территорию другой группы, чтобы добраться до мусорной ямы в ближайшем туристическом сафари-отеле. Только самые крупные и злые самцы могли туда пробиться. Добыча явно стоила драки, до тех пор пока служащие отеля не выбросили мясо, зараженное бычьим туберкулезом. Оно убило всех павианов, съевших его. Это означало, что изучаемая стая потеряла много самцов, и не каких попало, а самых агрессивных. В результате эта конкретная группа внезапно стала необычным оазисом гармонии и дружбы в жестоком мире павианов.

Само по себе это вряд ли может вызвать удивление. Количество случаев насилия в стае естественным образом снизилось после того, как агрессоры вымерли. Однако позже обнаружилось нечто еще более интересное: такой уклад продержался целое десятилетие, даже когда не осталось *ни одного* из первоначальных самцов этой стаи. Сам-

цы павианов мигрируют по достижении половой зрелости, то есть в группу постоянно приходят новые молодые самцы. Итак, несмотря на полную смену самцов, эта стая сохраняла свой пацифизм, терпимость, повышенную любовь к грумингу и исключительно низкий уровень стресса. Как эта традиция поддерживалась, осталось неясным. Самки павианов всю жизнь остаются в одной и той же стае, так что, вероятно, ключ к разгадке надо искать у них. Возможно, они стали избирательно принимать новых самцов или им удалось постоянно поддерживать мирную, ненапряженную атмосферу первых лет, больше занимаясь грумингом с самцами и утихомиривая их. У нас нет ответа, но результаты этого естественного эксперимента позволяют нам сделать два четких и ясных вывода: поведение, наблюдаемое в природе, может быть продуктом культуры, и даже самым свирепым приматам не обязательно оставаться такими всегда.

Возможно, это также относится и к нам.

Девичьи перешептывания

«Кто нанесет удар, как не друг?» — воскликнул один британский комик, перед тем как ударить другого в челюсть.

Странное чувство юмора у этих британцев, но на самом деле для мужчин вполне обычно совмещать дружбу с соперничеством. Пропасть между ними для мужчин совсем не так широка, как для женщин. По крайней мере таково мое мнение после того, как я всю жизнь «изучал» поведение людей изнутри, в качестве «включенного наблюдателя». К сожалению, способы, с помощью которых люди разрешают конфликты, редко становятся темой для иссле-

дований. Действительно ли женщины умеют это делать лучше? Являются ли мужчины воинами по определению? Мужчин и женщин относят к разным планетам — Марсу и Венере, но неужели все так просто? Повсюду в мире смертность в результате убийств у мужчин намного больше, чем у женщин, и в войнах обычно сражаются мужчины, потому кажется логичным винить Y-хромосому во всех этих неприятностях. Однако если женщины превосходят мужчин, когда речь идет о пацифизме, то, скорее всего, не потому, что хорошо исправляют уже испорченные отношения. Я вижу силу женщин в их нелюбви к насилию и умении предотвращать конфликты. Но вовсе не обязательно, что у них хорошо получается смягчать уже возникшие напряжения. Это как раз сильная сторона мужчин.

Между самками шимпанзе случается гораздо меньше драк, чем между самцами, возможно, потому, что они всеми силами стараются их избегать. Но, если драка происходит, самки реже примиряются. В зоопарке Бюргерса в Арнем самцы мирились после примерно половины конфликтов, а самки — только в одном случае из пяти. Похожие отличия наблюдались и в дикой природе. Самцы проходят цикл драк и воссоединений, а самки предпочитают профилактику конфликтов. В отличие от самцов, они стараются оставаться в хороших отношениях с теми, с кем у них есть приятные тесные связи, например с собственным потомством и лучшими подругами, и позволяют агрессии изливаться своим неприглядным путем, когда речь идет об их соперницах. Во время недавнего визита в Арнем я обнаружил, что Мама и Кёйф все также занимаются грумингом, как будто время остановилось: они дружили уже три десятка лет. Помню времена, когда Мама благоволила одному «поли-

тическому кандидату» среди самцов, а Кёйф — другому, и меня восхищало то, как они вели себя: словно не замечая выбора другой. Мама делала широкий круг во время стычек между самцами, чтобы не встретиться лицом к лицу с подругой, примкнувшей к группе поддержки соперника ее протеже. Учитывая неоспоримое доминантное положение Мама и ее чрезвычайную вспыльчивость по отношению к самкам-ослушницам, терпимость к Кёйф с ее стороны была поразительным исключением.

Но у самок есть и отрицательная сторона: они могут быть невообразимо коварными и расчетливыми. Хорошим примером их коварства могут служить ложные предложения примирения. Идея заключается в том, чтобы обманом заманить противницу в ловушку. Вот Пёйст, грузная пожилая самка, гонится за более молодой оппоненткой и почти ее догоняет. Едва улизнув, жертва некоторое время верещит, потом садится отдохнуть, тяжело дыша. Инцидент кажется забытым, и минут через десять Пёйст подает дружелюбный сигнал издалека, протягивая открытую ладонь. Младшая самка сначала немного колеблется, потом приближается к Пёйст, демонстрируя классические признаки недоверия, такие как частые остановки, оглядывание на других и нервная ухмылка. Пёйст настаивает, добавляя тихое пыхтение, когда младшая самка подходит ближе. У такого пыхтения особенно дружелюбный смысл — за ним часто следует поцелуй, главный примирительный жест у шимпанзе. Затем Пёйст внезапно бросается и, схватив младшую самку, яростно ее кусает, пока той не удастся высвободиться.

Примирения между самцами могут быть нервными, иногда неудачными (это значит, что драка начинается снова), но в них не бывает обмана. У самцов все напряжения

на виду. У близких приятелей, таких как Никки и Йерун во время их совместного правления, один самец мог расстроиться, если другой делал то, что ему не нравится, например приглашал сексуально привлекательную самку. Тогда первый вздыбливал шерсть и начинал раскачиваться верхней частью туловища, негромко ухая, то есть тут же подавал сигнал, что происходит что-то не то. Если второй игнорировал эти возражения, вспыхивала ссора, которая чаще всего быстро заканчивалась примирением. Самцы шимпанзе мирятся легко, в отличие от самок, напряжения между которыми обычно держатся подолгу. Для двух самок шимпанзе довольно обычно встретиться и внезапно начать вопить друг на друга, хотя мне, наблюдателю, совершенно непонятно, что могло спровоцировать подобную вспышку. Такие случаи создают впечатление, будто нечто подспудно зрело, а потом я неожиданно оказываюсь свидетелем извержения вулкана. Среди самцов никогда ничего подобного не происходит в основном потому, что они открыто сигнализируют о своей враждебности и разногласиях и все всегда «обговаривается» тем или иным путем. Это может включать и прямую агрессию, но по крайней мере все становится ясно и атмосфера разряжается.

Самки бонобо примиряются куда охотнее, чем самки шимпанзе. Упрочение коллективного доминирования и опора на обширную сеть союзов обуславливают необходимость женской солидарности. Без старательного поддержания своих связей самки не смогут оставаться у власти. И наоборот, самцы бонобо примиряются реже, чем шимпанзе мужского пола. Причины тут опять-таки практические: у самцов бонобо нет такого тесного сотрудничества в охоте, политических союзах и защите территории, кото-

рое заставляет самцов шимпанзе сохранять единство. Таким образом, стремление к примирению является политическим расчетом, различающимся у разных видов в зависимости от пола и устройства сообщества. Как ни парадоксально, но уровень агрессии мало говорит о способности к установлению мира: более агрессивный пол может лучше уметь примиряться, а более мирный — хуже. Популярное противопоставление Марса и Венеры создает впечатление, будто нужно учитывать только одно измерение, но и обезьяны, и люди слишком сложны для такого подхода.

Главная причина примирений не мир как таковой, но общие цели. Особенно ярко это проявляется после совместно перенесенных несчастий. Так, например, после атаки 11 сентября на Всемирный торговый центр в Нью-Йорке межрасовая напряженность в городе резко снизилась. Через девять месяцев после теракта 2001 г. ньюйоркцев опрашивали, как они теперь представляют себе межрасовые отношения, и хорошими их называли чаще, чем плохими. За несколько лет до этого подавляющее большинство горожан характеризовало эти отношения как скорее плохие, чем хорошие. Возникшее после теракта ощущение «мы в этой беде вместе» вызвало исключительное объединение и сделало людей более склонными, чем обычно, к приятию друг друга и примирению. Группы этнических «чужаков» внезапно стали восприниматься жителями города как принадлежащие к группе «своих».

Это хорошо объяснимо в свете предположений о том, почему примирение развилось у таких разных видов, как гиены, павианы и люди. Взаимная зависимость способствует гармонии. Были времена, когда биологов интересовали только победы и поражения: победить счита-

лось хорошо, проиграть — плохо. В каждой популяции были свои «ястребы» и «голуби», и «голубям» нелегко было оставаться в живых. Проблема в том, что кто победитель и кто проигравший — это только половина истории. Если благополучное существование индивида зависит от совместных действий, как это устроено у огромного множества животных, то те, кто начинает ссоры, рискуют проиграть в чем-то куда более важном, чем данный конкретный конфликт. Иногда невозможно победить в драке, не потеряв друга. Для того чтобы стать успешными, социальным животным нужно быть *не только* «ястребами», *но и* «голубями». Новые теории делают акцент на примирении, компромиссе и необходимости хороших отношений. Иными словами, налаживанием отношений занимаются не ради того, чтобы быть милым и добрым, но чтобы сохранять и поддерживать сотрудничество.

В одном исследовании мартышкообразных обезьян научили выполнять вместе некоторую работу. Они получали попкорн из автомата, если приходили парами. Если обезьяна приходила одна, то не получала вкусной еды. Они научились этому безо всяких проблем. После такого обучения исследователи начали специально провоцировать драки между обезьянами, чтобы посмотреть, насколько быстро они будут примиряться. У тех пар обезьян, которые стали зависимы друг от друга, многократно повысилось количество примирений. Такие обезьяны явно осознавали преимущества сохранения хороших отношений.

Очевидно, что и людям знаком этот принцип. По сути, это идеал, лежащий в основе Европейского союза, выросшего из Европейского сообщества, основанного в 1960-е гг. После многих веков бесконечных войн на континенте неко-

торые прозорливые политики начали утверждать, что поддержание и развитие экономических связей между нациями может оказаться решением военного вопроса: ставки будут слишком высоки, чтобы продолжать вести себя подобным образом. Как и в эксперименте с обезьянами, наученными добывать пищу вместе, европейские национальные экономики теперь живут за счет друг друга. Напав на другую страну, агрессор только навредит собственной экономике. Такие меры сдерживания войн применяются более полувека.

Прагматическое решение конфликтов, такое как создание Европейского союза, характерно для мужчин. Говорю это безо всякого шовинизма, понимая, что мужчины способны и на самые ужасные акты насилия, когда попытки установления мира терпят крах. Одна из очень немногих научных работ, посвященная разным способам, которыми представители обоих полов улаживают разногласия, основное внимание уделяет играм детей. Было обнаружено, что девочки играют в меньших группах, чем мальчики, и не так соперничают друг с другом. Однако в среднем игры девочек длились недолго, потому что они оказались вовсе не так хороши в улаживании споров, как мальчики. Мальчики ссорились все время, споря о правилах, как заправские юристы, но это никогда не означало конец игры. После перерыва на препирательства они просто продолжали играть. А вот ссора между девочками обычно означала, что игра окончена. И они не предпринимали никаких усилий, чтобы снова собраться вместе.

Ссоры у мальчиков и девочек также различались по характеру. Допустим, индивидуум А подходит к индивидууму Б, а тот отворачивается и делает вид, будто А не существует. Можете ли вы представить, чтобы мальчики посчита-

ли это ссорой? Они просто переключаются на что-то другое. А для двух девочек такое взаимодействие может оказаться мучительным и невыносимым. Оно может аукаться часами или днями. Подсчитав количество ссор на школьном дворе, группа финских исследователей обнаружила гораздо меньше ссор между девочками, чем между мальчиками. Именно этого исследователи и ожидали, но потом в конце дня они спросили каждого ребенка, участвовал ли он сегодня в ссоре, и неожиданно количество ссор у мальчиков и у девочек оказалось приблизительно одинаковым. Агрессия среди девочек зачастую не видна невооруженным взглядом. В романе «Кошачий глаз» (Cat's Eye) Маргарет Этвуд противопоставляет издевательства, которым подвергают друг друга девочки, прямой конкуренции между мальчиками. Ее главная героиня жалуется:

Я думала рассказать брату, попросить у него помощи. Но что именно рассказать? Корделии ничего не нужно делать физически. Если бы меня преследовали или дразнили мальчишки, он бы знал, что делать, но мальчишки со мной никогда так не поступают. Против девочек и их скрытых укулов, их перешептываний он был бы бессилен.

По данным финских исследователей, подобная изощренная агрессия не так-то легко сглаживается. Они обнаружили, что разлад между девочками длится дольше, чем между мальчиками. Если детей спрашивали, сколько они еще будут злиться на противника, мальчики говорили о часах, иногда о днях, в то время как девочки чувствовали, что могут злиться до конца жизни! Злопамятность ведет к разруши-

тельными отношениям, как в одном интервью объяснила тренер по плаванию, когда ее спросили, почему она переключилась на мужчин, хотя раньше тренировала женщин. Тренер обнаружила, что работа с противоположным полом вызывает куда меньший стресс. Она рассказала, что если две женщины начнут ссориться в начале сезона, то мало шансов, что они помирятся до конца года. Ссора будет тлеть, разгораясь день ото дня и подрывая солидарность команды. С другой стороны, у молодых мужчин бывает множество стычек. Но вечером они вполне могут вместе пойти пить пиво и на следующий день вряд ли даже вспомнят о вчерашней ссоре.

Для мальчиков и мужчин соперничество и проявления враждебности не препятствуют хорошим отношениям. В книге «Ты меня не понимаешь!» (You Just Don't Understand)* лингвист Дебора Таннен, говорит о том, что после агрессивного обмена репликами между мужчинами вполне может последовать дружеская болтовня. Мужчины используют конфликт для выяснения статуса и на самом деле наслаждаются перепалками, даже с друзьями. Если обстановка накаляется, мужчины часто находят способ помириться после стычки с помощью шутки или извинений, таким образом поддерживая связи путем чередования проявлений дружеских чувств и легкой враждебности. Так, бизнесмены могут кричать и язвить на совещании, а потом во время перерыва шутить и смеяться. «Ничего личного» — типичная мужская ремарка после жесткой реплики.

Если сравнить конфликт с плохой погодой, то женщины стараются ее избегать, а мужчины покупают зонтик. Жен-

* Таннен Д. Ты меня не понимаешь! — М.: АСТ, Вече, Персей, 1996.

щины сохраняют мир, мужчины его устанавливают. Женская дружба зачастую считается более глубокой и близкой, чем мужская, которая больше направлена на действие — например, совместный поход на спортивное мероприятие. Таким образом, женщины видят в конфликте угрозу ценным отношениям. Подобно Маме и Кёйф в зоопарке Бюргерса, они любой ценой избегают конфронтаций. Женщины делают это чрезвычайно умело, о чем свидетельствуют длительные связи между ними. Но глубина их отношений также означает, что, если ссора возникает, они уже не смогут сказать: «Ничего личного». Как раз наоборот, у них все очень личное. Из-за этого абстрагироваться от ссоры, если она уже произошла, им гораздо труднее, чем мужчинам.

Посредники

Вернон, альфа-самец группы бонобо из Сан-Диего, регулярно загонял более молодого самца Калинда в сухую канаву. Выглядело это так, будто Вернон хотел изгнать Калинда из группы. Младший самец все время возвращался, залезая по канату, свисавшему в канаву, но его тут же снова загоняли обратно. После того как это повторялось раз десять подряд, Вернон обычно сдавался. Он поглаживал гениталии Калинда или принимался его довольно грубо щекотать. Без такого дружеского контакта он не позволил бы Калинду вернуться. Поэтому, выбравшись из канавы, младший первым делом начинал топтаться вокруг босса, ожидая проявления с его стороны теплых чувств.

Но более бурные и драматичные примирения у бонобо всегда происходили между самками, которые в один момент могли драться, а в другой уже тереться клиторами.

Примирение неизбежно содержит элемент секса, и такое же поведение может быть использовано для предупреждения конфликта. Когда Эми Пэриш наблюдала за дележом еды в зоопарке Сан-Диего, она обнаружила, что самки приближаются к пище, громко ухая, и, прежде чем прикоснуться к ней, занимаются сексом. То есть первым порывом было не поесть или подраться из-за еды, но предаться неистовому сексу, снижающему напряжение и создающему условия для дележа добычи. Это называют «празднование», хотя, когда смотришь на бонобо, более подходящим кажется слово «оргия».

Показательный случай произошел в том же зоопарке, когда бонобо на завтрак дали розетки сельдерея и все их тут же захватили самки. Эми фотографировала и потому делала разные жесты, чтобы обезьяны повернулись к ней. Но Лоретта, присвоившая большую часть лакомства, должно быть, подумала, что Эми просит сельдерей. Лоретта игнорировала исследовательницу около десяти минут. Затем она внезапно встала, разодрала розетку сельдерея и бросила половину через ров женщине, так отчаянно добивавшейся ее внимания. Это показывает, насколько самки воспринимали Эми как одну из них — чего они никогда не делали со мной, поскольку человекообразные обезьяны четко различают пол людей. Позже Эми навестила тех же подружек-бонобо после отпуска по беременности и уходу за ребенком. Ей хотелось показать обезьянам своего маленького сына. Самая старшая самка только взглянула на человеческого младенца и тут же исчезла в соседней клетке. Эми подумала, что самка расстроилась, но та ходила за собственным новорожденным детенышем. Она быстро вернулась и подняла обезьяньего младенца

у стекла так, чтобы двое детей смотрели друг другу прямо в глаза.

«Празднования» у шимпанзе — невероятно шумные мероприятия. Они случаются в зоопарках, когда посетители приближаются с полными ведрами еды, а в природе — когда попадается добыча. Шимпанзе собираются большими группами, чтобы обниматься, трогать друг друга и целоваться. Как и у бонобо, такое «празднование» происходит прежде, чем кто-либо попробует пищу. Оно всегда подразумевает большое количество телесных контактов, знаменующих переход к атмосфере терпимости, когда каждый получает свою долю. Но должен сказать, что самые радостные «празднования», которые я наблюдал у шимпанзе, никак не были связаны с пищей. Они случались в зоопарке Бургерса каждую весну — как только обезьяны слышали, что впервые открываются наружные двери. Шимпанзе узнавали все до единой двери в здании на слух. Запертые в течение пяти зимних месяцев в отапливаемом помещении, обезьяны готовились понежиться на травке. Едва заслышав звук открывающихся дверей, вся группа издавала оглушительный вопль, словно исходящий из одной глотки. Очутившись снаружи, обезьяны вели себя не менее шумно: шимпанзе маленькими группками рассыпались по острову, прыгая и возбужденно колотя друг друга по спине. Настроение у них было явно восторженное, как будто это был первый день новой, лучшей жизни. Их лица быстро темнели на солнце, а все напряжения рассеивались в весеннем воздухе.

«Празднования» демонстрируют потребность в физическом контакте в моменты радости и веселья. Эта потребность характерна для всех приматов, и нам легко ее понять.

Мы тянемся друг к другу, когда наша спортивная команда побеждает или когда студенты собираются на выпускной вечер, а также в печальных ситуациях, таких как похороны или какие-либо другие несчастья. Эта потребность в физическом контакте запрограммирована в нас. Некоторые культуры поощряют дистанцию между людьми, однако обществу без телесного контакта не было бы истинно человеческим.

Наши сородичи-приматы тоже осознают эту потребность в контакте. Они не только стремятся к нему сами, но и стимулируют контакт между другими, если это может улучшить напряженные отношения. Самый простой пример — самка-подросток, которая нянчит детеныша другой самки. Когда детеныш вдруг начинает плакать, юная самка спешит к его матери и быстро вручает ей рыдающего малыша, зная, что это самый быстрый способ его успокоить. Более сложный способ наладить контакт между другими можно наблюдать, когда самцам шимпанзе не удается примириться после конфликта. Иногда они сидят в паре метров друг от друга, будто ожидая, что другая сторона сделает первый шаг. О неловкости между ними говорит то, как они озираются по сторонам, глядя на небо, на траву, на собственное тело, но старательно избегая зрительного контакта. Бывает, что такая патовая ситуация продолжается полчаса или больше, но ее может разрешить кто-нибудь третий.

Например, какая-нибудь самка подходит к одному из самцов и некоторое время его вычесывает, а потом медленно идет ко второму. Если первый самец следует за ней, то только позади, не глядя на другого самца. Иногда самка оглядывается, проверяя, идет ли он, и если нет, то она

может вернуться и потянуть упрямца за руку, чтобы тот пошел за ней. Когда самка садится рядом со вторым самцом, они оба начинают ее вычесывать, каждый со своей стороны, пока она просто не уходит и не предоставляет им возможность вычесывать друг друга. Самцы будут кряхтеть, фыркать и причмокивать громче, чем до ухода самки, — эти звуки демонстрируют их увлеченность и радость от груминга. Такое посредническое поведение, называемое «медиацией», позволяет самцам-соперникам сойтись друг с другом, не проявляя никакой инициативы, не устанавливая зрительный контакт и, вероятно, не теряя лицо.

Медиация способствует миру в группе, сводя поссорившихся вместе. Что интересно, в роли медиаторов выступают только самки шимпанзе, причем исключительно старшие и самые высокоранговые. Это и неудивительно: ведь, если бы какой-нибудь самец приблизился к одному из соперников, его просто восприняли бы как участника конфликта. Учитывая склонность самцов шимпанзе к образованию союзов, его присутствие не может расцениваться как нейтральное. С другой стороны, если бы к одному из самцов подошла молодая самка, особенно с набухшими гениталиями, это бы интерпретировалось в сексуальном ключе и также увеличило напряжение. В арнемской колонии посредницей, как правило, выступала Мама: ни один самец не стал бы ее игнорировать или неосторожно затевать драку, которая могла вызвать ее гнев.

В других колониях подравшихся самцов также примирила самая высокоранговая самка, обладавшая для этого необходимыми навыками и авторитетом. Я даже наблюдал ситуации, когда другие самки как бы побуждали верховную самку делать это: они подходили к ней, оглядыва-

ясь на самцов, отказывающихся мириться, словно пытались добиться от нее того, что, как они знали, им самим совершать не положено. В этом смысле самки человекообразных обезьян явно обладают способностью к налаживанию мира, причем весьма развитой. Однако заметьте: все их посреднические усилия касаются только самцов. Они восприимчивы к таким попыткам, а вот самки могут и не поддаваться. Я никогда не видел, чтобы какая-нибудь самка пыталась примирить двух других самок после драки.

Люди, разумеется, вряд ли смогли бы сосуществовать друг с другом без посредников. Это верно для любого общества, большого или маленького. Приведение сталкивающихся интересов к гармонии институционализировано и управляется разнообразными социальными факторами, к которым относятся в том числе роль старейшин, международная дипломатия, судебная система, примирительные пиры и компенсационные выплаты. Например, малайзийский народ семаи устраивает «бечараа» — собрания участников конфликтов, их родственников и остальной общины в доме местного главы. Семаи понимают, что поставлено на карту: их поговорка гласит: «Есть больше причин бояться спора, чем тигра». Бечараа открывается речами, в которых старейшины много часов разглагольствуют о взаимной зависимости людей в сообществе и необходимости сохранять хорошие отношения. Споры касаются серьезных вопросов, таких как супружеская неверность и собственность, и решаются всеобщим обсуждением, которое может продолжаться много дней. В таких обсуждениях вся община разбирает всевозможные мотивы противников, причины, по которым это все произошло, и то, как можно было бы предотвратить ссору.

Собрание заканчивается тем, что глава общины призывает одного или обоих спорщиков никогда не повторять содеянное, поскольку это может нести опасность для всех остальных.

Общее благо — не то, чем можно пренебрегать. Или, как Кит Ричардс сказал Мику Джаггеру, когда Rolling Stones были почти на грани распада: «Это больше нас обоих, детка».

Козел отпущения

«У победы тысяча отцов, а поражение всегда сирота», как утверждает известный афоризм. Готовность принять ответственность на себя, если что-либо пошло не так, не входит в число наших достоинств. В политике взаимные обвинения — дело само собой разумеющееся. Поскольку никто не хочет признавать вину за собой, ее обычно перекладывают с одного на другого. Это скверный способ разрешения споров: вместо примирения, празднования и посредничества в решении конфликтов вина, возникающая в верхних эшелонах власти, передается вниз по цепочке.

В каждом сообществе есть свои козлы отпущения, но самые вопиющие случаи, которые мне встречались, были связаны с недавно образовавшимися группами макаков. У этих обезьян строгая иерархия, и, пока высокоранговые члены группы выясняли, кто здесь какое положение должен занимать (процесс обычно довольно неприятный), им проще всего оказалось всем скопом ополчиться на бедных низкоранговых особей. На самку по имени Блэк нападали так часто, что мы назвали угол, куда она обычно убегала, «черным углом Блэк». Она сжималась там в комочек, а осталь-

ная группа собиралась вокруг, в основном ворча и угрожая, но иногда кусая ее или выдирая клоки шерсти.

По моему опыту работы с приматами, бессмысленно поддаваться искушению и убирать козла отпущения из группы: на следующий день его место займет другая особь. Существует очевидная потребность в объекте для слива напряжения. Но когда Блэк родила своего первого детеныша, все изменилось, потому что альфа-самец стал защищать этого малыша. Остальная группа распространила свою враждебность и на семейство Блэк, поэтому они ворчали и угрожали ее детенышу, но при высоком покровительстве ему было нечего бояться, и он выглядел скорее озадаченным всей этой кутерьмой. Блэк вскоре приучилась держать сына рядом с собой, если возникали проблемы, потому что тогда ее тоже никто не трогал.

Поиск козла отпущения становится столь эффективным, потому что с его помощью можно убить двух зайцев. Во-первых, это ослабляет напряжение в группе между доминирующими особями. Нападать на безобидного постороннего, очевидно, менее рискованно, чем друг на друга. Во-вторых, это сплачивает высокоранговых особей вокруг общей цели. Угрожая козлу отпущения, они устанавливают связи между собой, иногда забираясь друг на друга и обнимаясь — демонстрируя, что они выступают вместе. Конечно, это всего лишь спектакль: зачастую приматы выбирают в качестве врагов совсем незначительных особей. В одной группе обезьян все бегали к бассейну и угрожали собственным отражениям (в отличие от человека и человекообразных обезьян, мартышкообразные не узнают в своем отражении самих себя), то есть считали, что обнаружили враждебную группу, которая весьма удачно не лезла в драку

в ответ. Шимпанзе из арнемской колонии нашли другую отдушину. Если напряжение возрастало до точки взрыва, один из шимпанзе начинал лаять на льва и гепарда из соседнего сафари-парка. Крупные кошки оказались идеальными врагами. Вскоре вся обезьянья группа принималась вопить и лаять во всю мощь своих легких на этих ужасных чудовищ, надежно отделенных от них рвом, оградой и полосой леса. Все конфликты тут же забывались.

В устоявшейся группе обычно нет какой-то одной особи, всегда загоняемой в угол. Отсутствие «мальчика для битья» — верный признак того, что в группе все уже урегулировано. Но смещенная агрессия, как это называется в среде специалистов, не обязательно опускается до самого низа социальной лестницы. Альфа третирует Бету, который тут же начинает озирается в поисках Гаммы. Затем Бета угрожает Гамме, оглядываясь на Альфу, потому что идеальным итогом этого действия, является то, что Альфа занимает его сторону. Смещенная агрессия может спуститься еще на четыре или пять ступенек, прежде чем сойдет на нет. Часто она не слишком активна — примерно на уровне обзывательств или хлопанья дверями, но все же позволяет вышестоящим спустить пар. И все в группе сразу понимают, что происходит: подчиненные начинают прятаться при первом признаке растущего напряжения у начальства.

Термин «козел отпущения» восходит к Ветхому Завету и относится к одному из двух козлов, использовавшихся в церемонии на День искупления, или Йом-Киппур. Первого козла приносили в жертву, а второму сохраняли жизнь и отпускали (потому «козел отпущения»). На этого козла возлагали все совершенные народом несправедливости и нарушения заповедей, а потом изгоняли в пустынные

земли — буквально в дикую пустыню, а символически это означало пустыню духовную. Таким образом люди освобождались от зла. Аналогично Новый Завет описывает Иисуса как «Агнца Божьего, который берет на себя грех мира» (Ин. 1:29).

Для современного человека назначение козла отпущения прежде всего ассоциируется с неадекватной и неправомерной демонизацией, очернением, обвинением и преследованием. Самым чудовищным примером такого подхода стал холокост, но спускание пара за счет других имеет и множество иных проявлений, включая охоту на ведьм в Средние века, вандализм болельщиков проигравшей спортивной команды и домашнее насилие после конфликтов на работе. И главные особенности такого поведения — невиновность жертвы и сброс напряжения в виде агрессии — поразительно похожи у людей и других животных. Ярчайшим примером этого является спровоцированная болью агрессия у крыс. Поместите двух крыс на железную сетку, на которую будет подаваться электрический разряд, и в те моменты, когда крысы ощущают боль, они станут нападать друг на друга. Подобно людям, случайно ударившим себя молотком по пальцу, крысы всегда без колебаний «винят» кого-то другого.

Мы окружаем этот процесс завесой символизма и выбираем жертв на основании таких признаков, как цвет кожи, религия или иностранный акцент, наотрез отказываясь признавать, насколько необоснованны и смехотворны поиски козла отпущения. В этом отношении мы более изощренны, чем другие животные. Но невозможно отрицать, что поиск козла отпущения является одной из самых фундаментальных, мощных и наименее осознанных психологи-

ческих реакций человеческого вида, причем общей также и для такого количества видов животных, что она вполне может оказаться жестко запрограммированной.

Таким козлом отпущения оказался мифический царь Эдип, изгнанный из Фив во время бунтов. Обвиненный в том, что из-за него боги наслали на Фивы моровую язву и продолжительную засуху, он стал идеальной жертвой, поскольку был чужаком, выросшим в Коринфе. То же самое относится и к Марии-Антуанетте. Политическая нестабильность в сочетании с ее австрийским происхождением сделали королеву прекрасной мишенью. В наши дни Microsoft становится козлом отпущения за отсутствие безопасности данных в интернете; незаконные иммигранты считаются виновными в растущей безработице; а на ЦРУ возложили вину за то, что мифическое оружие массового поражения в Ираке так и не было обнаружено.

Война в Ираке сама по себе является хорошим примером. Как и все американцы, я был ошеломлен и потрясен террористической атакой в Нью-Йорке. К моему первоначальному ужасу и горю вскоре добавился гнев. Я ощущал его вокруг себя и чувствовал, как он кипит внутри меня самого. Не уверен, что это ощущение разделяли с нами люди из других стран мира: горе и ужас — да, но гнев, вероятно, нет. Может быть, это объясняет, почему дальнейшие события вызвали столь бурное несогласие других наций с действиями Соединенных Штатов. Мир внезапно оказался вынужден иметь дело с разъяренным раненым медведем, пробудившимся ото сна, когда кто-то наступил ему на лапу. Как говорилось в одной популярной песне, нанесенный внезапно удар заставил всю страну вспыхнуть, как фейерверк 4 июля.

После удара по Афганистану свирепый медведь стал искать другую, более значимую мишень, и нашелся Саддам Хусейн, диктатор, плюющий свысока на весь мир, ненавидимый всеми, а больше всего — собственным народом. Несмотря на отсутствие каких-либо доказательств его связи с событиями 9/11, бомбардировка Багдада стала огромным сбросом напряжения для американцев, и ее восторженно приветствовали СМИ, а на улицах люди размахивали флагами. Однако сразу же после этого катарсиса начали возникать сомнения. Через 18 месяцев опросы показали, что большинство американцев считают войну ошибкой.

Переадресация вины не может разрешить ситуацию, но тем не менее весьма эффективна. Она помогает успокоить натянутые нервы и восстановить душевное равновесие. Как сказал американский бейсболист Йоги Берра: «Я никогда не виню себя, если промахиваюсь, — я виню биту». Это хороший способ вынести себя за скобки уравнения, но мы плохо понимаем, как именно он работает. Только в одном исследовании последствия такой переадресации были измерены чрезвычайно оригинальным образом, причем не у людей, а у павианов. Приматологи в итоге вырабатывали «методическое руководство», как самцу павиана стать успешным. Мера успешности — это количество глюкокортикоидного гормона (гормона стресса, отражающего психологическое состояние индивидуума) в крови. Низкий уровень означает, что особь хорошо справляется со взлетами и падениями в социальной жизни, которая для самца павиана полна борьбы за статус, обид и вызовов. Было обнаружено, что умение смещать агрессию — прекрасное личностное качество для павиана. Когда самец проигрывает в стычке, он отыгрывается на ком-нибудь более слабым.

Самцы, поступающие так, наслаждаются жизнью, относительно свободной от стресса. Вместо того чтобы уходить и хандрить после поражения, они быстро перекладывают свои проблемы на других.

Я слышал, как женщины говорят, что это чисто мужская особенность, что женщины склонны принимать свою вину близко к сердцу и винить во всем себя, в то время как мужчины без зазрения совести возлагают вину на других. Мужчины предпочитают быть источниками неприятностей, а не страдать от них. Неприятно узнать, что мы разделяем эту тенденцию — порождающую столько невинных жертв — с крысами и обезьянами, как человекообразными, так и мартышкообразными. Это глубоко укорененная в нас тактика обуздания стресса ценой честности и справедливости.

Этот перенаселенный мир

Будучи молодым ученым, я как-то раз спросил всемирно известного эксперта по человеческому насилию, что он знает о примирении. Он прочитал мне лекцию о том, что наука должна сосредотачиваться на причинах агрессии, поскольку в них ключ к ее устранению. Мой интерес к разрешению конфликтов заставил его предположить, что я принимаю агрессию как данность, а этого он не одобрял. Его поведение напомнило мне позицию противников сексуального просвещения: зачем терять время на улучшение поведения, которое вовсе не должно существовать?

Естественные науки более прямолинейны и откровенны, чем социальные. Никакая тема не является запретной. Если нечто существует и может быть изучено, оно заслуживает изучения — все просто и ясно. Примирение не только суще-

ствуется — оно чрезвычайно широко распространено у социальных животных. В отличие от эксперта по насилию, я полагаю, что наша единственная надежда на укрощение агрессии заключается в улучшении понимания того, какими инструментами снабдила нас природа для работы с агрессией. Фокусировать внимание исключительно на проблемном поведении — то же самое, что пожарному знать все о пожаре и ничего о воде.

Один из триггеров — спусковых крючков — агрессии, часто упоминаемых учеными, на самом деле не столь уж важен именно из-за системы сдержек и противовесов, существующих у нашего вида. Речь идет о связи между скученностью и агрессией. Английский демограф XIX в. Томас Мальтус заметил, что рост населения автоматически замедляется из-за роста пороков и несчастий. Это вдохновило психолога Джона Кэлхуна провести кошмарный эксперимент. Он поселил растущую популяцию крыс в тесном загоне и заметил, что вскоре крысы начали проявлять сексуальную агрессию, убивать и поедать друг друга. Как и предсказывал Мальтус, рост популяции был естественным образом остановлен. Хаос и девиантное поведение привели Кэлхуна к новому термину «поведенческая клоака». Нормальное поведение крыс, так сказать, было спущено в канализацию.

Тут же посыпались сравнения уличных банд с крысиными стаями, бедных районов в центре города — с поведенческими клоаками, а территорий городов — с зоопарками. Нас предупреждали, что с дальнейшим ростом населения наш уже перенаселенный мир будет двигаться либо к анархии, либо к диктатуре. Если мы не прекратим размножаться, словно кролики, наша судьба предreshена. Эти представления настолько вошли в массовое сознание, что можно спро-

силь почти любого, и он ответит, что перенаселение — одна из главных причин того, что нам никак не удастся искоренить насилие среди людей.

Исследования приматов поначалу подтверждали этот ужасающий сценарий. Ученые сообщали, что обезьяны, живущие в городах Индии, более агрессивны, чем лесные. Другие исследователи заявляли, что приматы в зоопарках демонстрируют чрезмерный уровень насилия, поскольку ими правят задиры и тираны, доминирующие в социальной иерархии, которая является результатом жизни в неволе, а в дикой природе преобладают мир и эгалитаризм. Позаимствовав склонность к преувеличениям у популяризаторов науки, одна группа исследователей сообщила о «беспорядках в гетто» у павианов.

Пока я работал с макаками-резусами в зоопарке Генри Виласа в Мэдисоне (штат Висконсин), мы все время получали жалобы, что обезьяны постоянно дерутся, вероятно из-за того, что мы держим слишком большую группу макак в одном месте. Однако мне эти макаки казались абсолютно нормальными: я никогда не встречал ни одной группы резусов, в которой обезьяны не ссорились бы между собой. Кроме того, поскольку я вырос в стране с самой высокой плотностью населения в мире, то весьма скептически отношусь к любым попыткам установить взаимосвязь между перенаселенностью и агрессией. Я просто не вижу этого в человеческом обществе. И я задумал масштабное исследование макак-резусов, которые жили в определенных условиях много лет, зачастую даже поколениями. Самое скученное проживание было у животных в клетках, а самое свободное — на большом лесистом острове. У островных макак на одну особь приходилось в 600 раз больше площади, чем у «клеточных».

Нашим первым открытием стало то, что плотность населения ни в малейшей степени не влияет на агрессивность самцов. В действительности самый высокий уровень агрессии был обнаружен у свободно гуляющих самцов, а не у живущих в клетках. Клеточные самцы больше вычесывали самок, а самки — их. Груминг обладает успокаивающим эффектом: пока обезьяну вычесывают, частота сердцебиения у нее снижается. Самки реагировали иначе. Самкам резусов присуще чувство принадлежности к так называемой матрилинейной группе (основанной на родстве по материнской линии). Поскольку эти группировки конкурируют между собой, скученность провоцирует конфликты. Но между такими матрилинейными группами возрастает не только агрессия, как можно было бы подумать, но и количество груминга. Это означает, что самки изо всех сил стараются предотвращать агрессию, вычесывая самок, не принадлежащих к их группе. В итоге влияние скученности на макак значительно менее драматично, чем можно было бы подумать.

Мы говорим о «преодолении», подразумевая, что у приматов есть способы противостоять воздействию скученности. Возможно, благодаря своему более высокому интеллекту шимпанзе заходят еще дальше. Я до сих пор помню зиму, когда в арнемской колонии молодой выскочка Никки, казалось, был уже готов бросить вызов тогдашнему альфа-самцу Лёйту. Обезьяны жили в помещении, где конфронтация с признанным лидером была равносильна самоубийству. Помимо прочего, Лёйт пользовался неограниченной поддержкой самок: они помогли бы ему зажать соперника в угол, если бы Никки попробовал хоть что-то предпринять. Но как только мы выпустили группу наружу, начались проблемы. Самки передвигаются медленнее самцов, и на боль-

шом острове Никки мог легко избавиться от любой защиты, которую они могли организовать для Лёйта. На самом деле вся борьба за власть в арнемской колонии происходила на открытом воздухе, и никогда в помещении. Мы знаем, что у шимпанзе есть представление о будущем, и потому не стоит удивляться, что они выжидают подходящий момент для переворота.

Подобный контроль эмоций также можно наблюдать, когда шимпанзе, запертые в ограниченном пространстве клетки, стремятся избегать конфликтов. Они и в самом деле *снижают* агрессию. В этом шимпанзе немного похожи на людей в лифте или городском автобусе, которые ослабляют взаимное раздражение, минимизируя движения тела, зрительный контакт и громкие разговоры. Все это незначительные изменения поведения, однако к доступному пространству способны адаптироваться и целые культуры. Люди в густонаселенных странах зачастую демонстрируют подчеркнутое спокойствие, уравновешенность, почтительность, негромкий голос и уважение к личной жизни, даже если стены в домах буквально бумажные.

Наша изощренная способность адаптироваться к конкретным социоэкологическим условиям, как это назвал бы биолог, объясняет, почему число людей на квадратную милю вообще не оказывает влияния на смертность в результате убийств. В некоторых странах с высоким уровнем убийств, таких как Россия и Колумбия, плотность населения очень низка, а среди стран с наиболее низкой смертностью от убийств мы обнаруживаем Японию и Нидерланды, до предела переполненные людьми. Это также относится к городским районам, где происходит большинство убийств. Самый плотно населенный мегаполис — Токио,

а один из самых просторных — Лос-Анджелес. Тем не менее в Лос-Анджелесе на тысячу человек в год приходится 15 убийств, а в Токио — меньше двух.

В 1950 г. в мире насчитывалось 2,5 млрд человек, теперь нас около 6,5 млрд. Это наиболее резкий рост с тех пор, как два тысячелетия назад начался отсчет, — тогда население планеты составляло 200–400 млн. Если бы перенаселенность действительно приводила к агрессии, мы бы погрязли в постоянных битвах. По счастью, мы происходим от длинной линии социальных животных, способных адаптироваться к любым условиям, в том числе неестественным, вроде битком набитых вагонов метро, городских улиц и торговых центров. Возможно, такая адаптация давалась нелегко, и бурные «празднования» каждую весну в арнемском зоопарке несомненно показывают, что шимпанзе предпочитают менее скученное существование. И все же приспособление предпочтительнее пугающей альтернативы, предсказываемой на основании эксперимента Кэлхуна с крысами.

Однако я бы добавил, что результаты, полученные Кэлхуном, могли объясняться не только скученностью. Поскольку у крыс стояло всего несколько кормушек, вероятно, какую-то роль играла и конкуренция. Это предупреждение для нашего вида, обитающего в еще более перенаселенном мире. У нас есть природный недооцененный талант хорошо переносить скученность, однако скученность в сочетании с нехваткой ресурсов — это уже совершенно другая история, которая вполне может привести к порокам и несчастьям, которые предвидел Мальтус.

При этом у Мальтуса были невероятно бесчеловечные политические взгляды. Он полагал, что любая помощь бедным свела бы на нет естественный процесс вымирания людей.

Как он говорил, если и существует одно право, которым человек *не обладает*, то это право на пищу, которую он не может себе купить. Идеями Мальтуса вдохновлялось целое направление в социологии, начисто лишенное сострадания и известное под названием «социал-дарвинизм». В соответствии с этой теорией эгоистические интересы являются живительными соками общества, обеспечивающими процветание сильных за счет слабых. Идеи, оправдывающие сосредоточение несоразмерного количества ресурсов в руках немногих счастливых, были успешно перенесены в Новый Свет, где вдохновили Джона Рокфеллера представить развитие бизнеса как «просто действие закона природы и закона Божьего».

Учитывая искажение эволюционной теории в ее популярном изложении и злоупотребление ею, вряд ли стоит удивляться, что дарвинизм и естественный отбор стали синонимами бесконтрольной конкуренции. Тем не менее сам Дарвин был кем угодно, но только не социал-дарвинистом. Напротив, он считал, что и в человеческой природе, и в природном мире есть место доброте. Мы остро нуждаемся в доброте, потому что вопрос, встающий перед растущим населением мира, заключается не в том, сможем ли мы справиться со скученностью, а в том, будем ли мы честно и справедливо распределять ресурсы. Станем ли мы стремиться к тотальной конкуренции или будем следовать принципам *гуманизма*? Здесь наши ближайшие родственники могут преподать нам несколько важных уроков. Они показывают, что сострадание — не недавно возникшая слабость, противоречащая самой природе, но могущественная сила, являющаяся такой же неотъемлемой частью того, что мы собой представляем, как и склонность к конкуренции, которую она стремится преодолеть.

ДОБРОТА

Тела с нравственными чувствами

Всякое животное, одаренное ясно выраженными общественными инстинктами... должно обязательно обрести нравственное чувство, или совесть, как только его умственные способности достигнут такого же или почти такого же высокого развития, как у человека.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН*

Почему нужно считать нашу злобность багажом, доставшимся от обезьяньего прошлого, а доброту — уникально человеческой? Почему бы не поискать у других животных преемственность и наших «благородных» качеств?

СТИВЕН ДЖЕЙ ГУЛД

Одиннадцать лет прошло с тех пор, как я в последний раз видел Лолиту. Я подошел к ее клетке и только позвал по имени, как она бросилась вперед, приветствуя меня приседаниями и кряхтением, а это не то поведение,

* Цит. по: Дарвин Ч. Сочинения. Т. 5. Происхождение человека и половой отбор. — М.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 215.

которое шимпанзе демонстрируют перед незнакомцами. Конечно же, мы помнили друг друга. Когда она еще жила на полевой станции Центра Йеркса, мы виделись каждый день и прекрасно ладили.

Лолита стала для меня особенной после совершенного ею однажды простого и очаровательного поступка, ясно показавшего, насколько недооценивают человекообразных обезьян. Трудно хорошенько рассмотреть новорожденного детеныша, представляющего собой всего лишь темный комочек на темном брюхе матери. Но мне очень хотелось увидеть Лолитино малыша, родившегося накануне. Я отозвал ее от группы и показал на ее живот. Лолита подняла на меня взгляд, уселась и взяла правой рукой правую ручку детеныша, а левой — левую. Это только звучит просто, но, учитывая, что детеныш цеплялся за нее, ей пришлось для этого скрестить руки. Движение напомнило мне, как люди перекрещивают руки, берясь за низ футболки, чтобы ее снять. Потом она медленно подняла детеныша в воздух и развернула ко мне лицом. Теперь, вися на материнских руках, детеныш смотрел на меня, а не на нее. После того как малыш стал гримасничать и хныкать — детеныши очень не любят отрываться от теплого маминого живота, — Лолита быстро вернула его к себе на колени.

Этим небольшим изящным движением Лолита продемонстрировала понимание, что личико ее новорожденного малыша будет для меня интереснее, чем его спинка. Способность поставить себя на место другого означает огромный скачок в социальной эволюции. Наше золотое правило «поступай с другими так, как хочешь, чтобы они поступали с тобой» предлагает нам взглянуть на мир глазами другого. Мы полагаем это уникальной человеческой способно-

стью, но Лолита показала, что мы тут не одиноки. Сколько еще животных на это способны? Я уже описывал, как самка бонобо Куни обращалась с птицей, которую нашла в своем вольере. Пытаясь заставить скворца взлететь, Куни осознавала потребности животного, совершенно не похожего на нее саму. Вообще существует множество примеров, когда бонобо догадывались о нуждах других.

В одной из таких историй участвовал Кидого, страдавший от болезни сердца. Он вырос хилым, лишенным жизненной энергии и самоуверенности, обычно свойственной взрослому самцу бонобо. Когда Кидого впервые ввели в группу в зоопарке округа Милуоки, он был совершенно ошеломлен указаниями смотрителей куда-то двигаться внутри незнакомого здания и растерялся. Ему никак не удавалось понять, что от него требовалось, когда люди подталкивали его, чтобы он переместился из одной части туннельной системы в другую. Через некоторое время появились остальные бонобо. Они подошли к Кидого, взяли за руку и отвели туда, куда его хотели направить смотрители, тем самым показав, что понимают и намерения смотрителей, и проблему Кидого. Вскоре Кидого начал полагаться на их помощь. Если он чувствовал, что теряется, то начинал издавать крики огорчения, и другие обезьяны быстро приходили, чтобы его успокоить и направить куда надо.

То, что животные помогают друг другу, далеко не новое наблюдение, но тем не менее озадачивающее. Если единственное, что важно, — это выживание самых приспособленных, то разве не должны животные избегать делать то, что не приносит пользы им самим? Зачем помогать другому добиваться успеха? Существует две основные теории. Первая: такое поведение развилось, чтобы помогать род-

ственникам и потомству, то есть особям, генетически связанным с помогающим, что также способствует и передаче его генов. Эта теория «кровь не водица» объясняет, например, жертвенное поведение пчел, отдающих жизнь за свой рой и матку, жала вторгшегося в улей врага. Вторая теория следует логике «почеши спину мне, и я почесу тебе»: если животные помогают тем, кто платит им той же монетой, обе стороны выигрывают. На взаимопомощи могут быть основаны политические союзы, такие как между Никки и Йеруном, которые поддерживали друг друга и сообща пользовались выгодами власти и сексуальными привилегиями.

Обе теории относятся к эволюции поведения, но ни одна не рассказывает нам о реальных мотивах. Эволюция зависит от успешности признака на протяжении миллионов лет, а мотивы возникают здесь и сейчас. Например, секс служит для размножения, но, когда животные спариваются, это происходит не от желания размножиться. Они не осознают этой связи: сексуальные желания отделены от главной причины существования секса. У мотиваций собственная жизнь, вот почему мы описываем их в категориях предпочтений, желаний и намерений, а не в контексте ценности для выживания.

Посмотрим на бонобо из зоопарка, помогавших Кидого. Очевидно, что никто из них не был связан с ним родственными узами и никто не мог ожидать особой ответной помощи от ослабленного болезнью собрата. Возможно, Кидого им просто понравился или они его пожалели. Таким же образом Куни продемонстрировала заботу о птице, несмотря на то что это помогающее поведение уж точно развилось у бонобо в ходе эволюции не ради блага не-бонобо. Однако, если какая-либо тенденция существует, она впол-

не может развиваться дальше, отойдя от своего изначального предназначения. В 2004 г. Джет, черный лабрадор из Розвилла, штат Калифорния, бросился вперед, загородив своего друга, мальчика, которого собиралась укусить гремучая змея, и принял ее яд на себя. Джета по праву сочли героем: он не думал о себе, будучи истинным альтруистом.

Это говорит о том, на какой риск готовы идти животные. Благодарная семья мальчика потратила 4000 долларов на переливания крови и оплату счетов ветеринарных клиник, чтобы спасти своего любимца. Одному из шимпанзе, обитавших в зоопарке, не так повезло — он заплатил жизнью за неудачную попытку спасти детеныша своего вида, упавшего в воду из-за неловкости матери. Поскольку человекообразные обезьяны не умеют плавать, даже для того, чтобы просто войти в воду, требуется невероятная отвага.

Альтруистическое поведение широко распространено и у людей. Раз в неделю в одной из газет Атланты, которую я регулярно читаю, появляются сообщения о разных «добрых поступках» — в этой рубрике люди рассказывают о помощи, полученной от незнакомцев. Пожилая женщина написала о том, как в один прекрасный день ее 88-летний муж, выезжая из дома, обнаружил, что подъездная дорожка перегорожена огромной упавшей сосной. Проезжавший мимо незнакомец выскочил из своего пикапа, распилил дерево бензопилой, которая лежала у него в машине, и оттащил куски в сторону, расчистив дорожку для этой пожилой пары. Когда женщина вышла, чтобы заплатить ему за работу, спаситель уже уехал.

Не думайте, что помогать незнакомцам всегда легко. Когда Ленни Скатник в 1982 г. нырнул в ледяную реку Потомак, чтобы спасти жертву авиакатастрофы, или когда

простые граждане в Европе укрывали еврейские семьи во время Второй мировой войны, они все подвергали себя огромному риску. Во время землетрясений люди часто бросаются в горящие или рушащиеся дома, чтобы вытащить оттуда незнакомцев. Конечно, позже их может найти награда в виде хвалебного сюжета в вечерних новостях, но это никогда не бывает истинным мотивом. Ни один нормальный человек не станет рисковать жизнью ради минуты славы в какой-нибудь телепередаче. В хаосе событий 11 сентября в Нью-Йорке происходило множество анонимных актов героизма.

Но даже при том, что мы и другие социальные животные иногда помогаем незнакомцам, не думая о себе, я все же склонен утверждать, что такие тенденции происходят от взаимовыгодных отношений и помощи своим родственникам. Героический пес Джет, вполне возможно, считал мальчика частью своей стаи. Ранние человеческие общества, вероятно, создавали оптимальные условия для выживания «самых добрых», что способствовало сохранению семьи, и тех, кто в будущем мог ответить услугой на услугу. Когда такая чувствительность появилась, она распространилась и на другие аспекты. В какой-то момент сочувствие другим стало самоцелью: краеугольным камнем человеческой нравственности и морали и основополагающим аспектом религии. Поэтому христианство учит нас возлюбить ближнего своего, как самого себя, давать нагим одеяние, кормить бедных и заботиться о больных. Но полезно понимать, что, подчеркивая важность доброты, религии просто закрепляют то, что уже является частью нашей человеческой природы. Они не меняют человеческое поведение полностью, а только делают акцент на уже существующих способностях.

А как может быть иначе? Невозможно посеять зерна нравственности в неблагоприятную почву — это все равно что научить кошку приносить газету.

Насколько эмпатичны животные?

Некогда президент одной большой страны был известен особым выражением лица. Под воздействием едва сдерживаемых эмоций он, прикусывая нижнюю губу, говорил своей аудитории: «Я чувствую вашу боль». Дело здесь даже не в том, насколько искренней была эта демонстрация чувств, — важен был сам факт переживания из-за несчастий других. Эмпатия и чувство общности являются нашей второй натурой в такой степени, что лишенный их индивид производит впечатление психически больного или опасного.

При просмотре фильмов мы не можем удержаться от того, чтобы не сопереживать героям на экране. Мы приходим в отчаяние, когда видим, как они тонут вместе со своим гигантским кораблем; мы ликуем, когда они смотрят в глаза давно потерянных возлюбленных. У всех зрителей в зале наворачиваются слезы, хотя мы всего лишь сидим в кресле, глядя на экран. Эмпатия знакома всем нам, однако прошло очень много времени, прежде чем ее стали воспринимать всерьез как тему для исследования. Так как на вкус прагматичных ученых она была слишком неопределенной и размытой, то ее обычно валили в одну кучу с телепатией и другими сверхъестественными явлениями.

Времена изменились, и мои шимпанзе недавно продемонстрировали убедительный довод в пользу существования у них сопереживания во время визита Кэролин Зан-Векслер, одной из первых исследователей эмпатии у детей.

Мы с Кэролин отправились осматривать группу шимпанзе в Центре Йеркса. Среди обезьян была одна самка по имени Тай, которую чрезвычайно сильно влекло к людям. По сути, ее больше интересовали мы, чем сородичи-шимпанзе. Каждый раз, как я появлялся на смотровой вышке, выходившей на вольер, она бросалась вперед, издавая громкое приветственное пыхтение. Я всегда приветствовал ее в ответ и разговаривал с ней, после чего она усаживалась и наблюдала за мной, пока я не уходил.

Но на этот раз я был так поглощен разговором с Кэролин, что едва поднял голову. Поскольку я не поприветствовал Тай, беседа была прервана громкими, пронзительными воплями, привлечшими наше внимание. Тай начала бить себя, как это делают шимпанзе, закатывая истерику, вскоре ее окружили сородичи и начали обнимать, целовать или придерживать, чтобы успокоить. Я тут же понял, почему она устроила такой переполох, и горячо поприветствовал ее, протянув к ней издалека руку. Я объяснил Кэролин, что эта шимпанзе почувствовала, что ею пренебрегли, потому что я с ней не поздоровался. Кэролин с легкостью узнала этот сценарий. Тай с широкой нервной ухмылкой продолжала смотреть на меня, пока наконец не успокоилась.

Самым интересным в этом инциденте было не то, что Тай обиделась на мою неучтивость, а то, как реагировала группа. Именно такое поведение Кэролин изучает у детей. Другие обезьяны старались успокоить Тай, снизить степень ее огорчения. Получилось, что Кэролин обнаружила такую способность у животных, хотя они никогда не были объектом ее изучения. Когда ее команда посещала разные дома, чтобы выяснить, как дети реагируют на членов своих семей, которых просили изобразить печаль (поплакать), боль (вскрик-

нуть «ой») или болезнь (например, покашлять), исследователи выяснили, что дети старше года уже способны утешать других. Это важный этап их развития: неприятные переживания у знакомых людей провоцируют участливый отклик, например похлопывание и потирание больного места страдающего. Поскольку выражения сочувствия проявляются практически у всех представителей нашего вида, они являются столь же естественным достижением, как первый шаг ребенка.

Не так давно считалось, что для эмпатии необходим язык. По какой-то причине множество ученых рассматривают язык как источник человеческого разума, а не как его продукт. Поскольку проявления сочувствия наблюдаются у годовалых малышей еще до того, как они начинают говорить, исследования Кэролин показали, что эмпатия появляется задолго до развития речевых навыков. Это также приложимо и к исследованиям животных, то есть существ, по определению бессловесных. Ее исследовательская группа обнаружила, что домашние питомцы, такие как кошки и собаки, огорчались так же, как и дети, когда члены семьи изображали неприятные переживания. Животные ходили вокруг страдальцев, клали голову им на колени с таким видом, будто сочувствовали. Если оценивать их по тем же стандартам, что и детей, то можно сказать, что животные тоже проявляли эмпатию.

Такое поведение еще более ярко демонстрируют человекообразные обезьяны — в их случае его называли «утешением». Мы учитываем и оцениваем проявление утешения, просто ожидая, когда между нашими шимпанзе вспыхнет спонтанная драка, после которой отмечаем, подходили ли к жертве не участвовавшие в стычке обезьяны. В этом слу-

чае они часто обнимают и вычесывают пострадавшего сородича. Вполне обычная история, когда детеныш залезает на дерево, падает с него и верещит. Его немедленно окружают другие обезьяны, обнимают и берут на руки. Именно такую реакцию продемонстрировала горилла Бинти Джуа в Чикагском зоопарке Брукфилда по отношению к мальчику, упавшему в вольер. Если взрослый самец проиграл схватку с соперником и в одиночестве сидит и кричит на дереве, другие залезут к нему, чтобы его погладить и успокоить. Утешение — один из наиболее широко распространенных откликов среди человекообразных обезьян. Мы распознаем такое поведение, потому что обезьяны делают это точно так же, как мы, разве что у бонобо иногда случается еще и утешительный секс.

Реакция эмпатии — одна из сильнейших, в действительности она даже сильнее, чем пресловутая любовь обезьян к бананам. Об этом впервые сообщила русский психолог начала XX в. Надежда Ладыгина-Котс, которая растила молодого шимпанзе по имени Иони. Каждый день Котс приходилось сталкиваться с его буйным поведением и непослушанием. Она обнаружила, что единственный способ заставить Иони слезть с крыши ее дома — это воззвать к его доброму отношению к ней:

Если я притворяюсь плачущей, закрываю глаза и всхлипываю, Иони мгновенно бросает все свои игры и занятия и быстро прибегает ко мне, взволнованный, весь взлохмаченный, из самых удаленных мест своего пребывания, с крыши дома, по которой только что лазал, с потолка его клетки, откуда я не могла его сместить и согнать вниз несмотря на самые усиленные свои просьбы и зовы.

Подкатив ко мне, он торопливо обегает кругом меня, как бы ища обидчика, все время внимательно смотря мне в лицо, нежно охватывает меня рукой за подбородок, легко дотрагивается пальцем до моего лица, как бы пытаясь понять, в чем дело».*

В самом простом смысле эмпатия — это способность воспринимать состояние другого индивида или существа. Это может выражаться просто в движении тела, например когда мы подражаем поведению других. Мы закидываем руки за голову, если это делают другие, и, повторяя за нашими коллегами на собраниях и конференциях, кладем ногу на ногу или, наоборот, ставим ноги рядом, наклоняемся вперед или назад, поправляем волосы, кладем локти на стол и тому подобное. Мы проделываем это бессознательно, особенно в обществе людей, которые нам нравятся, и это объясняет, почему супруги, долго прожившие вместе, часто становятся похожи друг на друга — их поведение и язык тела сближаются. Зная о том, какую силу имеет подражание языку тела, исследователи могут манипулировать чувствами и отношением людей друг к другу. Общение с человеком, по заданию экспериментатора принимающим позы, отличные от наших, приводит к тому, что мы начинаем хуже относиться к этому человеку, чем если он или она исправно копирует каждое наше движение. Когда люди говорят, что у них «что-то щелкает», или они влюбляются, на них подсознательно влияет уровень безотчетного телесного подражания, в которое они вовлекаются, рав-

* Цит. по: Ладыгина-Котс Н. Дитя шимпанзе и дитя человека в их инстинктах, эмоциях, играх, привычках и выразительных движениях. — М.: Государственный Дарвиновский музей, 1935. С. 120.

но как и другие тонкие сигналы, говорящие об открытости или, наоборот, замкнутости, такие как разведение или сжимание ног, поднимание или складывание рук и так далее.

Ребенком я невольно повторял движения других людей, особенно если был увлечен каким-то активным занятием, например спортом. В какой-то момент я это осознал и постарался подавить привычку, но не смог. У меня есть моя фотография во время волейбольного матча, когда я подпрыгиваю и будто бы бью по мячу, хотя на самом деле мяч находится у одного из моих братьев. Я просто проигрываю, повторяю то, что, по моим представлениям, должен делать с мячом он. Такую тенденцию легко заметить, когда родители-люди кормят своих малышей. Поднося ложку с липкой кашницей к губам ребенка, взрослые открывают *собственный* рот, когда ребенок должен открыть свой, и часто за этим следуют движения языка — одновременно с движениями языка ребенка. Точно так же, когда дети подрастают и участвуют в школьном спектакле, родители, сидящие в зале, губами проговаривают слова, которые должны произнести их чада.

Телесное отождествление широко распространено у животных. Один мой друг как-то раз сломал правую ногу, и на нее наложили гипс. Через считанные дни его собака начала прихрамывать, подволакивая правую ногу. Ветеринар тщательно проверил собаку, но не нашел никаких причин для хромоты. Когда через несколько недель гипс с ноги моего друга сняли, собака стала ходить нормально. Похожий случай произошел с Лёйтом из арнемской колонии шимпанзе, когда он однажды повредил в драке кисть руки. Он начал опираться не на костяшки пальцев, а на согнутое запястье, странно ковыляя по вольеру. Вскоре все детеныши в группе стали ходить так же, как он. Они продолжали эту

игру несколько месяцев, еще долго после того, как травма у Лейта прошла. Более непосредственное телесное отождествление зоолог Кэти Пэйн описала у слонов: «Я видела однажды, как слониха-мать пританцовывает на месте, выписывая кренделя ногами и хоботом: это она издали наблюдала за сыном, который гнался за удирающим гну. Я и сама точно так же пританцовывала, когда смотрела выступления своих детей, — а один из них, не могу не похвастаться, цирковой акробат».

Марышки чешутся, если видят, что это делает другая обезьяна, а человекообразные зевают, когда смотрят видео, где зевает другая человекообразная обезьяна. Мы делаем то же самое, и не только глядя на наших сородичей. Я однажды присутствовал на демонстрации слайдов с фотографиями зевающих животных и обнаружил, что нахожусь в зале среди множества людей с открытыми ртами. Я и сам не мог удержаться от зевка. Исследовательская группа из Пармского университета в Италии впервые сообщила о том, что у макак есть особые клетки мозга, которые активируются не только в том случае, когда обезьяна хватается предмет рукой, но даже если она просто смотрит, как это делает другая. Поскольку эти клетки точно так же активируются при выполнении какого-либо действия, как и при наблюдении за действиями другого, их стали называть зеркальными, или «обезьянничаяющими» нейронами («обезьяна видит, обезьяна делает»). Социальные животные связаны друг с другом на уровне куда более фундаментальном и глубоком, чем полагали прежде ученые. Мы жестко запрограммированы устанавливать связи с окружающими, а также эмоционально с ними резонировать. Это полностью автоматический процесс. Когда нас просят посмотреть фотографии

с различными выражениями лиц, мы невольно копируем те выражения, которые видим. Мы это делаем, даже когда фотографию показывают так быстро, что можно среагировать только на подсознательном уровне: то есть она появляется перед нами на пару миллисекунд. Мы не успеваем осознать выражение лица, однако наши лицевые мышцы его повторяют. В обычной жизни мы тоже это делаем, и это отражено в строчках песни Луи Армстронга: «Когда ты улыбаешься... с тобой улыбается весь мир».

Поскольку подражание и эмпатия не требуют ни языка, ни разума, нам не стоит удивляться тому, что простые формы взаимосвязей с другими существуют у самых разных животных, даже у несправедливо очерняемых крыс. Уже в 1959 г. появилась статья с провокационным заголовком «Эмоциональные реакции крыс на боль других», в которой было показано, что крысы переставали нажимать на рычаг, чтобы получить пищу, если тот же рычаг запускал ток в соседнюю клетку, где сидела другая крыса. Почему крысы не продолжали просто получать пищу, игнорируя другое животное, подпрыгивающее от боли при ударе электрическим током? В классических экспериментах (которые я не хотел бы повторять по этическим соображениям) макаки показали даже большую сдержанность и контроль, запрещающий это действие. Увидев, что всякий раз, когда тянешь за рычаг, чтобы получить пищу для себя, соседку бьет током, одна обезьяна воздерживалась от этих действий в течение пяти дней, другая — двенадцати. Эти обезьяны буквально *морили себя голодом*, чтобы не причинять боль другим.

Во всех этих исследованиях вероятным объяснением является не забота о благополучии другого, а огорчение,

вызванное его страданием. Такая реакция обладает огромной ценностью для выживания. Если другие демонстрируют страх и огорчение, то, возможно, и вам следует забеспокоиться. Если одна птица из стаи вдруг резко взлетает, все остальные птицы тоже взлетят — даже раньше, чем поймут, что происходит. Оставшаяся птица может стать чьей-нибудь добычей. Вот почему и среди людей так быстро распространяется паника.

Мы так запрограммированы: нам совершенно не нравится видеть и слышать боль других. Например, маленькие дети часто огорчаются, на глаза их наворачиваются слезы — и они бегут к матери за утешением, когда видят, как другой малыш упал и плачет. Они не беспокоятся за другого ребенка, но их захлестывают и переполняют эмоции, демонстрируемые им. Только позже, когда дети научаются отделять себя от других, они могут отличить чужие эмоции от своих. Однако развитие эмпатии начинается безо всякого различия, возможно подобно тому, как дрожание одной струны заставляет вибрировать другую, производя слаженный звук. Эмоции обычно пробуждают схожие эмоции: от смеха и радости до хорошо известного явления — целой комнаты плачущих малышей. Теперь мы знаем, что области, отвечающие за способность поддаваться чужим эмоциям (эмоциональное заражение), располагаются в столь древних отделах мозга, что они у нас являются общими с такими разными животными, как крысы, собаки, слоны и мартышки.

В чужой шкуре

Каждая эпоха предлагает человечеству новые отличительные признаки. Полагая себя особенными, мы все время ищем

этому подтверждение. Самой первой попыткой, возможно, стало платоновское определение человека как единственного существа о двух ногах, лишённого перьев и шерсти. Это определение казалось вполне верным, пока Диоген не пришел в Академию с ощипанным петухом, которого выпустил со словами: «Вот человек Платона». Тогда Платон включил в свое определение признак «с широкими ногтями».

Намного позже изготовление орудий стало считаться чем-то настолько особенным, что даже появилась книга антрополога Кеннета Оукли под названием «Человек — создатель орудий» (*Man the Tool-Maker*, 1957). Это определение продержалось до открытия, что дикие шимпанзе изготавливают своего рода «губки», пережевывая листья, чтобы доставать воду из углублений, и обдирают листья с веток, прежде чем использовать их как палки. Даже вороны были замечены за изгибанием металлической проволоки в крючок, чтобы выудить пищу из бутылки. Так что пришлось распрощаться с представлением о человеке — единственном создателе орудий. Следующей заявкой на уникальность был язык, поначалу определявший-ся как символическая коммуникация. Но когда лингвисты слышали о человекообразных обезьянах, освоивших человеческий язык жестов, они осознали, что единственный способ исключить этих непрошенных чужаков — оставить в покое символичность и вместо этого упираться на синтаксис. Таким образом, притязание на особое место человечества в мироздании становится все более сомнительным из-за постоянно отодвигающихся рамок.

Не менее модное в наши дни притязание на уникальность относится и к эмпатии. Это не эмоциональные связи сами по себе — их трудно отрицать у других животных, —

но так называемая «теория разума» («*Theory of Mind*»), или «модель психического»*. Это неуклюжее выражение обозначает способность понимать психическое состояние других существ. Если мы с вами встречаемся на вечеринке и я полагаю, что вы считаете, будто мы никогда раньше не виделись (хотя я уверен в обратном), у меня возникает представление о том, что происходит в вашей голове. Способность поставить себя на место другого коренным образом меняет то, как разумы взаимодействуют друг с другом. Хотя некоторые ученые объявляют эту способность уникальной для человека, ирония заключается в том, что вся концепция «модели психического» началась с одного исследования приматов в 1970-е гг. Когда шимпанзе по имени Сара предлагали на выбор несколько картинок, она выбирала картинку с ключом, если видела, что человек пытается открыть запертую дверь, или картинку с человеком, залезающим на стул, если видела, как кто-то подпрыгивает, пытаясь дотянуться до банана. Был сделан вывод, что Сара распознает намерения других.

Со времен этого открытия выросла целая индустрия исследований «модели психического» у детей, а исследования приматов переживали свои взлеты и падения. Ряд экспериментов на человекообразных обезьянах провалились, и это привело некоторых ученых к выводу, что у всех человекообразных обезьян «модель психического» отсутствует. Однако отрицательные результаты нелегко интер-

* Эту сторону психики обозначают термином «*Theory of Mind*», однако дословный перевод «теория разума» совершенно не отражает сути явления. В отечественной литературе принят термин «модель психического» (Сергиенко Е. А., Лебедева Е. И., Прусакова О. А. Модель психического как основа становления понимания себя и другого в онтогенезе человека. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009). — *Прим. ред.*

претировать. Как говорится, «отсутствие доказательств не является доказательством отсутствия». Когда сравнивают детей и человекообразных обезьян, проблема заключается в том, что экспериментатором неизменно является человек и только обезьяны сталкиваются с межвидовым барьером. А кто сказал, что обезьяны считают, будто люди подчиняются тем же законам, что они сами? Наверняка мы им кажемся существами с другой планеты.

Например, недавно мой ассистент позвонил, чтобы рассказать о драке, в которой шимпанзе Соко был ранен. На следующий день я подошел к Соко и попросил его повернуться, что он послушно сделал, так как знал меня с детства, и показал мне глубокую рану на спине. А теперь подумайте об этом с точки зрения шимпанзе. Они смышленные животные, всегда пытающиеся понять, что происходит. Соко наверняка удивлялся, откуда я узнал о его ране.

Если мы выступаем в роли всеведущих богов, не станем ли мы из-за этого непригодными для экспериментов по выявлению связи между тем, что видим, и тем, что знаем, которая является определяющей для наших представлений о психических процессах — как собственных, так и другого субъекта? Большинство этих экспериментов проверяли лишь модель человеческого разума, имеющуюся у обезьян.

Лучше мы сосредоточимся на обезьяньей модели обезьяньего же сознания. Когда изобретательный студент Брайан Хэйр сумел исключить из эксперимента человека, то обнаружил, что человекообразные обезьяны понимают, что если другая обезьяна видела спрятанную пищу, то она о ней знает. Брайан заманил низкоранговую самку шимпанзе, чтобы та подбирала пищу на глазах у высокоранговой. Первая подходила к тем кусочкам, которые вторая видеть не могла.

Иными словами, шимпанзе понимают, что известно другим, и используют эту информацию к своей выгоде. Это снова подняло вопрос о «модели психического» у животных. Неожиданным поворотом стало то, что даже капуцин в Киотском университете (а споры шли только о людях и человекообразных обезьянах) недавно с блеском прошел ряд тестов типа «вижу — знаю». Даже немногих таких положительных результатов достаточно, чтобы поставить гигантский знак вопроса рядом с предыдущими отрицательными.

Это напоминает мне о периоде в почти столетней истории Национального центра изучения приматов имени Роберта Йеркса, когда психологи опробовали методы Скиннера на шимпанзе. Одним из приемов в этом исследовании было лишение животных пищи, пока они не снижали вес до 80% от нормы. Такой метод повышает мотивацию для выполнения заданий, связанных с пищей, у крыс и голубей. Однако у шимпанзе он подобных результатов не дал. Они, скорее, стали слишком унылыми и заикленными на пищу, чтобы обращать внимание на задания. Приматам для успешного выполнения какого-либо действия нужно получать удовольствие от процесса. Жесткие процедуры крысиных психологов вызвали напряженность в Центре Йеркса вплоть до того, что равнодушный персонал начал тайно подкармливать обезьян. Когда исследователи пожаловались директору, что его шимпанзе совсем не так умны, как их представляли, тот взорвался и произнес ставшую знаменитой фразу: «Нет глупых животных, есть только некорректные эксперименты».

И это правда. Единственный способ добраться до глубин разума человекообразных обезьян — ставить эксперимент

так, чтобы вовлекать их интеллектуально и эмоционально. Несколько стаканчиков и спрятанная под ними пища вряд ли захватят их внимание. Им интересны социальные ситуации, в которых участвуют близкие им индивидуумы. Спасти детеныша от нападения, переиграть соперника, избежать конфликта с вожаком и ускользнуть с приглянувшейся самкой — вот задачи, которые нравятся решать человекообразным обезьянам. То, как Лолита повернула ко мне своего малыша, то, как Куни старалась спасти птицу, то, как другие бонобо водили Кидого за руку, — все это предполагает, что проблемы, встречающиеся в реальной жизни, иногда решаются через оценку ситуации с точки зрения другого. Даже если каждая из этих историй связана лишь с единичным, никогда не повторявшимся событием, я придаю им огромное значение. Единичные события могут быть невероятно важны. В конце концов, одного шага человека по Луне нам достаточно, чтобы утверждать, что долететь туда в наших силах. Если опытный и надежный наблюдатель сообщает о примечательном происшествии, лучше обратить на это внимание. И ведь у нас есть не одна-две истории о том, как шимпанзе ставят себя на место другого, — таких историй великое множество. Позвольте привести еще несколько примеров.

Двухметровой глубины ров перед старым вольером бонобо в зоопарке Сан-Диего осушили, чтобы почистить, и на это время заперли обезьян в помещении. Закончив работу и выпустив обратно обезьян, зрители пошли включить кран, чтобы наполнить его водой, и тут вдруг старый самец Каковет подбежал к окну, вопя и отчаянно размахивая руками, чтобы привлечь внимание. После стольких лет он хорошо знал процедуру чистки рва. Оказалось,

несколько юных бонобо залезли в пустой ров, но не могли выбраться обратно. Смотрители спустили туда лестницу. Все бонобо вылезли, кроме одного, самого маленького, — его вытащил сам Каковет.

Эта история перекликается с моими собственными наблюдениями за рвом возле того же самого вольера, только сделанными спустя десять лет. К тому времени зоопарк благоразумно отказался от воды во рву, поскольку обезьяны не умеют плавать. На стенке рва постоянно висела цепь, и бонобо залезали в ров, когда им хотелось. Однако если альфа-самец Вернон исчезал во рву, то более молодой самец Калинд иногда быстро вытаскивал цепь. Потом он смотрел на Вернона сверху вниз с игривой гримасой, открыв рот и хлопая по краю рва, что является аналогом человеческого смеха. Калинд явно потешался над вожаком. В нескольких случаях Лоретта, единственная взрослая обезьяна, кроме этих двоих, бросалась к месту происшествия, чтобы спасти своего брачного партнера, скидывала цепь в ров и стояла рядом, пока Вернон не вылезал оттуда.

Оба наблюдения говорят о понимании обезьянами чужой проблемы. Каковет, по-видимому, осознавал, что наполнять ров, пока там сидят детеныши, не очень хорошая идея, хотя на него самого это повлиять не могло. А Калинд и Лоретта, судя по всему, понимали, для чего нужна цепь тому, кто остался на дне рва, и действовали соответственно: один самец дразнил другого, а самка помогала тому, кто в данный момент зависел от ее помощи.

Однажды зимой в зоопарке Бюргерса после уборки общего помещения и прежде, чем выпустить шимпанзе, смотрители вынесли все резиновые покрышки в вольер и повесили их рядом на бревно, горизонтально торчащее из конструк-

ции для лазания. Кром заинтересовалась шиной, в которой осталась вода. Увы, эта покрышка находилась в самом конце ряда, а перед ней висело еще шесть или больше тяжелых шин. Кром тянула и тянула ту шину, которую ей хотелось достать, но не могла снять ее с бревна. Она попробовала потащить покрышку в другую сторону, но та уперлась в конструкцию и тоже никак не хотела сниматься. Кром тщетно трудилась над этой задачкой больше десяти минут, и на нее никто не обращал внимания, кроме Джеки, семилетнего самца, за которым Кром присматривала, как за младшим.

Как только Кром сдалась и отошла, на сцене появился Джеки. Без колебаний он столкнул покрышки с бревна одну за другой, начав с передней, потом перейдя ко второй и так далее, как сделал бы любой разумный шимпанзе. Когда он добрался до последней, то снял ее очень осторожно, чтобы не пролилась вода, отнес своей тетушке и поставил прямо перед ней. Кром приняла его дар без особой признательности и уже зачерпывала воду ладонью, когда Джеки ушел.

В том, что Джеки помог своей тетке, нет ничего необычного. Самое интересное здесь то, что он, как и Сара в первых экспериментах по изучению «модели психического», правильно догадался, чего добивалась Кром. Он понял цель своей тетушки. Подобная так называемая целевая помощь типична для человекообразных обезьян, но редко встречается или вовсе отсутствует у большинства других животных.

Как мы уже видели на примере с Куни, пытавшейся помочь птице, человекообразные обезьяны могут проявлять заботу о представителях других видов. Это может показаться парадоксальным, учитывая то, что в дикой природе шимпанзе жестоко убивают и поедают мартышек. Но разве это так уж непонятно? Мы тоже ведем себя

неоднозначно: мы любим животных в качестве домашних питомцев, но также и убиваем их ради еды (иногда одних и тех же животных). Следовательно, тот факт, что шимпанзе в некоторых случаях хорошо относятся к потенциальной добыче, не должен был бы нас удивлять. Однажды я видел, как вся группа шимпанзе в Центре Йеркса пристально следила за тем, как зрители ловили сбежавшего резуса в роще вокруг их вольера. Попытки заманить макаку обратно в вольер ни к чему не привели. Ситуация стала еще более напряженной, когда резус залез на дерево. Я услышал, как Бьорн, тогда еще детеныш, внезапно захныкал, схватив за руку старую самку, стоявшую рядом. Бьорн выразил огорчение в тот момент, когда резус припал к нижней ветви дерева: его только что поразили дротиком со снотворным. Люди ждали под деревом с сеткой. Хотя сам Бьорн в такой ситуации никогда не бывал, он явно идентифицировал себя с макакой — и снова захныкал, когда беглец упал в сеть.

В эмоционально насыщенные моменты человекообразные обезьяны способны влезть в шкуру другого. Мало какие животные обладают такой способностью. Например, все ученые, стремившиеся найти признаки утешения у мартышкообразных обезьян, потерпели неудачу. Собрав необходимые данные, они не нашли ничего подобного тому, что мы обнаружили у шимпанзе. Мартышкообразные не проявляли утешительного поведения, даже когда кусали их собственного малыша. Они защищали детенышей, но не демонстрировали объятий и поглаживаний, которыми у человекообразных мать успокаивает огорченное чадо. Это делает поведение человекообразных намного более похожим на человеческое. Что же разделяет человекообразных обезьян и человека? Отчасти это может быть

лучшее осознание себя, потому что именно это второе отличие известно даже дольше, чем утешительное поведение. Человекообразные обезьяны — единственные приматы, за исключением нас самих, которые распознают собственные отражения. Узнавание себя проверяется следующим образом: не подозревающему об этом животному наносят краской метку в таком месте, например над бровью, которое ему самому не видно. После этого испытуемому дают зеркало. Ориентируясь на свое отражение, человекообразные обезьяны трут окрашенное место рукой и рассматривают пальцы, которыми касались метки, таким образом удостовераясь, что цветное пятно в зеркале действительно находится на них самих. Мартышкообразные обезьяны такой связи не выстраивают.

Каждое утро, когда мы бреемся или наносим макияж, мы полагаемся на эту способность. Воспринимать свое отражение в зеркале как самих себя для нас является абсолютно логичным, но едва ли мы можем ожидать того же от других животных. Представьте, что ваша собака идет мимо зеркала в коридоре и вдруг резко останавливается — так же, как мы, когда наше внимание привлечено чем-то необычным. Собака наклоняет голову на бок и разглядывает свое отражение в зеркале, трясая головой, чтобы расправить завернувшееся ухо или убрать застрявшую в шерсти веточку. Мы бы, наверное, испытали шок! Собаки никогда этого не делают, а вот человекообразные обезьяны обращают большое внимание на свое отражение. Если я подхожу к своим шимпанзе, надев темные очки, что летом случается часто, они корчат странные гримасы, глядя в стекла моих очков. Они трясут головой, пока я не снимаю очки и не подношу к ним поближе, словно зеркало. Самки поворачиваются, чтобы

посмотреть на свой зад, — весьма логично, учитывая притягательность этой части тела, — и большинство шимпанзе открывают рты, чтобы рассмотреть, что у них внутри, касаясь зубов языком или ковыряют в них пальцами, следя за отражением в зеркале. Иногда они доходят даже до того, что «украшают» себя. Суме, самке орангутана из одного немецкого зоопарка, поставили зеркало, и она собрала разбросанные по клетке листья салата и капусты, сложила их стопкой, а затем водрузила все это себе на голову. Не отводя глаз от зеркала, Сума тщательно поправляла свою зеленую «шляпку». Можно было поклясться, что она готовится к свадьбе!

Осознание себя влияет на то, как мы взаимодействуем с другими. Примерно в то время, когда дети впервые узнают себя в зеркале (это происходит в возрасте 18–24 месяцев), у них также развивается стремление помогать, направленное на нужды других. Их развитие подобно изменениям, происходившим в ходе нашей эволюции: узнавание себя и высшие формы эмпатии возникли вместе с той ветвью, которая ведет к человеку и человекообразным обезьянам. Связь между этими двумя способностями была предсказана много десятилетий назад Гордоном Гэллапом, американским психологом, впервые использовавшим зеркало в экспериментах с приматами. Гэллап полагал, что для эмпатии требуется самосознание. Возможно, это работает так: чтобы действовать с пользой для кого-либо другого, нужно отделять собственные эмоции и ситуацию от эмоций и ситуации другого, которого необходимо рассматривать как независимое существо. Та же способность отделять себя от других позволяет человеку осознавать, что отражение в зеркале, ведущее себя точно так же, как он, *не* является незави-

симым существом. Таким образом он приходит к заключению, что это, по всей видимости, его собственное отображение.

Тем не менее, когда речь заходит об этих способностях, не следует сбрасывать со счетов других животных. Многие животные чрезвычайно социальны и участвуют в совместной деятельности, что делает их превосходными кандидатами на обладание высшими формами эмпатии. Два вида, сразу приходящие на ум, — это слоны и дельфины. Известно, что слоны используют хобот и бивни, чтобы поднимать слабых или упавших товарищей. Также они издают утешительное урчание для расстроенных детенышей. Дельфины спасают товарищей, перегрызая лень гарпуна, вытаскивая запутавшихся в сетях для ловли тунца и поддерживая больных у поверхности воды, чтобы те не утонули. Точно так же они помогают и людям — недавно четверо пловцов рассказали, что у побережья Новой Зеландии дельфины отбили их у почти трехметровой акулы.

Зная о сходстве этих животных с обезьянами в том, что касается утешения и целевой помощи, было бы интересно выяснить, как слоны и дельфины реагируют на зеркала. Есть ли параллели и здесь? Для слонов этот вопрос остается открытым*, но вряд ли можно считать совпадением, что единственный, кроме приматов, вид, для которого есть хоть какое-то подтверждение узнавания себя в зеркале, — это дельфины. Когда дельфинов афалин в аквариуме Нью-Йорка помечали краской, они проводили больше времени перед зеркалом, чем прежде. Подплыв к зеркалу (кото-

* В своих более поздних книгах де Вааль пишет о слоне Пепси, который точно узнавал себя в зеркале: Вааль де Ф. Достаточно ли мы умны, чтобы судить об уме животных? — М.: Альпина нон-фикшн, 2019. — *Прим. пер.*

рое находилось на некотором расстоянии от того места, где ставили метку), они первым делом разворачивались, чтобы получше разглядеть свои метки.

Эмпатия широко распространена среди животных. Она выражается в разных формах, начиная от телесного подражания — зевания, когда зевают другие, — до способности поддаваться чужим эмоциям, когда животное откликается страхом или радостью, улавливая страх или радость другого. На высшем уровне ее проявления мы обнаруживаем сочувствие и целевую помощь. Возможно, эмпатия достигла пика своего развития у нашего вида, но несколько других — и особенно человекообразные обезьяны, дельфины и слоны — подошли к нам очень близко. Эти животные понимают затруднительную ситуацию другого достаточно хорошо, чтобы предлагать оптимальную помощь. Они сбрасывают цепь тому, кому нужно выбраться наверх, поддерживают нуждающихся в глотке воздуха и водят дезориентированных за руку.

Может, им и неизвестно золотое правило — поступай с другими так, как ты хочешь, чтобы поступали с тобой, — но, судя по всему, они ему следуют.

Мир Спока

КАПИТАН КИРК: Из вас бы вышел превосходный компьютер, мистер Спок.

СПОК: Вы очень *добры*, капитан.

Вообразите мир, полный существ, подобных суперлогичному мистеру Споку из сериала «Звездный путь» (Star Trek). Если бы эмоции проявлялись лишь изредка, никто бы

не знал, что с ними делать. Воспринимая только смысловую составляющую языка, эти существа упускали бы изменения тона голоса и никогда бы не занимались человеческим эквивалентом груминга: легкой светской болтовней. Лишенные какой-либо естественной связи между собой, они могли бы понять друг друга единственным способом: в изнурительном процессе вопрошания и изучения.

Сосредотачиваясь лишь на жестоко конкурентной стороне эволюции, огромная масса научной (и не только) литературы изображала нас жителями аутистической вселенной Спока. Доброта, как нам говорили, — это то, что люди проявляют лишь под давлением, а нравственность — немногим большее, чем налет, тонкий слой, скрывающий нашу эгоистичную натуру. Но кто в реальности живет в таком мире? Стая пираний, принуждаемых к доброте желанием произвести впечатление друг на друга, никогда бы не смогла развить такие общества, без которых мы не можем существовать. Не заботящиеся о других пирании не имеют морали и нравственности в знакомом нам виде.

Ключевое значение здесь имеет взаимная зависимость. Человеческие общества — это системы поддержки, в которых слабость человека не означает автоматически смерть. Философ Аласдер Макинтайр начинает свою книгу «Зависимые рациональные животные» (Dependent Rational Animals) с подчеркивания человеческой уязвимости. На протяжении многих периодов жизни, особенно в детстве и старости, но также и в среднем возрасте, мы полагаемся на заботу других людей. Мы зависимы по своей природе. Так почему же западная религия и философия уделяют гораздо больше внимания душе, чем телу? Они изображают нас рассудочными, рациональными, ответственными

за свою судьбу, но никогда больными, голодными или испытывающими вожделение. Телесные и эмоциональные проявления считаются не более чем слабостью.

Во время публичных дебатов о будущем человечества некий уважаемый ученый однажды рискнул предположить, что через пару веков с помощью науки мы обретем полный контроль над своими эмоциями. Казалось, он с нетерпением ожидает этого дня! Однако без эмоций мы вряд ли понимали бы, какой выбор в жизни делать, потому что выбор основан на предпочтениях, а предпочтения в конечном итоге всегда связаны с эмоциями. Без эмоций мы не могли бы сохранять воспоминания, потому что именно эмоции делают их особенно яркими. Без эмоций нас бы не волновали другие люди, которых, в свою очередь, не волновали бы мы сами. Мы были бы как корабли в море, безразлично проплывающие мимо друг друга.

Реальность заключается в том, что мы — тела, рожденные от других тел, питающиеся другими телами, занимающиеся сексом с другими телами, ищущие плечо, к которому можно прислониться или на котором поплакать, путешествующие на далекие расстояния, чтобы быть рядом с другими телами, и так далее. Стоило бы жить без этих связей и эмоций, которые они пробуждают? Насколько мы были бы счастливы, особенно если учесть, что и счастье — тоже эмоция?

По мнению Макинтайра, мы позабыли, насколько наши базовые потребности обусловлены нашей животной природой. Мы прославляем рациональность, но в критический момент придаем ей мало значения. Как знает любой родитель, пытавшийся вдолбить подростку хоть немного здравого смысла, убедительная сила логики поразительно

ограниченна. Это особенно верно в области нравственности и морали. Представьте инопланетного консультанта, рекомендующего убивать людей, как только они заболеют гриппом. Допустим, он скажет, что, поступая таким образом, мы убьем гораздо меньше людей, чем могут умереть, если позволить эпидемии развиваться бесконтрольно. Задав грипп в зародыше, мы спасем множество жизней. Это может звучать логично, но я сомневаюсь, что многие из нас предпочтут такой план, потому что человеческая мораль накрепко привязана к социальным эмоциям и в сердце ее лежит эмпатия. Эмоции — наш компас. У нас есть сильный запрет на убийство членов собственных сообществ, и эти чувства отражаются в наших нравственных решениях.

Эмпатия исключительно межличностна — она возникает при общении людей между собой, включаясь от присутствия, манеры поведения и голоса других, а не в результате какой-то объективной оценки. Читать о бедственном положении человека, которого постигли трудные времена, не то же самое, что находиться в одном помещении с таким человеком и слушать его историю. Первая ситуация может вызывать некоторую эмпатию, но такую, которую легко проигнорировать. Почему? Для рациональных «моральных агентов» эти две ситуации не должны различаться. Но наши моральные склонности развивались в прямом взаимодействии с другими людьми, которых мы могли слышать, видеть, чувствовать на ощупь и обонять и чью ситуацию мы понимали, участвуя в ней. Мы тонко настроены на поток эмоциональных сигналов, исходящих от лиц и поз других людей, и мы откликаемся на них собственными сигналами. Реальные люди залезают в душу так, как никогда не сумеет никакая абстрактная проблема.

Английское понятие эмпатии происходит от немецкого термина «*Einfühlung*», который переводится как умение непосредственно чувствовать состояние другого человека.

Мой пример с гриппом показывает, что мы отказываемся стремиться к большему благу для большего числа людей (направление в философии морали, называемое утилитаризмом), если это нарушает базовые для нашего вида запреты. Другой подход, заявленный Иммануилом Кантом, согласно которому мы приходим к морали посредством «чистого разума», порождает еще большие сложности. В этом ключе проводил свои исследования Джошуа Грин, интересовавшийся нейронауками молодой философ, который делал МРТ-сканирование мозга людей, предлагая им при этом решать нравственные дилеммы. Одна из дилемм заключалась в следующем: вы за рулем вагонетки с отказавшими тормозами на полной скорости несетесь к развилке и видите на рельсах слева пятерых дорожных рабочих, а справа — только одного. Вы можете только выбрать направление, куда поедет вагонетка, переключив рычаг. На торможение времени нет. Что вы сделаете?

Ответ прост. Большинство людей повернут направо, чтобы убить только одного рабочего. Но что, если вы стоите на мосту, с которого виден рельсовый путь без развилки, и видите, как по нему на пятерых железнодорожных рабочих несется вагонетка. Рядом с вами стоит толстяк. Вы можете столкнуть его с моста. Он упадет перед вагонеткой и замедлит ее движение настолько, что все рабочие спасутся. Выясняется, что люди скорее убьют человека, изменив направление движения вагонетки, чем намеренно столкнув его собственными руками. Этот выбор очень мало свя-

зан с рациональностью, потому что логически оба решения одинаковы: пять человек спасаются за счет одного. Кант бы не увидел разницы.

У нас длинная эволюционная история, которая научила нас, что, схватив человека руками, можно сразу же получить неприятные последствия для себя и своей группы. Тела имеют значение — вот почему все, что с ними связано, порождает эмоции. В исследованиях с использованием МРТ-сканера Грин обнаружил, что при принятии нравственных решений, таких как столкнуть кого-то с моста или нет, светятся те области мозга, которые отвечают и за собственные эмоции человека, и за оценку чужих эмоций. Обезличенные нравственные решения, к которым эволюция нас не готовила, наоборот, активируют области, которыми мы пользуемся для практических решений. Переключение рычага вагонетки воспринимается нами как любая другая нейтральная задача: например, что мы сегодня будем есть и в какое время нам надо выйти из дома, чтобы успеть на самолет.

Принятие нравственных решений обусловлено эмоциями. Оно активирует те части мозга, которые исторически связаны с переходом от холоднокровных рептилий к выкармливающим детенышей, заботливым и любящим млекопитающим, которыми мы являемся. У нас есть встроенный компас, указывающий, как мы должны относиться к другим. Рационализация* зачастую происходит уже после

* Рационализация в психологии — термин, введенный З. Фрейдом, а впоследствии и целая концепция, разработкой которой занималась А. Фрейд. Направлена рационализация на избегание внутриличностного конфликта путем объяснения случившихся событий с точки зрения сознательного выбора, тогда как в реальности действия и выбор осуществлялись под влиянием бессознательных мотивов. — *Прим. ред.*

того, как мы выдали predetermined для нашего вида реакцию. Возможно, таким образом мы пытаемся оправдать и обосновать наши действия перед другими людьми, которые могут с этим согласиться или не согласиться, чтобы общество в целом могло достичь консенсуса по поводу конкретной нравственной дилеммы. Здесь в игру вступает моральное давление, — одобрение и неодобрение, которые важны для нас, — но все это, по-видимому, вторично по отношению к морали на интуитивном уровне.

Это может шокировать философа-кантианца, но соответствует точке зрения Чарльза Дарвина, убежденного в том, что этика выросла из социальных инстинктов. Следуя по стопам Дарвина, Эдвард Вестермарк, шведско-финский антрополог, работавший в начале XX в., понял, как мало мы контролируем собственный моральный выбор. Вестермарк отмечает, что, вместо того чтобы выдавать решения на уровне логического умозаключения, «мы одобряем и не одобряем, потому что не можем поступать иначе. Можем ли мы не чувствовать боли, когда нас обжигает огонь? Можем ли мы не сочувствовать своим друзьям? Являются ли эти феномены менее необходимыми или менее значительными по своим последствиям из-за того, что попадают в сферу субъективного опыта?»

До Дарвина и Вестермарка подобные идеи высказывал Дэвид Юм, шотландский философ, делавший акцент на нравственных чувствах, а задолго до них всех — китайский мудрец Мэн-цзы, он же Мэн Кэ (372–289 гг. до н. э.), последователь Конфуция. Записанные на дошедших до нас бамбуковых дощечках, его труды показывают нам, как мало нового под солнцем. Мэн-цзы полагал, что люди склонны к добру так же естественно, как вода стекает вниз по склону.

Это следует из его высказывания о нашей неспособности переносить страдания других:

Вот представим себе, что люди вдруг заметили маленького ребенка, который готов упасть в колодец. У всех сразу же замрет сердце от страха и сострадания, но не потому, что они собираются завязать дружбу с родителями маленького ребенка; не потому также, чтобы заслужить похвалу у своих сородичей и друзей, — с ними случится так не от того, что для них неприятна дурная слава человека, которого такие вещи не трогают**. Из этого примера мы можем постичь, что чувство сострадания внутренне присуще человеку***.*

Примечательно, что все возможные эгоистичные мотивы, перечисленные Мэн-цзы (такие как стремление к похвале и желание получить благожелательное отношение), обстоятельно рассматриваются в современной литературе. Отличие, разумеется, заключается в том, что Мэн-цзы отверг эти объяснения как слишком надуманные, учитывая мгновенность и силу сочувственного порыва. Манипу-

* Чит. по: Мэн-цзы. Предисл. Л. Н. Меньшикова. Пер. с китайского В. С. Колоколова/Под. ред. Л. Н. Меньшикова. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999. С. 55.

** Эта часть предложения соответствует китайским комментариям, которым следуют переводы книги «Мэн-цзы» на европейские языки, как указано у Л. Н. Меньшикова. Далее у него говорится, что «в современном комментарии 1960 г. дано иное толкование, соответствующее тексту оригинала»: «... что крик ребенка для них противен». — *Прим. пер.*

*** Перевод мой, поскольку далее в русском переводе «Мэн-цзы» следует текст: «Если судить так, то выходит, что все, не испытывающие чувства сострадания, не являются людьми; все, не имеющие стыда за злодеяние, не являются людьми; все, не имеющие чувства правдивости, не являются людьми». — *Прим. пер.*

ляции общественным мнением волне возможны в другое время, сказал Мэн-цзы, но не в тот момент, когда ребенок вот-вот упадет в колодезь.

Я целиком и полностью с ним согласен. Эволюция наделила нас искренними порывами к сотрудничеству и внутренними запретами на поступки, которые могут навредить группе, от которой мы зависим. Действительно, мы реализуем эти импульсы избирательно, но тем не менее они оказывают на нас влияние. Я не знаю, добры люди или злы в самой глубине своей души, но точно знаю, что мистер Спок, несмотря на свою впечатляющую логичность, не был бы способен решать нравственные дилеммы удовлетворительным для нас образом. Он бы подходил к ним слишком логически. Столкнув толстяка с моста, он был бы обескуражен протестами жертвы и нашим отвращением и осуждением.

Щедрость окупается

Одним прекрасным теплым вечером в зоопарке Бюргерса в Арнеме, когда смотритель позвал шимпанзе в здание, две юные самки отказались входить внутрь. Погода стояла превосходная. Весь остров оказался в их распоряжении, и они были в восторге. Правило зоопарка гласило, что никого из обезьян не накормят, пока все они не войдут в здание. Упрямые подростки вызвали сердитое ворчание у остальных. Когда нарушительницы несколько часов спустя, наконец, явились, смотритель отвел им отдельную спальную клетку, чтобы предотвратить наказание. Но это защитило подростков лишь временно. На следующее утро на острове вся группа выразила свою досаду из-за задержавшегося

ужина, дружно гонясь за провинившимися, что окончилось для них серьезной выволочкой. В тот вечер молоденькие самки поспешили в здание первыми.

Наказание нарушителей связано со вторым столпом морали, имеющим непосредственное отношение к ресурсам. Юные самки вызвали голодное урчание в животах всей группы. Мы снова говорим о телах, но теперь в ином аспекте. Желудки надо регулярно наполнять. Результатом этой потребности является конкуренция. Обладание и лишение, присвоение, кража, взаимовыгодный обмен, справедливость — все это связано с распределением ресурсов, главной заботой человеческой морали.

Но, возможно, у меня довольно странные взгляды на мораль, которые мне стоит пояснить. Для меня мораль связана или с Помощью, или с (не)Причинением вреда. Эти два П взаимосвязаны. Если вы тонете, а я не оказываю помощь, то я, по сути, наношу вам вред. Мое решение, помогать или нет, в любом случае относится к нравственному выбору. Все не связанное с двумя П, пусть даже оно подается как моральная проблема, выпадает из сферы морали. Скорее всего, это просто условность. Например, одним из моих первых культурных шоков, когда я переехал в США, стала новость, что некую женщину арестовали за кормление грудью в торговом центре. Меня привело в недоумение то, что в этом можно было усмотреть что-то оскорбительное. Местная газета описывала ее арест в терминах морали, почему-то связанных с нарушением благопристойности в общественном месте. Но, поскольку естественное для матери поведение теоретически не может повредить кому бы то ни было, это выглядело всего лишь нарушением норм приличия. К возрасту двух лет дети уже

отличают моральные принципы («не красть») от культурных норм («не ходить в школу в пижаме»). Они понимают, что нарушение одних правил вредит людям, а других — только нарушает их представления о правильном поведении. Правила из второй категории культурно обусловлены. В Европе никто и глазом не моргнет при виде обнаженных грудей, которые можно увидеть на любом пляже, но если бы я сказал, что у меня дома есть ружье, все бы страшно огорчились и стали недоумевать, как я дошел до жизни такой. В одной культуре ружей боятся больше, чем грудей, а в другой больше боятся грудей, чем ружей. Принятые в том или ином обществе нормы поведения зачастую излагаются высокопарным языком морали, но на самом деле имеют с ней мало общего.

Критически важные ресурсы, связанные с двумя П, — это пища и партнеры для секса, причем и то и другое подчиняется правилам собственности и обмена. Пища более важна для самок приматов, особенно во время беременности и кормления грудью (чем они занимаются большую часть времени), а партнерши более важны для самцов, чье размножение зависит от числа оплодотворенных самок. Таким образом, логично, что обмен секса на еду у человекообразных обезьян, у которых спаривание ведет к дележу пищи, асимметричны: самцы стремятся получить секс, а самки — еду. Поскольку передача и получение благ происходят практически одновременно, такие сделки являются простой формой взаимовыгодного обмена. Однако настоящие социальные взаимные отношения несколько сложнее. Мы часто делаем одолжения, которые окупаются дни или месяцы спустя, и это означает, что мы полагаемся на доверие, память, благодарность и стремление соблюдать обязательства. Это

является частью наших обществ в такой степени, что мы испытали бы шок, если бы кто-нибудь не мог понять идею реципрокности, или взаимности*, в отношениях.

Предположим, я помог вам стащить пианино по узкой лестнице в вашем доме. Через три месяца я сам собрался переезжать. Я зову вас и объясняю, что мне тоже нужно отнести вниз пианино. Если вы отмахнетесь от меня, сказав: «Флаг вам в руки!» — я могу напомнить об услуге, которую вам оказал, хотя это и будет мне неприятно. Если вы по-прежнему не предложите мне помощи, я могу прямо объяснить, что «долг платежом красен». При этом я, вероятно, буду испытывать крайнюю неловкость. Но если бы вы ответили: «Я не верю во взаимопомощь!» — вот это было бы поистине возмутительно, так как начисто отрицало бы то, ради чего мы, люди, живем группами и вообще оказываем друг другу какие-либо услуги. Кто бы потом захотел иметь с вами дело? Даже если мы понимаем, что ответная услуга не всегда возможна (например, вас может не быть в городе в тот день, когда я переезжаю, или у вас может болеть спина), трудно понять человека, который прямо отрицает взаимовыгодный обмен — *quid pro quo*. Такая позиция делает вас изгоем — человеком, у которого отсутствует одна из важнейших нравственных установок.

Когда Конфуция спросили, есть ли такое слово, которым можно руководствоваться всю жизнь, он, после продолжительной паузы, назвал слово «взаимность», что значит

* Реципрокность, или взаимность (от англ. *Reciprocity*), — в эволюционной биологии понятие, означающее механизм, посредством которого достигается эволюционное преимущество за счет кооперативного или альтруистического поведения особей. Родственный противоположный механизм взаимности — месть — наносит вред сообществу данного вида и, как следствие, неблагоприятен в эволюционном смысле. — Прим. ред.

«поступай с другими так, как ты хочешь, чтобы поступали с тобой»*. Этот изящный, всеобъемлющий принцип универсален для людей, и биологов уже давно интересуется его происхождение. Я все еще помню энтузиазм, с которым в 1972 г. мы с группой студентов анализировали работу Роберта Триверса «Эволюция взаимного альтруизма» (*The Evolution of Reciprocal Altruism*). Эта статья остается одной из моих любимых, потому что, не упрощая связь между генами и поведением, уделяет всестороннее внимание эмоциям и психологическим процессам. В этой работе выделяются различные виды сотрудничества на основании того, что каждый из участников в нее привносит и что получает. Например, сотрудничество с немедленной наградой не считается взаимным альтруизмом. Если дюжина пеликанов выстраивается полукругом в мелководном озере, чтобы загонять мелких рыбешек своими ногами-веслами, все птицы получают выгоду, когда вместе вылавливают добычу. Благодаря мгновенной окупаемости такой вид сотрудничества широко распространен. Однако взаимный альтруизм требует определенных вложений еще до того, как принесет выгоду. А это подразумевает куда более сложные отношения.

Когда Йерун поддержал притязания Никки на доминирование, он не мог знать, увенчается ли его попытка успехом. Это была всего лишь ставка в игре. Но когда Никки

* Лунь юй 15, 24: «Цзы Гун спросил: «Существует ли одно слово, которым можно руководствоваться всю жизнь?» Учитель ответил: «Это слово — *шу* (恕) взаимность. Не делай другим того, чего не пожелаешь себе» (己所不欲, 勿施於人)». На самом деле иероглиф *шу* — «говорящий». Он состоит из двух графем, верхней и нижней. Наверху — «подобие», внизу — «сердце», то есть думать о себе и о других подобным образом, относиться к другим, как к себе, и к себе, как к другим. То есть это некоторое уравнение себя с другим в справедливости. (Рыков С. Древнекитайская философия. Курс лекций. — М.: ИФ РАН, 2012. — *Прим. ред.*)

действительно достиг вершины власти, Йерун тут же четко заявил о своих желаниях, попытавшись совокупляться с самками под носом у Никки. По очевидным причинам ни один другой самец не осмеливался так делать, но Никки был зависим от поддержки старикана, и ему пришлось это позволить. Перед нами классический пример взаимовыгодных отношений: сделка, которая приносит пользу обеим сторонам. Проанализировав тысячи союзов, в которых индивиды поддерживали друг друга в стычках, мы пришли к выводу, что шимпанзе достигают высокого уровня реципрокных, взаимных отношений — то есть поддерживают тех, кто поддерживает их.

Они также отвечают взаимностью и в отрицательном смысле: приматам знакома месть. Месть — обратная сторона реципрокных отношений. Никки завел привычку сводить счеты вскоре после того, как потерпел неожиданное поражение от других шимпанзе, объединившихся в альянс. Он загонял в угол кого-нибудь из членов этой противоборствующей группы, когда тот был один. И если поблизости не оказывалось его союзников, то этому шимпанзе грозила очень неприятная трепка. Таким образом, каждый выбор может иметь множество последствий, как хороших, так и плохих. Для низкорангового члена сообщества явно рискованно сводить счеты с высокоранговым, но если на последнего уже нападают, то можно вклиниться и пустить ему кровь. В таком случае расплата не заставит себя долго ждать. К концу моего пребывания в арнемском зоопарке я уже так настроился на динамику внутри группы, что мог предсказать, кто вмешается, когда и каким образом. Я наблюдал за Тепел, самкой шимпанзе, незадолго до этого серьезно травмированной другой самкой, Джимми: мне

не терпелось увидеть, что теперь будет делать Тепел, когда Джимми получала трепку от Мамы, бесспорной королевы колонии. Как и ожидалось, Тепел увидела в этом блестящую возможность внести свои два цента в расправу над Джимми, таким образом напомнив той, что следует осторожнее выбирать врагов.

Другая самка, Пёйст, однажды решила помочь своему другу Лёйту гонять Никки. Когда Никки впоследствии собрался поступить как обычно в таких случаях и уже готовился наказать Пёйст, она, естественно, повернулась к Лёйту, сидевшему поблизости, и протянула к нему руку, прося о помощи. Лёйт, однако, и пальцем не пошевелил, чтобы ее защитить. Вскоре после того, как Никки ушел, Пёйст набросилась на Лёйта с яростным лаем. Она гоняла его по всему вольеру. Если гнев был вызван тем, что ее друг не помог ей после того, как она помогла ему, то этот инцидент предполагает, что взаимность у шимпанзе управляется такими же ожиданиями, как и у людей.

Проще всего получить представление о взаимных отношениях можно на примере того, как шимпанзе делятся пищей. В дикой природе они гоняются за мартышками, пока не поймают хотя бы одну, и потом разрывают ее так, чтобы каждый получил кусочек. Охота, за которой я наблюдал в Махали-Маунтинс, происходила по этому сценарию, а потом самцы выпрашивали мясо, собравшись вокруг трупа мартышки высоко в ветвях деревьев. Самец, поймавший добычу, вцепился в нее, но в какой-то момент отдал половину приятелю, тотчас ставшему вторым объектом внимания со стороны попрошайек. Процесс дележа занял около двух часов, но в конце концов практически каждый на дереве получил кусочек. Самки с набухшими гениталиями доби-

лись большего успеха в получении пищи, чем остальные самки. Что касается самцов, то, как известно, добытчик при дележке мяса отдает предпочтение соратникам-охотникам. Даже самый высокоранговый самец, если он не участвовал в охоте, может остаться с пустыми руками. Это еще один пример взаимных отношений: те, кто внес свой вклад в успех, получают приоритет при дележке добычи. Разделение пищи, вероятно, началось как стимул для охотников пойти охотиться в следующий раз: не может быть совместной охоты без совместного вознаграждения.

На одной из моих любимых карикатур Гэри Ларсона изображена группа доисторических мужчин с лопатами в руках, возвращающаяся из леса с гигантской морковкой над головой. Подпись гласит: «Древние вегетарианцы возвращаются с охоты». Морковка достаточно большая, чтобы накормить весь клан. В этой карикатуре скрыта глубокая ирония, учитывая, насколько маловероятно, чтобы овощи играли какую-либо роль в эволюции поведения, связанного с дележом добычи. Листьев и плодов в лесу предостаточно, а сами они слишком малы, чтобы ими делиться. Дележ имеет смысл только в случае высокоценимой пищи, которую трудно заполучить, но которой оказывается слишком много для одной особи. Вспомним, какое блюдо является главным, когда люди собираются за праздничным столом на День благодарения? Жареная индейка, поросенок на вертеле или миска с салатом? Дележ пищи уходит корнями в наши охотничьи времена, и это объясняет, почему он так редко встречается у других приматов. Три вида приматов лучше всех умеют делиться — точнее, делиться не с членами семьи: люди, шимпанзе и капуцины. Все три вида любят мясо, они охотятся группами и поровну делят

добычу между взрослыми самцами — это имеет смысл, так как самцы выполняют основную охотничью работу.

Если пристрастие к мясу действительно лежит в основе раздела пищи, то трудно избежать вывода, что человеческая нравственность погрязла в крови. Когда мы даем деньги незнакомым просителям, отправляем продовольствие голодающим людям или голосуем за меры помощи бедным, то следуем импульсам, начавшим формироваться, когда наши предки впервые собрались вокруг охотника, добывшего мясо. В центре того, первого круга находилось нечто, желанное для многих, но получить его можно было только при помощи исключительной силы или ловкости.

Дележ пищи — великолепная модель для исследования взаимовыгодных отношений. Вместо того чтобы терпеливо ждать случайных событий, я просто даю пищу одному из своих шимпанзе и слежу за процессом «просачивания благ сверху вниз*», пока все остальные не получают свою долю. Такая процедура позволяет мне определить, кто что может продать на «рынке услуг», и это включает политическую поддержку, защиту, груминг, пищу, секс, утешение и многое другое. (Разумеется, я не так жесток, чтобы давать своим шимпанзе живую пищу, хотя на полевой станции они иногда ловят енотов или кошек. Однако шимпанзе никогда не едят пойманных животных, поскольку их хорошо кормят и у них нет охотничьих традиций.) Мы предлагаем им арбузы или плотные связки веток с листьями — они

* «Просачивание благ сверху вниз» — популистская экономическая теория периода пребывания у власти администрации Р. Рейгана, согласно которой доходы состоятельных слоев общества как бы просачиваются сверху вниз сквозь всю экономику страны, содействуют ее развитию и достаются в конечном счете всем американцам. — *Прим. ред.*

достаточно велики, чтобы ими можно было поделиться, но в то же время их легко монополизировать. Дележ пищи возник в связи с совсем другими продуктами, но теперь, поскольку тенденция уже существует, мы можем оценивать этот процесс и на вегетарианской пище.

Когда мы приносим еду в группу, шимпанзе бурно «празднуют», целуя и обнимая друг друга. Это занимает пару минут, после чего я бросаю связку веток со смотровой вышки — поближе к Мэй, например. Мэй, низкоранговая самка, начинает оглядываться по сторонам, прежде чем ее взять. Если в это время подойдет Соко, Мэй к пище не прикоснется — она отступит и позволит ему забрать связку. Но если Мэй успеет первой и возьмет еду в руки, то все принадлежит ей. Это следует особо отметить, потому что люди думают, будто доминантные особи могут забрать все что им заблагорассудится. У шимпанзе это не так. Джейн Гудолл писала с некоторым изумлением, как самому высокоранговому самцу из числа ее подопечных пришлось выпрашивать свою долю. Такой порядок известен под названием «уважение к собственности». Он, впрочем, не распространяется на детенышей, у которых пищу отбирают довольно быстро. Но даже самый низкоранговый взрослый может без опаски оставить свою находку себе. Мое объяснение снова связано с взаимовыгодными отношениями. Если бы Соко украл пищу у Мэй, она бы мало что могла с этим поделать. Но это событие отложилось бы у нее в голове, что не пошло бы Соко на пользу, поскольку многие услуги он никак не может контролировать. Если бы он начал обижать самок в группе, действуя как агрессор, то каково бы ему пришлось, когда у него начались бы проблемы с соперником, или ему понадобился груминг, или нужно было зализать раны, или захо-

телось секса? На рынке услуг у каждого есть свои рычаги влияния.

По большей части раздел еды происходит в удивительно спокойной атмосфере. Обезьяны-просители протягивают руку ладонью вверх, подобно людям- Попрошайкам на улице. Они скулят и хнычут, но конфликты происходят редко. Это случается, если обладатель пищи хочет, чтобы из круга просящих кто-то ушел, тогда он бьет сородича по голове и пронзительно лает на неугодного, пока тот не отойдет. Пищу можно получить только через смирение. Просители робко тянутся к еде и, если не встречают сопротивления, решаются на более смелые действия, например пытаются забрать целую ветку или отломить от нее кусок. Друзья и родственники владельца колеблются меньше всех. Мэй — одна из тех, кто делится наиболее щедро. Иногда она оставляет себе только самое вкусное, например побегии ежевики или сассафраса, а остальное раздает — и не из-за своего низкого статуса. Другая низкоранговая самка, Джорджия, такая жадина, что никто даже не пытается у нее просить. Джорджия обычно оставляет все себе, и это делает ее непопулярной в группе. Если она сама хочет получить от кого-то еду, ей приходится выпрашивать дольше всех. А Мэй, если хочет, то просто входит в круг и начинает есть. В этом заключается прелесть взаимности: щедрость окупается.

Для нашего проекта мы измеряли количество груминга среди шимпанзе утром, чтобы сопоставить его с дневным дежом пищи. Огромное количество наблюдений позволило нам выявить связь между успехом в получении пищи и предшествующим грумингом. Например, если Соко вычесывал Мэй утром, его шансы получить от нее несколько

веток значительно возрастали по сравнению с теми днями, когда он этого не делал. В нашем исследовании на этих животных мы впервые получили достоверные статистические данные, демонстрирующие, что перерыв между взаимными услугами может составлять несколько часов. Более того, этот обмен был партнероспецифичным, то есть лояльность Мэй распространялась только на Соко, который ее вычесывал, и ни на кого другого.

Поскольку мы и сами ведем себя во многом так же, то и результаты исследования кажутся вполне очевидными. Но задумайтесь, какие способности для этого требуются. Во-первых, нужно помнить о предыдущих событиях. Это невеликая сложность для шимпанзе, которые могут хранить в памяти чье-либо лицо более десяти лет. Мэй просто нужно было помнить, что Соко ее вычесывал. Во-вторых, придавать воспоминаниям такую эмоциональную окраску, чтобы они вызывали дружественные чувства. Мы сами называем эмоции, которыми окрашиваем подобные воспоминания, «благодарностью», и шимпанзе, по-видимому, тоже обладают такой способностью. Чувствуют ли они при этом себя обязанными, остается неясным, но интересно, что стремление воздавать пищей за груминг неодинаково при разных взаимоотношениях. У особей, которые много общаются между собой, например Мэй с друзьями или дочерьми, один эпизод груминга вызовет не слишком заметный отклик. Между ними ежедневно происходит обмен всевозможными услугами, который, вероятно, не отслеживается, будучи неотъемлемой частью их взаимоотношений. Только в случае не самых близких отношений, таких как между Мэй и Соко, эпизод груминга особо отмечается и конкретно вознаграждается.

Наше поведение в подобных случаях едва ли сильно отличается. За обедом на семинаре по взаимным отношениям как одной из социальных норм некий специалист признался, что каждый день записывает в компьютер, что он сделал для своей жены и что она сделала для него. Множество недонесенных до рта вилок зависли в воздухе, пока мы пытались переварить услышанное. Все единодушно согласились, что это плохая идея и если ты пристально следишь за обменом услугами с друзьями, не говоря уже о супруге, то, вероятно, в ваших отношениях что-то не так. Тот человек говорил о своей третьей жене, сейчас он живет с пятой, значит, в чем-то мы были правы. При близких отношениях услугами обмениваются почти неосознанно. В целом эти отношения весьма взаимовыгодны, но также в них могут случаться временные, а иногда и постоянные нарушения равновесия — например, когда друг или супруг заболевает. «Бухгалтерские счета» ведут только в случае не слишком близких отношений. Подобно шимпанзе, мы платим добром знакомому или коллеге, который неожиданно проявил доброту, но не обязательно своему лучшему другу. Помощь друга тоже ценится, но она является частью более глубоких и изменчивых взаимоотношений.

Словно клерки в порту, мы ведем учет всех входящих и исходящих товаров и услуг. Мы платим помощью за полученную помощь и причиняем вред в ответ на причиненный нам вред, удерживая два П примерно на одном уровне с теми, кто нас окружает. Мы не любим нарушений баланса без необходимости. Подобной нелюбовью можно объяснить, почему шимпанзе наказали двух самок-подростков: те нарушили слишком много пунктов балан-

са одновременно. Им нужно было преподать урок — тот, который Конфуций полагал величайшим принципом жизни.

Вечная благодарность

Марк Твен однажды пошутил: «Если вы подберете умирающего с голоду пса и будете его кормить, он никогда вас не укусит. В этом и состоит разница между собакой и человеком».

Указывать на человеческие изъяны увлекательно, особенно в сравнении с поведением животных. На самом деле в оценке Твена, вероятно, есть некоторая доля истины. В моем доме живут найденные на улице животные, и должен сказать, они кажутся вечно нам благодарными. Тщедушный котенок, кишасий блохами, подобранный в Сан-Диего, вырос в роскошного котяру по имени Диего. Всю свою 15-летнюю жизнь он бурно мурлыкал всякий раз, когда его кормили, — даже в тех случаях, когда почти ничего не ел. Казалось, кот был признателен за это сильнее, чем большинство домашних питомцев, возможно потому, что в детстве испытал, что такое голод. Однако я не уверен, что это следует называть «благодарностью» — вероятно, кот был просто счастлив. Диего мог и не понимать, что обязан нам комфортабельной жизнью, а просто наслаждался пищей больше, чем среднестатистический избалованный питомец.

Теперь рассмотрим еще одну историю — про человекообразных обезьян. Два шимпанзе оказались во время грозы снаружи, возле их запертого укрытия. Вольфганг Кёлер, немецкий психолог, один из первых исследователей, изучавших использование орудий, случайно прохо-

дил мимо и обнаружил бедняг, промокших и дрожащих под дождем. Он отпер им дверь. Но вместо того, чтобы поспешить в сухое помещение, оба шимпанзе принялись обнимать профессора с неистовой радостью. Это уже ближе к благодарности.

У меня есть и собственный подобный опыт, связанный с Кёйф и Розье, о введении которой в арнемскую колонию я рассказывал в первой главе. Мы выбрали Кёйф в качестве приемной матери для Розье по двум причинам. Малышка родилась у глухой самки, Кром. Мы не хотели, чтобы Кром растила своих детенышей, после того как предыдущие погибли. Матери-обезьяны полагаются на тихие звуки удовольствия и дискомфорта, издаваемые малышами, чтобы понимать, как те себя чувствуют. Однако, если бы Кром случайно села на своего детеныша, она бы не услышала его воплей. Цепь взаимодействий была нарушена. Мы забрали Розье на четвертый день после ее рождения. Вместо того чтобы отдать малютку на воспитание в человеческую семью, как делали обычно в таких случаях, мы решили оставить ее в группе. Молодые обезьяны, воспитанные в человеческих домах, становятся слишком ориентированными на человека, и у них нет навыков взаимодействия с другими обезьянами. Кёйф была идеальной кандидаткой в приемные матери. Она сама потеряла нескольких детенышей из-за нехватки молока, и потому у нее не было потомства, которое могло бы конкурировать с Розье. Тем не менее Кёйф чрезвычайно интересовали обезьяньи младенцы. Мы даже заметили, что, если Кром не обращала внимания на своего плачущего детеныша, Кёйф тоже иногда начинала плакать.

Каждый раз, когда умирал ее собственный детеныш, Кёйф впадала в глубокую депрессию, сопровождавшуюся раскати-

ваниями, обхватыванием себя, отказом от пищи и душераздирающими криками. Но пока мы обучали Кёйф кормить Розье из бутылочки, то всегда держали малышку сами, хотя Кёйф отчаянно хотела ее взять. Наверняка обучение было весьма неприятным, потому что самой приемной матери не разрешалось пить из бутылочки: мы просили ее просовывать бутылочку сквозь прутья решетки для Розье, оставшейся с нашей стороны решетки. После пары недель тренировок Кёйф выполняла все эти действия вполне удовлетворительно, и мы наконец решились передать ей Розье, поместив извивающегося детеныша на солому в ее ночной клетке. Поначалу Кёйф пристально разглядывала личико Розье, не прикасаясь к ней: в ее восприятии детеныш принадлежал нам. Брать чужих детенышей без разрешения не приветствуется среди шимпанзе. Кёйф подошла к прутьям клетки, где мы со зрителем сидели и наблюдали за ней. Она поцеловала нас обоих, оглядываясь то на Розье, то на нас, как бы спрашивая разрешения. Мы поощряли ее, показывая на детеныша и говоря: «Давай, возьми ее!» В конце концов она так и сделала, и с этого момента Кёйф стала самой любящей и заботливой матерью, какую только можно представить, вырастив Розье, как мы и надеялись.

Возвращение Кёйф в группу через несколько месяцев прошло не без затруднений. Нам пришлось иметь дело не только с враждебностью Никки, но и с переживаниями родной матери Розье. Пару раз Кром пыталась выхватить Розье у Кёйф — я никогда, ни до, ни после, не видел, чтобы самка делала такое. Но поскольку Кёйф была выше рангом, она могла себя защитить, и Мама тоже ей в этом помогала. Возможно ли, чтобы Кром все еще узнавала Розье, хотя не видела ее с того момента, как малышку у нее отняли?

Я скептически относился к этому объяснению до тех пор, пока не услышал историю о человеческой матери, узнавшей свою дочь, которую она не видела с младенчества. Это случилось в Филадельфии в 2004 г.: десятидневная дочь той женщины пропала во время пожара. Однако мать так и не смогла смириться с ее смертью. Она обнаружила открытое окно в своем сгоревшем доме и была убеждена, что кто-то туда залез. Через много лет эта мать пришла на детский праздник, где заметила девочку, про которую тут же подумала, что это ее дочь. Ей удалось добыть несколько прядей волос ребенка. Мать и шестилетняя девочка позже воссоединились, после того как был сделан анализ ДНК из образца волос. Соседка призналась, что выкрала девочку и подожгла дом, чтобы скрыть следы.

Я упомянул этот замечательный случай идентификации (мать говорила, что узнала «ямочки» на щеках ребенка) просто для того, чтобы показать, как хорошо матери изучают своих детей. По той же причине Кром могла почувствовать, кто такая Розье. Однако главное, на что я хотел обратить ваше внимание, — это то влияние, которое удочерение Розье оказало на наши отношения с Кёйф, что снова возвращает меня к теме благодарности. Прежде у нас с ней были вполне нейтральные отношения, но с момента удочерения — сейчас прошло уже почти три десятка лет — Кёйф одаривает меня величайшей любовью, как только я появляюсь. Ни одна обезьяна в мире не реагирует на меня, как на давно потерянного члена семьи, желая поддержать меня за руки и хныча, если я ухожу. Наше обучение позволило Кёйф вырастить не только Розье, но и нескольких собственных детенышей, поскольку их она тоже кормила из бутылочки. Кёйф осталась навечно нам признательна.

Благодарность связана с «бухгалтерским балансом». Она побуждает нас помогать тем, кто помогал нам. Наверняка это ее изначальная функция, пусть даже теперь это чувство у нас вышло за прежние рамки и мы, например, ощущаем благодарность за прекрасную погоду или крепкое здоровье. Несомненно, благодарность является добродетелью, и это объясняет, почему ей уделяют гораздо больше внимания, чем ее уродливой сестре — мести. Месть также связана с «бухгалтерией», но по отношению к другому из двух П. Испытывать злость к тем, кто причинял нам вред, — обычное дело, и здесь чувства также переходят в действия, такие как сведение счетов. Мы не только ощущаем в себе желание отомстить, но и опасаемся, что подобные чувства испытывают и те, кого мы обидели, потому что знаем: как аукнется, так и откликнется. Мы так хорошо понимаем этот механизм, что, по сути, сами готовы дать мести в отношении нас свершиться, полагая наказание единственным способом восстановить мир.

Позвольте мне проиллюстрировать это примером из оперы — я люблю смотреть и слушать оперные спектакли, когда не наблюдаю за обезьянами. Опера с ее драматизированными человеческими отношениями отражает ту область человеческого поведения, которую философы часто игнорируют, а социологи нередко считают вторичной по отношению к нашей хваленой рациональности. Но человеческая жизнь или, по крайней мере, та ее сторона, которая для нас важнее всего, абсолютно эмоциональна. Кроме любви, утешения, вины, ненависти, ревности и так далее в опере никогда не бывает недостатка в мести, а также сладостного удовлетворения, которое она, как известно, доставляет.

Вендетта — основная тема оперы Вольфганга Амадея Моцарта «Дон Жуан», в которой порочный главный герой после целой жизни соблазнений и предательств встречается с разгневанной толпой и в итоге с Создателем. В одной из сцен крестьянка Церлина чуть не поддается ухаживаниям Дон Жуана в день собственной свадьбы с Мазетто. Церлина возвращается к взбешенному мужу, испытывая огромную потребность в прощении. В арии под названием «*Batti, batti, o bel Masetto*»^{*} провинившаяся женщина умоляет о наказании. Она обещает, что будет стоять смиренно, как овечка, пока Мазетто будет выдирать ей волосы, вырывать глаза и избивать голыми руками. Она знает, что единственный способ помириться — это позволить мужу свести счеты, то есть какая-то часть испытываемых им страданий должна быть передана ей. Она обещает целовать руки, бьющие ее. Возможно, не очень-то политкорректная идея, но ведь привлекательность оперы заключается в ярких неприкрытых эмоциях. Однако Мазетто слишком сильно любит Церлину, чтобы поймать ее на слове, и все заканчивается хорошо.

Финский антрополог Эдвард Вестермарк считал расплату центральным элементом человеческой морали и полагал, что мы не единственный вид, проявляющий такую тенденцию. В его время было мало исследований, посвященных поведению животных, так что ему приходилось полагаться на разрозненные факты и истории вроде той, что он услышал в Марокко — о мстительном верблюде. Четырнадцатилетний мальчик жестоко побил верблюда, повернувшего

^{*} Буквальный перевод с итальянского: «О, побей, побей меня, красавец Мазетто». — *Прим. пер.*

не в ту сторону. Животное безропотно приняло наказание, но через несколько дней, когда тот же погонщик в одиночку вел его ненавьюченным, «верблюд ухватил несчастного за голову своей чудовищной пастью, взметнул вверх, а потом шмякнул оземь, так что крышку черепа снесло начисто и мозги разлетелись вокруг».

Истории о мести животных можно услышать во многих зоопарках, и обычно они связаны со слонами (с их вошедшей в поговорки памятью) и человекообразными обезьянами. Каждому новому студенту или зрителю, работающему с человекообразными обезьянами, необходимо объяснять, что не получится их безнаказанно обижать или мучить. Обезьяна все помнит и не упустит случая поквитаться. Иногда месть не заставляет себя долго ждать. Однажды в дежурную службу зоопарка Бюргерса пришла женщина и пожаловалась на шимпанзе, которые бросили в ее сына большой камень, больно его ударивший. Однако мальчик вел себя на удивление тихо. Позже свидетели сказали, что он первым кинул в шимпанзе тот самый камень.

Полученные нами данные показывают, что шимпанзе также сводят счеты друг с другом. Когда они принимают чью-либо сторону в чужом конфликте, то выступают против тех, кто часто выступает против них самих. Однако проводить эксперименты, связанные с темой мести, не провоцируя опасное поведение, невозможно. Вот почему мы изучаем только положительную сторону взаимных отношений — например, в нашей работе с капуцинами. Капуцины сильно отличаются от человекообразных обезьян. Это небольшие бурые обезьянки величиной примерно с кошку, с длинными хвостами, которые служат великолепными хватательными конечностями. Капуцины — уроженцы Централь-

ной и Южной Америки, и это означает, что они развивались независимо от нашей собственной африканской линии по меньшей мере 30 млн лет. Это чуть ли не самые умные мартышкообразные обезьяны, которых я знаю. Их иногда называют шимпанзе Нового Света: их мозг так же велик в сравнении с размером тела, как и у человекообразных обезьян. Капуцины используют орудия, у их самцов существуют сложные политические отношения, между группами случаются стычки со смертельным исходом, и, самое важное, они делятся пищей. Это делает их идеальным объектом для изучения взаимных отношений и принятия экономических решений.

Наши капуцины разделены на две группы, внутри которых они размножаются, играют, дерутся и занимаются грумингом. Обезьяны живут в вольерах с наружной территорией, но обучены приходить поодиночке на короткое время в кабинку для экспериментов. Чаще всего мы оставляем тестовое задание в кабине, включаем видеокамеру и наблюдаем за капуцинами на экране из соседнего помещения. В стандартном эксперименте мы заводим двух обезьян одновременно, предлагая капуцину А миску с ломтиками огурца, а капуцину Б — миску с ломтиками яблока. Затем мы оцениваем, как они делятся едой друг с другом. Поскольку между обезьянами мы ставим сетку, они не могут украсть пищу у соседа. Каждому из них приходится ждать, чтобы сосед поднес лакомство поближе к перегородке, позволяя до него дотянуться. Большинство приматов остались бы в своем уголке, ревниво пряча еду. Но только не капуцины. Наши обезьяны всегда приносили много лакомства туда, откуда сосед мог его достать, а иногда и пропихивали пищу прямо через сетку.

Мы обнаружили, что в том случае, если капуцин А щедро делился огурцом, то его сосед капуцин Б был более склонен поделиться яблоком. Этот результат оказался настолько воодушевляющим, что мы поменяли схему эксперимента на «рынок труда». На рынке труда вы платите мне за работу, которую я делаю для вас. Мы разыграли такой сценарий, поместив пищу на подвижный лоток с противовесом, слишком тяжелым, чтобы его могла сдвинуть одна обезьяна. Каждая обезьяна сидела в своей стороне экспериментальной кабинки, готовая потянуть за рычаг, соединенный с лотком. Как животные, действительно способные к сотрудничеству, они идеально координировали действия, чтобы стащить лоток вниз. Хитрость заключалась в том, что мы ставили пищу только перед одной из двух обезьян, таким образом всю выгоду получал этот капуцин-везунчик. Вторым работником ему только помогал. Он мог получить что-нибудь единственным способом: если везунчик поделится с ним сквозь сетку.

Везунчики оказывались более щедрыми после совместных действий, чем в том случае, если добывали пищу сами. Они будто понимали, когда помощь им была необходима, и вознаграждали тех, кто ее оказывал.

Все по справедливости

Что бы мы делали без оплаты труда? То, что этот принцип проявляется уже в лабораторных экспериментах с мартишкообразными обезьянами, может показаться удивительным, но только если не знать, что дикие капуцины охотятся на крупных белок. Поймать такую ловкую добычу, которая достигает примерно четверти веса среднего самца капуци-

на, в трехмерном пространстве леса — очень трудно: это вполне сравнимо с охотой шимпанзе на мартышек. Охотникам-капуцинам, не способным поймать белку в одиночку, требуется помощь. Наш эксперимент воссоздал ключевой момент такого сотрудничества: ведь оно должно окупаться не только для того, кто ловит добычу, но и для всех участников. Везунчики-ловцы, которые не делятся с другими, не получают помощи в будущем, как мы уже заметили на примере наших обезьян, тянущих за рычаг.

Но как насчет раздела добычи? То, что везунчикам приходится компенсировать помощникам трудозатраты, не означает, что они обязаны отдавать все. Сколько они могут оставить себе, не обижая других? Люди прекрасно разбираются в вопросах распределения ресурсов, таких как разница между получением большой или маленькой порции за обеденным столом. В классическом телесериале «Новобрачные» (The Honeymooners) пошутили над этой проблемой, когда Ральф Крэмден (толстый) и Эд Нортон (тощий) вместе с женами решили жить в одной квартире и питаться вместе.

РАЛЬФ: Когда она положила на стол две картофелины, одну большую и одну маленькую, ты тут же взял большую, не спросив, чего хочу я.

НОРТОН: А что бы сделал ты?

РАЛЬФ: Разумеется, я бы взял маленькую.

НОРТОН (*недоверчиво*): Правда?

РАЛЬФ: Конечно!

НОРТОН: Тогда на что ты жалуешься? Ты *и* взял маленькую!

Все сводится к справедливости. По сути, это вопрос морали, связанный с двумя П, хотя он не всегда представляется именно так. В Соединенных Штатах для руководителей компаний вполне обычно зарабатывать в тысячу раз больше, чем получает средний работник. Эти руководители, возможно, обижают других, забирая непропорционально большую часть корпоративного пирога, но сами они описали бы это как свою законную привилегию или как «принцип работы рынка». Социал-дарвинизм вновь и вновь оправдывает неравенство, объявляя естественным тот факт, что одни получают больше, чем другие. И неважно, что настоящий дарвинизм подходит к вопросу распределения ресурсов гораздо тоньше, поскольку мы — животные, способные к сотрудничеству, у которых даже сильные мира сего — а возможно, особенно они — зависят от других. Эта проблема всплыла, когда глава Нью-Йоркской фондовой биржи Ричард Грассо обнародовал свою заработную плату, приближавшуюся к 200 млн долларов. Вокруг столь непомерных заработков поднялся публичный скандал. Так получилось, что в тот день, когда Грассо вынудили уйти в отставку, моя исследовательская группа опубликовала статью о справедливости у капуцинов. Комментаторы не могли не сравнить Грассо с нашими капуцинами, предлагая ему кое-чему у них поучиться.

Мы с моей бывшей студенткой Сарой Броснан проверяли чувство справедливости на простой игре. Если кто-нибудь дает капуцину камешек, а потом протягивает что-то более привлекательное, например ломтик огурца, обезьяна быстро понимает, что для получения пищи ей нужно вернуть камешек. У капуцинов нет никаких проблем с освоением этой игры, поскольку они от природы склон-

ны отдавать и получать. Как только они научились менять камешки на еду, мы с Сарой ввели в условия эксперимента неравенство. Мы посадили двух обезьян рядом и менялись с каждой из них 25 раз — сначала с одной, потом с другой и так далее. Если обе получали по ломтику огурца, это считалось равенством. В такой ситуации капуцины непременно менялись с нами, радостно поедая пищу. Но если мы давали одному из них виноград, а другому по-прежнему огурец, дело принимало неожиданный оборот. Это мы назвали неравенством. Пищевые предпочтения наших обезьян идеально соответствовали ценам в супермаркете, так что виноград считался одним из лучших вознаграждений. Заметив, что «зарплата» партнера выросла, капуцины, прежде всегда готовые «работать» за огурец, внезапно забастовали. Они не только неохотно менялись, но еще и волновались, бросались камушками, а иногда даже выкидывали ломтики огурца из кабинки для экспериментов. Пища, от которой они обычно никогда не отказывались, стала вдруг не просто нежеланной, а отвратительной!

Это, несомненно, была ярко выраженная реакция, эквивалентная тому, что довольно высокопарно называют «отвращением к неравенству». Следует признать, что наши капуцины продемонстрировали эгоистичную форму этого чувства. Вместо того чтобы поддержать благородный принцип справедливости для всех, каждый из них расстраивался, что обделили именно его. Если бы их волновала справедливость как таковая, то обезьяны, получавшие преимущество, делились бы случайно доставшимся виноградом с сотоварищами или отказывались от него совсем — но они никогда этого не делали. Счастливые получатели винограда даже добавляли к своей порции выброшенные партнером

ломтики огурца. Они пребывали в прекрасном настроении, в отличие от своих несчастных партнеров, которые к концу эксперимента сидели, надувшись, в углу.

Когда мы с Сарой опубликовали эту работу под названием «Обезьяны недовольны неравной зарплатой» (Monkeys Reject Unequal Pay), она вызвала большой резонанс — возможно, потому, что многие люди считают себя получателями огурцов в мире, полном винограда. Все мы знаем, каково это: вытянуть короткую спичку и оказаться в проигрыше (вот почему ни один родитель не решится прийти домой с подарком только одному ребенку и ничего не подарить другому). Целая экономическая школа убеждена, что эмоции — которые экономисты, что забавно, называют «страстями», — играют основную роль в принятии решений у людей. Самые сильные из них связаны с распределением ресурсов. Эти эмоции побуждают нас к действиям, которые на первый взгляд кажутся иррациональными (например, уйти с работы, потому что нам платят меньше, чем другим), но в долгосрочной перспективе обеспечивают единые правила игры и отношения сотрудничества.

Это проверяли в исследовании с использованием игры «Ультиматум», в которой один человек получает, например, 100 долларов, но должен разделить их с партнером. Можно разделить их пополам, но также и любым другим образом, хоть 90 к 10. Если партнер принимает условия, оба получают деньги. Если же партнер отказывается, обоим не полагается ничего. Тот, кто делит деньги, должен быть осторожен, потому что партнеры часто отвергают заниженные предложения. То, что они так поступают, опровергает традиционную экономическую теорию, гласящую, что люди — «рациональные оптимизаторы». Однако

такой рациональный оптимизатор принял бы *любое* предложение, потому что даже маленькая сумма лучше полного отсутствия денег. Но люди так не думают: они просто не хотят, чтобы кто-то получал преимущество перед ними. Грассо явно недооценил такие чувства.

Наши капуцины продемонстрировали такую же реакцию: они выбрасывали прекрасную пищу! Огурец — это лучше, чем ничего, но, как только другие начали жевать виноград, зеленые овощи с низким содержанием сахара тут же упали в цене.

Ценность сообщества

Эгоцентричное чувство справедливости — просто элегантное описание зависти. Это страдание, которое мы ощущаем при виде кого-то, кто живет лучше нас. Оно весьма далеко от более широкого чувства справедливости, заставляющего нас беспокоиться также и о тех, кому хуже, чем нам. Если у мармышкообразных обезьян нет этого второго чувства, то как насчет человекообразных? Когда я попросил коллегу-приматолога Сью Сэвидж-Рамбо, которая проводит лингвистические исследования на бонобо, привести наглядные примеры эмпатии, она описала то, что мне кажется проявлением этого чувства в более широком смысле.

Сью заботилась о самке Панбанише, а остальной группой бонобо занимались другие люди. Панбаниша получала отличающуюся от рациона сородичей еду, например изюм и больше молока. Когда Сью приносила ей эти лакомства, остальные бонобо видели, что происходит, и начинали кричать. Они явно тоже хотели такую пищу. Заметив это, Панбаниша явно забеспокоилась, хотя ситуация была для нее

выгодна. Она попросила сока, но, когда его принесли, пить не стала, а указала на друзей, помахав рукой в их сторону, и позвала криками. Они покричали ей в ответ и сели рядом с клеткой Панбаниши, явно ожидая тоже получить сок. Сью сказала, что у нее было четкое ощущение: Панбаниша хотела, чтобы она принесла остальным то же, что и ей.

Этого недостаточно, чтобы заключить, что у других животных существует чувство справедливости, но меня здесь больше всего завораживает связь с возмущением. Для того чтобы развить более широкое ощущение справедливости, индивидууму нужно уметь *предчувствовать* возмущение *других*. Есть веские причины избегать возникновения недовольства. Тот, кто не делится пищей, исключается из групп, члены которых кормятся вместе. В худшем случае тот, кому завидуют, рискует получить трепку. Может, поэтому Панбаниша избегала есть лакомства на глазах у своих друзей? Если это так, то мы, возможно, приближаемся к самому источнику принципа справедливости: избеганию конфликтов. Это напоминает мне историю о трех мальчиках в Амстердаме, которые бросили в канал две банкноты в 100 гульденов — сумма, недоступная детскому пониманию, — потому что нашли пять таких бумажек. Поскольку они не могли разделить пять банкнот на троих, то решили остаться в хороших отношениях, избавившись от того, что не делилось поровну.

Из скромного начала вырастают благородные принципы. Все начинается с возмущения, когда вы получаете меньше остальных, затем оно переходит в беспокойство о том, как будут реагировать другие, если вы получите больше, и заканчивается тем, что неравенство в целом объявляется чем-то плохим. Так рождается чувство справедливости. Мне

нравится это последовательное развитие, потому что эволюция наверняка работает именно таким образом. Точно так же мы можем увидеть, как месть, через промежуточные этапы, могла привести к справедливости. Мышление приматов по принципу «око за око, зуб за зуб» служит «воспитательным» целям, обозначая цену нежелательного поведения. Хотя человеческая судебная система презирует голые эмоции, невозможно отрицать их роль в наших системах правосудия. В книге «Дикое правосудие: Эволюция мести» (Wild Justice: The Evolution of Revenge) Сьюзен Джейкоби объясняет, как правосудие рождается в процессе преобразования мести. Когда родственники жертвы убийства добиваются справедливости, ими руководит жажда возмещения вреда, хотя сами они могут описывать свои соображения более абстрактно. Джейкоби полагает, что одним из показателей уровня развития цивилизации является дистанция между пострадавшими лицами и удовлетворением их стремления к мести, отмечая при этом, что «существует постоянное противоречие между бесконтрольной местью как разрушительным фактором и контролируемой местью — неизбежным компонентом правосудия».

Решающее значение здесь имеют личные эмоции. В сочетании с пониманием того, как наше поведение сказывается на других, они формируют нравственные принципы. Это подход «снизу вверх»: от эмоций — к чувству справедливости. Он полностью противоположен представлению, что справедливость — это идея, предложенная мудрецами (отцами-основателями, революционерами, философами) после целой жизни размышлений о том, что плохо, а что хорошо, и о нашем месте во Вселенной. Подход «сверху вниз» (поиск объяснения того, как что-либо возникло,

на основании конечного результата) почти всегда ошибочен. Его сторонники задаются вопросами, почему мы единственные, у кого есть справедливость, правосудие, политика, мораль и так далее, когда в действительности вопрос стоит совершенно иначе: из каких элементов все это строится? Каковы базовые составляющие, необходимые для возникновения справедливости, правосудия, политики, морали и так далее? Каким образом более сложное явление возникает из более простых? Как только начинаешь задумываться над этим вопросом, становится очевидным, что многие из таких элементов у нас общие с другими видами живых существ. Ничто из того, что мы делаем, не является полностью уникальным.

Главный вопрос человеческой морали — как мы перешли от межличностных взаимодействий к системе, направленной на общее благо. Я уверен, причина здесь не в том, что общественное благо стоит для нас на первом месте. Основным интерес для каждого индивидуума представляет отнюдь не группа, а он сам и его ближайшие родственники. Но с ростом социальной интеграции на поверхность выходят общие интересы, и таким образом сообщество в целом становится объектом внимания и заботы. Мы можем видеть зачатки этого процесса, когда в группе человекообразных обезьян одни особи улаживают отношения между другими. Они выступают посредниками в примирениях (сводят стороны вместе после ссоры) и прекращают драки, действуя беспристрастно ради установления мира в группе. Все это происходит потому, что каждый заинтересован в атмосфере сотрудничества.

Чрезвычайно интересно видеть, как работает это чувство общности: например, в том случае, когда негодующие

вопли всей группы шимпанзе не дали Джимо продолжать преследовать младшего самца. Он тогда словно наткнулся на стену всеобщего недовольства. Другое происшествие в той же группе до сих пор свежо в моей памяти. Оно связано с Пиони, пожилой самкой. После смерти альфа-самки колонии мы около года не могли понять, кто из самок здесь теперь главная. Обычно это место занимает одна из самых старших самок, так что мы ставили на трех из них в возрасте 30–35 лет. В отличие от самцов, самки редко открыто демонстрируют соперничество за верхнее место в иерархии.

Однажды я наблюдал из своего кабинета за небольшой ссорой между несколькими молодыми самками; постепенно в нее вовлекались взрослые самцы, и в итоге все стало выглядеть очень серьезно. Шимпанзе кричали так громко, а самцы двигались так быстро, что я был уверен: в конце концов дело дойдет до крови. Но внезапно весь шум и гам прекратился, самцы уселись, тяжело дыша, а вокруг них собрались несколько самок. Атмосфера оставалась невероятно напряженной, и было ясно, что конфликт пока не улажен. Обезьяны просто устроили перерыв. Именно в этот момент я увидел, кто стал альфа-самкой. Пиони поднялась с крыши, на которой отдыхала, и буквально все взоры обратились к ней. Подошли несколько младших обезьян, старшие тихонько закричали, как они это делают, чтобы предупредить других, пока Пиони медленно и решительно направлялась в центр собравшейся группы, а все остальные, застыв на месте, пристально следили за ней. Это выглядело так, будто королева вышла пообщаться с простым человеком. Все, что сделала Пиони, — это принялась вычесывать одного из двух самцов, и вскоре другие последовали ее примеру, начав вычесывать друг друга. Второй самец вскоре

также присоединился к группе занимающихся грумингом. Спокойствие было восстановлено. Создалось такое впечатление, что никто не осмеливался затеять ссору снова после того, как Пиони так мягко положила ей конец.

Пиони, которую мы между собой называем «груминг-машиной», потому что она проводит огромное количество времени, вычесывая всех и каждого, решает все проблемы благодаря своей доброте, спокойствию и умению утешить, и, возможно, поэтому я и не замечал, что именно она стала теперь альфой. Впоследствии я видел и другие инциденты, однозначно подтверждавшие ее главенствующее положение, очень похожее на положение Мамы в арнемской колонии, только без железного кулака. Именно в такие моменты мы осознаем, что группа шимпанзе — это настоящее сообщество, а не кучка особей, просто проводящих вместе время.

Несомненно, самой могущественной силой, способной пробудить чувство общности, является вражда с чужаками. Она вынуждает объединяться тех, кто обычно конфликтует между собой. Возможно, у обитателей зоопарка это не так заметно, но в дикой природе у шимпанзе данный фактор определенно действует. Совершенно очевидно, что нашему виду свойственно объединяться против врагов. Вот почему часто говорят, что лучшей гарантией мира на Земле был бы инопланетный враг. Мы тогда смогли бы на практике применить лозунг «Война — это мир» из книги Джорджа Оруэлла «1984». В ходе эволюции человека враждебность к чужакам стимулировала внутригрупповую солидарность до того, как возникли нравственность и мораль. Вместо того чтобы просто улучшать взаимоотношения в нашем ближнем кругу, как делают человекообразные обезьяны, мы формулируем доктрины о ценности сооб-

щества и о том, что общественные интересы должны прева-лизовать над личными.

Глубочайшая ирония заключается в том, что благороднейшие из наших достижений — мораль и нравственность — эволюционно связаны с гнуснейшим видом нашего поведения — войной. Чувство общности, необходимое для первого, порождено вторым. Когда мы миновали переломный момент в конфликте между личными и общественными интересами, мы усилили социальное давление, чтобы каждый гарантированно вносил свой вклад в общее благо. Мы развили мотивационную структуру, включающую одобрение и наказание (в том числе интернализированные его формы, такие как вина и стыд), чтобы поощрять то, что благоприятно для сообщества, и противодействовать тому, что для него вредно. Мораль и нравственность стали главным инструментом укрепления социальной структуры нашего общества.

То, что общее благо никогда не распространяется за пределы группы, объясняет, почему в моральных нормах редко упоминаются представители внешнего мира: люди ощущают, что им позволено обращаться с врагами так, как недопустимо действовать внутри своего сообщества. Выход морали за эти пределы — величайший вызов нашего времени. Разрабатывая концепцию универсальных прав человека (которые должны распространяться даже на наших врагов, как предусмотрено Женевской конвенцией) или ведя дискуссии об этических проблемах использования животных, мы применяем систему, развившуюся по внутригрупповым причинам, в отношении тех, кто не принадлежит к нашей группе и даже нашему виду. Такое расширение морали за пределы определенного круга — дело тонкое и легко

разрушимое. Наши величайшие надежды на успех основаны на нравственных чувствах, потому что над своими эмоциями мы не властны. В принципе, эмпатия может превозмочь любое правило, определяющее, как следует относиться к другим. Например, когда Оскар Шиндлер спасал евреев, не давая увозить их в концлагеря во время Второй мировой войны, он руководствовался чувствами, несмотря на то что тогда в обществе существовали четкие указания, как следует поступать с этими людьми.

Такие эмоции, как забота и любовь, могут приводить к нарушению установленных норм, как в случае с охранником тюрьмы, который во время войны должен был кормить заключенных только хлебом и водой, но ему иногда удавалось протащить им вареные яйца. Каким бы скромным ни был этот жест, он запечатлелся в памяти заключенных как знак того, что не все их враги были чудовищами. К тому же было много случаев, когда люди своим бездействием противостояли общей агрессивной тенденции: так, например, солдаты могли безнаказанно убить пленных, но не делали этого. На войне сдержанность может быть формой сострадания.

Эмоции берут верх над правилами. Вот почему, рассказывая о людях, служащих нам примером нравственного поведения, мы говорим об их сердцах, а не мозгах (хотя, как укажет вам любой специалист по нейронаукам, идея о том, что сердце является центром эмоций, давно устарела). Мы больше полагаемся на то, что чувствуем, чем на то, что думаем, когда решаем нравственные дилеммы. Как ни печально, но интеллектуальный подход мистера Спока для нас непригоден. Эта мысль превосходно выражена в притче о добром самаритянине, касающейся наше-

го отношения к людям, нуждающимся в помощи. Израненный человек, ставший жертвой нападения разбойников, лежал у дороги, ведущей из Иерусалима в Иерихон. Мимо несчастного прошел сначала священник, потом левит — оба представители духовенства, досконально знакомые со всеми этическими учениями. Эти люди не захотели прерывать свой путь для помощи пострадавшему, которого они не знали, и быстро перешли на другую сторону дороги. Только третий прохожий, самаритянин, остановился, перевязал раны пострадавшего, посадил на своего осла и привез в безопасное место. Самаритянин, религиозный изгой, проявил сострадание. Смысл библейской притчи заключается в том, чтобы при решении этических проблем не полагаться на книжную мудрость, а следовать велению сердца и относиться к любому как к ближнему своему.

В том что касается эволюции морали и нравственности, прочно укорененных в наших чувствах, легче согласиться с Дарвином и Вестермарком, чем с теми, кто считает, что ответ содержится в культуре и религии. Современным религиям всего пара тысяч лет. Сложно представить, чтобы человеческая психика была кардинально иной до возникновения религий. Не то чтобы религия и культура вообще не играли никакой роли, но основные элементы нравственности определенно появились раньше человечества. Мы наблюдаем их у наших родственников-приматов, причем эмпатия наиболее выражена у бонобо, а взаимовыгодные отношения — у шимпанзе. Моральные установки диктуют нам, когда и как применять эти наклонности, но сами наклонности существуют и развиваются с незапамятных времен.

Что нас лучше характеризует: любовь или ненависть? Что важнее для выживания: конкуренция или сотрудничество? На кого мы больше похожи: на шимпанзе или на бонобо?

Такие вопросы — пустая трата времени просто потому, что мы биполярны по своей натуре. Это все равно что спрашивать, как лучше измерять поверхность: в длину или в ширину. Еще более нелепыми оказываются попытки рассматривать только один полюс, не уделяя внимания другому. Тем не менее именно этим Запад занимался веками, представляя, что наше стремление к конкуренции более свойственно нам, чем стремление к объединению и взаимопомощи. Но если люди настолько эгоистичны, как принято считать, то каким же образом они формируют сообще-

ства? Традиционно считается, что между нашим предками, решившими жить вместе, был заключен договор: «Согласие же людей [обусловлено] соглашением, являющимся чем-то искусственным»* — как утверждал Томас Гоббс. В этом случае мы предстаем как одиночки, неохотно объединяющие усилия: достаточно умные, чтобы совместно использовать и запастись ресурсами, но на самом деле не испытывающие никакой любви к себе подобным.

Древнеримская поговорка «*Homo homini lupus est*» («Человек человеку волк») запечатлела это асоциальное представление, которое и в наше время по-прежнему вдохновляет юридические и политические науки, а также экономику. Проблема заключается не только в том, что эта поговорка выставляет нас в неверном свете: она сама по себе является оскорбительной для одного из самых общительных, верных и склонных к сотрудничеству видов в животном мире — настолько верных, что наши предки поступили весьма мудро, одомашнив их. Волки выживают, охотясь на крупную добычу, превосходящую их размерами, такую как олени карibu или лоси, а это возможно только благодаря слаженным действиям всей стаи. По возвращении с охоты они отгрызают мясо для кормящих матерей, детенышей, а иногда больных и ослабленных сородичей, не участвующих в охоте. Как футбольные фанаты, распеваящие клубные песни, они укрепляют единство стаи, воя вместе перед охотой и после нее. Конкуренция у них, разумеется, существует, но волки не могут позволить ей проявиться в полную силу. На первом месте для них преданность и доверие. Поведение, подрывающее основы сотрудниче-

* Цит. по: Гоббс Т. Левиафан. — М.: Мысль, 2001.

ства, сдерживается, чтобы предотвратить разрушение общественной гармонии, от которой зависит выживание. Волк, позволивший собственным узким интересам одержать верх, вскоре окажется один, и ему останется только гоняться за мышами.

Человекообразным обезьянам знакома такая же солидарность. В исследовании, проведенном в Национальном парке Таи в Кот-д'Ивуаре, было отмечено, что шимпанзе заботились о членах группы, раненных леопардами, слизывая их кровь, осторожно удаляя грязь и не давая насекомым добраться до ран. Они отгоняли мух, защищали раненых товарищей, и передвигались медленнее, если те не поспевали за ними. Все это вполне объяснимо, учитывая, что шимпанзе неслучайно живут группами, — точно так же, как и у волков и людей имеются серьезные причины быть общественными животными. Мы не были бы теми, кем стали, если бы наши предки были социально обособлены.

Таким образом, то, что вижу я, противоположно традиционному образу жестокой природы, у которой «и клык, и коготь ал»* и где на первом месте стоят личные интересы, а сообщество является лишь чем-то второстепенным. Невозможно пользоваться преимуществами жизни в группе, не внося в нее своего вклада. Каждое социальное животное находит собственный баланс между этими двумя интересами. Одни отличаются относительно жестоким нравом, другие добродушны и милы. Но даже в самых жестких сообществах, например у павианов и макак, раздоры внутри группы строго ограничиваются. Люди зачастую пред-

* Имеются в виду слова из поэмы Альфреда Теннисона *In Memoriam*, стих 56: «Tho' Nature, red in tooth and claw». — *Прим. пер.*

ставляют себе, что в природе слабый автоматически обречен на уничтожение (принцип, получивший известность как «закон джунглей»), но в реальности у социальных животных в группе существует взаимная поддержка и терпимость. Иначе какой смысл жить вместе?

Я работал с группой макак-резусов, которые чрезвычайно благосклонно относились к Азалии, умственно отсталому детенышу, родившемуся в их группе. У Азалии был тройной набор хромосом, и ее патология напоминала человеческий синдром Дауна. Резусы обычно наказывали любого нарушителя правил их строгого иерархического общества, однако Азалии сходили с рук даже самые грубые промахи, например угрозы альфа-самцу. Как будто все понимали: что бы они ни сделали, ее ущербность и неумение себя вести изменить невозможно. Подобная же ситуация наблюдалась в живущей на воле стае макак в Японских Альпах, в которую входила самка-инвалид Модзу. Она едва могла передвигаться и уж точно не была способна лазать, потому что у нее отсутствовали кисти рук и стопы. Тем не менее она была полностью принята своей стаей — до такой степени, что прожила долгую жизнь и вырастила пятерых детенышей. Неудивительно, что Модзу часто становилась звездой японских документальных фильмов о природе.

Вот вам и выживание наиболее приспособленных. Противоположных примеров, разумеется, тоже предостаточно, однако нет никакой необходимости карикатурно изображать жизнь наших родственников, как это делалось ранее, раз уж мы постоянно на них оглядываемся. Приматам очень комфортно в обществе друг друга. Ладить с сородичами — важнейшее умение, потому что перспективы выживания вне группы — там, где можно столкнуться с хищниками и вра-

ждебно настроенными соседями, — неутешительны. Приматов, оказывающихся в одиночестве, ждет скорая смерть. Это объясняет, почему они проводят огромное количество времени (десятую часть суток), налаживая социальные связи при помощи груминга. Полевые исследования мартишкообразных обезьян показали, что у самок с наилучшими социальными связями наблюдается наибольшая выживаемость потомства.

Аутист встречается с гориллой

Привязанность — настолько основополагающая вещь, что американка с синдромом Аспергера (одной из форм аутизма), которой из-за ее особенностей не удавалось адаптироваться к жизни среди людей, обрела душевный покой, когда начала заботиться о гориллах в зоопарке — или, возможно, это гориллы заботились о ней. Сама Дон Принс-Хьюз описывает, как люди нервировали ее прямыми взглядами и вопросами, на которые хотели немедленно получить ответ. А вот гориллы оставляли ей личное пространство, избегали зрительного контакта и излучали приятное спокойствие. И самое главное, они были терпеливы. Гориллы — существа «уклончивые» в том смысле, что редко выходят на контакт лицом к лицу. Более того, у них, как у всех человекообразных обезьян, белки глаз темные, сливающиеся по цвету с радужкой, а не белые, как у человека, что делает человеческий взгляд таким выразительным и тревожащим. Окраска наших глаз облегчает коммуникацию, однако в то же время лишает взгляд деликатности при общении, доступной человекообразным обезьянам с их полностью темными глазами. Кроме того, человеко-

образные обезьяны редко смотрят на что-то пристально, как мы: их взгляд просто быстро скользит по предметам. У них прекрасно развито периферическое зрение, можно сказать, что они все видят вокруг себя уголками глаз. К этому надо еще привыкнуть. Я часто думал, что обезьяны не обращают на что-то внимания, а потом оказывался не прав. Они на самом деле ничего не упускали.

Эмпатия, которую гориллы проявляли к Принс-Хьюз, «не смотря на нее, но видя и понимая без разговоров», как она это описала, выражалась через позы и телесное подражание — древний язык общения и установления связей у животных. Могучий серебристоспинный самец группы горилл, Конго, был самым чутким и отзывчивым, мгновенно откликался на малейшие признаки огорчения и напряжения. И это вовсе не удивительно, поскольку самцы горилл, несмотря на репутацию свирепого Кинг-Конга, являются прирожденными защитниками. Ужасающие байки о нападении горилл, которые в колониальные времена рассказывали по возвращении домой охотники, были призваны поражать нас храбростью людей, а вовсе не горилл. Но на самом деле атакующий самец гориллы готов умереть за свою семью.

Примечательно, что потребовался человек с признаками аутизма, — которому, как считается, недостает навыков межличностных связей, — чтобы понять большое значение привязанности у человекообразных обезьян и глубокое чувство родства, которое мы ощущаем по отношению к мохнатым существам, тела которых так похожи на наши. То, что Принс-Хьюз вытащили из одиночества гориллы, а не шимпанзе или бонобо, вполне закономерно, учитывая склад характера горилл. Этих обезьян даже близко нельзя

сравнивать с шимпанзе и бонобо по экстравертированности. Возьмем, например, нелегкое испытание, через которое пришлось пройти одному швейцарскому зоопарку. Как-то ночью шимпанзе удалось снять люк в крыше их здания, после чего некоторые из них отправились бродить по городу, перепрыгивая с дома на дом. Чтобы вернуть обезьян, потребовалось несколько дней, и зоопарку еще повезло, что никого из них не застрелили полицейские или не убило током от линии электропередачи.

Случившееся подало местной группе борцов за права животных идею «освободить» горилл из этого самого зоопарка. Не особенно задумываясь над тем, что может быть лучше для самих животных, они забрались ночью на обезьянник и сняли люк над помещением для горилл. Но, хотя у обезьян было достаточно времени для бегства, они никуда не пошли. На следующее утро зрители нашли их всех там же, где обычно: они сидели, с удивлением глядя вверх, зачарованные зияющей дырой над головами. Но никто из них не проявил достаточно любопытства, чтобы вылезти наружу, и люк просто поставили на место. Такова, в общих чертах, разница в складе характера между шимпанзе и гориллами.

Естественное состояние и свойство нашей эволюционной ветви — привязанность и поддержка, проявляющиеся в такой степени, что это ощущает даже аутист. Или, может быть, именно аутист, поскольку наша страсть к произносимым словами препятствует полному пониманию невербальных сигналов, таких как позы, жесты, выражения лица и тон голоса. Без телесных сигналов наша коммуникация теряет эмоциональное содержание и становится просто технической информацией. Мы могли бы с тем же успехом исполь-

зовать карточки со словами «я тебя люблю» и «я зол». Хорошо известно, что люди, чьи лица теряют способность выражать эмоции из-за какого-нибудь неврологического расстройства и в результате не могут «отзеркаливать» эмоции других (например, улыбку или нахмуренные брови), оказываются в безнадежном одиночестве. Представителям нашего вида жизнь кажется почти ничего не стоящей без языка тела, который нас связывает.

Различные истории о происхождении человека, пренебрегающие этой глубокой связью и представляющие людей неохотно сходящимися вместе одиночками, свидетельствуют об отсутствии у их авторов знаний об эволюции приматов. Мы относимся к категории животных, которых зоологи называют «облигатно общественными», а это означает, что у нас нет другого выбора, кроме как держаться вместе. Вот почему страх остракизма таится в уголках разума каждого человека: быть изгнанным — худшее, что может нас постигнуть. Так было в библейские времена, и так есть сейчас. Эволюция привила нам потребность принадлежать к какой-нибудь группе и чувствовать себя принятым. Мы социальны до мозга костей.

Укрощенные противоречия

Мой 22-летний «Додж Дарт» когда-то научил меня, что самая важная часть машины не двигатель. Однажды я обнаружил, что машина останавливается полностью, только если нажать на педаль тормоза всем своим весом. Тихим утром, когда дорожное движение было не слишком интенсивным, я медленно вел свой «додж» к ближайшей автомастерской. Хотя мне и удалось доехать целым и невредимым,

по пути пришлось натерпеться немало страха, и после этого мне еще месяцами снилось, что я сижу за рулем машины, которая замедляет ход, но никак не останавливается.

Сдержки и противовесы в природе так же важны, как тормоза в машине. Все регулируется, все под контролем. Например, млекопитающие и птицы совершили эволюционный скачок к теплокровности, однако теперь у них начинаются неприятности всякий раз, когда они перегреваются. В жаркую погоду или после физической активности они охлаждаются потя, махая ушами или учащенно дыша с высунутым языком. Природе пришлось создать ограничитель температуры тела. Так и для любой певчей птицы существует оптимальная величина яйца, оптимальное количество яиц в кладке, оптимальное расстояние полета за пищей, оптимальный размер добычи и так далее. Птицы, которые отклоняются от нормы, откладывая слишком много яиц или ища насекомых слишком далеко от гнезда, выбывают из эволюционной гонки.

Это применимо и к противоречащим друг другу социальным тенденциям, таким как конкуренция и кооперация, эгоистичность и стремление к сотрудничеству, раздоры и гармония. Все балансирует возле точки оптимума. Эгоистичность необходима и неизбежна, но только до какого-то определенного предела. Вот что я имел в виду, называя человеческую природу двуликой, словно Янус: мы являемся порождением противоборствующих сил, таких как потребность думать о собственных интересах и потребность ладить с другими. Если я делаю акцент на второй из потребностей, то только потому, что традиционно принято уделять основное внимание первой. Обе они тесно взаимосвязаны и вносят свою лепту в выживание нашего вида. Даже

сами способности, которые обеспечивают мир, в том числе умение примиряться после ссор, никогда бы не возникли при отсутствии конфликтов. В биполярном мире в любой способности кроется намек на ее полную противоположность.

Мы обсудили конкретные парадоксы, такие как связь между демократией и иерархией, между нуклеарной семьей и инфантицидом, между справедливостью и конкуренцией. В каждом случае от одного до другого всего несколько шагов, но, как бы то ни было, социальные институты рождаются из взаимодействий противоборствующих сил. Эволюция — процесс диалектический.

Человеческая натура также по сути своей многогранна, и то же самое относится к шимпанзе и бонобо. Пусть шимпанзе по натуре более агрессивные, а бонобо более мирные, шимпанзе тем не менее умеют улаживать конфликты, а бонобо конкурируют друг с другом. На самом деле примирения у шимпанзе впечатляют еще больше, если учитывать их склонность к насилию. У обоих видов человекообразных обезьян наблюдаются обе тенденции, но в конце концов каждый по-своему достигает баланса.

Мы, будучи более последовательно жестокими, чем шимпанзе, и более эмпатичными, чем бонобо, несомненно являемся самыми биполярными приматами. Наши общества никогда не бывают полностью мирными или полностью конкурентными, в них никогда не царит безраздельный эгоизм и никогда — идеальная нравственность. Чистые состояния не свойственны природе. То, что верно для человеческого общества, верно и для человеческой натуры. В ней можно найти доброту и жестокость, благородство и вульгарность — и подчас все это уживается в одном человеке.

Мы полны противоречий, но по большей части укрощенных, смягченных. Разговоры об «укрощенных противоречиях» могут показаться непонятными и даже мистическими, но они повсюду вокруг нас. Превосходным примером является Солнечная система. Она возникла из двух противоборствующих сил: одна направлена внутрь, а другая наружу. Сила притяжения Солнца уравнивает центробежное движение планет так хорошо, что вся система остается стабильной миллиарды лет.

Неизбежная двойственность человеческой природы прежде всего определяется интеллектом. Даже если мы привычно переоцениваем свою рациональность, невозможно отрицать, что человеческое поведение есть сочетание эмоционального порыва и разума. Нам не слишком хорошо удастся контролировать древние стремления к власти, сексу, безопасности и пище, однако мы привыкли взвешивать все за и против, прежде чем приступаем к конкретным действиям. На человеческое поведение серьезнейшим образом влияет опыт. Мысль, казалось бы, слишком очевидная, чтобы даже упоминать об этом, и тем не менее такой подход кардинально отличается от того, как это нам преподносили биологи. В 1960-е гг. почти на каждую сколь-нибудь выраженную у человеческого вида склонность навесили ярлык «инстинкта», а *Instinktlehre* (что по-немецки означает «теория инстинктов») Конрада Лоренца даже включала в себя «парламент» инстинктов, связывающий их все вместе. Однако проблема с термином «инстинкт» заключается в том, что он принижает значение обучения и опыта. Подобная тенденция существует и в некоторых современных научных кругах, только теперь в фавор вошел термин «модуль». Модульная теория сравнивает челове-

ческий разум со швейцарским армейским ножом, к которому в ходе эволюции добавлялись модули для разных целей: от распознавания лиц и использования орудий до дружбы и заботы о детях. К сожалению, никто не знает точно, что такое «ментальные модули», и доказательства их существования не более ощутимы, чем свидетельства существования инстинктов.

Невозможно отрицать, что у людей есть врожденные предрасположенности, однако я не рассматриваю нас как существ, слепо выполняющих генетические программы, заложенные природой. Я скорее воспринимаю нас как импровизаторов, гибко приспособляющихся к другим импровизаторам на сцене, а наши гены подадут нам предложения и подсказки. То же самое относится к нашим собратьям-приматам. Позвольте объяснить это на примере Йеруна — шимпанзе из арнемского зоопарка Бюргерса, который повредил в драке руку. Йерун выстраивал союз с молодым, набиравшим силу самцом Никки, но во время перебранок при налаживании партнерства Никки его укусил. Хотя рана была неглубокая, Йерун сильно прихрамывал. Однако через пару дней у нас создалось впечатление, что хроمال он в основном, когда молодой самец был неподалеку. Всякий раз, видя хромающего Йеруна, мы отмечали, где в этот момент находится Никки. Обнаружилось, что определяющую роль играло то, видел ли его Никки. Например, Йерун шел мимо сидящего Никки, и все то время, пока оставался в поле его зрения, скорбно хроمال, но, как только оказывался у него за спиной, снова начинал ходить совершенно нормально.

Йерун, по-видимому, изображал хромоту, чтобы партнер относился к нему помягче и, может быть, даже выразил

какое-то сочувствие. Вредить приятелю — шаг довольно глупый, и Йерун словно указывал на это Никки, преувеличивая свои страдания. Притворство и показуха, разумеется, нам знакомы, поскольку мы все время этим занимаемся. Например, семейная пара старается на публике выглядеть счастливой, чтобы скрыть свои напряженные отношения, или люди смеются над глупой шуткой босса. Стремление производить определенное впечатление — это то, что роднит нас с обезьянами.

Недавно мы просмотрели сотни записей шуточной борьбы между юными шимпанзе, чтобы увидеть, когда они больше всего смеются. Во время игры обезьяны открывают рот, и выражение их лиц в этот момент очень напоминает мимику людей при смехе. Особенно нас интересовало взаимодействие детенышей с большой разницей в возрасте, поскольку в этом случае довольно обычным делом является переход игр в более грубую форму. Как только это происходит, вмешивается мать младшего драчуна, причем иногда она бьет его обидчика по голове. Старший шимпанзеныш, ясное дело, хочет этого избежать. Мы обнаружили, что подростки, играющие с маленькими детенышами, смеялись гораздо больше, когда на них смотрели матери их младших приятелей. Они будто говорили: «Смотрите, как нам весело!» А когда они оказывались наедине с малышами, то смеялись меньше. Следовательно, их поведение зависело от того, может ли их увидеть мать малыша. Под ее взором они просто лучились весельем, чтобы взрослые их не трогали.

Притворство во время игры или в среде политических противников является одной из причин того, что мне сложно поверить в теорию о животных, слепо подчиняющихся инстинктам. Человекообразные обезьяны отнюдь

не запрограммированы генетически на то, когда хромать, а когда смеяться, но они остро чувствуют социальное окружение. Как и люди, они обдумывают множество лежащих перед ними возможностей и решают, что делать, в зависимости от обстоятельств. В лаборатории человекообразных обезьян обычно проверяют, предлагая им абстрактные задачи, такие как поиск вознаграждения, на которое указывают экспериментаторы, или количественная оценка четырех, пяти или шести предметов по признаку «больше», «меньше» (способность, известная под названием «различение множества»). Если им это не удастся, а иногда такое случается, зачастую делается вывод, что мы умнее них. Однако, когда обезьяны находятся в своем сообществе и общаются с теми, кого знают всю жизнь, создается впечатление, что они не менее умны, чем мы.

Один из самых простых способов проверить это — поместить человека в группу шимпанзе. Конечно, это нереально, потому что силой шимпанзе намного превосходят людей. Тем не менее давайте представим, что мы нашли кого-то достаточно сильного, чтобы противостоять взрослым шимпанзе. Тогда, вероятно, мы могли бы увидеть, насколько хорошо человек может вписаться в сообщество обезьян. Настоящим вызовом для него было бы завести друзей, не проявляя чрезмерной покорности, потому что без определенного уровня агрессивности любой индивидuum в итоге просто окажется в самом низу иерархии, а то и похуже. Как и в реальной жизни, чтобы достичь успеха, он не должен быть ни агрессивным задирой, ни тряпкой. В этой ситуации бесполезно скрывать страх или враждебность, потому что язык человеческого тела для шимпанзе как открытая книга. Могу заранее сказать, что освоиться в группе шимпанзе было бы ничуть

не проще, чем в среднестатистическом человеческом коллективе на работе или в школе.

Все это говорит о том, что социальная жизнь человекообразных обезьян во многом связана с рациональным принятием решений. По этой причине если сравнивать между собой людей, шимпанзе и бонобо, то придется выйти далеко за пределы таких понятий, как «инстинкты» или «ментальные модули», как бы мы их ни определяли. Все три наших вида сталкиваются с похожими социальными дилеммами, и им приходится преодолевать одни и те же противоречия на пути к высокому статусу, половым партнерам и ресурсам. Для поиска решений они используют все свои умственные способности. Правда, наш вид способен заглядывать намного дальше вперед и оценивать больше вариантов, чем обезьяны, но это вряд ли можно считать фундаментальным различием. Даже если мы используем самый лучший шахматный компьютер, правила игры в шахматы все равно остаются прежними.

Вечно молодые

Многие полагают, что наш вид по-прежнему эволюционирует, продвигаясь к еще большим высотам, а обезьяны остановились в своем развитии. Но действительно ли перестали развиваться наши собратья-обезьяны? И правда ли, что наш вид еще куда-то движется? Как ни странно, возможно, все как раз наоборот. Вполне вероятно, что наша эволюция приостановилась, однако на обезьян эволюционное давление действует по-прежнему.

Эволюция действует через выживание особей, которые размножаются лучше других. Пару веков назад это было

справедливо и в отношении нашего вида. В неблагоприятных для жизни местах, таких как быстро растущие урбанизированные территории, смертность превышала рождаемость. Это означало, что у кого-то семьи были больше, чем у других, а кто-то вообще не смог завести семью. В наши дни, наоборот, число детей, достигающих 25-летнего возраста, близко к 98%. При таких обстоятельствах у каждого есть возможность оставить свой след в генофонде.

Хорошее питание и современная медицина сняли давление отбора, направляющее человеческую эволюцию. Например, когда-то женщины и дети подвергались серьезному риску во время родов. Отчасти в этом виноваты узкие (относительно крупного черепа) родовые пути, и это означало, что постоянно присутствовало эволюционное давление, способствующее увеличению их ширины. Кесарево сечение все изменило. В США 26% родов проходят с кесаревым сечением, а в некоторых частных клиниках Бразилии доля таких родов достигает 90%. Выживает все больше женщин с узкими родовыми путями, и они передают по наследству этот признак, пару поколений назад гарантированно приводивший к смерти. Неизбежным результатом станет рост количества кесаревых сечений, пока естественные роды не станут исключительным случаем.

Продолжение эволюции требует «плясок смерти» — *danse macabre* — вокруг тех, кто умирает, не успев произвести на свет потомство. Это все еще может случаться в промышленно развитом мире, например в форме опустошительной эпидемии гриппа. Люди с превосходным иммунитетом выживут и передадут свои гены дальше, как это случилось в XIV в. во время пандемии Черной смерти, которая, по подсчетам, за пять лет убила 25 млн человек в одной

только Европе. Некоторые ученые полагают, что это заболевание было вызвано высокозаразным вирусом, подобным возбудителю лихорадки Эбола, который передавался от человека к человеку*. Иммуитет к таким вирусам сейчас более широко распространен в Европе, чем в других частях света, — возможно, благодаря именно этому масштабному эпизоду естественного отбора.

Мы также можем ожидать рост устойчивости к вирусу иммунодефицита человека (ВИЧ, HIV) в Африке южнее Сахары, где им заражены около 10% населения. Известно, что небольшое число людей устойчиво к этой инфекции, а у некоторых не развивается синдром приобретенного иммунодефицита (СПИД, AIDS), даже если они заражаются. Они будут передавать свои гены по наследству, пока их потомки не заполнят весь континент. Однако этот процесс будет завершен только после огромных человеческих потерь. Диким шимпанзе Африки, вероятно, уже прошли через это: они являются носителями близкого вируса иммунодефицита обезьян (ВИО, SIV) без каких-либо пагубных последствий.

Помимо эволюции иммунитета, которая, скорее всего, будет продолжаться, не ясно, какие генетические изменения мы еще можем ожидать у нашего вида. Возможно, человечество достигло, скажем так, вершины своего биологического развития, которую мы не сможем превзойти, пока не введем целенаправленные программы размножения (надеюсь, этого никогда не случится). Несмотря на такие странные книж-

* Возможно, де Вааль опирается на работу демографа Сьюзен Скотт и зоолога Кристофера Дункана «Биология чумы» (S. Scott, Ch.J. Duncan. *Biology of Plagues: Evidence from Historical Populations*, Cambridge University Press, Mar 29, 2001, *Social Science*), в которой авторы утверждают, что причиной Черной смерти XIV в. была вовсе не чумная палочка, а неизвестный вирус; чума лишь сопутствовала болезни. — *Прим. ред.*

ки, как «Премия Дарвина» (The Darwin Awards), описывающие людей, исключивших себя из генофонда в результате невероятно глупых действий (например, там рассказывается о магазинном воришке, который убежал, сунув себе в штаны пару живых омаров со здоровенными клешнями, и таким образом устроил себе незапланированную стерилизацию), несколько таких инцидентов не улучшат человеческий род. Пока нет связи между интеллектом и числом детей, которых люди производят на свет, размер человеческого мозга останется таким же, как сейчас.

А как насчет культуры? Когда культурные изменения шли медленно, человеческая биология за ними успевала. Некоторые культурные и генетические признаки передавались вместе — этот феномен известен под названием «двойная наследственность». Например, наши предки стали усваивать лактозу, когда начали заниматься скотоводством. Любой детеныш млекопитающих способен переваривать молоко, но обычно необходимый для этого фермент перестает вырабатываться после отлучения от груди. У людей это происходит примерно с четырехлетнего возраста. Те, кто не может усваивать лактозу, страдают от диареи и рвоты всякий раз, как выпьют свежего коровьего молока. Это изначальное состояние нашего вида, и оно типично для большинства взрослых людей всего мира. Только потомки скотоводов, такие как жители Европы и зависимые от молочной пищи африканские пастухи, способны усваивать из молока витамин D и кальций. Этому генетическому изменению около 10 000 лет — именно тогда впервые были одомашнены коровы и овцы.

Однако нынешнее культурное развитие происходит слишком быстро, чтобы биология могла за ним угнаться.

Нажимание на кнопки мобильного телефона вряд ли сделает наши пальцы длиннее. Наоборот, мы придумали гаджеты, приспособленные для тех пальцев, которые у нас есть сейчас. Мы стали специалистами по изменению среды под себя. Поэтому я не верю в продолжающуюся эволюцию человечества — уж точно не в смысле влияния на физический облик и поведение. Мы устранили единственный рычаг, посредством которого биологические факторы могли нас модифицировать: неодинаковые возможности размножения.

Непонятно, будет ли продолжаться эволюция человекообразных обезьян, хотя они по-прежнему подвергаются реальному давлению факторов среды. Проблема состоит в том, что это давление слишком сильное и почти не оставляет им шансов: на самом деле они балансируют на грани вымирания. Многие годы я цеплялся за идею, что если сохранять в мире обширные участки дождевых лесов, то обезьяны всегда будут жить бок о бок с нами. Но теперь я стал пессимистом. Из-за масштабного разрушения естественных местообитаний, крупных пожаров, нелегальной охоты, торговли мясом лесной дичи (люди в Африке на самом деле *едят* обезьян) и в последнее время — из-за вируса Эбола, прокатившегося по обезьяньим популяциям, в дикой природе осталось, наверное, не более 200 000 шимпанзе, 100 000 горилл, 20 000 бонобо и столько же орангутанов. Если вам такое количеством обезьян кажется огромным, сравните эти цифры с числом их врагов — людей, которых больше 6 млрд. Это неравная битва, и предсказывают, что к 2040 г. исчезнут практически все места, пригодные для обитания человекообразных обезьян.

Мы, люди, многое потеряем, если не сумеем защитить наших самых близких родственников, с которыми

у нас общие почти все гены и которые лишь незначительно отличаются от нас. Если мы позволим им исчезнуть, то с таким же успехом мы можем позволить исчезнуть и всем остальным живым существам, и тогда идея о том, что мы — единственный разумный вид на планете, превратится в самосбывающееся пророчество. Хотя я всю свою жизнь изучал человекообразных обезьян в неволе, но достаточно видел их и в дикой природе, чтобы чувствовать, что жизнь этих существ там — их достоинство, неразрывная связь с местообитанием, роль, которую они играют в природе, ничем не восполнима для человека. Потеря всего этого будет означать для нас потерю огромной части самих себя.

Дикие популяции человекообразных обезьян бесценны, когда дело касается изучения нашей прошлой эволюции. Например, мы очень плохо понимаем, почему бонобо и шимпанзе так отличаются друг от друга. Что произошло 2,5 млн лет назад, когда их ветви разделились? Была ли предковая человекообразная обезьяна больше похожа на шимпанзе или на бонобо? Мы знаем, что сейчас бонобо, в отличие от шимпанзе, обитают в местах, более богатых пищевыми ресурсами, таких, которые позволяют кормиться вместе смешанным группам из самок и самцов. Это способствует большему социальному взаимодействию, чем у шимпанзе, которые в поисках пищи разделяются на небольшие партии. Такое «сестринство» среди неродственных друг другу самок, характерное для бонобо, не было бы возможно без постоянных и обильных источников пищи. У бонобо есть доступ к огромным плодовым деревьям, на которых могут прокормиться много особей сразу, также они питаются травянистыми растениями, в обилии встречающимися

ся в нижнем лесном ярусе. Поскольку те же самые растения являются основой рациона горилл, высказывались предположения, что полное отсутствие горилл в местах обитания бонобо сыграло для последних положительную роль, оставив им нишу, закрытую для шимпанзе, конкурирующих в своем ареале с гориллами за источники пищи.

У бонобо есть еще одна интересная черта, свойственная и нам: они тоже «вечно молодые» приматы. Явление «неотении», или ювенилизации (то есть задержки развития, ведущей к сохранению детских или даже эмбриональных признаков у взрослых особей), в приложении к нашему собственному виду рассматривается с тех пор, как голландский анатом сделал в 1926 г. шокирующее заявление: *Homo sapiens* выглядит как плод примата, достигший половой зрелости. Стивен Джей Гулд считал сохранение детских черт уникальной особенностью человеческой эволюции. Он не знал о бонобо, у взрослых особей которых сохраняется небольшой округлый череп детеныша шимпанзе, а также белый пучок шерсти на месте хвоста — шимпанзе их утрачивают с пятилетнего возраста. Голоса взрослых бонобо такие же высокие, как у детенышей шимпанзе, бонобо всю жизнь сохраняют игривость, и даже фронтально ориентированная вульва самок считается неотеническим признаком, также присутствующим у нашего собственного вида.

Человеческая неотения проявляется в нашей безволосой коже и, особенно, в шарообразном черепе и плоском лице. Взрослые люди внешне очень похожи на совсем юных человекообразных обезьян. Неужели венец творения — результат приостановки в развитии? Нет сомнений, что наш успех как вида связан с тем фактом, что мы переносим изобретательность и любознательность юных млекопитающих

во взрослую жизнь. Нас называли «человек играющий» — *Homo ludens**. Мы играем до самой смерти, мы поем и танцуем и наращиваем знания, читая научно-популярную литературу и посещая университетские занятия для пожилых людей.

Нам необходимо оставаться молодыми душой. Учитывая, что человечество не может возлагать надежды на продолжение биологической эволюции, приходится отталкиваться от существующего обезьяньего наследия. Поскольку мы весьма нежестко запрограммированы и хлебнули эликсира юности, который преподнесла нам эволюция, это наследие необыкновенно богато, разнообразно и обеспечивает нам широчайшие возможности для приспособления.

Привкус идеологии

Из-за почти идеальной координации и готовности пожертвовать собой за общее дело колонии муравьев часто сравнивают с социалистическими обществами. И там и там — рай для трудящегося. Однако при сопоставлении с порядком в муравейнике даже самый вымуштрованный человеческий трудовой коллектив выглядит как неэффективная анархия. Люди после работы идут домой, выпивают, сплетничают, ленятся — ничего этого уважающий себя муравей никогда бы не сделал. Невзирая на масштабнейшую пропагандистскую деятельность коммунистических режимов, люди отказываются жертвовать собой ради общего блага. Мы думаем об интересах сообщества, но не до такой степени, чтобы

* Имеется в виду классическая работа Йохана Хейзинги «Человек играющий» (*Homo ludens*, 1938), посвященная сущности феномена игры и универсальному значению ее в человеческой цивилизации. — *Прим. ред.*

забывать о своих собственных. Коммунистический проект провалился потому, что система стимулирования экономики была оторвана от человеческой натуры. К сожалению, это произошло только после того, как он спровоцировал невероятные страдания и огромное количество смертей.

Нацистская Германия стала ареной совершенно иной идеологической трагедии. И здесь коллективное (*das Volk*) было поставлено выше индивидуального, но, вместо того чтобы полагаться на переустройство общества, были выбраны методы назначения козла отпущения и манипуляции представлениями о генетике. Людей разделили на «высшие» и «низшие» типы, и первых нужно было защищать от загрязнения путем смешения со вторыми. Выражаясь чудовищным языком нацистов, чтобы обеспечить здоровье немецкой нации (*Volk*), требовалось уничтожить злокачественные элементы. Эта идея осуществлялась самым ужасным образом, вследствие чего биология приобрела дурную славу в западных обществах.

Однако не следует думать, что лежащая в основе такой селекции идеология была связана исключительно с тем временем и местом. В первое десятилетие XX в. евгеническое движение, стремившееся улучшить человечество путем «размножения более приспособленного племени», широко распространилось и обрело большую популярность и в США, и в Великобритании. На основании идей, уходящих корнями в представления Платона об идеальном государстве, считалась допустимой кастрация преступников. А социал-дарвинизм — идея, что в экономике, построенной на принципе *laissez faire* (то есть в которую не вмешивается государство), сильные побеждают в конкуренции слабых, что приведет к общему улучшению населения, — и в наши

дни служит источником вдохновения для создателей политических программ. В соответствии с этой точкой зрения бедным не следует помогать, чтобы не нарушать естественный порядок.

Политическая идеология и биология — нелепая пара, и большинство биологов предпочитают спать в отдельной комнате. Причина, по которой мы в этом не преуспели, — невероятная привлекательность слов «природа» и «естественный». Они звучат так убедительно, что любая идеология желает прибрать их к рукам. Это означает, что биологи, которые пишут о поведении и обществе, рискуют оказаться втянутыми в область политики. Такое, например, случилось с нами после публикации исследования о справедливости у обезьян. Мы продемонстрировали, что капуцин, как правило, отказывается от огурца, как только его сосед начинает получать виноград, и газеты использовали наши открытия, чтобы призывать к более эгалитарному обществу. «Если обезьяны не выносят несправедливого отношения, почему его должны терпеть мы?» — спрашивали авторы публицистических статей. Это вызвало странную реакцию: так, например, по электронной почте пришло письмо, в котором нас обвиняли в принадлежности к коммунистам. По мнению его автора, мы пытаемся подорвать капитализм, который, очевидно, о справедливости не заботится. При этом критик не обратил внимания на то, что наши обезьяны действовали в полном соответствии с принципами свободного рынка. Разве это не по-капиталистически — сравнивать то, что получаешь сам, с тем, что получают другие, и жаловаться на несправедливую цену?

В 1879 г. американский экономист Фрэнсис Уокер пытался объяснить, почему представители его профессии «поль-

зуются столь дурной репутацией среди обычных людей». Он приписывал это их неспособности понять, почему человеческое поведение расходится с экономической теорией. Мы не всегда поступаем в соответствии с требованием экономики — в основном потому, что мы одновременно и менее эгоистичны, и менее рациональны, чем полагают экономисты. Экономистов обучают иметь дело с картонной версией человеческой натуры, и они настолько в нее уверовали, что их собственное поведение зачастую начинает ей соответствовать. Психологические тесты показывают, что студенты, специализирующиеся в экономике, более эгоистичны, чем средний студент колледжа. Судя по всему, погружение год за годом в капиталистическую модель собственной выгоды убивает всякое стремление действовать в интересах общества, которое, скорее всего, у этих студентов изначально было. Они перестают доверять другим людям, а те, в свою очередь, перестают доверять им. Отсюда и дурная репутация экономистов.

Общественным млекопитающим, наоборот, хорошо известны доверие, преданность и солидарность. Как шимпанзе в Национальном парке Таи, они не бросают тех, кому не повезло. Более того, у них есть способы урезонивать потенциальных нахлебников и мошенников: например, не сотрудничать с теми, кто не сотрудничает с ними. Взаимовыгодные отношения позволяют им выстроить своего рода систему поддержки, которая многим экономистам представляется химерой. В жизни группы наших ближайших родственников несложно распознать и капиталистический дух конкуренции, и прекрасно развитый дух коллективизма. Таким образом, в политической системе, которая подошла бы нам лучше всего, необхо-

дим баланс этих двух тенденций. Мы не муравьи, чистый социализм нам не подходит. Недавняя история показала, что происходит, когда подавляются индивидуальные амбиции. Но хотя падение Берлинской стены было встречено как триумф свободного рынка, нет никакой гарантии, что чистый капитализм окажется хоть сколько-нибудь лучше социализма.

Правда, едва ли чистый капитализм хоть где-нибудь существует. Даже в Соединенных Штатах полно сдержек и противовесов, профсоюзов и дотаций, ограничивающих рынок. Однако по сравнению с остальным миром США являются своего рода экспериментом по нерегулируемой конкуренции. Этот эксперимент сделал их самым богатым государством в истории нашей цивилизации. Но продолжает удивлять тот факт, что здоровье нации все больше отстает от ее богатства.

Раньше граждане США были самыми здоровыми и высокими в мире, а теперь страна находится где-то внизу рейтинга промышленно развитых государств по показателям продолжительности жизни и высоты роста, но зато на самом верху — в области подростковых беременностей и детской смертности. В то время как в других странах средний рост увеличивался примерно на 2,5 см с каждым десятилетием, в США этого не происходило с 1970-х гг. В результате жители Северной Европы теперь в среднем на 7–8 см выше американцев. Это не объясняется недавней иммиграцией в Штаты — она составляет слишком небольшую долю, чтобы повлиять на эту статистику. И в плане средней продолжительности жизни США отстают от остального мира. По этому важнейшему показателю здоровья американцы уже не входят даже в топ-25 стран.

Как это объяснить? Первая причина, приходящая на ум, — приватизация сферы здравоохранения, которая приводит к тому, что у миллионов людей нет медицинской страховки. Но проблема может лежать и глубже. Британский экономист Ричард Уилкинсон, собравший по всему миру огромный массив данных по взаимосвязям между социоэкономическим положением населения и его здоровьем, во всем винит неравенство. При наличии огромного числа бедных разрыв в доходах в США напоминает ситуацию в странах третьего мира. Один процент самых богатых американцев получает больше, чем совокупный доход 40% населения, составляющего низший класс. Это гигантский разрыв по сравнению с Европой и Японией. Уилкинсон утверждает, что огромное неравенство в доходах разъедает ткань социума. Оно вызывает возмущение и подрывает доверие, что приводит к стрессу и у богатых, и у бедных. В такой системе никто не чувствует себя хорошо. Результатом является то, что сейчас в самом богатом государстве в мире показатели здоровья населения гораздо ниже, чем раньше.

Что бы мы ни думали о какой-либо политической системе, если она не справляется с тем, чтобы улучшать физическое здоровье и благополучие своих граждан, значит, в ней есть проблемы. И так же, как коммунистический проект рухнул из-за несоответствия между идеологией и человеческим поведением, неограниченный капитализм может оказаться нежизнеспособным и вредным, поскольку он утверждает материальное благополучие немногих в ущерб всем остальным. В этом он идет вразрез с долгой эволюционной историей эгалитаризма, который, в свою очередь, связан с нашей природной склонностью к сотрудничеству.

Эксперименты над приматами показывают, как разваливается кооперация, если ее плоды не делятся между всеми участниками, и, скорее всего, по тому же принципу строится человеческое поведение.

Таким образом, в книге природы есть страницы, которые порадуют и либералов, и консерваторов, и тех, кто полагает, что мы все в одной лодке, и тех, кто верует в стремление к собственной выгоде. Когда Маргарет Тэтчер заявила, что такой вещи, как общество, не существует, она явно описывала не тех в высшей степени социальных приматов, которыми мы являемся. А когда Петр Кропоткин, русский князь, революционер-анархист, географ и геоморфолог (1842–1921), полагал, что борьба за существование может привести только ко все большей кооперации, он закрывал глаза на свободную конкуренцию и ее стимулирующие эффекты. И теперь перед нами стоит сложная задача — найти верный баланс между этими двумя сторонами.

Вероятно, человеческие общества более эффективны, если по своему устройству максимально приближены к небольшим сообществам наших предков. Мы совершенно точно развивались не для того, чтобы жить в городах с миллионным населением, где повсюду натыкаешься на незнакомцев: они угрожают нам на темных улицах, мы сидим рядом с ними в автобусах, показываем им средний палец в дорожных пробках. Подобно бонобо с их сплоченными сообществами, наши предки жили в окружении людей, которых знали и с которыми взаимодействовали каждый день. Примечательно, что современные общества действительно упорядочены, продуктивны и относительно безопасны. Но градостроителям стоило бы поработать над тем, чтобы приблизить жителей городов к общинной

жизни прошлого, где любой знал, как зовут каждого ребенка и где тот живет.

Термин «социальный капитал» отсылает нас к общественной безопасности и ощущению защищенности, порождаемому привычной окружающей обстановкой и тесными социальными взаимосвязями. Старые кварталы в таких городах, как Чикаго, Нью-Йорк, Лондон и Париж, производят социальный капитал, но только потому, что и были созданы таким образом, чтобы люди жили, работали, ходили в магазины и в школу. В результате люди знакомятся и у них появляются общие ценности. Молодая женщина, идущая вечером домой, будет находиться в окружении местных жителей, заинтересованных в безопасности на улицах, и может чувствовать себя защищенной. Она находится под негласным наблюдением бдительных соседей. Современная тенденция на пространственное разделение мест, где человек может удовлетворять свои разнообразные потребности, разрушает эту традицию, заставляя нас жить в одном месте, ходить в магазин — в другом, а работать — в третьем. Это катастрофа для развития сообществ, не говоря уж о том, сколько времени и топлива тратится на перемещение всех этих людей и какой стресс это вызывает.

По словам Эдварда Уилсона, биология держит нас «на поводке» и лишь в ограниченной степени позволяет нам отклониться от того, кто мы есть. Мы можем строить свою жизнь как нам угодно, но будем ли мы процветать, зависит от того, насколько хорошо такая жизнь будет соответствовать человеческим предрасположенностям.

Я столкнулся с ярким примером этого, когда пил чай вместе с одной молодой парой во время визита в израильский кибуц в 1990-е гг. Они оба воспитывались в соседних

кибуцах, когда детей еще разлучали с родителями, чтобы те росли вместе с другими детьми в интернате. Супруги объяснили, что теперь от этой практики отказались и родителям позволено забирать детей домой после школы и оставлять на ночь. Они сказали, что это изменение принесло им большое облегчение, потому что «просто кажется правильным», когда дети живут вместе с родителями.

Это так очевидно! В кибуцах нащупали предел поводака. Я не решаюсь предсказывать, что мы, люди, можем и не можем делать, но связь между матерью и ребенком должна была бы казаться священной и неприкосновенной, поскольку лежит в основе всей биологии млекопитающих. Мы натываемся на те же самые пределы, когда решаем, какое общество строить и как добиваться признания прав человека по всему миру. Мы связаны человеческой психологией, формировавшейся на протяжении миллионов лет жизни в небольших сообществах, и нам нужно каким-то образом структурировать мир вокруг себя с учетом этой психологии. Если бы нам удалось воспринимать людей на всех континентах как «своих», вовлекая их в наш круг взаимопомощи и эмпатии, тогда мы бы строили жизнь, опираясь на свою природу, а не идя против нее.

В 2004 г. израильский министр юстиции Йосеф Лапид вызвал политический скандал, выразив сочувствие противнику. Он раскритиковал планы армии Израиля смести с лица земли тысячи палестинских домов в зоне вдоль границы с Египтом. Его заделали за живое кадры в вечерних новостях: «Когда я увидел по телевизору кадры, где старуха на четвереньках ползает по руинам своего дома, ища под плитками пола свои лекарства, я подумал: „Что бы я сказал, если бы это была моя бабушка?“» Бабушка Лапида стала жертвой холо-

коста. Однако сторонникам жестких государственных решений, разумеется, не понравились подобные умонастроения, и они изо всех сил старались от них отмежеваться. Этот инцидент показывает, как простая человеческая эмоция может расширить чье-то представление о группе «своих». Лapid внезапно осознал, что палестинцы тоже являются частью его круга внимания и заботы. Эмпатия — единственное оружие в человеческом арсенале, способное избавить нас от проклятия ксенофобии.

Но эмпатия вещь хрупкая. У наших ближайших родственников она включается в результате событий, происходящих внутри их сообщества, когда, например, в беду попадает детеныш, но так же легко выключается в отношении чужаков или представителей других видов, в частности тех, которые служат им добычей. То, как шимпанзе разбивает череп живой мартышки, колотя ее о дерево, чтобы добраться до мозга, вряд ли может служить рекламой эмпатии у человекообразных обезьян. Бонобо менее жестоки, но в их случае эмпатии тоже приходится проходить через несколько фильтров, прежде чем она получит свое выражение. Зачастую эти фильтры ее останавливают, потому что ни одна человекообразная обезьяна не может себе позволить все время ощущать жалость ко всем живым существам. То же верно и для людей. То, как мы запрограммированы эволюцией, затрудняет идентификацию с чужаками. Мы устроены так, чтобы ненавидеть своих врагов, игнорировать потребности людей, которых мы едва знаем, и не доверять всем, кто не похож на нас. Даже если внутри своих сообществ мы по большей части склонны к сотрудничеству, то по отношению к незнакомцам мы, подобно другим животным, ведем себя совершенно иначе.

Такой подход был в афористичной форме изложен Уинстоном Черчиллем задолго до того, как он заработал репутацию выдающегося военного и политического деятеля. Он написал: «История человеческого рода — это война. Если не считать периодов недолгого и беспокойного затишья, мира на земле не было никогда; бесконечная кровавая распря царила повсюду еще до начала времен». Как мы уже видели, это грубое преувеличение. Никто не отрицает нашего воинственного потенциала, но Черчилль определенно неправильно оценил продолжительность мирных периодов. Современные охотники-собиратели большую часть времени сосуществуют мирно. Вероятно, это даже в большей степени относилось к нашим предкам, жившим на планете, где имелось много свободного пространства и необходимость конкурировать друг с другом была относительно невысока. Наверняка между группами на протяжении долгого времени царила гармония, прерываемая лишь краткими периодами конфликтов.

Даже при том, что обстоятельства изменились — отчего сохранять мир стало гораздо труднее, чем в прежние времена, — возвращение к образу мыслей, способствовавшему взаимовыгодным межгрупповым взаимодействиям, возможно, не столь уж невероятно, как может показаться любителям подчеркивать нашу воинственную сторону. В конце концов, у нас имеется по меньшей мере столь же долгая история мирных отношений с другими группами, как и вражды с ними. В нас присутствуют обе стороны: сторона шимпанзе, мешающая устанавливать дружественные отношения между группами, и сторона бонобо, допускающая сексуальные отношения и груминг за пределами своих границ.

Какая из внутренних обезьян?

Когда Хелену Бонэм-Картер спросили в одном интервью, как она готовилась к роли Ари в фильме «Планета обезьян», она сказала, что просто вошла в контакт со своей внутренней обезьяной. Она и другие актеры отправились в так называемую обезьянью академию, чтобы научиться присущим этим животным позам и движениям, но, хотя маленькая и хрупкая Бонэм-Картер и играла роль шимпанзе, полагая, что внутри себя она нашла чуткую и чувственную бонобо.

Контраст между этими двумя видами человекообразных обезьян напоминает мне проводимое психологами различие между личностями УИ и СИ. УИ означает «усиливающий иерархию» (HE, Hierarchy-Enhancing), то есть верящий в закон и порядок, а также жесткие меры, чтобы удерживать всех на своих местах. А СИ значит «смягчающий иерархию» (HA, Hierarchy-Attenuating) — это тот, кто стремится уравнивать правила игры. Вопрос не в том, какая тенденция более желательна, потому что только вместе они создают человеческое общество, каким мы его знаем. В наших обществах оба типа уравновешены, и есть институты, предназначенные для того, чтобы поддерживать иерархию (например, система уголовного правосудия) или смягчать ее (например, движения за гражданские права или организации, заботящиеся о бедных).

Каждая личность больше склоняется к первому или второму типу, по этой системе можно даже классифицировать целые виды — тогда шимпанзе будут более УИ, а бонобо — более СИ. Возможно ли, что мы ведем себя как некие гибриды между этими двумя видами человекообразных

обезьян? Мы мало знаем о поведении настоящих гибридов, но они биологически возможны и существуют в реальности. Никакой уважающий себя зоопарк не стал бы намеренно скрещивать два вида приматов, находящихся под угрозой уничтожения, но есть одно сообщение о небольшом французском странствующем цирке, в котором выступают обезьяны с необычными голосами. Этих обезьян считали шимпанзе, но для уха специалиста их крики звучат столь же пронзительно и высоко, как у бонобо. Оказывается, что цирк, не зная того, много лет назад приобрел самца бонобо, который получил имя Конго. Дрессировщик вскоре заметил у этого самца ненасытную жажду секса и стал ее эксплуатировать, награждая Конго за лучшие выступления совокуплением с цирковыми самками шимпанзе. Появившиеся детеныши — думаю, их надо называть «бонанзе» или «шимпобо» — ходили на двух ногах с примечательной легкостью и поражали всех своей элегантностью и чувствительностью.

Возможно, у нас много общего с такими гибридами. Нам повезло быть обладателями не одной, а сразу двух внутренних обезьян, которые позволяют выстроить значительно более сложный образ самих себя, чем тот, который сложился за последние 25 лет на основе биологии. Представление о нас как о сугубо эгоистичных и злобных существах с лишь иллюзорной нравственностью должно быть пересмотрено. Если мы по сути своей обезьяны, как я утверждаю, или по крайней мере произошли от обезьян, как будет утверждать любой биолог, то нам от рождения присущ широкий диапазон наклонностей, от самых низменных до самых благородных. Наша мораль и нравственность вовсе не плод воображения, а являются

результатом того же процесса отбора, который сформировал нашу конкурентную и агрессивную стороны.

То, что подобное существо смогло появиться путем выбывания неуспешных генотипов, придает дарвиновской теории особую силу. Если мы перестанем путать этот процесс с его результатом, то есть допускать «ошибку Бетховена», мы увидим одно из самых внутренне противоречивых животных, когда-либо ходивших по земле. Оно способно на невероятные разрушения и может наносить вред как окружающей его среде, так и своим сородичам, но в то же время обладает такими огромными запасами глубочайшей эмпатии и любви, каких еще не видел свет. Поскольку это животное стало доминировать над всеми прочими, особенно важно, чтобы оно честно посмотрело в зеркало, узнав и противостоящего ему врага, и союзника, готового помочь строить новый, лучший мир.

БИБЛИОГРАФИЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ. НАШЕ ОБЕЗЬЯНЬЕ СЕМЕЙСТВО

- Ardrey, R. (1961) *African Genesis: A Personal Investigation into the Animal Origins and Nature of Man*. New York: Simon & Schuster.
- Baron-Cohen, S. (2003) *The Essential Difference: The Truth About the Male and Female Brain*. New York: Basic Books.
- Cartmill, M. (1993) *A View to a Death in the Morning: Hunting and Nature Throug History*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Cohen, S., Doyle, W. J., Skoner, D. P., Rabin, B. S., and Gwaltney, J. M. (1997) "Social Ties and Susceptibility to the Common Cold." *Journal of the American Medical Association* 277: 1940–1944.
- Coolidge, H. J. (1933) "Pan Paniscus: Pygmy Chimpanzee from South of the Congo River." *American Journal of Physical Anthropology* 18: 1–57.
- _____. (1984) "Historical Remarks Bearing on the Discovery of Pan Paniscus." In *The Pygmy Chimpanzee*, Susman, R. L. (Ed.), pp. ix — xiii. New York: Plenum.
- Darwin, C. (1967 [1859]) *On the Origin of Species by Means of Natural Selection or the Preservation of Favoured Races in the Struggle for Life*. London: John Murray. Дарвин Ч. Происхождение видов путем естественного отбора, или сохранение благоприятных рас в борьбе за жизнь. — СПб.: Наука, Санкт-Петербург. отделение, 1991.
- _____. (1981 [1871]) *The Descent of Man, and Selection in Relation to Sex*. Princeton, NJ: Princeton University Press. Дарвин Ч. Происхождение

- человека и половой отбор // Сочинения: в 9 т. Т. 5. — М.: Издательство Академии наук СССР, 1953.
- Dawkins, R. (1976) *The Selfish Gene*. Oxford: Oxford University Press.
- Докинз Р. Эгоистичный ген. — М.: ACT: CORPUS, 2013.
- de Waal, F.B. M. (1980) "Aap Geeft Aapje de Fles." *De Levende Natuur* 82 (2): 45–53.
- . (1996) *Good Natured: The Origins of Right and Wrong in Humans and Other Animals*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- . (1997) *Bonobo: The Forgotten Ape*, with photographs by Frans Lanting. Berkeley, CA: University of California Press.
- Ghiselin, M. (1974) *The Economy of Nature and the Evolution of Sex*. Berkeley, CA: University of California Press.
- Goodall, J. (1979) "Life and Death at Gombe." *National Geographic* 155 (5): 592–621.
- . (1986) *The Chimpanzees of Gombe: Patterns of Behavior*. Cambridge, MA: Harvard University Press. Гудолл Дж. Шимпанзе в природе: поведение. — М.: Мир, 1992.
- . (1999) *Reason for Hope*. New York: Warner.
- Greene, J., and Haidt, J. (2002) "How (and Where) Does Moral Judgement Work?" *Trends in Cognitive Sciences* 16: 517–523.
- Hoffman, M. L. (1978) "Sex Differences in Empathy and Related Behaviors." *Psychological Bulletin* 84: 712–722.
- Kano, T. (1992) *The Last Ape: Pygmy Chimpanzee Behavior and Ecology*. Stanford, CA: Stanford University Press.
- Köhler, W. (1959 [1925]) *Mentality of Apes*. 2nd edition. New York: Vintage.
- Menzel, C. R. (1999) "Unprompted Recall and Reporting of Hidden Objects by a Chimpanzee (*Pan Troglodytes*) After Extended Delays." *Journal of Comparative Psychology* 113: 426–434.
- Montagu, A., Editor. (1968) *Man and Aggression*. London: Oxford University Press.
- Morris, D. (1967) *The Naked Ape*. New York: McGraw-Hill.
- Nakamichi, M. (1998) "Stick Throwing by Gorillas at the San Diego Wild Animal Park." *Folia primatologica* 69: 291–295.
- Nesse, R. M. (2001) "Natural Selection and the Capacity for Subjective Commitment." In *Evolution and the Capacity for Commitment*, Nesse, R. M. (Ed.), pp. 1–44. New York: Russell Sage.
- Nishida, T. (1968) "The Social Group of Wild Chimpanzees in the Mahali Mountains." *Primates* 9: 167–224.
- Parr, L. A., and de Waal, F.B. M. (1999) "Visual Kin Recognition in Chimpanzees." *Nature* 399: 647–648.

- Patterson, T. (1979) "The Behavior of a Group of Captive Pygmy Chimpanzees (*Pan Paniscus*).", *Primates* 20: 341–354.
- Ridley, M. (1996) *The Origins of Virtue*. London: Viking. Ридли М. Происхождение альтруизма и добродетели. — М.: Эксмо-Пресс, 2016.
- . (2002) *The Cooperative Gene*. New York: Free Press. Ридли М. Геном. — М.: Эксмо, 2015.
- Schwab, K. (February 24, 2003) "Capitalism Must Develop More of a Conscience." *Newsweek*.
- Smith, A. (1937 [1759]) *A Theory of Moral Sentiments*. New York: Modern Library. Смит А. Теория нравственных чувств. — М.: Республика, 1997.
- Sober, E., and Wilson, D. S. (1998) *Unto Others: The Evolution and Psychology of Unselfish Behavior*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Taylor, S. (2002) *The Tending Instinct*. New York: Times Books.
- Tratz, E. P., and Heck, H. (1954) "Der Afrikanische Anthrope 'Bonobo,' eine Neue Menschenaffengattung." *Säugetierkundliche Mitteilungen* 2: 97–101.
- Wildman, D. E., Uddin, M., Liu, G., Grossman, L. I., and Goodman, M. (2003) "Implications of Natural Selection in Shaping 99.4% Nonsynonymous DNA Identity Between Humans and Chimpanzees: Enlarging Genus Homo." *Proceedings of the National Academy of Sciences* 100: 7181–7188.
- Williams, G. C. (1988) Reply to comments on "Huxley's Evolution and Ethics in Sociobiological Perspective." *Zygon* 23: 437–438.
- Wilson, E. O. (1978) *On Human Nature*. Cambridge, MA: Harvard University Press. Уилсон Э. О природе человека. — М.: Кучково поле, 2015.
- Wrangham, R. W., and Peterson, D. (1996) *Demonic Males: Apes and the Evolution of Human Aggression*. Boston: Houghton Mifflin.
- Wright, R. (1994) *The Moral Animal: The New Science of Evolutionary Psychology*. New York: Pantheon. Райт Р. Моральное животное. — М.: АСТ, 2020.
- Yerkes, R. M. (1925) *Almost Human*. New York: Century.
- Zihlman, A. L. (1984) "Body Build and Tissue Composition in *Pan Pansicus* and *Pan Troglodytes*, with Comparisons to Other Hominoids." In *The Pygmy Chimpanzee*, Susman, R. L. (Ed.), pp. 179–200. New York: Plenum.
- Zihlman, A. L., Cronin, J. E., Cramer, D. L., and Sarich, V. M. (1978) "Pygmy Chimpanzee as a Possible Prototype for the Common Ancestor of Humans, Chimpanzees, and Gorillas." *Nature* 275: 744–746.

ГЛАВА ВТОРАЯ. ВЛАСТЬ

- Adang, O. (1999) *De Machtigste Chimpansee van Nederland: Leven en Dood in een Mensapengemeenschap*. Amsterdam: Nieuwezijds.

- Boehm, C. (1993) "Egalitarian Behavior and Reverse Dominance Hierarchy." *Current Anthropology* 34: 227–254.
- _____. (1994) "Pacifying Interventions at Arnhem Zoo and Gombe." In *Chimpanzee Cultures*, Wrangham, R. W., McGrew, W. C., de Waal, F. B. M., and Heltne, P. (Eds.), pp. 211–226. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- _____. (1999) *Hierarchy in the Forest: The Evolution of Egalitarian Behavior*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- de Waal, F. B. M. (1984) "Sex-Differences in the Formation of Coalitions Among Chimpanzees." *Ethology & Sociobiology* 5: 239–255.
- _____. (1994) "The Chimpanzee's Adaptive Potential: A Comparison of Social Life Under Captive and Wild Conditions." In *Chimpanzee Cultures*, Wrangham, R. W., McGrew, W. C., de Waal, F. B. M., and Heltne, P. (Eds.), pp. 243–260. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- _____. (1997) *Bonobo: The Forgotten Ape*, with photographs by Frans Lanting. Berkeley, CA: University of California Press.
- _____. (1998 [1982]) *Chimpanzee Politics: Power and Sex Among Apes*. Revised edition. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press. Де Валь Ф. Политика у шимпанзе. Власть и секс у приматов. — М.: ИД ВШЭ, 2020.
- de Waal, F. B. M. and L. M. Luttrell. (1988) "Mechanisms of Social Reciprocity in Three Primate Species: Symmetrical Relationship Characteristics or Cognition?" *Ethology & Sociobiology* 9: 101–118.
- _____. (1989) "Toward a Comparative Socioecology of the Genus *Macaca*: Different Dominance Styles in Rhesus and Stumptail Monkeys." *American Journal of Primatology* 19: 83–109.
- Doran, D. M., Jungers, W. L., Sugiyama, Y., Fleagle, J. G., and Heesy, C. P. (2002) "Multivariate and Phylogenetic Approaches to Understanding Chimpanzee and Bonobo Behavioral Diversity." In *Behavioural Diversity in Chimpanzees and Bonobos*, Boesch, C., Hohmann, G., and Marchant, L. F. (Eds.), pp. 14–34. Cambridge: Cambridge University Press.
- Dowd, M. (April 10, 2002) "The Baby Bust." *The New York Times*.
- Furuichi, T. (1989) "Social Interactions and the Life History of Female *Pan Paniscus* in Wamba, Zaire." *International Journal of Primatology* 10: 173–197.
- _____. (1992) "Dominance Status of Wild Bonobos at Wamba, Zaire." XIVth Congress of the International Primatological Society, Strasbourg, France.
- _____. (1997) "Agonistic Interactions and Matrifocal Dominance Rank of Wild Bonobos at Wamba." *International Journal of Primatology* 18: 855–875.

- Gamson, W. (1961) "A Theory of Coalition Formation." *American Sociological Review* 26: 373–382.
- Goodall, J. (1992) "Unusual Violence in the Overthrow of an Alpha Male Chimpanzee at Gombe." In *Topics in Primatology, Volume 1, Human Origins*, Nishida, T., McGrew, W. C., Marler, P., Pickford, M., and de Waal, F. B. M. (Eds.), pp. 131–142. University of Tokyo Press, Tokyo.
- Grady, M. F., and McGuire, M. T. (1999) "The Nature of Constitutions." *Journal of Bioeconomics* 1: 227–240.
- Gregory, S. W., and Webster, S. (1996) "A Nonverbal Signal in Voices of Interview Partners Effectively Predicts Communication Accommodation and Social Status Perceptions." *Journal of Personality and Social Psychology* 70: 1231–1240.
- Gregory, S. W., and Gallagher, T. J. (2002) "Spectral Analysis of Candidates' Nonverbal Vocal Communication: Predicting U.S. Presidential Election Outcomes." *Social Psychology Quarterly* 65: 298–308.
- Hobbes, T. (1991 [1651]) *Leviathan*. Cambridge: Cambridge University Press.
Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. — М.: Соцэкгиз, 1936; последнее издание: Гоббс Т. Левиафан. — СПб.: Азбука, 2020.
- Hohmann, G., and Fruth, B. (1996) "Food Sharing and Status in Unprovisioned Bonobos." In *Food and the Status Quest*, Wiessner, P., and Schiefenhövel, W. (Eds.), pp. 47–67. Providence, RI: Berghahn.
- Kano, T. (1996) "Male Rank Order and Copulation Rate in a Unit-Group of Bonobos at Wamba, Zaïre." In *Great Ape Societies*, McGrew, W. C., Marchant, L. F., and Nishida, T. (Eds.), pp. 135–145. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kano, T. (1998) Comments on C. B. Stanford. *Current Anthropology* 39: 410–411.
- Kawanaka, K. (1984) "Association, Ranging, and the Social Unit in Chimpanzees of the Mahale Mountains, Tanzania." *International Journal of Primatology* 5: 411–434.
- Konner, M. (2002) "Some Obstacles to Altruism." In *Altruistic Love: Science, Philosophy, and Religion in Dialogue*, Post, S. G., et al. (Eds.), pp. 192–211. Oxford: Oxford University Press.
- Lee, P. C. (1997) "The Meanings of Weaning: Growth, Lactation and Life History." *Evolutionary Anthropology* 5: 87–96.
- Lee, R. B. (1979) *The!Kung San: Men, Women, and Work in a Foraging Society*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Mulder, M. (1979) *Omgaan met Macht*. Amsterdam: Elsevier.

- Nishida, T. (1983) "Alpha Status and Agonistic Alliances in Wild Chimpanzees." *Primates* 24: 318–336.
- Nishida, T., and Hosaka, K. (1996) "Coalition Strategies Among Adult Male Chimpanzees of the Mahale Mountains, Tanzania." In *Great Ape Societies*, McGrew, W. C., Marchant, L. F., and Nishida, T. (Eds.), pp. 114–134. Cambridge: Cambridge University Press.
- Parish, A. R. (1993) "Sex and Food Control in the 'Uncommon Chimpanzee': How Bonobo Females Overcome a Phylogenetic Legacy of Male Dominance." *Ethology & Sociobiology* 15: 157–179.
- Parish, A. R., and de Waal, F. B. M. (2000) "The Other 'Closest Living Relative': How Bonobos Challenge Traditional Assumptions About Females, Dominance, Intra- and Inter-Sexual Interactions, and Hominid Evolution." In *Evolutionary Perspectives on Human Reproductive Behavior*, LeCroy, D., and Moller, P. (Eds.), pp. 97–103. Annals of the New York Academy of Sciences 907.
- Riss, D., and Goodall, J. (1977) "The Recent Rise to the Alpha-Rank in a Population of Free-Ranging Chimpanzees." *Folia primatologica* 27: 134–151.
- Roy, R., and Benenson, J. F. (2002) "Sex and Contextual Effects on Children's Use of Interference Competition." *Developmental Psychology* 38: 306–312.
- Sacks, O. (1985) *The Man who Mistook His Wife for a Hat*. London: Picador.
- Сакс О. Человек, который принял жену за шляпу, и другие истории из врачебной практики. — М.: АСТ, 2015.
- Sapolsky, R. M. (1994) *Why Zebras Don't Get Ulcers*. New York: Freeman.
- Сапольски Р. Почему у зебр не бывает инфаркта. Психология стресса. — СПб.: Питер, 2020.
- Schama, S. (1987) *The Embarrassment of Riches: An Interpretation of Dutch Culture in the Golden Age*. New York: Knopf.
- Schjelderup-Ebbe, T. (1922) "Beiträge zur Sozialpsychologie des Haushuhns." *Zeitschrift für Psychologie* 88: 225–252.
- Sherif, M. (1966) *In Common Predicament: Social Psychology of Intergroup Conflict and Cooperation*. Boston: Houghton Mifflin.
- Stanford, C. B. (1998) "The Social Behavior of Chimpanzees and Bonobos." *Current Anthropology* 39: 399–407.
- Strier, K. B. (1992) "Causes and Consequences of Nonaggression in the Woolly Spider Monkey, or Muriqui." In *Aggression and Peacefulness in Humans and Other Primates*, Silverberg, J., and Gray, J. P. (Eds.), pp. 100–116. New York: Oxford University Press.
- Thierry, B. (1986) "A Comparative Study of Aggression and Response to Aggression in Three Species of Macaque." In *Primate Ontogeny, Cognition*

and Social Behavior, Else, J. G., and Lee, P. C. (Eds.), pp. 307–313. Cambridge: Cambridge University Press.

van Elsacker, L., Vervaecke, H., and Verheyen, R. F. (1995) “A Review of Terminology on Aggregation Patterns in Bonobos.” *International Journal of Primatology* 16: 37–52.

Vervaecke, H., de Vries, H., and van Elsacker, L. (2000) “Dominance and Its Behavioral Measures in a Captive Group of Bonobos.” *International Journal of Primatology* 21: 47–68.

Wiessner, P. (1996) “Leveling the Hunter: Constraints on the Status Quest in Foraging Societies.” In *Food and the Status Quest*, Wiessner, P., and Schiefelhövel, W. (Eds.), pp. 171–191. Providence, RI: Berghahn.

Woodward, R., and Bernstein, C. (1976) *The Final Days*. New York: Simon & Schuster.

Zinnes, D. A. (1967) “An Analytical Study of the Balance of Power Theories.” *Journal of Peace Research* 4: 270–288.

ГЛАВА ТРЕТЪЯ. СЕКС

Alcock, J. (2001) *The Triumph of Sociobiology*. Oxford: Oxford University Press.

Alexander, M. G., and Fisher, T. D. (2003) “Truth and Consequences: Using the Bogus Pipeline to Examine Sex Differences in Self-Reported Sexuality.” *Journal of Sex Research* 40: 27–35.

Angier, N. (1999) *Woman: An Intimate Geography*. New York: Houghton Mifflin.

Antilla, S. (2003) *Tales from the Boom-Boom Room: Women vs. Wall Street*. Princeton, NJ: Bloomberg Press.

Arribas, A. (2003) *Petite Histoire du Baiser*. Paris: Nicolas Philippe.

Bagemihl, B. (1999) *Biological Exuberance: Animal Homosexuality and Natural Diversity*. New York: St. Martin's Press.

Beckerman, S., and Valentine, P. (2002) *Cultures of Multiple Fathers: The Theory and Practice of Partible Paternity in Lowland South America*. Gainesville, FL: University Press of Florida.

Bereczkei, T., Gyuris, T., and Weisfeld, G. E. (2004) “Sexual Imprinting in Human Mate Choice.” *Proceedings of the Royal Society of London* 271: 1129–1134.

Betzig, L. (1986) *Despotism and Differential Reproduction: A Darwinian View of History*. New York: Aldine de Gruyter.

Boesch, C., and Boesch, H. (1984) “Sex Differences in the Use of Natural Hammers by Wild Chimpanzees: A Preliminary Report.” *Journal of Human Evolution* 13: 415–585.

- Bray, O. E., Kennelly, J. J., and Guarino, J. L. (1975) "Fertility of Eggs Produced on Territories of Vasectomized Red-Winged Blackbirds." *Wilson Bulletin* 87: 187–195.
- Brown Travis, C., Editor. (2003) *Evolution, Gender, and Rape*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Buss, D. M. (1989) "Sex Differences in Human Mate Preferences." *Behavioral and Brain Sciences* 12: 1–49.
- Cardoso, F. L., and Werner, D. (2004) "Homosexuality." In *Encyclopedia of Sex and Gender: Men and Women in the World's Cultures*, Ember, C. R., and Ember, M. (Eds.), pp. 204–215. New York: Kluwer.
- Dahl, J. F. (1986) "Cyclic Perineal Swelling During the Intermenstrual Intervals of Captive Female Pygmy Chimpanzees." *Journal of Human Evolution* 15: 369–385.
- Dahl, J. F., Nadler, R. D., and Collins, D. C. (1991) "Monitoring the Ovarian Cycles of *Pan Troglodytes* and *Pan Paniscus*: A Comparative Approach." *American Journal of Primatology* 24: 195–209.
- Daly, M., and Wilson, M. (1982) "Whom Are Newborn Babies Said to Resemble?" *Ethology & Sociobiology* 3: 69–78.
- _____. (1988) *Homicide*. Hawthorne, NY: Aldine de Gruyter.
- de Waal, F. B. M. (1987) "Tension Regulation and Nonreproductive Functions of Sex Among Captive Bonobos." *National Geographic Research* 3: 318–335.
- _____. (1995) "Sex as an Alternative to Aggression in the Bonobo." In *Sexual Nature, Sexual Culture*, Abramson, P., and Pinkerton, S. (Eds.), pp. 37–56. Chicago: University of Chicago Press.
- _____. (1998) Commentary on C. B. Stanford. *Current Anthropology* 39: 407–408.
- _____. (April 2, 2000) "Survival of the Rapist," review of *A Natural History of Rape* by R. Thornhill and C. T. Palmer. *New York Times Book Review*, pp. 24–25.
- _____. (2001) *The Ape and the Sushi Master*. New York: Basic Books.
- Deer, B. (March 9, 1997) "Death of the Killer Ape." *The Sunday Times Magazine* (London), March 9, 1997.
- Diamond, M. (1990) "Selected Cross-Generational Sexual Behavior in Traditional Hawai'i: A Sexological Ethnography." In *Pedophilia: Biosocial Dimensions*, Feierman, J. R. (Ed.), pp. 378–393. New York: Springer.
- Ehrlich, P. (2000) *Human Natures: Genes, Cultures, and the Human Prospect*. Washington, D. C.: Island Press.
- Fisher, H. (1983) *The Sex Contract: The Evolution of Human Behavior*. New York: Quill.

- Fossey, D. (1984) "Infanticide in Mountain Gorillas with Comparative Notes on Chimpanzees." In *Infanticide*, Hausfater, G., and Hrdy, S. B. (Eds.), pp. 217–235. New York: Aldine de Gruyter.
- Foucault, M. (1978) *The History of Sexuality. Volume 1: An Introduction*. New York: Vintage.
- Freese, J., and Meland, S. (2002) "Seven Tenths Incorrect: Heterogeneity and Change in the Waist-to-Hip Ratios in Playboy Centerfold Models and Miss America Pageant Winners." *Journal of Sex Research* 39: 133–138.
- Freud, S. (1950 [1913]) *Totem and Taboo: Some Points of Agreement Between the Mental Lives of Savages and Neurotics*. New York: Norton. Фрейд З. Тотем и табу. — СПб.: Азбука, 2017.
- Friedman, D. M. (2001) *A Mind of its Own: A Cultural History of the Penis*. New York: Free Press. Фридман Д. Пенис: история взлетов и падений. — М.: РИПОЛ классик, 2011.
- Furuichi, T., and Hashimoto, C. (2002) "Why Female Bonobos Have a Lower Copulation Rate During Estrus Than Chimpanzees." In *Behavioural Diversity in Chimpanzees and Bonobos*, Boesch, C., Hohmann, G., and Marchant, L. F. (Eds.), pp. 156–167. Cambridge: Cambridge University Press.
- Furuichi T., Idani, G., Ihobe, H., Kuroda, S., Kitamura, K., Mori, A., Enomoto, T., Okayasu, N., Hashimoto, C., and Kano, T. (1998) "Population Dynamics of Wild Bonobos at Wamba." *International Journal of Primatology* 19: 1029–1043.
- Goldfoot, D. A., Westerborgvan Loon, H., Groeneveld, W., and Slob, A. K. (1980) "Behavioral and Physiological Evidence of Sexual Climax in the Female Stumptailed Macaque." *Science* 208: 1477–1479.
- Gould, S. J. (1987) "Freudian Slip." *Natural History* April: 15–21.
- Harcourt, A. H. (1995) "Sexual Selection and Sperm Competition in Primates: What Are Male Genitalia Good For?" *Evolutionary Anthropology* 4: 121–129.
- Hashimoto, C., and Furuichi, T. (1994) "Social Role and Development of Noncopulatory Sexual Behavior of Wild Bonobos." In *Chimpanzee Cultures*, Wrangham, R. W., et al. (Eds.), pp. 155–168. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Hawkes, K., O'Connell, J. F., Blurton-Jones, N. G., Alvarez, H., and Charnov, E. L. (1998) "Grandmothering, Menopause, and the Evolution of Human Life Histories." *Proceedings of the National Academy of Sciences* 95: 1336–1339.
- Hobbes, T. (1991 [1651]) *Leviathan*. Cambridge: Cambridge University Press.

- Hohmann, G., and Fruth, B. (2002) "Dynamics in Social Organization of Bonobos (*Pan Paniscus*)." In *Behavioural Diversity in Chimpanzees and Bonobos*, Boesch, C., Hohmann, G., and Marchant, L. F. (Eds.), pp. 138–150. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hrdy, S. B. (1979) "Infanticide Among Animals: A Review, Classification, and Examination of the Implications for the Reproductive Strategies of Females." *Ethology & Sociobiology* 1: 13–40.
- . (1999) *Mother Nature: A History of Mothers, Infants, and Natural Selection*. New York: Pantheon.
- Hrdy, S. B., and Whitten, P. L. (1987) "Patterning of Sexual Activity." In *Primate Societies*, Smuts, B., et al. (Eds.), pp. 370–384. Chicago: University of Chicago Press.
- Hua, C. (2001) *A Society Without Fathers or Husbands: The Na of China*. New York: Zone Books.
- Jolly, A. (1999) *Lucy's Legacy: Sex and Intelligence in Human Evolution*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Kano, T. (1992) *The Last Ape: Pygmy Chimpanzee Behavior and Ecology*. Stanford, CA: Stanford University Press.
- Kevles, B. (1986) *Females of the Species: Sex and Survival in the Animal Kingdom*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Kinsey, A. C., Pomeroy, W. B., and Martin, C. E. (1948) *Sexual Behavior and the Human Male*. Philadelphia: Saunders Company.
- Kuroda, S. (1982) *The Unknown Ape: The Pygmy Chimpanzee*. (In Japanese) Tokyo: Chikuma-Shobo.
- Laumann, E., Gagnon, J. H., Michael, R. T., and Michaels, S. (1994) *The Social Organization of Sexuality: Sexual Practices in the United States*. Chicago: University of Chicago Press.
- Linden, E. (2002) *The Octopus and the Orangutan*. New York: Dutton.
- Lovejoy, C. O. (1981) "The Origin of Man." *Science* 211: 341–350.
- Malinowski, B. (1929) *The Sexual Life of Savages*. London: Lowe & Brydone. Малиновски Б. Секс и вытеснение в обществе дикарей. — М.: ИД ВШЭ, 2012.
- Marlowe, F. (2001) "Male Contribution to Diet and Female Reproductive Success Among Foragers." *Current Anthropology* 42: 755–760.
- McGrew, W. C. (1979) "Evolutionary Implications of Sex-Differences in Chimpanzee Predation and Tool-Use." In *The Great Apes*, Hamburg, D. A., and McCown, E. R. (Eds.), pp. 440–463. Menlo Park, CA: Benjamin Cummings.
- Michael, R. T., Gagnon, J. H., Laumann, B. O., and Kolata, G. (1994) *Sex in America: A Definitive Survey*. New York: Little, Brown.

- Møller, A. P. (1988) "Ejaculate Quality, Testes Size and Sperm Competition in Primates." *Journal of Human Evolution* 17: 479–488.
- Morris, D. (1967) *The Naked Ape*. New York: McGraw-Hill. Моррис Д. Голая обезьяна. — СПб.: Амфора, 2004.
- Nishida, T., and Kawanaka, K. (1985) "Within-Group Cannibalism by Adult Male Chimpanzees." *Primates* 26: 274–284.
- Palombit, R. A. (1999) "Infanticide and the Evolution of Pair Bonds in Nonhuman Primates." *Evolutionary Anthropology* 7: 117–129.
- Panksepp, J. (1998) *Affective Neuroscience: The Foundations of Human and Animal Emotions*. New York: Oxford University Press.
- Potts, M., and Short, R. (1999) *Ever Since Adam and Eve: The Evolution of Human Sexuality*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Pusey, A. E., and Packer, C. (1994) "Infanticide in Lions: Consequences and Counter-Strategies." In *Infanticide and Parental Care*, Parmigiani, S., and vom Saal, F. (Eds.), pp. 277–299. Chur: Harwood Academic Publishers.
- Reno, P. L., Meindl, R. S., McCollum, M. A., and Lovejoy, C. O. (2003) "Sexual Dimorphism in Australopithecus Afarensis Was Similar to That of Modern Humans." *Proceedings of the National Academy of Sciences* 100: 9404–9409.
- Savage-Rumbaugh, S., and Wilkerson, B. (1978) "Socio-Sexual Behavior in *Pan Paniscus* and *Pan Troglodytes*: A Comparative Study." *Journal of Human Evolution* 7: 327–344.
- Short, R. V. (1979) "Sexual Selection and its Component Parts, Somatic and Genital Selection as Illustrated by Man and the Great Apes." *Advances in the Study of Behaviour* 9: 131–158.
- Simmons, L. W., Firman, R., Rhodes, G., and Peters, M. (2004) "Human Sperm Competition: Testis Size, Sperm Production and Rates of Extrapair Copulations." *Animal Behaviour* 68: 297–302.
- Singh, D. (1993) "Adaptive Significance of Female Physical Attractiveness: Role of Waist-to-Hip Ratio." *Journal of Personality and Social Psychology* 65: 293–307.
- Small, M. F. (1995) *What's Love Got to Do with It?* New York: Anchor Books.
- _____. (2003) "How Many Fathers are Best for a Child?" *Discover* April: 54–61.
- Smuts, B. B. (1995) "The Evolutionary Origins of Patriarchy." *Human Nature* 6: 1–32.
- Sommer, V. (1994) "Infanticide Among the Langurs of Jodhpur: Testing the Sexual Selection Hypothesis with a Long-Term Record." In *Infanticide and Parental Care*, Parmigiani, S., and vom Saal, F. S. (Eds.), pp. 155–187. Chur: Harwood Academic Publishers.

- Stanford, C. B. (1999) *The Hunting Apes: Meat-eating and the Origins of Human Behavior*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Sugiyama, Y. (1967) "Social Organization of Hanuman Langurs." In *Social Communication Among Primates*, Altmann, S. A. (Ed.), pp. 221–253. Chicago: The University of Chicago Press.
- Suzuki, A. (1971) "Carnivory and Cannibalism Observed Among Forest-Living Chimpanzees." *Journal of the Anthropological Society of Nippon* 79: 30–48.
- Symons, D. (1979) *The Evolution of Human Sexuality*. New York: Oxford University Press.
- Szalay, F. S., and Costello, R. K. (1991) "Evolution of Permanent Estrus Displays in Hominids." *Journal of Human Evolution* 20: 439–464.
- Thompson-Handler, N. (1990) *The Pygmy Chimpanzee: Sociosexual Behavior, Reproductive Biology and Life History Patterns*. Unpublished dissertation, New Haven, CT: Yale University.
- Thornhill, R., and Palmer, C. T. (2000) *The Natural History of Rape: Biological Bases of Sexual Coercion*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Tratz, E. P., and Heck, H. (1954) "Der Afrikanische Anthropoide 'Bonobo,' eine Neue Menschenaffengattung." *Säugetierkundliche Mitteilungen* 2: 97–101.
- van Hooff, J. A. R. A. M. (2002) *De Mens, een Primaat Net Zo "Eigenaardig" als de Andere Primaten*. The Hague: Nederlandse Organisatie voor Wetenschappelijk Onderzoek (NWO).
- van Schaik, C. P., and Dunbar, R. I. M. (1990) "The Evolution of Monogamy in Large Primates: A New Hypothesis and Some Crucial Tests." *Behaviour* 115: 30–62.
- Vasey, P. L. (1995) "Homosexual Behavior in Primates: A Review of Evidence and Theory." *International Journal of Primatology* 16: 173–204.
- Walker, A. (1998) *By the Light of My Father's Smile*. New York: Ballantine.
- Wolf, A. P., and Durham, W. H. (2005) *Inbreeding, Incest, and the Incest Taboo*. Stanford, CA: Stanford University Press.
- Wrangham, R. W. (1993) "The Evolution of Sexuality in Chimpanzees and Bonobos." *Human Nature* 4: 47–79.
- Wright, C. (November 14–21, 2002) "Going Ape." www.bostonphoenix.com.
- Yerkes, R. M. (1941) "Conjugal Contrasts Among Chimpanzees." *Journal of Abnormal and Social Psychology* 36: 175–199.
- Zerjal, T., et al. (2003) "The Genetic Legacy of the Mongols." *American Journal of Human Genetics* 72: 717–721.
- Zimmer, C. (2001) *Evolution: The Triumph of an Idea*. New York: Harper Collins.

Zuk, M. (2002) *Sexual Selections: What We Can and Can't Learn About Sex from Animals*. Berkeley, CA: University of California Press.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. НАСИЛИЕ

Atwood, M. E. (1989) *Cat's Eye*. New York: Doubleday. Этвуд М. Кошачий глаз. — М.: Эксмо, 2021.

Aureli, F. (1997) "Post-Conflict Anxiety in Nonhuman Primates: The Mediating Role of Emotion in Conflict Resolution." *Aggressive Behavior* 23: 315–328.

Aureli, F., and de Waal, F.B. M. (1997) "Inhibition of Social Behavior in Chimpanzees Under High-Density Conditions." *American Journal of Primatology* 41: 213–228.

_____. (2000) *Natural Conflict Resolution*. Berkeley, CA: University of California Press.

Aureli, F., Preston, S. D., and de Waal, F.B. M. (1999) "Heart Rate Responses to Social Interactions in Free-Moving Rhesus Macaques (*Macaca Mulatta*): A Pilot Study." *Journal of Comparative Psychology* 113: 59–65.

Bauman, J. (1926) "Observations of the Strength of the Chimpanzee and its Implications." *Journal of Mammalogy* 7: 1–9.

Brewer, S. (1978) *The Forest Dwellers*. London: Collins.

Butovskaya, M., Verbeek, P., Ljungberg, T., and Lunardini, A. (2001) "A Multi-Cultural View of Peacemaking Among Young Children." In *Natural Conflict Resolution*, Aureli, F., and de Waal, F.B. M. (Eds.), pp. 243–258. Berkeley, CA: University of California Press.

Calhoun, J. B. (1962) "Population Density and Social Pathology." *Scientific American* 206: 139–148.

Cords, M., and Thurnheer, S. (1993) "Reconciliation with Valuable Partners by Long-Tailed Macaques." *Ethology* 93: 315–325.

de Waal, F.B. M. (1986) "Integration of Dominance and Social Bonding in Primates." *Quarterly Review of Biology* 61: 459–479.

_____. (1986) "Prügelknaben bei Primaten und eine Tödliche Kampf in der Arnheimer Schimpansenkolonie." In *Ablehnung, Meidung, Ausschluss: Multidisziplinäre Untersuchungen über die Kehrseite der Vergemeinschaftung*, Gruter, M., and Rehbindner, M. (Eds.), pp.129–145. Berlin: Duncker & Humblot.

_____. (1989) *Peacemaking Among Primates*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

_____. (1989) "The Myth of a Simple Relation Between Space and Aggression in Captive Primates." *Zoo Biology Supplement* 1: 141–148.

- _____. (1997) *Bonobo: The Forgotten Ape, with photographs by Frans Lanting*. Berkeley, CA: University of California Press.
- _____. (2000) "Primates — A Natural Heritage of Conflict Resolution." *Science* 289: 586–590.
- _____. (2001) *The Ape and the Sushi Master*. New York: Basic Books.
- de Waal, F. B. M., and Johanowicz, D. L. (1993) "Modification of Reconciliation Behavior Through Social Experience: An Experiment with Two Macaque Species." *Child Development* 64: 897–908.
- de Waal, F. B. M., and van Roosmalen, A. (1979) "Reconciliation and Consolation Among Chimpanzees." *Behavioral Ecology & Sociobiology* 5: 55–66.
- Ember, C. R. (1978) "Myths About Hunter-Gatherers." *Ethnology* 27: 239–448.
- Ferguson, B. R. (2002) "The History of War: Fact vs. Fiction." In *Must we Fight?* Ury, W. L. (Ed.), pp. 26–37. San Francisco, CA: Jossey-Bass.
- _____. (2003) "The Birth of War." *Natural History* July/August: 28–34.
- Frye, D. P. (2001) "Conflict Management in Cross-Cultural Perspective." In *Natural Conflict Resolution*, Aureli, F., and de Waal, F. B. M. (Eds.), pp. 334–351. Berkeley, CA: University of California Press.
- Gat, A. (1999) "The Pattern of Fighting in Simple, Small-Scale, Prestate Societies." *Journal of Anthropological Research* 55: 563–583.
- Gavin, M. (2004) "Primate vs. Primate." *BBC Wildlife* January: 50–52.
- Goodall, J. (1986) *The Chimpanzees of Gombe: Patterns of Behavior*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- _____. (1999) *Reason for Hope*. New York: Warner.
- Haney, C., Banks, W. C., and Zimbardo, P. G. (1973) "Interpersonal Dynamics in a Simulated Prison." *International Journal of Criminology and Penology* 1: 69–97.
- Hölldobler, B., and Wilson, E. O. (1994) *Journey to the Ants*. Cambridge, MA: Belknap Press.
- Idani, G. (1990) "Relations Between Unit-Groups of Bonobos at Wamba: Encounters and Temporary Fusions." *African Study Monographs* 11: 153–186.
- Johnson, R. (1972) *Aggression in Man and Animals*. Philadelphia, PA: Saunders Company.
- Judge, P. G., and de Waal, F. B. M. (1993) "Conflict Avoidance Among Rhesus Monkeys: Coping with Short-Term Crowding." *Animal Behaviour* 46: 221–232.
- Kamenya, S. (2002) "Human Baby Killed by Gombe Chimpanzee." *Pan Africa News* 9 (2): 26.
- Kano, T. (1992) *The Last Ape: Pygmy Chimpanzee Behavior and Ecology*. Stanford, CA: Stanford University Press.

- Kayumbo, H. Y. (2002) "A Chimpanzee Attacks and Kills a Security Guard in Kigoma." *Pan Africa News* 9 (2): 11–12.
- Köhler, W. (1959 [1925]) *Mentality of Apes*. 2nd Edition, New York: Vintage.
- Kutsukake, N., and Castles, D. L. (2004) "Reconciliation and Post-Conflict Third-Party Affiliation Among Wild Chimpanzees in the Mahale Mountains, Tanzania." *Primates* 45:157–165.
- Lagerspetz, K. M., Björkqvist, K., and Peltonen, T. (1988) "Is Indirect Aggression Typical of Females?" *Aggressive Behavior* 14: 403–414.
- Lever, J. (1976) "Sex Differences in the Games Children Play." *Social Problems* 23: 478–487.
- Lorenz, K. Z. (1966 [1963]) *On Aggression*. London: Methuen.
- Lux, K. (1990) *Adam Smith's Mistake*. Boston: Shambhala.
- Maestripieri, D., Schino, G., Aureli, F., and Troisi, A. (1992) "A Modest Proposal: Displacement Activities as Indicators of Emotions in Primates." *Animal Behaviour* 44: 967–979.
- Murphy, D. E., and Halbfinger, D. M. (June 16, 2002) "9/11 Aftermath Bridged Racial Divide, New Yorkers Say, Gingerly." *New York Times*, p. 21.
- Nishida, T., Hiraiwa-Hasegawa, M., Hasegawa, T., and Takahata, Y. (1985) "Group Extinction and Female Transfer in Wild Chimpanzees in the Mahale Mountains National Park, Tanzania." *Zeitschrift für Tierpsychologie* 67: 274–285.
- Palagi, E., Paoli, T., and Tarli, S. B. (2004) "Reconciliation and Consolation in Captive Bonobos (*Pan Paniscus*)." *American Journal of Primatology* 62: 15–30.
- Power, M. (1991) *The Egalitarians: Human and Chimpanzee*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Preuschoft, S., Wang, X., Aureli, F., and de Waal, F. B. M. (2002) "Reconciliation in Captive Chimpanzees: A Reevaluation with Controlled Methods." *International Journal of Primatology* 23: 29–50.
- Rabbie, J. M., and Horwitz, M. (1969) "The Arousal of Ingroup-Outgroup Bias by a Chance of Win or Loss." *Journal of Personality and Social Psychology* 69: 223–228.
- Robarchek, C. A. (1979) "Conflict, Emotion, and Abreaction: Resolution of Conflict Among the Semai Senoi." *Ethos* 7: 104–123.
- Rubin, L. B. (1985) *Just Friends*. New York: Harper and Row.
- Sapolsky, R. M. (1993) "Endocrinology Alfresco: Psychoendocrine Studies of Wild Baboons." *Recent Progress in Hormone Research* 48: 437–462.
- Sapolsky, R. M., and Share, L. J. (2004) "A Pacific Culture Among Wild Baboons: Its Emergence and Transmission." *Public Library of Science Biology* 2: 534–541.

- Schneirla, T. C. (1944) "A Unique Case of Circular Milling in Ants, Considered in Relation to Trail Following and the General Problem of Orientation." *American Museum Novitates* 1253: 1–26.
- Stanford, C. B. (1999) *The Hunting Apes: Meat-Eating and the Origins of Human Behavior*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Tannen, D. (1990) *You Just Don't Understand: Women and Men in Conversation*. New York: Ballantine.
- Taylor, S. (2002) *The Tending Instinct*. New York: Times Books.
- Verbeek, P., and de Waal, F. B. M. (2001) "Peacemaking Among Preschool Children." *Journal of Peace Psychology* 7: 5–28.
- Verbeek, P., Hartup, W. W., and Collins, W. A. (2000) "Conflict Management in Children and Adolescents." In *Natural Conflict Resolution*, Aureli, F., and de Waal, F. B. M. (Eds.), pp. 34–53. Berkeley, CA: University of California Press.
- Weaver, A., and de Waal, F. B. M. (2003) "The Mother-Offspring Relationship as a Template in Social Development: Reconciliation in Captive Brown Capuchins (*Cebus Apella*)." *Journal of Comparative Psychology* 117: 101–110.
- Wilson, M. L., and Wrangham, R. W. (2003) "Intergroup Relations in Chimpanzees." *Annual Review of Anthropology* 32: 363–392.
- Wittig, R. M., and Boesch, C. (2003) "Decision-making' in Conflicts of Wild Chimpanzees (*Pan Troglodytes*): An Extension of the Relational Model." *Behavioral Ecology & Sociobiology* 54: 491–504.
- Wrangham, R. W. (1999) "Evolution of Coalitionary Killing." *Yearbook of Physical Anthropology* 42: 1–30.
- Wrangham, R. W., and Peterson, D. (1996) *Demonic Males: Apes and the Evolution of Human Aggression*. Boston: Houghton Mifflin.

ГЛАВА ПЯТАЯ. ДОБРОТА

- Anderson, J. R., Myowa-Yamakoshi, M., and Matsuzawa, T. (2004) "Contagious Yawning in Chimpanzees." *Proceedings of the Royal Society of London, B (Suppl.)* 271: 468–470.
- Bischof-Köhler, D. (1988) "Über den Zusammenhang von Empathie und der Fähigkeit sich im Spiegel zu erkennen." *Schweizerische Zeitschrift für Psychologie* 47: 147–159.
- Boesch, C. (2003) "Complex Cooperation Among Tai Chimpanzees." In *Animal Social Complexity*, de Waal, F. B. M., and Tyack, P. L. (Eds.), pp. 93–110. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Bonnie, K. E., and de Waal, F. B. M. (2004) "Primate Social Reciprocity and the Origin of Gratitude." In *The Psychology of Gratitude*, Emmons, R. A.,

- and McCullough, M. E. (Eds.), pp. 213–229. Oxford: Oxford University Press.
- Brosnan, S. F., and de Waal, F. B. M. (2003) “Monkeys Reject Unequal Pay.” *Nature* 425: 297–299.
- Caldwell, M. C., and Caldwell, D. K. (1966) “Epimeletic (Care-Giving) Behavior in Cetacea.” In *Whales, Dolphins, and Porpoises*, Norris, K. S. (Ed.), pp. 755–789. Berkeley, CA: University of California Press.
- Church, R. M. (1959) “Emotional Reactions of Rats to the Pain of Others.” *Journal of Comparative & Physiological Psychology* 52: 132–134.
- de Waal, F. B. M. (1989) “Food Sharing and Reciprocal Obligations Among Chimpanzees.” *Journal of Human Evolution* 18: 433–459.
- _____. (1996) *Good Natured: The Origins of Right and Wrong in Humans and Other Animals*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- _____. (1997) “The Chimpanzee’s Service Economy: Food for Grooming.” *Evolution & Human Behavior* 18: 375–386.
- _____. (2000) “Attitudinal Reciprocity in Food Sharing Among Brown Capuchins.” *Animal Behaviour* 60: 253–261.
- de Waal, F. B. M., and Aureli, F. (1996) “Consolation, Reconciliation, and a Possible Cognitive Difference Between Macaque and Chimpanzee.” In *Reaching into Thought: The Minds of the Great Apes*, Russon, A. E., Bard, K. A., and Parker, S. T. (Eds.) pp. 80–110. Cambridge: Cambridge University Press.
- de Waal, F. B. M., and Berger, M. L. (2000) “Payment for Labour in Monkeys.” *Nature* 404: 563.
- de Waal, F. B. M., and Luttrell, L. M. (1988) “Mechanisms of Social Reciprocity in Three Primate Species: Symmetrical Relationship Characteristics or Cognition?” *Ethology & Sociobiology* 9: 101–118.
- Dewsbury, D. A. (2003) “Conflicting Approaches: Operant Psychology Arrives at a Primate Laboratory.” *The Behavior Analyst* 26: 253–265.
- di Pellegrino, G., Fadiga, L., Fogassi, L., Gallese, V., and Rizzolatti, G. (1992) “Understanding Motor Events: A Neurophysiological Study.” *Experimental Brain Research* 91: 176–180.
- Dimberg, U., Thunberg, M., and Elmehed, K. (2000) “Unconscious Facial Reactions to Emotional Facial Expressions.” *Psychological Science* 11: 86–89.
- Fehr, E., and Schmidt, K. M. (1999) “A Theory of Fairness, Competition, and Cooperation.” *Quarterly Journal of Economics* 114: 817–868.
- Frank, R. H. (1988) *Passions Within Reason: The Strategic Role of the Emotions*. New York: Norton.
- Gallup, G. G. (1982) “Self-Awareness and the Emergence of Mind in Primates.” *American Journal of Primatology* 2: 237–248.

- Gould, S. J. (1980) "So Cleverly Kind an Animal." In *Ever Since Darwin*, pp. 260–267. Harmondsworth, UK: Penguin.
- Grammer, K. (1990) "Strangers Meet: Laughter and Nonverbal Signs of Interest in Opposite-Sex Encounters." *Journal of Nonverbal Behavior* 14: 209–236.
- Greene, J., and Haidt, J. (2002) "How (and Where) Does Moral Judgment Work?" *Trends in Cognitive Sciences* 16: 517–523.
- Haidt, J. (2001) "The Emotional Dog and Its Rational Tail: A Social Intuitionist Approach to Moral Judgment." *Psychological Review* 108: 814–834.
- Hare, B., Call, J., and Tomasello, M. (2001) "Do Chimpanzees Know What Con-specifics Know?" *Animal Behaviour* 61: 139–151.
- Hatfield, E., Cacioppo, J. T., and Rapson, R. L. (1993) "Emotional Contagion." *Current Directions in Psychological Science* 2: 96–99.
- Hume, D. (1985 [1739]) *A Treatise of Human Nature*. Harmondsworth, UK: Penguin.
- Jacoby, S. (1983) *Wild Justice: The Evolution of Revenge*. New York: Harper and Row.
- Kuroshima, H., Fujita, K., Adachi, I., Iwata, K., and Fuyuki, A. (2003) "A Capuchin Monkey (*Cebus Apella*) Recognizes When People Do and Do Not Know the Location of Food." *Animal Cognition* 6: 283–291.
- Ladygina-Kohts, N. N. (1935 [2001]) *Infant Chimpanzee and Human Child: A Classic 1935 Comparative Study of Ape Emotions and Intelligence*. de Waal, F. B. M. (Ed.), New York: Oxford University Press.
- Lethmate, J., and Dücker, G. (1973) "Untersuchungen zum Selbsterkennen im Spiegel bei Orangutans und einigen anderen Affenarten." *Zeitschrift für Tierpsychologie* 33: 248–269.
- Leuba, J. H. (1928) "Morality Among the Animals." *Harper's Monthly* 937: 97–103.
- Macintyre, A. (1999) *Dependent Rational Animals: Why Human Beings Need the Virtues*. Chicago: Open Court.
- Masserman, J., Wechkin, M. S., and Terris, W. (1964) "Altruistic Behavior in Rhesus Monkeys." *American Journal of Psychiatry* 121: 584–585.
- Mencius (372–289 b.c.) *The Works of Mencius*. English translation by Gu Lu. Shanghai: Shangwu.
- Mendres, K. A., and de Waal, F. B. M. (2000) "Capuchins Do Cooperate: The Advantage of an Intuitive Task." *Animal Behaviour* 60: 523–529.
- Nakayama, K. (2004) "Observing Conspecifics Scratching Induces a Contagion of Scratching in Japanese Monkeys (*Macaca Fuscata*)." *Journal of Comparative Psychology* 118: 20–24.
- Oakley, K. (1957) *Man the Tool-Maker*. Chicago: University of Chicago Press.

- O'Connell, S. M. (1995) "Empathy in Chimpanzees: Evidence for Theory of Mind?" *Primates* 36: 397–410.
- Payne, K. (1998) *Silent Thunder: In the Presence of Elephants*. New York: Penguin.
- Povinelli, D. J., and Eddy, T. J. (1996) "What Young Chimpanzees Know About Seeing." *Monographs of the Society for Research in Child Development* 61: 1–151.
- Premack, D., and Woodruff, G. (1978) "Does the Chimpanzee Have a Theory of Mind?" *Behavioral and Brain Sciences* 4: 515–526.
- Preston, S. D., and de Waal, F. B. M. (2002) "Empathy: Its Ultimate and Proximate Bases." *Behavioral and Brain Sciences* 25: 1–72.
- Reiss, D., and Marino, L. (2001) "Mirror Self-Recognition in the Bottlenose Dolphin: A Case of Cognitive Convergence." *Proceedings of the National Academy of Sciences* 98: 5937–5942.
- Rose, L. (1997) "Vertebrate Predation and Food-Sharing in Cebus and Pan." *International Journal of Primatology* 18: 727–765.
- Schuster, G. (September 5, 1996) "Kolosse mit sanfter Seele." *Stern* 37: 27.
- Simms, M. (1997) *Darwin's Orchestra*. New York: Henry Holt and Company.
- Smuts, B. B. (1985) *Sex and Friendship in Baboons*. New York: Aldine de Gruyter.
- Stanford, C. B. (2001) "The Ape's Gift: Meat-Eating, Meat-Sharing, and Human Evolution." In *Tree of Origin*, de Waal, F. B. M. (Ed.), pp. 95–117. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Surowiecki, J. (October 2003) "The Coup de Grasso." *The New Yorker*.
- Tomasello, M. (1999) *The Cultural Origins of Human Cognition*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Trivers, R. L. (1971) "The Evolution of Reciprocal Altruism." *Quarterly Review of Biology* 46: 35–57.
- Turiel, E. (1983) *The Development of Social Knowledge: Morality and Convention*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Twain, M. (1976 [1894]) *The Tragedy of Pudd'nhead Wilson*. Cutchogue, NY: Buccaneer Books.
- van Baaren, R. (2003) *Mimicry in Social Perspective*. Ridderkerk, Netherlands: Ridderprint.
- Watts, D. P., Colmenares, F., and Arnold, K. (2000) "Redirection, Consolation, and Male Policing: How Targets of Aggression Interact with Bystanders." In *Natural Conflict Resolution*, Aureli, F., and de Waal, F. B. M. (Eds.), pp. 281–301. Berkeley, CA: University of California Press.
- Weir, A. A. S., Chappell, J., and Kacelnik, A. (2002) "Shaping of Hooks in New Caledonian Crows." *Science* 297: 981.

- Westermarck, E. (1912 [1908]) *The Origin and Development of the Moral Ideas*, Volume 1, 2nd edition. London: Macmillan.
- Zahn-Waxler, C., Hollenbeck, B., and Radke-Yarrow, M. (1984) "The Origins of Empathy and Altruism." In *Advances in Animal Welfare Science*, Fox, M. W., and Mickley, L. D. (Eds.), pp. 21–39. Washington, DC: Humane Society of the United States.
- Zahn-Waxler, C., Radke-Yarrow, M., Wagner, E., and Chapman, M. (1992) "Development of Concern for Others." *Developmental Psychology* 28: 126–136.

ГЛАВА ШЕСТАЯ. БИПОЛЯРНАЯ ОБЕЗЬЯНА

- Bilger, B. (April 2004) "The Height Gap: Why Europeans Are Getting Taller and Taller — and Americans Aren't." *The New Yorker*.
- Blount, B. G. (1990) "Issues in Bonobo (*Pan Paniscus*) Sexual Behavior." *American Anthropologist* 92: 702–714.
- Boesch, C. (1992) "New Elements of a Theory of Mind in Wild Chimpanzees." *Behavioral and Brain Sciences* 15: 149–150.
- Bonnie, K. E., and de Waal, F.B. M. (In press) "Affiliation Promotes the Transmission of a Social Custom: Handclasp Grooming Among Captive Chimpanzees." *Primates*.
- Churchill, W. S. (1991 [1932]) *Thoughts and Adventures*. New York: Norton.
- Cohen, A. (September 21, 2003) "What the Monkeys Can Teach Humans About Making America Fairer." *The New York Times*.
- Cole, J. (1998) *About Face*. Cambridge, MA: Bradford.
- de Waal, F.B. M. (1989) *Peacemaking Among Primates*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- _____. (2002) "Evolutionary Psychology: The Wheat and the Chaff." *Current Directions in Psychological Science* 11 (6): 187–191.
- de Waal, F.B. M., and Seres, M. (1997) "Propagation of Handclasp Grooming Among Captive Chimpanzees." *American Journal of Primatology* 43: 339–346.
- de Waal, F.B. M., Uno, H., Luttrell, L. M., Meisner, L. F., and Jeannotte, L. A. (1996) "Behavioral Retardation in a Macaque with Autosomal Trisomy and Aging Mother." *American Journal on Mental Retardation* 100: 378–390.
- Durham, W. H. (1991) *Coevolution: Genes, Culture, and Human Diversity*. Stanford, CA: Stanford University Press.
- Flack, J. C., Jeannotte, L. A., and de Waal, F.B. M. (2004) "Play Signaling and the Perception of Social Rules by Juvenile Chimpanzees." *Journal of Comparative Psychology* 118: 149–159.

- Frank, R. H., Gilovich, T., and Regan, D. T. (1993) "Does Studying Economics Inhibit Cooperation?" *Journal of Economic Perspectives* 7: 159–171.
- Fukuyama, F. (1999) *The Great Disruption: Human Nature and the Reconstitution of Social Order*. New York: Free Press.
- Galvani, A. P., and Slatkin, M. (2003) "Evaluating Plague and Smallpox as Historical Selective Pressures for the CCR5-ΔD32 HIV-Resistance Allele." *Proceedings of the National Academy of Sciences* 100 (25): 15276–15279.
- Gould, S. J. (1977) *Ontogeny and Phylogeny*. Cambridge, MA: Belknap Press.
- Huizinga, J. (1972 [1950]) *Homo Ludens: A Study of the Play-Element in Culture*. Boston: Beacon Press. Хейзинга Й. Homo ludens. Человек играющий. — СПб.: Азбука, 2007.
- Kevles, D. J. (1995) *In the Name of Eugenics*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Lopez, B. H. (1978) *Of Wolves and Men*. New York: Scribner.
- Lorenz, K. Z. (1954) *Man Meets Dog*. London: Methuen. Лоренц К. Человек находит друга. — М.: Римис, 2010.
- Malenky, R. K., and Wrangham, R. W. (1994) "A Quantitative Comparison of Terrestrial Herbaceous Food Consumption by *Pan Paniscus* in the Lomako Forest, Zaire, and *Pan Troglodytes* in the Kibale Forest, Uganda." *American Journal of Primatology* 32: 1–12.
- Mech, L. D. (1988) *The Arctic Wolf: Living with the Pack*. Stillwater, MN: Voyageur Press.
- Nakamura, M. (2002) "Grooming Hand-Clasp in the Mahale M Group Chimpanzees: Implications for Culture in Social Behaviours." In *Behavioural Diversity in Chimpanzees and Bonobos*, Boesch, C., Hohmann, G., and Marchant, L. F. (Eds.), pp. 71–83. Cambridge: Cambridge University Press.
- Prince-Hughes, D. (2004) *Songs of the Gorilla Nation: My Journey Through Autism*. New York: Harmony.
- Schleidt, W. M., and Shalter, M. D. (2003) "Co-Evolution of Humans and Canids." *Evolution & Cognition* 9: 57–72.
- Scott, S., and Duncan, C. (2004) *Return of the Black Death: The World's Greatest Serial Killer*. New York: Wiley.
- Shea, B. T. (1983) "Peadomorphosis and Neotony in the Pygmy Chimpanzee." *Science* 222: 521–522.
- Sidanius, J., and Pratto, F. (1999) *Social Dominance: An Intergroup Theory of Social Hierarchy and Oppression*. New York: Cambridge University Press.
- Silk, J. B., Alberts, S. C., and Altmann, J. (2003) "Social Bonds of Female Baboons Enhance Infant Survival." *Science* 302: 1231–1234.

- Singer, P. (1999) *A Darwinian Left: Politics, Evolution, and Cooperation*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Song, S. (April 19, 2004) "Too Posh to Push." *Time*: 59–60.
- Tooby, J., and Cosmides, L. (1992) "The Psychological Foundations of Culture." In *The Adapted Mind: Evolutionary Psychology and the Generation of Culture*, Barkow, J., Cosmides, L., and Tooby, J. (Eds.), pp. 19–136. New York: Oxford University Press.
- Vervaecke, H. (2002) *De Bonobo's: Schalkse Apen met Menselijke Trekjes*. Leuven, Belgium: Davidson.
- White, F. J., and Wrangham, R. W. (1988) "Feeding Competition and Patch Size in the Chimpanzee Species *Pan Paniscus* and *P. Troglodytes*." *Behaviour* 105: 148–164.
- Wilkinson, R. (2001) *Mind the Gap*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Wrangham, R. W. (1986) "Ecology and Social Relationships in Two Species of Chimpanzee." In *Ecology and Social Evolution: Birds and Mammals*, Rubenstein, D. I., and Wrangham, R. W. (Eds.), pp. 353–378. Princeton, NJ: Princeton University Press.

ОБ АВТОРЕ

Франс де Вааль — голландско-американский этолог и приматолог. Он родился в 1948 г. в Хертогенбосе (Нидерланды). Получив докторскую степень в Утрехтском университете в 1977 г., он шесть лет изучал колонию шимпанзе в зоопарке Бюргерса в Арнеме, а затем в 1981 г. переехал в США.

Свои научные исследования де Вааль сочетает с литературной деятельностью — он пишет научно-популярные книги для самой широкой публики, в которых сравнивает поведение животных и человека.

Его научные статьи публикуются в ведущих журналах — от *Science*, *Nature* и *Scientific American* до специализированных изданий, посвященных поведению и когнитивным способностям у животных.

В своей первой научно-популярной книге «Политика у шимпанзе. Власть и секс у приматов» (*Chimpanzee Politics*, 1982) де Вааль сравнивает интриги в борьбе за власть у шимпанзе с политическими играми у людей. С тех пор в своих работах он постоянно проводит параллели между поведе-

нием приматов и человека. Благодаря своим книгам, переведенным более чем на 20 языков, он стал одним из самых известных приматологов в мире.

Открыв процесс примирения у приматов, де Вааль положил начало исследованиям разрешения конфликтов у животных. В 1989 г. он был удостоен премии Los Angeles Times за книгу «Миротворчество у приматов» (Peacemaking Among Primates). Он был первым, кто привлек широкое внимание к бонобо, прославив их как хиппи обезьяньего мира, живущих по принципу «занимайтесь любовью, а не войной», в книге «Бонобо: Забытая обезьяна» (Bonobo: The Forgotten Ape, 1997). Де Вааль является сторонником менее антропоцентрического подхода к животным, признавая преэминентность когнитивного развития между ними и человеком. Его исследования выходят далеко за пределы этологии и приматологии, охватывая философию (истоки морали), политические науки, психологию, нейронауки и антропологию.

Книги де Вааля, такие как «Достаточно ли мы умны, чтобы судить об уме животных?» (Are We Smart Enough to Know How Smart Animals Are? 2016) и «Последнее объятие Мамы: Чему нас учат эмоции животных» (Mama's Last Hug: Animal Emotions and What They Tell Us about Ourselves, 2019), принесли ему поистине мировую известность.

В последнее время его основные научные интересы лежат в области происхождения эмпатии, сотрудничества у животных и эволюции нравственности у человека.

Де Вааль — обладатель профессорской стипендии Чарльза Говарда Кандлера, профессор психологического факультета Университета Эмори, руководитель центра «Живые звенья» в Национальном центре изучения при-

матов имени Роберта Йеркса в Атланте и заслуженный профессор Утрехтского университета. С 2019 г. является почетным профессором обоих университетов. Член Национальной академии наук США и Нидерландской королевской академии наук и искусств. В 2007 г. журнал *Time* включил его в список 100 наиболее влиятельных людей мира.

ПРЕДМЕТНО-ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

- Абу-Грейб, пытки заключенных 206
Австралия, племена аранда и кераки 150
Австралопитек 21, 39, 177
Авторитет в группе 69, 84, 95, 100, 103, 114, 123, 241
Агрессивность врожденная 44
Агрессия 207, 212, 221
 и войны 198, 210, 212
 и прогресс 42
 смещенная 243–247, 349 *см. также*
 козел отпущения
 спровоцированная болью 246
 у бонобо 34, 52, 104, 108
 у макак 252
 у человека 38, 39, 44, 45, 49, 53, 198, 210, 212, 235
 у шимпанзе 74, 110, 123
 «фрустрация-агрессия» 81
«Агрессия», клуб 38
Азалия (самка макаки-резуса) 330
Азизи (самка гориллы) 26, 32
Акили (самец бонобо) 156, 157
Альтруизм 51, 57
 взаимный 295
Альфа-самки 59, 82, 88, 102, 106, 109, 120, 321
Альфа-самцы 36, 72, 76, 89, 93, 105, 109, 113, 120–122, 174, 179, 181, 219, 237, 244, 252, 277, 330
Антропологи 37, 44, 103, 117, 123, 142, 160, 166, 167, 199, 289, 309
 -постмодернисты 142
Ардри, Роберт 39, 43–45, 168
Армия 194, 197
 и агрессия 198
 и иерархия 93, 98
Арнемская колония шимпанзе (зоо-парк Бюргерса в Арнеме) 10, 47, 59, 69, 71, 85, 88, 100, 123, 125–127, 208, 219, 229, 241, 245, 252, 254, 268, 291, 296, 305, 322, 385
агрессия смещенная 245
патрулирование границ 208
посредничество (медиация) 241
примирение 219, 229
самки 88, 100, 125
самцы, власть 88
социальное устройство (сообщества) 71, 126
удочерение 47, 189, 261
Аспергера синдром 331
Аутизм 19, 331, 333
«Африканская королева» (фильм) 12
«Африканское происхождение», Ардри Р. 40

«Африканское происхождение человека», гипотеза 42

Б

Берлускони, Сильвио 94
 Бернштейн, Карл 83
 Берра, Йоги 248
 Бетховен, Людвиг ван 58
 Бечараа 242
 Бинти Джуа (самка гориллы) 14, 266
 Биологическое наследие 11
 Благодарность 37, 293, 302, 304, 307, 308
 Близородственное скрещивание (инбридинг) 148, 186, 187, 191
 Блэк (самка макаки) 243, 244
 Большие человекообразные обезьяны, виды 28
 Бонобо 15, 18, 21–24, 65, 131, 149, 154, 176, 180, 193, 209, 217, 351, 357
 адаптации к жизни на деревьях 30
 голос 32
 дикие 23, 25, 145
 инфантицид, отсутствие 162
 маменькины сынки 34, 105
 межгрупповые мирные отношения 213, 215
 открытие вида 21
 самки 101, 106, 107
 самцы 104, 109
 сексуальность 25, 154
 шимпанзе, сравнение 17, 20
 эмпатия 13, 15, 19
 Бозм, Кристофер 118, 123
 Броснан, Сара 314
 Будущего чувство (представление) 60, 66, 87
 Буш-младший, Джордж 92, 112
 Бьорн (самец шимпанзе) 36, 279

В

Великая хартия вольностей 116, 121
 Вернон (самец бонобо) 24, 25, 237, 277

«Вертикаль власти», оправдание 130
 Вестермарк, Эдвард 289, 309, 325
 Взаимная зависимость 232, 242, 284
 Взаимность (реципрокность) 294–297, 301
 Взаимный альтруизм 295
 Взаимный обмен (услугами) 292, 294, 303
 Взаимопомощь 260, 294, 313, 327, 356
 ВИЧ (вирус иммунодефицита человека) 343
 Власть 11, 15, 17, 24, 25, 36, 69, 71–73, 75, 78, 81, 82, 84, 85, 88, 89, 94, 98, 100, 105, 106, 108, 109, 115, 117, 118, 120, 125, 129, 130, 132, 161, 174, 243, 253, 260, 296, 299, 337, 385
 женская 88, 100, 102, 109, 111, 125, 131, 231
 как цель у людей 84, 85, 90, 124
 Внебрачные отношения 173
 Возмущение и принцип справедливости 318, 353
 Возраст, место в иерархии
 самки 88, 107, 108, 186, 209
 самцы 126
 Возрастная дискриминация 186
 Возраст самок, привлекательность для самцов 184, 186
 Война в Ираке 205
 Войны
 археологические свидетельства 211
 и человеческая природа 15, 17, 26, 38–40, 69, 198, 210, 212, 358
 мораль и нравственность 52, 323, 324
 сдерживание 234
 у шимпанзе 45, 210
 Волки 328, 329
 Воспитатели человекообразных 26, 266
 Вражда с чужаками и чувство общности 322
 Врожденное поведение 180, 224

- Врожденные предрасположенности 338, 355
- Вторая мировая война 262, 324
- Вудворд, Боб 83
- Выживание наиболее приспособленных 50, 58, 259, 330
- Выкармливание молоком и эмпатия 18
- Вымирание людей 254
- Высокий ранг (доминанты, лидеры) 71, 77, 78, 80, 81, 88, 91, 95, 96, 99, 104–106, 118, 124–127, 129, 130, 184, 198, 243, 341
- посредники 122, 241
- преимущества 77–79
- проблемы 77, 79, 105, 121
- утрата 73, 82–84, 314
- Г**
- Гавайи, сексуальная свобода 166
- Гармония социальная (общественная) 34, 96, 98, 207, 216, 218, 232, 242, 329, 335, 358
- Генетические мутации 148
- Гениталии 136, 137, 141, 142, 144, 145, 149, 157, 158, 163, 165–167, 169, 177, 179, 181, 183, 187, 192, 200, 237, 241, 297
- Генитальное набухание 136, 137, 158, 163, 165, 166, 179, 180, 183, 184, 186–188, 192
- Генитальное трение (ГГ-трение) 25, 141, 144, 155, 187, 214
- Геноцид 14, 17, 42, 198
- Гизелин, Майкл 41
- Гитлер, Адольф 206
- Гоббс, Томас 41, 46, 69, 85, 328
- Гоблин (самец шимпанзе) 75, 121
- Голиаф (самец шимпанзе) 207
- Голос и статус, подстройка 91
- Гомбе-Стрим, национальный парк, Танзания 43–45, 75, 121, 201, 207, 213
- Гоминиды 42, 50
- Гоминоиды 28
- Гомосексуальность 150, 151, 153–155
- Гориллы 14, 23, 26, 27, 29, 31, 32, 78, 100, 136, 162, 175, 176, 197, 331–333, 345, 347
- и аутист 331
- Гор, Эл 92
- Грассо, Ричард 314, 317
- Гржимек, Бернгард 220
- Грин, Джошуа 287, 288
- Гринспен, Алан 55
- Грумминг (вычесывание) 59, 61, 97, 102, 107, 108, 110, 123, 135, 141, 181, 182, 207, 209, 214, 221, 226, 228, 229, 240, 252, 266, 284, 299–302, 311, 321, 322, 331, 358
- Групповая солидарность 206, 236, 322, 329, 351
- Гудолл Джейн, агрессия у диких шимпанзе 43, 45, 46, 195, 204, 300
- Гулд, Стивен Джей 257, 347
- Гуманность, гуманизм 14, 255
- Гэллап, Гордон 281
- Д**
- Дарвин, Чарльз 42, 87
- этика и нравственность 51, 56, 257, 289, 325
- Дауд, Морин 103
- «Двое против одного», принцип 71
- Двойные стандарты 171
- Двойственность человеческой природы 337
- Дегуманизация 206, 207
- Дельфины и эмпатия 282
- Демократия 84, 125, 131
- и иерархия 98, 336
- и насилие 132
- Демонстрации угрозы (устрашающие) 47, 70, 73, 76, 79, 81, 93, 96, 98, 100, 102, 122, 127, 179, 182, 202, 219
- Денди (самец шимпанзе) 128, 181

Дети

- исследование конкуренции 80, 255
- проявление эмпатии 19, 37, 263–265, 271
- ссоры и примирения 234
- узнают себя в зеркале 281

Джейкоби, Сьюзен 319

Джеки (самец шимпанзе) 278

Джет (черный лабрадор) 261, 262

Джимми (самка шимпанзе) 296

Джимо (самец шимпанзе) 120, 209, 321

Джорджия (самка шимпанзе) 301

Диего (кот) 304

Дикие популяции обезьян 76, 227, 251, 312, 330, 346

бонобо 23, 25, 29, 33, 65, 145, 346

шимпанзе 43, 65, 121, 179, 202, 215, 272, 343

«Дикое правосудие», Джейкоби С. 319

Диоген и «человек Платона» 272

Доброта 51, 255, 257, 262, 284, 303

Доверие 70, 124, 293, 328, 351, 353

Доисторический период человечества 25

Докинз, Ричард 40, 41

Домашнее насилие 246

Доминирование 25, 84, 85, 131, 155, 244, 295

мужское 54, 118

самок 25, 78

самок бонобо 103, 104, 163, 178

самцов 24, 176

самцов шимпанзе 71, 98, 119, 300

Дружба 56, 221, 228, 290, 338

и альтруизм 57

Дукакис, Майкл 94

Е

Евгеническое движение 349

Европейские монархи, демонстрация власти 94

Европейский союз 233, 234

Египетские фараоны, демонстрация власти 94

Естественный отбор 58, 79, 106, 143, 255

Ж

Жадность 40, 55

Женевская конвенция 323

Женская дружба 237

Женская солидарность 100, 102

Женщины

возраст, забота о внуках 191

возраст, привлекательность для мужчин 184

доминирование мужчин 25, 174, 175, 178

иерархия 107, 108

и инфантицид 161, 165

конфликты 229, 236

отношение мужчин 178

секс, сексуальность 138, 139, 173, 220

семья 167, 169

сплоченность, поддержка 100, 179

статус, власть 80, 93, 107

эмпатия 19

Жестокость 16, 38

животных 16, 38

человеческая 17, 38, 206, 216

шимпанзе 15, 45, 71, 81, 100, 121, 204

Животные 42, 79, 87, 213

благодарность 304

взаимопомощь 260, 330

в СМИ 14

культура 38, 225, 228

месть 309, 310

миролюбивые 130

нравственность 56

примирение 219, 233, 249

размножение, потомство 138, 147, 148, 158, 168, 176, 178, 186, 188, 190

сотрудничество 170, 233, 314

телесное отождествление 268–270
 убийства сородичей 159
 узнавание себя в зеркале 280, 282
 эмпатия 265, 266, 270, 283, 332
 язык тела 95, 96, 267

З

Забота о потомстве 171, 191, 306
 участие самцов 158, 168–171, 189
 «Зависимые рациональные животные», Макинтайр А. 284
 Зависть 317
 Зан-Векслер, Кэролин 263
 Зеркальные нейроны 269
 Злопамятность женщины 235
 Зоопарк Брукфилда, Чикагский 14, 266
 Зоопарк Бюргерса в Арнеме 10, 47,
 59, 62, 69, 125, 127, 208, 219,
 229, 237, 239, 277, 291, 310,
 338, 385 *см. также* Арнемская
 колония шимпанзе
 Зоопарк Генри Виласа, Висконсин 251
 Зоопарк округа Милуоки, бонобо 259
 Зоопарк Сан-Диего 23, 24, 26, 35, 156,
 237, 238, 276, 304
 Зоопарк Твикросс, Великобритания
 12
 Зоопарк Хеллабрунн, Мюнхен 32, 52

И

Идентификация с группой 196, 198,
 207
 Идеологии 197, 348–350, 353
 Иерархия 77, 78, 96–99, 119, 122, 188,
 243, 251, 321, 352
 и возраст 107, 108, 188, 321
 и демократия 130, 131, 336
 порядок клевания 91
 у бонобо 33, 105, 131
 у самок 78, 105, 107, 108, 113
 у шимпанзе 15, 73, 97, 109, 124
 Иерархия у людей 81, 84, 92, 98, 117,
 129, 359
 Израильский кибуц 355

Иммунитет 342
 Индейцы бари, Венесуэла 173
 Индекс талия — бедра (ИТБ) 185
 Индивидуализм 54, 226
 Инстинкт 39, 55, 66, 224, 226, 267,
 337, 339
 Интеллект (умственные способности,
 разум) 60, 66, 257, 273, 274,
 337, 344
 и язык 265
 человекообразных обезьян 252,
 275, 278
 Инуиты (эскимосы) 37, 117
 Инфантицид 48, 49, 159–163, 191, 336
 и отцовство 161, 167, 192
 у людей 160, 165
 Иони (самец шимпанзе) 266

Й

Йеркс, Роберт 51, 183
 Йерун (самец шимпанзе) 59, 72, 73,
 82, 83, 89, 110, 111, 113, 123,
 126–128, 295, 338

К

Каковец (самец бонобо) 276, 277
 Калинд (самец бонобо) 237, 277
 Каме (самка бонобо) 105, 106
 Кандидаты на политические посты 84, 94
 теледебаты кандидатов в президенты
 92
 Канзи (самец бонобо) 19, 20, 63, 64
 Кано, Такаёси, 29, 104, 105
 Кант, Иммануил 287, 288
 Капитализм 55, 85, 350–353
 Капуцины 275, 298, 310–312, 314,
 315, 317, 350
 изучение взаимных отношений 311
 чувство справедливости 314, 315,
 350
 Карпински, Дженис 206
 Кёйф (самка шимпанзе) 47, 48, 59, 88,
 229, 237, 305–307
 Кёлер, Вольфганг 304

Кеннеди, Джон 75
 Кеннеди, Тед 127
 Кесарево сечение и человеческая эволюция 342
 Кибале, национальный парк в Уганде 179, 180
 Кидого (самец бонобо) 259, 260, 276
 Кинг, Ларри 91
 Кинси, Альфред 150, 153
 шкала сексуальной ориентации 154
 Клинтон, Билл 146
 Клитор 25, 35, 136, 137, 142, 149, 167, 237
 Клонирование 147, 148
 Коалиции 111, 113, 115
 международная политика 112
 теория коалиций 115
 у бонобо 109, 131
 у самок 100
 у самцов шимпанзе 71, 110, 111, 121
 Козел отпущения 243–247, 349 *см. также* Агрессия смещенная
 Конго, река (местообитание бонобо) 22, 24
 Конго (самец бонобо) 360
 Конго (самец гориллы) 332
 Конкуренция 43, 45, 48, 55, 56, 99, 102, 106, 107, 109, 176, 177, 215, 218, 226, 235, 254, 292, 327, 328, 335, 336, 351, 352, 354
 Конституция 121
 Конференция, проблемы мира 37
 Конфликты 72
 и иерархия 97, 99
 межполовые различия 234, 236
 разрешение 37, 164, 219, 223, 226, 243, 249, 386
 Конфуций 289, 294, 304
 Концепция Бога, З. Фрейд 174
 «Космическая одиссея 2001 года» (фильм) 42
 «Кошачий глаз», Этвуд М. 235
 Красной Королевы, гипотеза 148

Крибенсис (рыба), репродуктивное поведение 189, 190
 Кром (самка шимпанзе) 278, 305
 Кропоткин, Петр 354
 Ксенофобия 204
 и эмпатия 357
 Кубрик, Стэнли 42
 Кулидж, Гарольд 29
 Культура 37, 57, 85, 117, 137, 143, 150, 151, 153, 154, 166, 167, 173, 192, 218, 224, 226, 240, 253, 292, 325, 344
 Куни (самка бонобо) 12, 13, 259, 260, 276, 278
 Куэйл, Дэн 92
 Кэлхун, Джон 250, 254

Л

Ладыгина-Котс, Надежда 266, 267
 Лактоза, способность усваивать 344
 Лангуры, инфантицид 46, 159, 161
 Лapid, Йосеф 356
 Ларсон, Гэри 298
 Левински, Моника 80
 Лейт (самец шимпанзе) 70–74, 76, 81, 89, 110, 113, 122, 123, 126, 127, 252, 269, 297
 Леннон, Джон 165
 Ленора (самка бонобо) 156, 157
 Линда (самка бонобо) 15
 Ли, Ричард Боршей 69
 Лолита (самка шимпанзе) 258, 276
 Ломако-Форест, местообитание бонобо 214
 Лоренц, Конрад 39, 43, 45, 337
 Лоретта (самка бонобо) 24, 25, 32, 33, 156, 157, 238, 277
 Люси, наш предок 21

М

Макаки 243, 269, 270, 329
 медвежьих, или бурых 225
 однополый секс 155
 -резусы 78, 223–227, 251, 330

- Макиавелли, Никколо 69, 87, 90, 130
 Макинтайр, Аласдер 284, 285
 Маккейн, Джон 112
 Малиновский, Бронислав 166
 Мальтус, Томас 250, 254
 Мама (самка шимпанзе) 88, 100, 113, 125, 126, 229, 241, 306
 роль посредника 125
 Мария-Антуанетта 247
 Мартышкообразные 28, 119, 124, 130, 220, 233, 244, 249, 279, 311, 312, 317, 331
 Масаи-Мара, заповедник в Кении 227
 Магрилинейные группы, макаки-резусы 252
 Махали-Маунтинс, Национальный парк в Танзании 44, 93, 126, 199, 200, 204, 297
 Медиация (посредничество) 125, 127, 241, 320
 Медицина и человеческая эволюция 342
 Межгрупповые отношения 358
 браки 212, 214
 конфликты 105, 212, 215
 у людей 212, 217
 Международная политика 112–114, 116, 242
 Межрасовые отношения и теракт 11 сентября 2001 г. 232
 Мензель, Чарльз 63, 64
 Менопауза 191
 Мерилин (самка бонобо) 157
 Месть 294, 308, 319
 и опера 309
 и справедливость 319
 Миграция самок шимпанзе 186, 216
 Мид, Маргарет 167
 Мир, установление и поддержание 232
 у животных 219, 320
 у людей 234
 Миссионерская позиция, совокупление 143
 Млекопитающие, родительская забота 18, 288
- Модель психического (теория разума) 273, 275, 278
 Модзу (самка макаки) 330
 Модульная теория разума 337
 Молодые женщины, привлекательность для мужчин 185
 Мондейл, Уолтер 92
 Моногамия 105, 169, 172, 177, 194
 Моррис, Десмонд 67, 133, 135, 141
 Моцарт, Вольфганг Амадей 309
 Мужчины
 насилие, набеги, войны 17, 210, 229, 234
 потомство 169, 170, 174, 175, 193
 разрешение конфликтов 229, 234, 236, 237
 сотрудничество 194
 стремление к доминированию (к власти) 54, 80–84, 95, 118
 Y-хромосома 175, 229
 Муравьи 46, 147, 197, 210, 352
 Мэй (самка шимпанзе) 300–302
 Мэн-цзы (китайский мудрец) 289, 290
 Мясная пища шимпанзе 184, 200, 201, 207, 297, 298, 345
- ## Н
- Набеги 210
 Насилие 38, 39, 42, 46, 47, 49, 54, 84, 121, 160, 164, 167, 174, 178, 179, 196–198, 210, 211, 213, 217, 218, 229, 249–251, 336
 и демократия 132
 над женщинами, самками 178
 Натуралисты 213, 220
 Национальный центр изучения приматов имени Роберта Йеркса 35, 36, 61, 62, 120, 209, 258, 264, 275, 279, 387
 Нацистская Германия 349
 Неандертальцы и *Homo sapiens* 50
 Невербальная коммуникация (передача информации) 95, 96, 333
 Неотения (ювенилизация) 347

Неравенство 85, 90, 101, 131, 314, 315, 318, 353

Нидерланды 47, 75, 116, 253, 385

Никки (самец шимпанзе) 47

и Йерун 71–74, 81, 111, 113, 123, 126–128, 231, 260, 295, 338

передача информации 63

удочерение Розье 47, 48

Никсон, Ричард 83

Нисида, Тосиасада 199, 204

Ницше, Фридрих 84

Новорожденные

шимпанзе 47, 238, 258

эмпатия 12

Нормы приличия, нарушение 292

Нравственность и мораль 12, 13,

38, 56, 57, 172, 257, 263, 284,

286, 288, 289, 291, 294, 319,

322–325, 336, 360, 386

Нравственные дилеммы, решение 287

Нуклеарная семья 140, 168, 169, 173, 193

и сексуальность 172, 192

и эволюция 167, 177

Нэпкин (самка макаки-резуса) 223

О

«Обезьяны-убийцы», миф 15, 40, 43–45, 54, 168, 213

Обман у шимпанзе 230

Общее благо 56, 122, 125, 243, 260, 287, 320, 323, 348

Общества человеческие 18, 40, 54, 55, 79, 90, 138, 140, 151, 218, 284, 289, 294, 328, 336, 354, 356, 359

иерархия 94, 99

и семья 140, 168, 173

отношение к сексу 150, 164, 166, 262, 354

отношения между 179, 198, 216

посредники (арбитры), их роль 124, 242

эгалитарные 117, 118, 122, 350

Общественные инстинкты 42

Общественные интересы 323, 348

Общие интересы 208, 320, 351

Общности чувство 11, 263, 320, 322, 323

Огорчение, вызванное страданием другого 271, 290

Окситоцин 164

Орангутаны 28, 31, 136, 197, 281, 345

Оргазм 138, 142

у человекообразных обезьян 141, 142

Орудия, изготовление, использование 61, 66, 169, 179, 225, 272, 304, 311

у горилл 27

Осознание себя 280, 281

Остракизм 334

у диких шимпанзе 121

Отлучение детенышей от груди 222, 223, 344

Отцовство 158, 160, 162, 170, 173, 191

Отцы, помощь в заботе о детенышах 169, 171, 189

Оутамба (самка шимпанзе) 179

Оутли (самка макаки-резуса) 223

Охота на ведьм 246

Охота, охотники 118, 193, 200, 328 бонобо 54

раздел пищи 297, 298

шимпанзе 44, 184, 231

Охотники-собиратели 49, 117, 201, 210

«Ошибка Бетховена» 57, 361

П

Павианы 57, 78, 227, 228, 232, 248, 251, 329

анубисы 227

Память 32, 65, 302, 310

Панбаниша (самка бонобо) 317, 318

Панзи (самка шимпанзе) 52, 64

Парк диких животных, Сан-Диего 156

Патриархат 170

- Патрулирование границ шимпанзе 203, 208
- Пейст (самка шимпанзе) 74, 230, 297
- Пекин, Запретный город 93
- Пенис 133, 135, 136, 144, 167, 181, 188
размер 135, 141
- Передача информации 64, 65
невербальная 63, 96
- Пиони (самка шимпанзе) 321, 322
- «Планета обезьян» (фильм) 197, 359
- Платон, определение человека 272
- Плотность населения (скупенность) и агрессия 250, 252, 254, 255
- Поведение 25, 154, 328
врожденное 13, 180, 224, 295, 338
человеческое 9, 14, 38, 85, 90, 129, 145, 153, 178, 180, 191, 210, 228, 262, 308, 337, 351, 353
эволюция 260, 298
- Подражание 180, 267, 270, 283, 332
- Пол Донн (самец гориллы) 27
- Полигамия 167
- Политика 71, 75, 87, 89, 320
- Политическая борьба (за власть) у шимпанзе 36, 114, 126, 230
- Политические убийства 75
- Половой диморфизм у горилл 30
- Помощь 324
бедным 254, 299
нравственный выбор 292
отцов в выращивании потомства 170, 171
у животных 13, 259, 260, 277, 278, 312
целевая 278, 282, 283
- Порядок клевания 90
- «Последние дни», Вудворд Б., Берн-стайн К. 83
- Посредники в конфликтах 127, 242
- Потомство 18, 77–79, 106, 148, 161, 167, 168, 170, 171, 189, 190, 193, 216, 260, 305, 331, 342
- Поцелуи 146
у обезьян 111, 127, 230
- Поцелуй с языком (французский) 134, 144
- Пояс целомудрия 172
- Права человека 356
- Празднования 239, 243
бонобо 238
шимпанзе 239, 254
- Предки человека 11, 21, 26, 29–31, 43, 49, 79, 117, 154, 168–170, 175, 177, 191, 211, 212, 299, 328, 329, 344, 354, 358
- Приветствие, ритуал человекообразных обезьян 32, 48, 59, 93, 144, 155, 156, 257, 264
- Признаки, развивающиеся под действием полового отбора 166
- Приматологи 19, 23, 29, 52, 70, 112, 123, 131, 159, 183, 197, 225, 227, 248, 317, 385, 386
- Приматы 12, 15, 26, 28, 39, 67, 79, 128, 130, 141, 160, 162, 175, 194, 221, 222, 224, 239, 244, 251, 252, 273, 275, 280, 296, 319, 325, 330, 334, 354, 387
- Примирение у животных 61, 164, 219–223, 226, 232, 249
бонобо 34, 157, 231, 237
мартышкообразные 130, 155, 223–226, 233
самки 229–231, 237
самцы 230
шимпанзе 97, 111, 123, 240, 241
- Примирение у людей 129, 140, 224, 232, 234, 236, 237, 242, 249
- Принс-Хьюз, Дон 331, 332
- Принц Шим (самец шимпанзе) 51
- «При свете отцовской улыбки», Уокер Э. 103
- Притворство 339
- Причинение вреда, нравственный выбор 66, 292
- Происхождение видов приматов 211
- Происхождение человека 40, 42, 103
- Промискуитет 156, 176
и инфантицид 159
и отцовство 168, 170

спермовые войны и размер семенников 176, 177
 Прощание, ритуал у человекообразных обезьян 59, 60
 Прощение 221, 309
 Психологи, психология 38, 64, 65, 84, 112, 184, 185, 205, 213, 224, 225, 250, 266, 273, 275, 281, 288, 304, 351, 356, 359
 проблемное поведение 224
 Пэйн, Кэти 269
 Пэриш, Эми 10, 238

Р

Равенство 69, 99, 103, 116, 117, 124, 132, 315
 полов у бонобо 103
 полов у обезьян в зоопарках 101
 Раздел пищи 183, 298, 299, 301, 313
 Различия голосов бонобо и шимпанзе 32, 347
 Различия между полами (гендерное) 77, 80, 170
 агрессия и примирение 232, 234–236, 241
 бонобо 34, 103, 110
 гориллы 30, 177
 доминирование, иерархии 102, 104, 108, 170, 178, 191
 политическая борьба (за власть) 80
 участие в размножении и сексе 139
 эмпатия 19
 Размножение 78, 79, 138, 147, 155, 188, 194, 293, 345
 и секс 144, 158, 171, 184, 192, 215, 260
 программы 343
 эволюция 191
 Разрушение местобитаний человекообразных обезьян 345, 346
 Разум 191, 270, 274, 337
 Разумный эгоизм 56
 Расплата, элемент морали 309
 Распознавание лиц 62, 65, 338

Распределение ресурсов, справедливость 117, 292, 313, 314, 316
 Рациональность 285, 288, 308, 337
 Регулирующие силы в природе 335
 Рейган, Рональд 40, 55, 92, 96, 299
 Религии 325
 и нравственность 57, 262, 325
 и сексуальные моральные нормы 174, 192
 и человеческая природа 284
 Репродуктивная успешность 77, 160, 175
 Реципрокность 294 *см. также* Взаимность
 Римско-католическая церковь, иерархия 93, 99
 Рита (самка шимпанзе) 35
 Ричардс, Кит 243
 Родовые пути женщин, эволюционное давление 342
 Розье (детеныш шимпанзе) 47, 48, 59, 305–307
 Рокфеллер, Джон 255
 Рост мирового населения 250
 Рубенс, Петер Пауль 185
 Руководители корпораций и власть 77, 84
 Рыбы, забота о потомстве 189, 190
 «Рынок труда» 312
 «Рынок услуг» 299, 303
 Рэнгем Ричард 210

С

Сакс, Оливер 95
 Сапольски, Роберт 76, 227
 Сара (самка шимпанзе) 273, 278
 Святой Бонавентура 129
 Секс в обмен на пищу 184, 293
 «Сексуальная жизнь дикарей», Малиновский Б. 166
 «Сексуальные сделки» у шимпанзе 181
 Семаи, коренной народ Малайзии 242
 «Семейство шимпанзе» (фильм) 128

- Сила есть слабость (принцип) 127
 Синатра, Фрэнк 163
 Система сдержек и противовесов в социальном устройстве 250, 352
 Системы поддержки (общество) 284, 351
 Системы правосудия, роль эмоций 319
 Сканирование мозга (при решении нравственных дилемм) 287
 Скатник, Ленни 261
 Скученность и агрессия (и конфликты) 226, 250–252, 254
 Слабость, слабые 113, 115, 122, 124, 127, 255, 349
 забота 260, 284, 328
 необходимость скрывать 79
 Слоны 22, 77, 155, 271, 310
 телесное отождествление 269
 эмпатия 282, 283
 Смех 97, 180, 271, 277, 339
 Смит, Адам 13
 Собаки 38, 95, 143, 148, 265, 268, 280
 и невербальная коммуникация 95
 и телесное отождествление 268
 Совместное выращивание потомства 173, 193
 Соко (самец шимпанзе) 274
 Солидарность 132, 329, 351
 женская 24, 101, 231
 Солнечная система, пример противоборствующих сил 337
 Сообщества (группы), отношения
 между 208, 210, 213
 у бонобо 215, 216
 у людей 205, 206, 208, 212, 215, 216, 358
 у шимпанзе 203, 204, 207, 209, 216
 Сообщества, социальное устройство
 168, 208, 251, 331, 336, 355
 у бонобо 109, 156, 159, 194
 у горилл 32
 у людей 91, 98, 107, 121, 126, 135, 168, 170, 172, 191, 242, 323
 Сострадание 14, 255, 290, 324, 325
 Сотрудничество (кооперация) 59, 98, 169, 170, 193, 221, 232, 233, 291, 314, 320, 327, 328, 335, 353
 и альтруизм 295
 у мартишкообразных 312, 313
 Сохранение мира 112, 212, 226, 233, 322, 336
 и иерархия 98, 99
 мартишкообразные 226, 227
 мужчины и женщины 237
 Социал-дарвинизм 255, 314, 349
 Социалистические общества 348
 Социальная культура 225, 226
 Социальная эволюция 57, 161, 167, 258
 Социальное доминирование 128
 см. также Иерархия
 Социальное устройство 32, 96, 107, 121, 168, 245, 323
 Социальные животные (существа) 60, 250, 254, 262, 329, 334, 354
 Социальные инстинкты 289
 Социальные эмоции 286
 Сочувствие (сопереживание) 11, 13, 14, 16, 41, 47, 51, 262, 263, 265, 283, 339, 356
 Союзы женские, как защита от насилия 179
 Спаривание (совокупление) «лицом к лицу» 137, 144
 Спермовая конкуренция, спермовые войны 176
 Спок (персонаж) 283, 291, 324
 Справедливость 122, 249, 292, 295, 312, 314, 315, 318, 319, 350
 Статус 22, 53, 73, 80, 88, 91, 94, 97–99, 112, 117, 191, 236, 248, 301
 Стресс 76, 105, 222, 228, 236, 249, 353, 355
 гормон стресса 76, 248
 и политическая борьба (за власть) 76
 Ступни бонобо 30

Стэнфордский эксперимент (охранники и заключенные) 206
 «Субботним вечером в прямом эфире» (телевизионное шоу) 217
 Сугияма, Юкимару 159, 160
 Сума (самка орангутана) 281
 США, здоровье людей 352
 США, международная политика 112, 115, 116, 247
 Сэвидж-Рамбо, Сьюзен 19, 317

Т

Таи, национальный парк, Кот-д'Ивуар 329, 351
 Тай (самка шимпанзе) 264
 Талибан, мужское доминирование 171
 Тамули (самка бонобо) 19, 20, 63
 Танзания, национальные парки 43, 76, 93, 199
 Таннен, Дебора 236
 «Танцы с волками» (фильм) 217
 Тара (самка шимпанзе) 35
 Твен, Марк 304
 Теледебаты между кандидатами в президенты США 92
 Телесное отождествление 268
 Тепел (самка шимпанзе) 296
 Теракт во Всемирном торговом центре, и межрасовые отношения 232
 Территориальная агрессия 212
 Территориальное поведение 203, 204, 208, 216, 231
 Территориальные животные 198
 Гли, разные виды размножения 148
 Тонкий налет цивилизации, теория 36, 39, 42, 50
 Точка зрения другого, способность поставить себя на место другого 16, 19, 273, 275–277, 279, 283
 Трац, Эдуард 52
 Триверс, Роберт 295

Тэтчер, Маргарет 40, 54, 56, 354

У

Уамба-Форест, Демократическая республика Конго 213
 Убийство 39, 40, 46, 229, 253, 286, 319
 политическое 75, 76
 среди шимпанзе 15, 47, 74, 204
 Уважение к собственности 300
 Удовольствие сексуальное 138, 139, 143, 149, 158
 Узнавание себя в зеркале 244, 280
 у дельфинов 282
 Уилкинсон, Ричард 353
 Уилсон, Эдвард 46, 213
 Указывающее поведение у человекообразных обезьян 63, 64
 Улыбка 129, 334
 «Ультиматум», игра 316
 Умственные способности 257
 Уокер, Фрэнсис, 350
 Уокер, Элис 103, 133
 Услуга за услугу 262, 294, 301, 303
 Усыновление (удочерение) детенышей у шимпанзе 47, 307
 Утешение 265, 282
 у мартишкообразных обезьян (отсутствие) 279
 у человекообразных обезьян 322
 Утилитаризм 287
 Уязвимость 79, 168, 179
 человеческая 284

Ф

Физические маркеры статуса 94
 Физический контакт, потребность 239
 Флэк, Джессика 127
 Фоланд, Гейл 26
 Фортейн, Пим 75
 Фосси, Дайан 162
 Фрейд, Зигмунд 135, 152, 174, 175, 288
 Фродо (самец шимпанзе) 201

Х

Хек, Хайнц 52, 143
 Хелена Бонэм-Картер 359
 Хёлльдоблер Берт 213
 Хепбёрн, Кэтрин 12
 Хищники, предки человека 39, 168
 Хищники, шимпанзе 44, 201
 Холокост 39, 246, 357
 Хрди, Сара Блаффер 160, 161
 Хусейн, Саддам 94, 248
 Хэйр, Брайан 274
 Хэммонд, Майк 26

Ц

Центр лингвистических исследований
 университета штата Джор-
 джия, Атланта 19, 64
 Цивилизация 192, 196, 319, 352
 и армия 197
 тонкий налет 38, 39, 42, 50
 Цинь Шихуанди, китайский император
 129
 Цихлиды, семейство рыб 189

Ч

Чаушеску, Николае 130
 Человек (люди) 11, 18, 169
 борьба за власть 84
 власть и секс 80
 место в иерархии, статус 81, 83, 91,
 92, 94, 96, 99, 107
 происхождение, предки 25, 29, 40,
 42, 103, 334
 сексуальность 135, 143, 166, 167,
 171–173, 185, 192
 семенники и спермовые войны 176,
 177
 социальное существо 18
 ювенилизация 347
 Человекообразные обезьяны
 виды 17, 28
 воспитанные в человеческих домах
 266, 305

вымирание 345
 гениталии 136, 137, 149, 165
 гибриды 360
 глаза, взгляд 331
 дикие популяции 23, 25, 27, 29, 30,
 43, 48, 49, 61, 65, 100–104, 107,
 121, 123, 145, 149, 162, 179,
 184, 199, 202, 208, 227, 229,
 251, 272, 278, 297, 322, 343,
 345, 346
 женская солидарность 102
 изготовление орудий 169
 изучение интеллекта (умственных
 способностей) 60
 исследования в неволе (умственных
 способностей) 60, 62–66, 276,
 280, 340
 месть 310
 «модель психического» 273, 278
 мозг 16
 основы нравственности 51
 секс и размножение 158, 186
 солидарность 329
 умственные способности 341
 Человеческая агрессивность и войны
 38, 39, 44, 53, 198, 205, 210,
 212, 236, 324, 340
 Человеческая натура 54, 218, 336
 биполярность 46, 51, 327, 335, 337
 доброта 51, 255, 262, 284
 жестокость, насилие 17, 38, 39, 42, 46
 конкуренция 218
 мужское доминирование 54, 102,
 170, 177
 порядочность и нравственность 42,
 262, 286, 299, 309, 320
 социальность 18
 стремление к власти 84, 118, 125, 132
 стремление к сотрудничеству 221,
 335
 стремление к справедливости 124,
 292, 317–319
 эгоизм, индивидуализм 41, 54, 226,
 335
 эмпатия 19

Человеческое поведение 37, 38, 85, 86,
104, 129, 168, 180, 198, 210,
212, 216, 261, 308, 337
социальное доминирование 84,
126, 128
Черчилль, Уинстон 358
Чингисхан, потомки 175, 177
Чувство прошлого у человекообраз-
ных обезьян 65
Чувство справедливости 317, 318
«Чужие» и «свои» 206
у шимпанзе 204, 207, 208

Ш

Шваб, Клаус 56
Шварц, Эрнст 22
Шекспир, Уильям 129
Шельдеруп-Эббе, Торлейф 90
Шимпанзе 21, 22, 47
агрессивность, жестокость 15, 16,
45, 46, 204, 208, 216, 253
альтруизм 261
борьба (за власть), союзы самцов 36,
71, 72, 75, 76, 85, 89, 109
в дикой природе 43, 44, 100, 105,
200, 202, 204, 272
взаимные отношения 295–298,
302, 325
забота о слабых и обиженных 51,
130, 329
иерархия 87, 88, 124, 126
избиение самок 179, 180
инфантицид 48, 49, 162, 163
медиация (посредничество) 241
миграции самок 107
побег из швейцарского зоопарка 333
празднования 239
приветствия 59, 93
примирение, разрешение конфлик-
тов, посредники (арбитры)
123, 219, 229–231, 240, 336
происхождение, сравнение 29, 30
ritoалы подтверждения статуса 93,
96, 98, 127

сексуальное поведение 149, 176,
178, 181, 183, 186, 192
солидарность самок 100
способность поставить себя на
место другого 278
чувство будущего 60, 253
Шиндлер, Оскар 324

Щ

Щедрость и взаимность 301

Э

Эволюционная теория и социал-
дарвинизм 255, 284
Эволюция 336, 341
и агрессия 15, 38, 49, 55, 213
иммунитета 343
млекопитающих, самки 18
нравственность и мораль 288, 291,
295, 319, 323, 325
размножение, потомство 79, 161,
163, 186, 190, 192
самцы 43, 78, 102, 110, 170
сексуальность 143, 152, 153, 172
социальная 57, 161, 167, 258, 334
статус, ранг, иерархия 130
человка, человекообразных 15,
29, 30, 42, 65, 119, 170, 172,
177, 211, 213, 281, 333, 341,
345–347
эгоизм 40, 55
Эгалитаризм 69, 117, 124, 251, 353
и демократия 131
Эгалитаристы 117, 119
бонобо 15, 131
Эгоизм 40, 41, 290, 335
Эгоистические интересы и общество
255, 327, 336
Эгоистичность животных 87, 315
Эгоистичность человеческой натуры
46, 284, 351, 360
«Эгоистичный ген», Докинз Р. 12
Эдип 247
Эйнштейн, Альберт 195

Экономическая теория 351
Эмоции 72, 108, 220, 271, 281, 283,
285, 288, 302, 316, 319, 324,
334, 386
контроль 253, 285
мораль и нравственность 57, 288,
324
мужчины скрывают 79
опера 309
социальные 286
центры в мозге 57
Эмоциональное заражение (способ-
ность поддаваться чужим
эмоциям) 271, 283
Эмпатия 11–13, 19, 20, 54, 263, 265,
267, 271, 281–283, 286, 324,
325, 332, 357
гендерные различия 178
у бонобо 16, 19, 317, 357
у горилл 332
у шимпанзе 266
Эпидемии и человеческая эволюция
342
Эротизм бонобо 52, 53
Этвуд, Маргарет 235
Этнические группы, конфликты 208

Ю

Юм, Дэвид 289

Я

Язык

понимание шимпанзе 19, 272

связь с оргазмом 142

связь с эмпатией 265

Язык тела 83, 86, 95, 96, 267, 334, 340

Яички (тестикулы) 71, 176

Н

Homo ludens 348

Homo sapiens 347

миграция из Африки 42

N

National Geographic, о шимпанзе 44

P

Pan 22, 154, 166

paniscus 22 см. также Бонобо

troglodytes 22 см. также Шимпанзе

Де Вааль Франс

НАША ВНУТРЕННЯЯ ОБЕЗЬЯНА

Двойственная природа человека

Издатель *П. Подкосов*

Руководитель проекта *И. Серёгина*

Корректоры *М. Миловидова, С. Чупахина*

Компьютерная верстка *А. Фоминов*

Дизайн обложки *Ю. Буга*

Фото иллюстрации на обложке Getty Images

В книге использованы фотографии автора

Подписано в печать 20.05.2021. Формат 60×90/16.

Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.

Объем 25,5 печ. л., вкл. 0,5 печ. л. Тираж 3000 экз. Заказ № .

ООО «Альпина нон-фикшн»

123007, г. Москва, ул. 4-я Магистральная, д. 5,

строение 1, офис 13

Тел. +7 (495) 980-5354

www.nonfiction.ru

Отпечатано с готовых файлов заказчика

в АО «Первая Образцовая типография»,

филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»

432980, Россия, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

12+

Истоки морали

В поисках человеческого у приматов

Франс де Вааль, пер. с англ., 5-е изд., 2020, 376 с.

Возможно, это только мое мнение, но мне лично человек, которому мешает бесчинствовать только вера, поневоле внушает опасения. Почему бы не предположить, что человеческие качества, включая и самоконтроль, необходимый для жизни в обществе, присущи нам изначально, «встроены» в нас? Неужели кто-то всерьез верит, что наши предки до возникновения религии не придерживались никаких социальных норм? Что они никогда не помогали собратьям в беде и не сетовали на недобросовестность других людей? Несомненно, человек

заботился о жизнеспособности своей общины задолго до появления современных религий, зародившихся всего лишь пару тысячелетий назад.

О чем книга

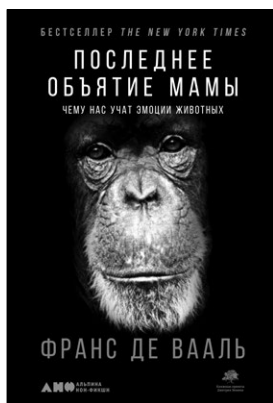
На протяжении многих лет всемирно известный биолог Франс де Вааль изучал жизнь шимпанзе и обезьян бонобо. В процессе исследований он выявил явные зачатки этического поведения в сообществе приматов. По мнению автора, мораль — не сугубо человеческое свойство, и ее истоки нужно искать у животных. Эмпатия и другие проявления своего рода нравственности присущи и обезьянам, и собакам, и слонам, и даже рептилиям.

Почему книга достойна прочтения

Помимо увлекательного рассказа об этических формах поведения в мире приматов автор поднимает глубокие философские вопросы, связанные с наукой и религией. Как и когда возникла мораль? Какое влияние оказала религия на формирование этики? Что происходит с обществом, где роль религии снижается, и прав ли герой Достоевского Иван Карамазов, говоря: «Если Бога нет, я имею право грабить ближнего своего»?

Кто автор

Франс де Вааль — голландско-американский этолог и приматолог, профессор кафедры психологии Университета Эмори, директор исследовательского центра «Живые звенья» в Национальном центре изучения приматов Йеркса в Атланте и почетный профессор Утрехтского университета. Книги де Вааля, переведенные более чем на 20 языков, сделали его одним из самых известных биологов в мире.

Последнее объятие Мамы Чему нас учат эмоции животных

Франс де Вааль, пер. с англ., 2020, 442 с.

О чем книга

Испытывают ли животные гордость, стыд, вину или отвращение, как и мы, люди? Есть ли у них чувство справедливости и благодарности? Могут ли собаки смеяться и скорбеть, способны ли слоны утешать друг друга, а обезьяны завидовать, плести интриги и выстраивать планы мести? Чувствуют ли боль рыбы и умеют ли любить птицы? Что общего

в поведении альфа-самцов шимпанзе и современных политиков? В этой доброй и умной книге, помимо трогательной истории шимпанзе по имени Мама, известный приматолог Франс де Вааль рассказывает о своих многочисленных наблюдениях и экспериментах, посвященных изучению эмоций самых разных животных. Они, как и мы, способны к эмпатии, взаимопомощи и тесному социальному взаимодействию. Автор рассматривает чувства человека в эволюционном контексте как прямое продолжение эмоций животных и призывает осознать нашу неразрывную связь со всеми существами на планете и в конечном счете лучше понять самих себя.

Почему книга достойна прочтения

- Автор приводит убедительные доказательства того, что эмоции есть не только у человека, но и у других видов, и более того — что человеческие эмоции не возникли ниоткуда, это прямое эволюционное продолжение эмоций у животных.
- В книге много удивительных историй, в которых, как в зеркале, каждый может узнать себя, своих сородичей, известных политиков и т. д. Поэтому они производят такое сильное впечатление.
- Признавая наличие у животных «чувствительности», автор призывает нас изменить наше отношение к ним, в том числе к тем, «кого мы едим».

Кто автор

Франс де Вааль — обладатель профессорской стипендии Чарльза Говарда Кандлера, профессор психологического факультета Университета Эмори, руководитель центра «Живые звенья» в Национальном центре изучения приматов им. Р. Йеркса в Атланте и почетный профессор Утрехтского университета, член Национальной академии наук США и Нидерландской королевской академии наук и искусств. В 2007 г. журнал Time включил его в список 100 наиболее влиятельных людей мира.

Покупая бумажные книги на сайте alpina.ru, вы бесплатно получаете их электронные версии. Подробнее на alpina.ru/free.

Больше о книгах АНФ на сайте nonfiction.ru

Достаточно ли мы умны, чтобы судить об уме животных?

Франс де Вааль, пер. с англ., 2020, 404 с.

О чем книга

Какие способы коммуникации практикуют животные и есть ли у них подобие речи? Могут ли животные узнавать себя в зеркале? Свойственны ли животным дружба и душевная привязанность? Ведут ли они войны и мирные переговоры? Книга известного приматолога Франса де Вааля отвечает на эти вопросы

в контексте эволюции познания — нового научного направления, получившего мощное развитие в последнее десятилетие.

Автор рассказывает об истории этой науки, о жестоких спорах с бихевиористами, а главное — об огромной экспериментальной работе и наблюдениях за естественным поведением животных. Анализируя пути становления мыслительных процессов в ходе эволюционной истории различных видов, ученый убедительно показывает, что человек в этом ряду лишь одно из многих мыслящих существ.

Почему книга достойна прочтения

Революционные исследования Франса де Вааля ставят перед учеными, философами, теологами задачу переосмыслить место человека в природе, они показывают, что наш вид не единственный обладает такими свойствами, как стратегическое «политическое» поведение, эмпатия, чувство справедливости, высокий интеллект. Здесь он рассматривает не только приматов, но гораздо более широкий круг видов, демонстрируя свою уникальную способность доносить новейшие открытия до думающих читателей в искрометной и провокативной манере.

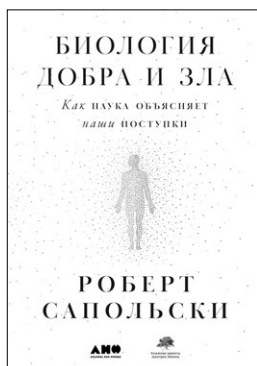
*Роберт Сапольски,
профессор биологии Стэнфордского университета,
автор книги «Биология добра и зла: Как наука объясняет наши поступки»*

Кто автор

Франс де Вааль — голландско-американский этолог и приматолог, профессор кафедры психологии Университета Эмори, директор исследовательского центра «Живые звенья» в Национальном центре изучения приматов Йеркса в Атланте и почетный профессор Утрехтского университета. Книги де Вааля, переведенные более чем на 20 языков, сделали его одним из самых известных биологов в мире.

Покупая бумажные книги на сайте alpina.ru, вы бесплатно получаете их электронные версии. Подробнее на alpina.ru/free.

Больше о книгах АНФ на сайте nonfiction.ru

Биология добра и зла Как наука объясняет наши поступки

Роберт Сапольски, пер. с англ., 2020, 766 с.

О чем книга

Как говорит знаменитый приматолог и нейробиолог Роберт Сапольски, если вы хотите понять поведение человека и природу хорошего или плохого поступка, вам придется разобраться буквально во всем — и в том, что происходило за секунду до него, и в том, что было миллионы лет назад. В книге автор

поэтапно — можно сказать, в хронологическом разрезе — и очень подробно рассматривает огромное количество факторов, влияющих на наше поведение. Как работает наш мозг? За что отвечает миндалина, а за что нам стоит благодарить лобную кору? Что «ненавидит» островок? Почему у лондонских таксистов увеличен гиппокамп? Как связаны длины указательного и безымянного пальца и количество внутриутробного тестостерона? Чем с точки зрения нейробиологии подростки отличаются от детей и взрослых? Бывают ли «чистые» альтруисты? В чем разница между прощением и примирением? Существует ли свобода воли? Как сложные социальные связи влияют на наше поведение и принятие решений? И это лишь малая часть вопросов, рассматриваемых в масштабной работе известного ученого.

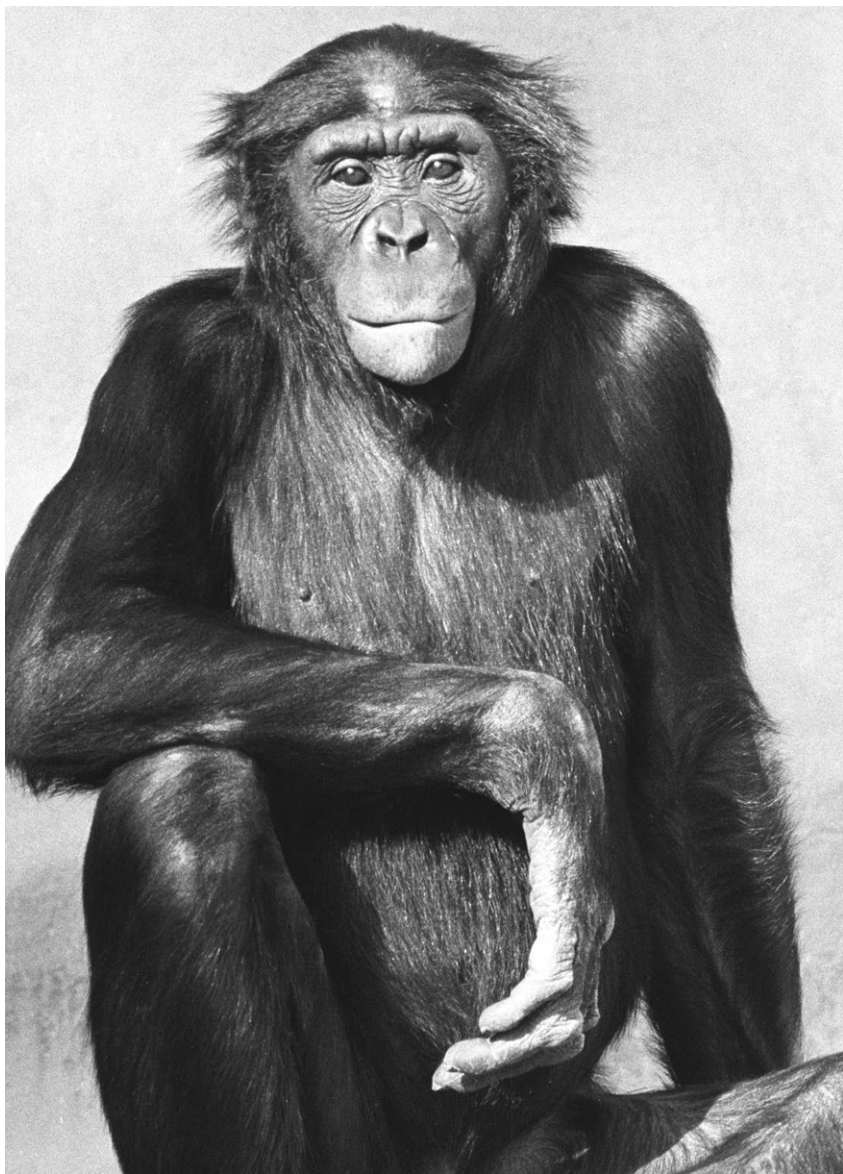
Почему книга достойна прочтения

Роберта Сапольски должны любить все студенты. В книге «Биология добра и зла» приматолог, нейробиолог и популяризатор науки пишет остроумно, эрудированно и предельно ясно — то есть как настоящий учитель. И вы ощущаете себя студентом, которому невероятно повезло прослушать несложный и быстрый учебный курс, где смысл потрясающих научных открытий иллюстрируется злободневными историями и поп-культурными аллюзиями.

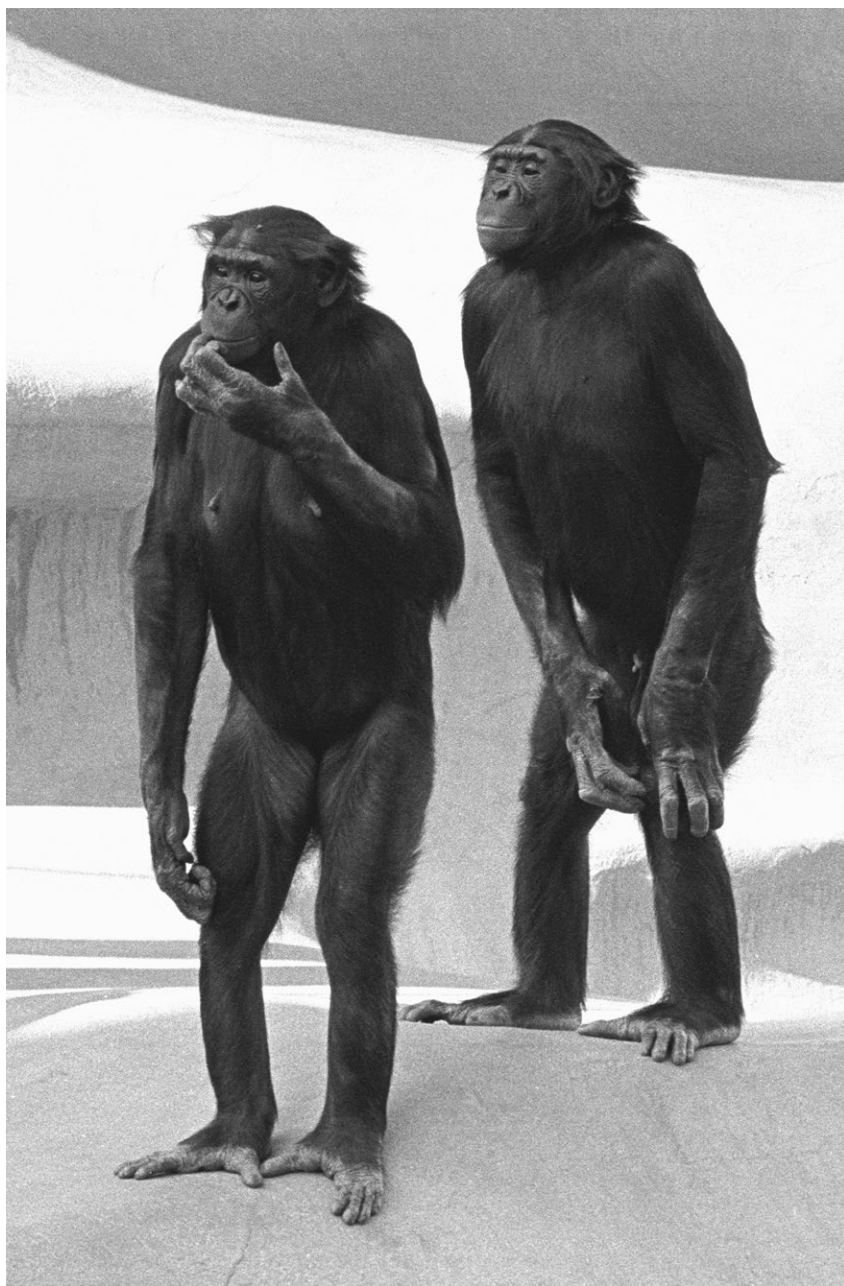
Nature

Кто автор

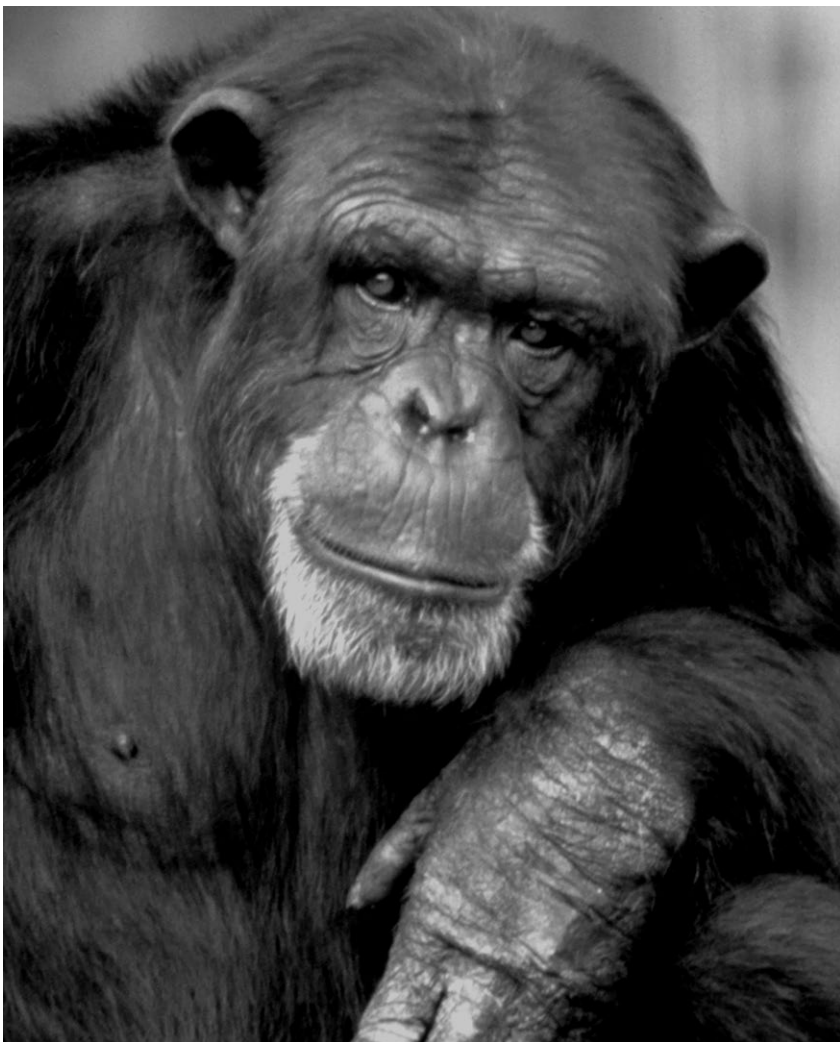
Роберт Сапольски — один из ведущих нейробиологов и приматологов мира, профессор биологии и нейрологии в Стэнфордском университете. Активно выступает с лекциями для широкой аудитории, публикуется в *National Geographic Magazine*, *Scientific American*, *The New York Times*. Удостоен премии Карла Сагана за популяризацию науки, стипендиат Фонда Макартуров. Автор множества научных трудов и нескольких научно-популярных книг, ставших мировыми бестселлерами.

Кевин, молодой взрослый самец (бонобо, Сан-Диего)

Вертикально стоящие самка (*слева*) и самец демонстрируют длинные ноги и пропорции тела, близкие к человеческим (бонобо, Сан-Диего)

Йерун, старый интриган (шимпанзе, Арнем)

Самка Мама с дочерью Моник (шимпанзе, Арнем)

Никки (*слева*) устраивает демонстрацию угрозы перед Лёйтом, который кричит в позе подчинения (шимпанзе, Арнем)

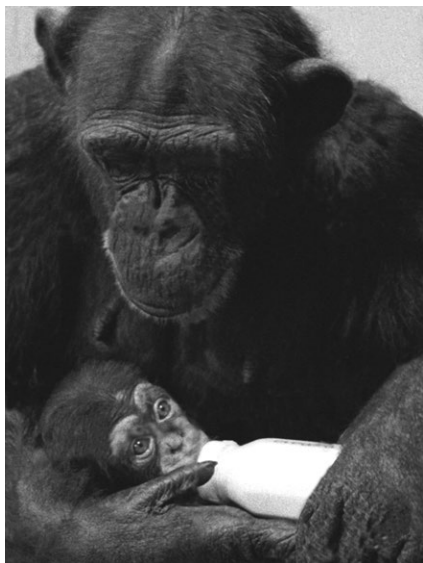
Никки (*в центре*) вычесывает Йеруна, который помог ему одолеть Лёйта (*справа*) (шимпанзе, Арнем)

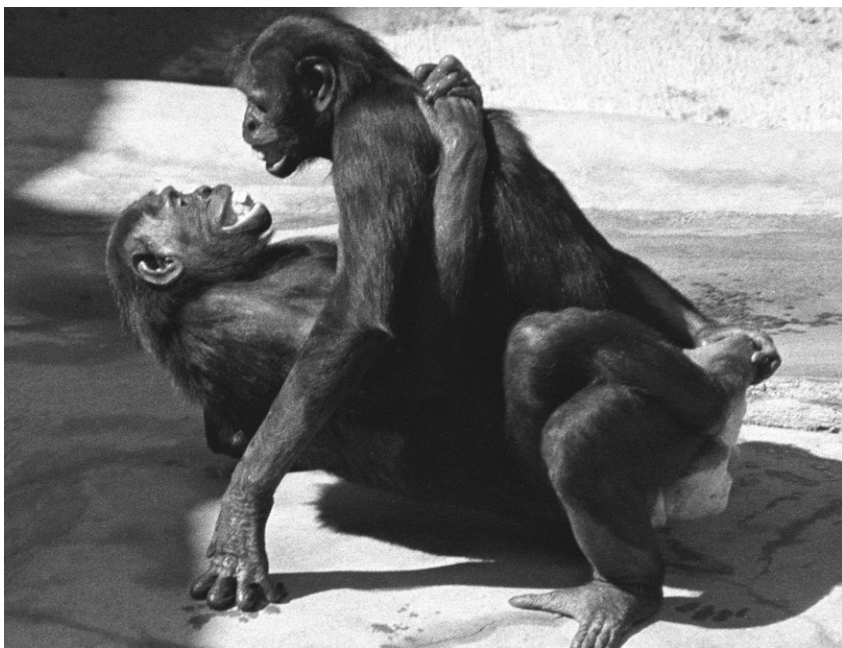
Груминг — социальный цемент в любом сообществе приматов, здесь между матерью и дочерью (шимпанзе, Йеркс)

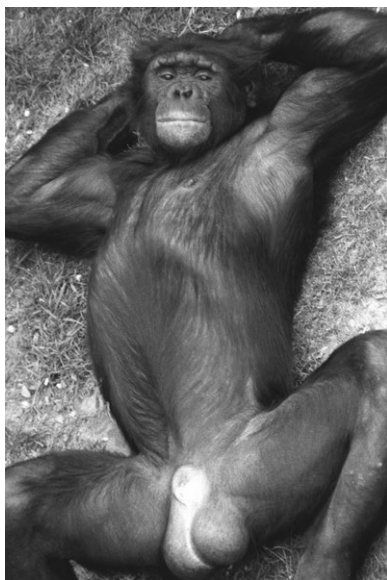
Группа, делящаяся пищей, собралась вокруг любимых веток и листьев (шимпанзе, Йеркс)

Кейф выкормила из бутылочки малышку Розье (шимпанзе, Арнем)

Две самки, занимающиеся генитальным трением (бонобо, Сан-Диего)

Впечатляющие тестикулы у взрослого самца и набухшие гениталии у самки (бонобо, Сан-Диего)

Гетеросексуальное совокупление в «миссионерской» позиции (бонобо, Сан-Диего)